
Ассоциация исследователей российского общества АИРО-XXI
Проект Стивена КОЭНА и Катрины ванден ХЮВЕЛ

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Надежда АЖГИХИНА	Ассоциация «ПЭН-Москва»
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Петр АКУЛЬШИН	Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ имени М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Ирина ВАРСКАЯ-ЧЕЧЕЛЬ	Интернет-журнал «Гефтер»
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI
Алан КАСАЕВ	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Андрей КУЗНЕЦОВ	Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Александр РЫБАКОВ	Международный центр торговли (Москва)
Борис СОКОЛОВ	Центр научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Катрина ванден ХЮВЕЛ	The Nation, Нью-Йорк
Марк ЮНГЕ	Рурский университет в Бохуме

Г.А. Бордюгов

СССР
В ПРОСТРАНСТВЕ
ПАМЯТИ, ИДЕОЛОГИИ
И НАЦИОНАЛЬНЫХ
ИСТОРИЯХ

Москва
2022

Дизайн, обложка и подбор иллюстраций – Сергей Щербина

Бордюгов Г.А.

СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 384 с.

ISBN 978-5-91022-520-0

Книга развивает подход, заявленный автором в исследованиях, посвященных образам Революции 1917 года, Победы, восприятию Ленина и Сталина. Этот подход объясняет тенденции, существующих в общественном мнении, идеологии и историографии, с помощью концепции пространства памяти, в пределах которого коммеморационные практики власти и её оппонентов раскрываются по определённым схемам. В настоящей работе анализируется пространство памяти об СССР с момента его создания и бытования после распада. Выход книги приурочен к 100-летию Советского Союза, а её содержание представляет интерес не только для профессиональных историков, но и для широкого круга читателей, интересующихся нашим недавним прошлым.

© Бордюгов Г.А., 2022

© ЦНИ «Актуальная история», 2022

© АИРО-XXI, 2022

ISBN 978-5-91022-520-0

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава 1	
30 декабря 1922 года: начало нового государства	15
Исторический съезд Советов: решения и резонанс.....	20
О чём не знали граждане нового государства.....	25
«Свой» для всех национальностей.....	36
Конституционное закрепление новой государственности.....	42
Начало летописи невиданного эксперимента.....	46
Глава 2	
Первое десятилетие: новые стержни государственности	57
Факты и события умолчания.....	60
Великодержавный поворот Сталина.....	67
Конституция и концепты, опережающие реальность.....	73
В плену имперских традиций.....	80
Глава 3	
Второе десятилетие: испытание войной	97
Завершение идеологического поворота накануне и в начале войны.....	103
«Опасные меньшинства».....	108
«Правда вещей» на фронте и в тылу.....	112
Альтернативы послевоенного будущего.....	129
Иерархия проблем исторических исследований.....	139
Глава 4	
Третье десятилетие: эксплуатация «советского патриотизма»	156
Борьба за «чистоту» советского общества.....	159
Новые факты для долгого забвения.....	167
Новая конъюнктура в историознании.....	172
Глава 5	
Четвёртое десятилетие: историческая развилка	183
Ревизия Сталина: изначальные основы или власть?.....	186
Трудное возвращение домой.....	191
Двойственность положения евреев.....	196
Национальные историографии: преодоление сталинских установок.....	199
Рывок в будущее или конвергенция?.....	201

Глава 6

Пятое десятилетие: новая общность в контексте

реальных межнациональных отношений	209
За кулисами юбилея	212
Невозвращённые народы: дискриминация продолжается	218
Эмиграция «малого народа»	221
Движения русских и украинских националистов	224
«Националист» Шелест и «русофоб» Яковлев	227
Новая Конституция и дискуссии о перспективах национальной политики	232
Советские или национальные истории?	238

Глава 7

Шестое десятилетие: последний шанс СССР?

Протестные движения и этнические конфликты	253
Был ли Андропов готов к реформам?	256
Русское самосознание – «угроза политической стабильности»	264
Кризис историографии	267

Глава 8

Седьмое десятилетие: победа национализма

над коммунизмом.....	274
Взрыв с непредсказуемыми последствиями	278
Разрушение стержня СССР и «парад суверенитетов»	284
Кризис идентичности и переход к «нациецентричным» историям	294

Глава 9

Восьмое десятилетие: кто и как заполнял

пространство памяти об СССР	313
Первые извлечения из зоны антипамяти	316
Осмысление причин распада СССР	318
Радикализация национальных историописаний	323

Глава 10

Девятое десятилетие: рождение контрпроекта СССР

России нужна новая консолидирующая идея	333
Так были ли «дружба народов» (интернационализм) и «советский человек» (новая общность)?	337
«Вопрос вопросов»	341
Национальные истории как инструмент политики	352

Накануне 100 летия СССР Вместо заключения	370
--	------------

*Данишлу,
никогда не жившему в СССР*

ВВЕДЕНИЕ

Когда творческая группа Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI) приступила к новому международному проекту-мониторингу «СССР-100» (1), выяснилось, что у неё нет представлений, как со временем, встроенным в рациональную схему цикличности, менялся характер невиданного раньше государственного образования, какими смыслами и ритуалами обставлялись проходимые им десятилетия. Крайне поверхностным было и знание о том, что происходит с памятью о знаковом событии, как эта память используется для фокусированной актуализации прошлого ради нужд настоящей, как соотносится с историей, которая «подозрительна к памяти» (Пьер Нора).

С дистанции в сто лет 30 декабря 1922 года для всех народов бывшей Российской империи важная дата – окончательное расставание с прошлым и начало создания новой государственности. Тогда никто не знал, чем завершится год, в который страна вступила с еще незавершённой Гражданской войной, массовым голодом в Поволжье, полной международной изоляцией, отступлением, связанным с новой экономической политикой. Серьёзно ухудшилось состояние здоровья Ленина, перенесшего первый инсульт, новым генеральным секретарём партии стал Сталин. В 1922 году Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ЧК) была преобразована в Главное политическое управление (ГПУ) при Наркомате внутренних дел (НКВД). И одной из первых его акций стала высылка за границу – на «философских пароходах» – почти трехсот российских интеллектуалов. В череде этих событий и решений создаётся Советский Союз, будущая, как мечталось, «Земшарная Республика Советов» (Велемир Хлебников).

Столетие образования СССР пришлось на год, в котором началась и продолжается война между двумя основными, ставшими республиками бывшего Союза, а ныне независимыми государствами – Россией и Украиной. Войны на постсоветском пространстве начались сразу же после распада страны в конце 1991 года и даже раньше, когда союзный Центр номинально, казалось бы, контролировал ситуацию во всей стране, однако столь масштабной кампании, в которой на стороне Украины выступает практически весь объединённый Запад и которая балансирует на грани перерастания в полноценную Третью мировую войну с использованием ядерного оружия, ещё никогда не было. И сегодня можно со всей уверенностью сказать, что война 2022 года – это закономерный, естественный результат, с одной стороны, реализации тех принципов на которых строилась союзная государственность, тех ошибок и просчётов, которые были допущены прежде всего властью в деле организации нового советского общежития многонационального народа Советского Союза, а с другой стороны, эта война – точно такое же неизбежное последствие распада СССР в 1991 году. Получается парадокс: война 2022 года была предопределена одновременно и существовавшей моделью союзной государственности, и её распадом. Но этот парадокс только лишь видимый. На самом деле – и далее в настоящей книге эта мысль будет последовательно доказываться и обосновываться – такая модель, возникшая в 1922 году, на протяжении всего своего существования была амбивалентной – одновременно и фатально дефектной, и содержащей в себе колоссальный созидательный потенциал. Всё зависело от того, как власть управлялась с этой моделью. К сожалению, бездумностей и легкомысленных шагов оказалось неизмеримо больше, нежели взвешенных и грамотных решений. Отсюда и результаты – 1991 год, а потом, тридцать лет спустя, и 2022 год. В этом смысле абсурдно винить руководство нынешней России в якобы «развязывании войны» и «агрессии». Война, как это сегодня уже совершенно ясно, была уже запрограммирована, когда на берегах Днепра и в советских Карпатах ещё развевались флаги СССР и Украинской ССР. В очередной раз в своей непродолжительной истории в качестве нового государства Российской Федерации приходится

исправлять сделанное режимами, правопреемницей которых она является.

С тех пор как СССР канул в Лету и страны постсоветского пространства продвигались к новой интеграции, часто поднимался информационный шум о «реставрации СССР». В воспалённом сознании националистов или западных «экспертов» рисовался даже список «обреченных на аннексию» бывших республик: «Украина, кроме Западной, Грузия, Армения, Молдавия, Белоруссия». Однако в новых геополитических реалиях и всепланетных раскладах возрождение СССР невозможно. Беловежская пуща продолжает пополнять скрижали истории – только в 2022, юбилейном, году произошли социальный взрыв в Казахстане (январь) и столкновения на азербайджано-армянской границе (сентябрь). Однако это не значит, что угас интерес к истории и культуре СССР. По характеру обращения к советским практикам можно оценивать состояние общества, его предпочтения и настроения. Отдельного внимания требует огромный корпус научной литературы, о чём свидетельствуют перечни документальных сборников (2) и историографических исследований (3).

В этой книге предпринимается попытка проследить бытование СССР в памяти, идеологии и национальных историях СССР на протяжении почти семи десятилетий его существования и трех постсоветских десятилетий. Анализ хронологически следует круглым датам и предшествовавшим им событиям или оценкам, которые тематически стягивал очередной юбилей. И хотя 30 декабря не считался выходным днём, в системе советских праздников и памятных дат он занимал видное место – после дня Октябрьской революции (7 ноября), дня советской Конституции (5 декабря, а позднее – 7 октября), международного дня солидарности трудящихся и дня Победы (1 и 9 мая), дня рождения Ленина (22 апреля).

В изучении пространства памяти СССР, его использовании для актуализации прошлого автор следовал уже апробированным методам (4). В пространстве памяти властвует тот, кто направляет свет. Способ, каким властвующий субъект преподносит прошлое, локализуя или, напротив, увеличивая зону освещения, регулируя яркость «прожектора», а также направленность и интенсивность его лучей, можно назвать проектом

памяти. Любая власть проектирует не только настоящее и будущее, но и прошлое. Точнее, конечно, не само по себе прошлое, но его интерпретации и восприятие. Проект памяти расчленяет прошлое на две части – актуализируемую (то есть «освещаемую») и игнорируемую (как правило, преднамеренно). В свою очередь, актуализируемая часть также неоднородна. В ней можно выделить два отличающихся друг от друга начала, которые следует назвать культурным героем памяти и субъектом памяти. Культурный герой памяти – это некий образ, отдельная персона или несколько личностей (а то и целая большая группа людей, выделенных из остальной массы по какому-то признаку), наконец, определённая идея или тенденция, которые преподносятся тем или иным проектом памяти в качестве главного творца «высвечиваемого» прошлого. Однако при таком «высвечивании» под лучами волей-неволей оказываются не только подобные культурные герои, но и другие сопряжённые с ними субъекты памяти, которые, однако, не вписываются в сценарий реализуемого властью проекта. Отсюда – очевидное стремление «осветителя» минимизировать роль и значение этих субъектов. В результате на «высвеченном» участке прошлого разворачивается противостояние между культурными героями и субъектами памяти. Данное противостояние невозможно скрыть – ведь оно происходит под лучами, направленными на культурных героев, но попадающими одновременно (и неизбежно) и на субъекты памяти. Не «высвеченная» властью территория прошлого – это зона анти-памяти, нежелательная для «проектировщика» область, в которую он норовит переместить неудобные ему субъекты и факты, чтобы те не мешали «правильному» восприятию действий культурного героя. Такова принципиальная модель пространства памяти, в которую помещается СССР.

Поскольку пространство памяти всегда контролировалось и контролируется государством, то в поле внимания попадает и власть, решения которой, безусловно, зависели от взаимодействия отдельных политиков, корпоративных групп или системных институтов, образующих пространство власти. Через отношение к СССР и его образу каждый режим власти и его лидер раскрывали и раскрывают своё отношение к этому феномену, давая тем самым понять вектор собственного полити-

ческого курса. Этот курс непременно облекался в определённую идеологическую оболочку – в данном случае речь идет об использовании в пропаганде, агитации и воспитании таких концептов, как «дружба народов», «старший брат», «советский народ», «слияние наций» и «советский патриотизм».

Что касается национальных историй, то в разработке этой темы важную роль сыграли международные форумы АИРО-XXI и совместная работа автора с В.М. Бухараевым (5). В своём подходе мы исходили из того, что национальные истории не означают ничего иного, как систему знаний, сотворённую национальной (то есть принадлежащей той или иной стране) школой историографии, которая в силу неизбывных обстоятельств культурно-исторического развития демонстрирует в разной степени этноцентризм – локальный или геополитический. Скорее, следует говорить о некой «своей истории», что позволяет уловить те элементы этнонационального круга идей в историографии, который институализировался в официозный полновесный институт после распада СССР.

Неоценимую экспертную помощь в написании этой книги оказывал автору Д.А. Андреев. Особая признательность – С.П. Щербине, чьи иллюстрации передают черты и атмосферу эпохи, а также историкам Д.И. Люкшину и Е.О. Попович, зам. директора по научной работе библиотеки Казанского федерального университета И.К. Фомичёвой за возможность в сжатые сроки изучить советскую общественную и научную периодику.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О результатах предыдущих проектов Ассоциации см.: Победа-70: реконструкция юбилея. М., 2015; Революция-100: реконструкция юбилея. М., 2017; Победа-75: реконструкция юбилея. М., 2020.

2. См.: О коренизации. Сборник руководящих материалов / Сост. Х. Амрин, Е.И. Князев. Алма-Ата, 1934; Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937 гг.). Сб. документов. М., 1940; Образование СССР. 1917–1924. Сб. документов. М.; Л., 1949; Образование Казахской АССР. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957; Образование Татарской АССР. Сборник материалов и документов / Сост. Г.Б. Билялова, Р.Г. Кашафутдинов, М.Б. Кострова,

Н.М. Силаева. Казань, 1957; Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Сборник документов и материалов. Под ред. Б.Х. Юлдашбаева. Уфа, 1959; Культурное строительство в Казахстане (1918–1932 гг.). Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1965; Национальный вопрос в СССР. Документы. Б. м., 1975; Национальный вопрос на перекрестке мнений. 20-е годы: документы и материалы. М., 1992; Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Часть 1. Документальные источники Центрального Государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР / О.Л. Милова (сост.). Предисл. О.Л. Милова. М., 1992; Часть 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.) / О.Л. Милова (сост.). М., 1995; Так это было: Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. В 3-х тт. / С.У. Алиева (сост.). М., 1993; История российских немцев в документах. Т. 1 (1763–1992 гг.) / В.А. Ауман, В.Г. Чеботарёва (сост.) М., 1993; История российских немцев в документах. Том II: Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности (1965–1992 гг.) / В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева (сост.). М., 1994; Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. – 1917 г.): сборник документов. М., 1996; Национальный вопрос в программных документах политических партий, организаций и движений России. Начало XX в.: документы и материалы. Томск, 1998; Еврейская эмиграция в свете новых документов / Под ред. Б. Морозова. Тель-Авив, 1998; Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999; Неизвестный Султан-Галиев. Рассекреченные документы и материалы / Сост. Б.Ф. Султанбеков, Д.Р. Шарфутдинов. Казань, 2002; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты / Сост. В.В. Денисов, А.В. Квашонкин, Л.Н. Малашенко, А.И. Минюк, М.Ю. Прокуменщиков, О.В. Хлевнюк. М., 2004; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005; Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / Под общей ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Г.В. Костырченко. М., 2005; НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сб. документов / Сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. М., 2006; ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945 / Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, Дж. Кадио. М., 2009; Советская этнополитика, 1930–1940-е годы. Сб. документов / Сост., автор предисловия и ком-

ментариев Л.С. Гатагова. М., 2012; Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. Сб. документов / Отв. сост. Л.П. Кошелева, О.В. Хлевнюк. М., 2013; Принудительное переселение крымских татар. Путь к реабилитации: материалы и документы / Сост. Н.Ф. Бугай. М., 2015 и др.

3. См.: *Якубовская С.И.* Строительство союзного Советского социалистического государства. М., 1960; *Она же.* Советская историография образования СССР // Вопросы истории. 1962. № 12; *Чугаев Д.А.* Образование Союза ССР (историографический обзор) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 6; *Он же.* Историография образования СССР // Очерки по историографии советского общества. М., 1965; *Якубовская С.И.* Народы Советского Востока в образовании и развитии СССР (Историографический обзор) // Народы Азии и Африки: история, экономика, культура. 1967. № 6; *Зайцева Е.А.* Советская историография политики РКП(б) по национальному вопросу (1921–1923 гг.) // Из истории КПСС и Ленинградской партийной организации. Сб. ст. Вып. 1. Л., 1968; *Зайцева Е.А.* Политика РКП(б) и советского правительства по национальному вопросу в 1921–1925 г. (Обзор опубликованных документов). Л., 1969; *Куличенко М.И.* Юбилейная литература о месте и роли национального вопроса в Октябрьской революции // Вопросы истории КПСС. 1969. № 3; *Якубовская С.И.* Основные этапы и проблемы историографии национально-государственного строительства в СССР // Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства в СССР. Душанбе, 1970; *Чугаев Д.А.* Историография образования Союза ССР // Коммунистическая партия – организатор Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972; *Белый П.Ф.* Отражение участия украинского народа в объединительном движении за образование СССР в документальных публикациях и монографиях // Исторические источники и их изучение. Вып. 7. Киев, 1972; *Маланчук В.Е.* Вопросы историографии национальной политики КПСС // Исторический опыт КПСС по решению национального вопроса и развитию национальных отношений в СССР. М., 1972; *Тадевосян Э.В.* Проблемы советской историографии национально-государственного строительства в СССР // История СССР. 1978. № 6; *Бромлей Ю.В.* К изучению основных этапов и направлений национальных отношений в СССР // История СССР. 1979. № 2; Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979; *Зевелев А.И., Кулешов С.В.* История национально-государственного строительства в новейшей советской литературе // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. М., 1980; Национальная политика КПСС. Очерк историографии. М., 1981; *Зайцева Е.А., Овсянкин В.А.* Образование Союза Советских Социалистических Республик в но-

вейшей советской литературе // Вестник ЛГУ. 1982. Вып. 4. № 20; *Байбаков С.А.* История образования СССР в советской историографии 70-х годов // Вестник МГУ. Серия «История». 1982. № 6; *Касьяненко В.И.* Советский образ жизни. Проблемы исследования. М., 1982; *Чистяков О.И.* Образование СССР (Некоторые вопросы историографии) // История СССР. 1983. № 1; *Комаренко Н.В.* Дружба и сотрудничество народов СССР. Украинская советская историография. Киев, 1984; Изучение национальных отношений в зарубежных странах. М., 1985; *Ненароков А.П.* Догматическая канонизация сталинских подходов к решению национального вопроса и потери советской историографии объединительного движения // История СССР. 1988. № 6; *Алферова Е.В.* Советская федерация и автономия – государственно-правовые формы решения национального вопроса (исследования ученых-правоведов 20-х годов). Обзор. М., 1989; *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003; *Вдовин А.И.* Причины распада Советского Союза в российской научной и публицистической литературе // <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/-12-63-dekabr-2011> (дата обращения: 30.11.2022); *Константинов Н.Н.* Советский Союз 1944–1991 годов в историографии. Репрезентация политического общества. Екатеринбург, 2012; *Богатова О.А.* «Национальный вопрос» в Советской России и анализ наследия советской национальной политики в современных отечественных и зарубежных социальных науках // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. Т. 18. № 1 (41). С. 46–59; *Бахтурина А.Ю.* Изучение национальной политики СССР в современной исторической литературе // *Бахтурина А.Ю.* Советская национальная политика // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Трудные вопросы истории России // <https://history.jes.su/s207987840004708-7-1/> DOI: 10.18254/S20798784 0004708-7 (дата обращения: 30.11.2022) и др.

4. См. подробнее: *Андреев Д.А., Бордюгов Г.А.* Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс. Х–XXI вв. М., 2004. С. 7–9; *Они же.* Пространство памяти: Великая Победа и власть. М., 2005. С. 5–48; *Бордюгов Г.А.* Сталин: культ юбилеев в пространствах памяти и власти. М., 2019; *Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. М., 2020.

5. См.: Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999; 2-е изд. М., 2003; Национальные истории на постсоветском пространстве – II. М., 2009; *Бордюгов Г.А., Бухарев В.М.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М., 2011.

Глава 1

30 декабря 1922 года: начало нового государства

Распад Российской империи (1) начался с отречения Николая II от престола 2 марта 1917 года, что автоматически расторгло личную унию с Великим княжеством Финляндским. Спустя две недели Временное правительство признало независимость оккупированной тогда Германией Польши. На следующий день в Киеве объявили о создании Украинской Центральной рады, а затем о проекте автономного статуса Украины. Летом о праве на независимость заявили Белоруссия, Кубань, башкирский курултай, татары в Крыму и казанские татары. Латвия, Литва и Эстония, оккупированные в то время германскими войсками, сформировали собственные (хотя и марионеточные) правительства. 21–28 сентября 1917 года на Съезде народов России в Киеве представители сепаратистских движений провозгласят лозунг «Спасение России – в её федерализации» и примут напутствие А.Ф. Керенского от Временного правительства: «Свободная Россия может быть только децентрализованной» (2). Наконец, в октябре 1917 года и Сибирь провозгласила автономию и заявила о своем праве жить без указаний из Петрограда.

В годы Гражданской войны распад империи набрал еще большую силу, на её территории возникло множество большевистских и меньшевистских государственных образований. Всё это не могли не учитывать Ленин и его соратники. Не отказываясь поначалу от идеи унитарного государства, они придерживались лозунга о праве наций на самоопределение, поскольку он разрушал империю и привлекал народы на сторону советской власти. Но сначала надо было освободить Россию от иностранных интервентов и их белогвардейских пособников, стремившихся разделить страну на зоны влияния ведущих

НАРОДНЯ ВОЛЯ

Умови передплати:

Видання — 2 рази в тиждень. За кожен разок по 12 копій.
 Оплатити можна готівкою або поштою. Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Відомості про умови передплати можна отримати в редакції газети.
 Для передплати за кордон потрібно додати поштові витрати.

Сьогодні одкривається у Києві з'їзд народів Росії.
 Постанови другої конференції української партії
 соціалістів-революціонерів.
 Українська демократія готується до демократичної
 наради у Петрограді.

№ 105. — Рос. вид. 1. —

Щоденна народна газета.

П'ятниця 8 вересня 1917 р.

Анонс об открытии Съезда народов России в Киеве. Народня воля, 8 (21) сентября 1917 г. Киев

мировых держав. Естественно, большевики признавали независимость тех автономных образований, которые выступали за Советы, в отличие от белых, открыто выступавших за «единую и неделимую Россию».

В Российской Социалистической Федеративной Советской Республике (РСФСР), стержнем политической системы которой являлась Российская коммунистическая партия (большевиков) – РКП(б), в период с 1918 по 1922 гг. складывалась автономия двух уровней – республиканская (3) и областная (4). Одновременно Россия выстраивала отношения с относительно независимыми республиками – Украиной (декабрь 1920 года), Белоруссией (январь 1921 года), а также Грузией, Арменией, Азербайджаном (в марте 1922 года они объединятся в Федеративный Союз Социалистических Советских Республик Закавказья, в декабре – Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику – ЗСФСР), Бухарой, Хорезмом, Дальним Востоком, где правящими также стали коммунистические партии. Внешнеполитические, экономические, финансовые и военные факторы делали эти отношения выгодными для всех.

Однако это вовсе не означало, что разнородные республики придерживались единого подхода к созданию новой послевоенной государственности. Если одна часть верхушки партии видела решение национального вопроса в формате РСФСР как

В.И. Ленин и И.В. Сталин за беседой. Художник П.В. Васильев. 1938 г.

естественного и уже существующего воплощения советской федерации, то другая, соглашаясь с её советским характером, категорически не желала видеть её как российскую, так как это подразумевало включение всех советских республик в РСФСР на правах автономий. Руководители национальных республик, безусловно, понимали все преимущества единого централизованного политического и хозяйственного механизма, знали, что в мире к ним относятся как к марионеточным, маргинальным образованиям, но не желали принести в жертву свою независимость, выстраданную борьбой против угнетения в Российской империи.

Для обсуждения двух вариантов ЦК РКП(б) собственно и создал комиссию во главе с И.В. Сталиным, хотя не было секретом, что в ней он будет отстаивать именно свой проект вступления независимых республик в состав РСФСР. Так он представлял компромисс между унитарным государством и конфедерацией, которую предлагали украинские партийные

лидеры. В принципе вокруг этого вопроса и разворачивались дальнейшие дискуссии и внутрипартийная борьба. В ней исключительное значение имели авторитет и позиция В.И. Ленина. Накануне Первой мировой войны им была определена стратегическая цель – создание всемирного социалистического государства всех народностей. Именно этой цели и был подчинен провозглашенный лозунг о праве наций на самоопределение.

Ленин, безусловно, разделял опасения Сталина о возможности экономического отпадения окраин от центра. Он знал, что так называемые независимцы уже начали устанавливать сепаратные экономические связи с капиталистическими странами и грезил о собственной валюте. Не секретом было желание, к примеру, украинских коммунистов отвести Москве только роль военной защиты, а также то, что грузинские коммунисты дали разрешение на открытие оттоманского банка в Тифлисе, что привело к обесцениванию грузинских и русских денег и распространению в Закавказье турецких лир.

Еще в 1920 году Ленин считал, что содержание федерации вовсе не дано заранее раз и навсегда и может развиваться в зависимости от объективных условий – в сторону большего централизма или, наоборот, большей самостоятельности ее составных частей. Это вызвало определенное недовольство Сталина (5). Однако для Ленина было важно, чтобы генсек учитывал, во-первых, довольно сильные национальные предрассудки в новых советских странах, а во-вторых – серьезное ожидание революции в странах Европы и Азии, которые, естественно, вряд ли пожелали бы войти в состав РСФСР. Миру надо было показать, на каких принципах строится новое многонациональное советское государство. Исходя из этого, Ленин предложил создать федерацию равноправных республик. Так в проект Сталина об «автономизации» был внесен иной смысл – «формальное объединение вместе с РСФСР в Союз Советских Республик Европы и Азии».

Генсек допускал, что в Союз Республик можно было бы войти не РСФСР как целостному федеративному образованию, а отдельными республиками, входящими в состав РСФСР. Однако такой путь, по его мнению, являлся нерациональным и нецелесообразным:

«Во-первых, он привел бы к тому, что наряду с процессом, ведущим к объединению республик, мы имели бы процесс разъединения уже существующих федеральных образований, – процесс, опрокидывающий вверх дном начавшийся революционный процесс объединения республик. Во-вторых, идя по этому неправильному пути, мы пришли бы к такому положению, в силу которого нам пришлось бы, кроме восьми автономных республик, выделить еще из РСФСР специальный русский ВЦИК и русский Совнарком, что повело бы к большой организационной перетряске, совершенно ненужной теперь и вредной, и что не требуется ни в какой мере ни внутренней, ни внешней обстановкой. Вот почему я полагаю, что субъектами, объединяющимися в союз, должны быть четыре республики: РСФСР, Закавказская федерация, Украина и Белоруссия» (6).

Дальнейшие события показали, что окончательно вопрос о новой государственности не был решен. Следование ленинскому варианту сохраняло мировую перспективу революции, более того, отчасти уравнивало поворот к нэпу, то есть к государственному капитализму, у которого в партии было много противников. Сталинская альтернатива была связана с ориентацией на внутренние силы и порядки, на унитарное государство, способное сохранять социалистическую ориентацию страны без наступления мировой революции. Опуская детали явной и неявной борьбы по этому ключевому вопросу, подчеркнем, что никто не подвергал сомнению главное в выборе того или другого варианта государственности: партии по силам решить национальный вопрос, поскольку создаваемый ею СССР основывался на коллективной собственности на средства и орудия производства, на отсутствии национального угнетения. Добавим к этому, что для всех республик идеология и структура РКП(б), сложившиеся в годы Гражданской войны, оставались неизменными. Именно РКП(б) – не Советы – стала стержнем, скреплявшим все государственные органы и общественные организации на постимперском пространстве. К тому же до декабря 1925 года она именовалась Российской, а не Всесоюзной.

Исторический съезд Советов: решения и резонанс

1922 год завершался весьма оптимистично. 29 декабря конференция полномочных делегаций РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР рассмотрела и приняла Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Сталину, который сообщил о порядке работы I съезда Советов СССР, конференция поручила выступить с докладом по вопросу об образовании СССР. Утром 30 декабря полномочные делегации подписали Декларацию и Договор об образовании СССР, а днем открылся сам съезд Советов (7). В час дня на сцену Большого театра поднялся член Президиума ВЦИК П.Г. Смидович. Участник трех российских революций, член партии с 1898 г. открыл съезд: «Единодушная воля трудящихся Украины, Азербайджана, Грузии, Армении и Белоруссии слить обособленные советские республики в единое целое, в мощное государство союза социалистических советских республик выражена на съездах Советов Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации. Эта воля с неописуемым энтузиазмом поддержана представителями трудящихся РСФСР на заседании X Всероссийского съезда Советов... Резолюцией, принятой на этом съезде, подтвержден как основа союза принцип равноправия республик, добровольного вхождения их в союзное государство с сохранением для каждой права свободного выхода из него. Эти принципы лягут в основу предлагаемого делегациям договора... Мы объединяемся в единое государство, образуем единый политический и хозяйственный организм. И каждая рана извне, каждая боль внутри на какой-либо отдаленной окраине отзовется одновременно во всех частях государства и вызовет соответствующую реакцию во всем организме Союза» (8).

От имени делегаций союзных советских республик А.С. Енукидзе внес предложение избрать почетным председателем съезда Ленина, что было единодушно поддержано. Сталин, представляя Декларацию об образовании Союза и Договор между республиками, охарактеризовал Первый съезд как переломный момент в истории советского строительства. Если

Подписание договора об образовании СССР на Всесоюзном съезде советов. Художник С. Дудник. 1936 г.

раньше советские республики, при всех их совместных действиях, шли врозь, занимаясь решением вопросов своего существования, то теперь начинается новый период – период объединения республик в единое союзное государство, способное изменить международную обстановку в интересах трудящихся всего мира. Поэтому день открытия съезда Сталин определил как день торжества новой России над старой, над Россией – жандармом Европы, над Россией – палачом Азии, а Союз Советских Социалистических Республик представил как прообраз грядущей Мировой Советской Социалистической Республики (9).

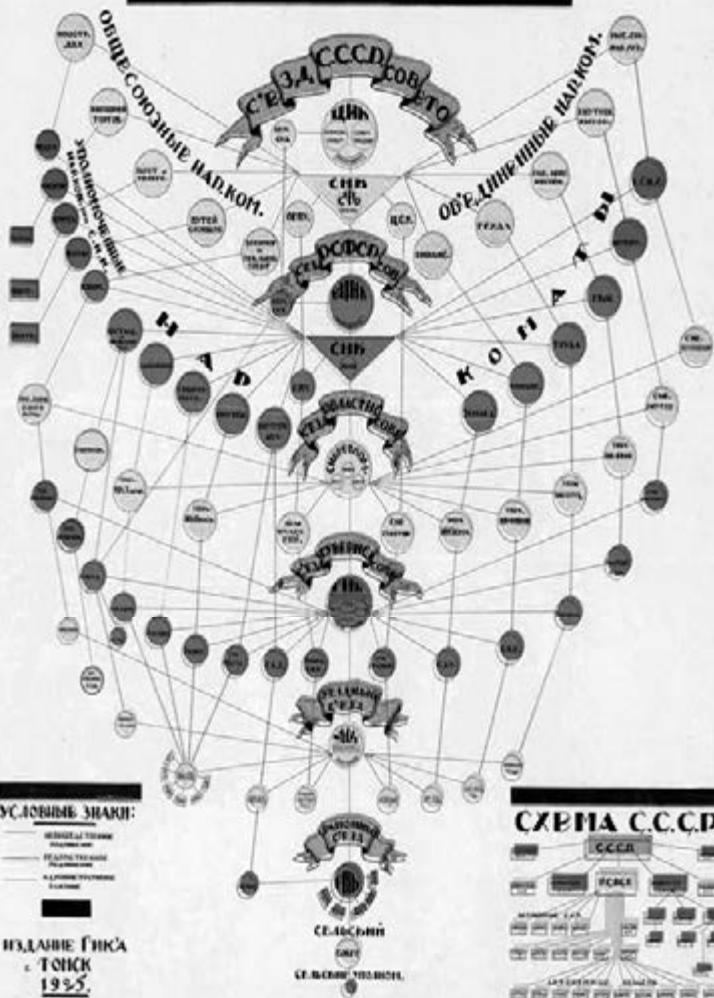
В Декларацию, принятую съездом, Сталин включил идею о неспособности капиталистического мира решить национальный вопрос. В Декларации также нашли отражение результаты дискуссии Сталина с Лениным, в частности, о невозможности восстановления народного хозяйства при раздельном существовании республик, об интернациональной сущности советской власти, об объединении на основе волеизъявления самих республик. Сам же Договор об образовании СССР, включавший 26 пунктов, был надстройкой над уже имеющимися советскими

*М.И. Калинин**Г.И. Петровский**А.Г. Червяков**Нариман
Нариманов*

конституциями, определял отношения между субъектами федерации, структуру высших органов власти, регулировал судебную деятельность и вопросы бюджетов республик, устанавливал единое гражданство, символику и столицу СССР. Сталин настоял на том, чтобы в Договоре была зафиксирована главенствующая позиция союзного центра, то есть Москвы. Пункт 26 закреплял право республик на свободный выход из СССР. Договор был подписан РСФСР, ЗСФСР, УССР и БССР. В состав РСФСР и ЗСФСР вошло несколько автономных республик, некоторые из которых потом были преобразованы в союзные республики.

Образование СССР означало возникновение нового государства с соответствующим государственным механизмом. Самым важным по значению и первым по времени возникновения стал орган, выражавший верховенство трудящихся, — съезд Советов Союза ССР (10). В период между съездами Советов верховным органом власти СССР являлся Центральный Исполнительный Комитет Союза. ЦИК Союза в отличие от республиканских центральных исполнительных комитетов был органом двухпалатным, состоявшим из Союзного Совета и Совета Национальностей. Председателями ЦИК назначались М.И. Калинин от РСФСР, Г.И. Петровский от Украинской ССР, А.Г. Червяков от Белорусской ССР и Нариман Нариманов от Закавказской СФСР. Общим правительством стал Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР, ставший теперь СНК СССР во главе с Лениным (11). Закрывая съезд, Калинин подвел итоги его работы, назвав его «событием мировой важности».

СТРУКТУРА СССР

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

- ЦЕНТРАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ
- КОМПЕТЕНЦИИ РЕСПУБЛИК
- КОМПЕТЕНЦИИ АУТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК
- КОМПЕТЕНЦИИ РАЙОНОВ

ИЗДАНИЕ ГИКА
в ТОНСК
1925.

СХЕМА С.С.С.Р.

Плакат «Структура СССР». 1925 г.

Правда. № 1, 3 января 1923 г.

Он выделил в создании СССР три важнейших достижения, к которым отнес объединение материальных ресурсов, политический фактор и новый принцип взаимоотношения между народами – принцип дружбы и братского общежития, подчеркнув при этом, что в этот принцип межнациональных отношений закладывается пока только первый камень. Калинин при этом отметил: «Целые тысячелетия прошли с тех пор, как лучшие умы человечества бьются над теоретической проблемой в поисках форм, которые дали бы народам возможность без величайших мук, без взаимной борьбы жить в дружбе и братстве. Только сейчас, в сегодняшний день практически закладывается первый камень в этом направлении» (12).

Работа съезда широко освещалась во всех средствах массовой информации, специальные собрания и митинги, прошедшие по всей стране, поддержали его решения. 9 января 1923 года пленум Харьковского городского Совета постановил

«горячо приветствовать создание Союза Советских Социалистических Республик, являющегося залогом сплочения и укрепления существующих сейчас советских республик и расширения границ пролетарской революции на весь мир». В подобном же духе на следующий день была принята резолюция пленума Киевского городского Совета (13). В мировом союзе советских республик не сомневался III Азербайджанский съезд профсоюзов (14). Однако фиксировалась и другая реакция. Противники нового государства внушали нерусским народам, что РСФСР поглотит остальные национальные республики, что в составе СССР никакого союза народов не будет. Националистическая партия утопистов Украины выступила с проповедью «самостийности», басмачи распространяли слухи о якобы предстоящей отмене центральной властью земельно-водной реформы в Средней Азии, в Таджикистане они выдвинули лозунг «Советская власть бедна... Так пусть нами правят богатые англичане: они смогут улучшить наше хозяйство!» (15). Образование СССР в контексте новой экономической политики (поступление иностранного капитала в виде концессий, котировка советских червонцев на зарубежных биржах и др.) вызвало массовые движения в поддержку признания Советского Союза. Так было в избирательных кампаниях 1923 года в Англии и Франции, а в следующем 1924 году новое государство прорвало изоляцию: его признали правительства Великобритании и Италии, дипломатические отношения установились с Австрией, Норвегией, Швецией, Данией, Грецией, Китаем.

О чём не знали граждане нового государства

С самого начала реализации проекта СССР стала формироваться зона антипамяти, в которой откладывались факты и события под различными грифами засекреченности, доступные лишь ограниченному числу руководителей страны. Разногласия по национальной политике, пожалуй, лишь однажды от-

крыто выплеснулись в дискуссионных листках газеты «Правда» накануне XII съезда партии (февраль–апрель 1923 года). Однако только члены Политбюро, к примеру, знали о реакции Сталина на записку Ленина «Об образовании СССР», в которой он настаивал на том, что РСФСР должна признать себя равноправной с другими республиками и войти в союз «вместе и наравне с ними». Сталин назвал эту принципиальную позицию Ленина «национальным либерализмом» (16). Только члены ЦК и руководители делегаций на XII съезде знали о деталях «тифлисского инцидента» и его последствий, которые омрачили торжественность момента создания СССР.

Примерно за два месяца до I съезда Советов СССР на заседании Закавказского бюро ЦК РКП(б) возглавлявший его Серго Орджоникидзе объявил грузинских руководителей, предлагавших самостоятельное вхождение Грузии в СССР, «шовинистической гнилью». Акакий Кабахидзе в ответ назвал Орджоникидзе «сталинским ишаком», а тот ударил его по лицу. Сталин и Ф.Э. Дзержинский, направленные в Тбилиси во главе комиссии ЦК, встали на сторону Орджоникидзе. Ленин решительно поддержал грузинских большевиков и потребовал за рукоприкладство исключить Орджоникидзе из партии. Более того, 30 декабря 1922 года, в день I союзного съезда, он продиктовал одну из своих последних работ «К вопросу о национальностях или об «автономизации»» с нелестными оценками Сталина и его отложенного проекта: «в корне неверная затея», «администраторское увлечение» и «озлобление», «обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского строения» (17).

После этого именно в Сталине Ленин видел явную угрозу своему проекту СССР, «нашествие того... великоросса-шовиниста, в сущности подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ». Великодержавный «перегиб» наносит ущерб мировой революции, потому что может разочаровать в советском опыте сотни «миллионов народов Азии, которой предстоит выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами» (18). Поэтому надо не абстрактно, а реально различать национализм нации угнетающей и нации угнетенной, национализм большой нации и национализм маленькой нации. А поскольку националы большой

И.В. Сталин и Серго Орджоникидзе

нации виноваты в бесконечных насилиях, необходимо ликвидировать не только формальное, но и фактическое неравенство, идти на уступки малым нациям. Именно знакомством с этими замечаниями объясняются критические выступления делегатов XII съезда и отношение к ленинской просьбе о том, что необходимо «вернуться назад и заново продумать принципы объединения» (19). Действительно, Ленин просил не спрямлять национальную политику, не торопиться, не нажимать сверху и продолжал искать оптимальную модель государства, которая не вызвала бы центробежные тенденции и в то же время сохраняла бы нацеленность на победу мировой революции. В продиктованном письме можно найти даже определенные колебания – он допускал оставление союза социалистических республик только «в отношении дипломатического аппарата».

О том, как детально рассматривалась ленинская просьба на съезде, стало известно лишь через сорок пять лет, а как заседала его секция по национальному вопросу – только спустя почти семь десятилетий. И дело не в заново продумываемых

принципах объединения, хотя они были крайне важными и на них в дальнейшем заостряли внимание национальные историки, а в том, что трещины прошли по самому стержню новой государственности – правящей партии.

Обострилась внутрипартийная борьба за лидерство, которую усугубила болезнь Ленина. Прозвучало признание слабости коммунизма перед национализмом. Нэп был перенесен в плоскость национальных отношений (слабые республики – объект эксплуатации сильных республик, смычка крестьянства с оформляющейся идеологически буржуазией, сменевеховство – усиление великорусского шовинизма и др.). Наконец, наблюдались попытки федерализации РКП(б).

Не знало общество и о том, что предшествовало съезду. Среди множества обсуждаемых большевиками вопросов крайне важной была конструкция новой государственности, которая могла стать отличной от той, которая была принята I съездом 30 декабря 1922 года. 4 февраля 1923 года Сталин направил членам Политбюро записку с двумя вариантами ключевого решения будущего партийного съезда. В первом он снова повторил свой прежний план, а во второй включил союзный договор и поправки, учитывавшие критику национальных республик. Затем Сталин запросил мнение по трём вопросам, главным из которых был первый: входят ли наши республики в состав Союза через существующие федеральные образования (РСФСР, Закфедерация) или самостоятельно, как отдельные государства (Украина, Грузия, Туркестан, Башкирия и пр.): «Вхождение отдельными республиками (а не через федеративные образования) имеет, несомненно, некоторые плюсы: а) оно отвечает национальным стремлениям наших независимых и автономных республик; б) оно уничтожает среднюю ступеньку в строении союзного государства (федеративные образования) и вместо трех ступеней (национальная республика – федеративное образование – союз) создает две ступени (национальная республика – союз). Но оно имеет и существенные минусы: а) разрушая, например, РСФСР, оно обязывает нас создать новую русскую республику, что сопряжено с большой организационной перестройкой; б) создавая русскую республику, оно вынуждает нас выделить русское население из состава автономных республик в состав русской республики,

Плакат «Народы Союза Советских Социалистических Республик». Художник С.М. Карнов. 1925 г.

причём такие республики, как Башкирия, Киргизия, Татарстан, Крым, лишатся своих столиц (русские города) и во всяком случае вынуждены будут серьёзно перекроить свои территории... Я думаю, что тут плюсы явно превышают минусы» (20).

Политбюро, обсудив данное письмо, приняло идею объединения через существующие федеративные объединения, а значит – не поддержало позицию грузинских коммунистов относительно самостоятельного вхождения в Союз.

Эта же позиция отразила и состояние всей правящей партии. Л.Д. Троцкий вспоминал, как в марте 1923 года он познакомил Л.Б. Каменева со своими замечаниями на предсъездовские тезисы Сталина «О национальном моменте в партийном и государственном строительстве». Он подверг сомнению сталинское утверждение об «уклонах» в «национальных партиях»: оно оставляло впечатление, «как если бы в основном, русском,

Л.Б. Каменев и Л.Д. Троцкий с делегатами XII съезда РКП(б). 1923 г.

или великорусском, ядре нашей партии не было никаких уклонов по этому вопросу». Если Сталин видел источник «великодержавного невнимания» к своеобразию развития национальных регионов, особенностям их быта и культуры прежде всего «в кадре старых партийных работников русского происхождения в составе коммунистических организаций национальных республик», то Троцкий, как и Ленин, – в позиции «значительной части партийных работников центра». Он отмечал, что именно от них ему приходилось слышать «воззрения, в которых сквозила дремлющая и только нечаянно потревоженная дискуссией великодержавность». Троцкий определял её как «привычки угнетательского сословия», которым нужно дать «решительнейший же и беспощадный отпор», ибо «они имеются в нашем государственном аппарате» и «внутри нашей партии».

Рассказывая о реакции Каменева, Троцкий определил её как шоковую, потому что кардинально менялся не только официально проводимый Сталиным курс национальной поли-

тики, но и расстановка сил в ЦК. Требование Ленина сделать «политически ответственным» за «великорусско-националистическую кампанию» Сталина и Дзержинского могло означать удаление их с занимаемых постов, а для Орджоникидзе — пусть временное, но исключение из партии. Однако, продолжил Троцкий: «Имейте в виду и передайте другим, что я меньше всего намерен поднимать на съезде борьбу ради каких-либо организационных перестроек. Я стою за сохранение status quo. Если Ленин до съезда встанет на ноги, что, к несчастью, маловероятно, то мы с ним обсудим вопрос заново. Я против ликвидации Сталина, против исключения Орджоникидзе, против снятия Дзержинского с путей сообщения. Но я согласен с Лениным по существу. Я хочу радикального изменения национальной политики, прекращения репрессий против грузинских противников Сталина, прекращения административного зажима партии, более твердого курса на индустриализацию и честного сотрудничества наверху. Сталинская резолюция по национальному вопросу никуда не годится. Грубый и наглый великодержавный зажим ставился в ней на один уровень с протестом и отпором малых, слабых и отсталых народностей. Я придал своей резолюции форму поправок к резолюции Сталина, чтобы облегчить ему необходимую перемену курса. Но нужен крутой поворот» (21).

XII съезд РКП(б) еще раз подчеркнул, что объединение национальных республик в Союз Советских Социалистических Республик является заключительным этапом развития форм сотрудничества, принявшим на этот раз характер военно-хозяйственного и политического объединения народов в единое многонациональное Советское государство (22). Однако дискуссия, развернувшаяся на съезде, разделила делегатов, условно говоря, на два лагеря: сторонников централизма / унитаризма и сторонников самостоятельности / самоуправления. Позицию второго лагеря довольно точно сформулировал Х.Г. Раковский: «Наши партийные товарищи во многих случаях и в частности в национальном вопросе поддаются не партийной, не классовой пролетарской психологии, а тому, что мы можем назвать мягко аппаратной, бюрократической психологией, влиянию наших государственных органов... Наши центральные органы начинают смотреть на управление всей

страной с точки зрения их канцелярских удобств. Конечно, неудобно управлять двадцатью республиками, а вот если бы это все было одно, если бы, нажав на одну кнопку, можно было управлять всей страной, – это было бы удобно... это было бы понято многими центральными органами в том смысле, что они могут обрушиться всей своей тяжестью на отдельные республики» (23).

Эта позиция была поддержана П.Г. Мдивани, который предложил рассматривать равными субъектами федерализации независимые и автономные республики, областные территориальные и экономические объединения (24).

М.Х. Султан-Галиев, член коллегии Народного комиссариата по делам национальностей, задал Сталину прямые вопросы: «Стоит ли считать обязательной ЗСФСР, а не Кавказскую Федерацию? Почему наряду с Закавказской не вести речь о Северо-Кавказской Федерации? Почему, наконец, в свое время была отвергнута идея Татаро-Башкирской республики? Почему не применяется провозглашенный обязательным федеративный принцип в отношении среднеазиатских республик?» Сталин проигнорировал эти вопросы, а Троцкий, на поддержку которого рассчитывали оппоненты Сталина, увёл дискуссию на второстепенные вопросы. Сталин, в свою очередь, обвинил Раковского в отстаивании конфедерализма, а предложения Мдивани и Султан-Галиева прокомментировал следующим образом: «Очень хитро подошел к делу тов. Мдивани, который требует ни больше ни меньше как немедленный переход к системе разложения РСФСР на составные части, превращение составных частей в независимые республики. Должно быть, по поручению тов. Мдивани Султан-Галиев говорит – образуй немедленно русскую республику и т. д. Торопливость, товарищи, вещь плохая. Посмотрим год-два, как пойдет дело. Если практика покажет, что надо дробить РСФСР – раздробим, а нечего забегать вперед. Вы сами знаете, что торопливость вещь плохая» (25).

В ответ на реплику Мдивани – «если вопрос времени, то это хорошо» – Сталин заявил: «Мы посмотрим, что покажет опыт, а пока у нас еще опыта нет. Союз республик еще не заставили работать. Создайте Союз республик, поработайте два года, посмотрите, к чему это ведет» (26). Но если Союз еще

«не заработал», очевидным стало беспокойство делегатов по поводу его скрепы – партии. В большинстве национальных республик её развитие протекало в условиях, препятствовавших их росту и укреплению. Экономическая отсталость этих республик, малочисленность национального пролетариата, недостаточность или даже отсутствие кадров старых партийных работников из местных людей, наличие пережитков радикально-националистических традиций породили среди местных коммунистов уклон в сторону переоценки национальных особенностей, в сторону шовинизма коммунистов более сильной национальности против коммунистов слабых национальностей. В то же время наличие многочисленных кадров старых партийных работников русского происхождения, незнакомых с нравами, обычаями и языком трудовых масс разных республик, породило уклон в сторону недооценки национальных особенностей и национального языка в партийной работе, высокомерно-пренебрежительное отношение к этим особенностям, уклон к великорусскому шовинизму (27).

К.Б. Радек считал, что большинство в партии вообще не понимает значения национального вопроса. Для Раковского именно обращение Ленина к съезду помогло партии избежать фатальной ошибки – превращения великодержавности в систему. Но дальше всех пошёл Ф.И. Махарадзе: он прямо заявил, что никак нельзя говорить о независимости и самостоятельности республик, когда существует одна партия, которая определяет решительно всё (28). Возможно, именно эти настроения послужили поводом к тому, чтобы срочно, буквально полтора месяца спустя после съезда созвать Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, которое повернуло результаты свободной и плодотворной дискуссии совсем в иное русло.

Это совещание состоялось в Москве 9–12 июня 1923 года и обсудило «дело» Султан-Галиева. Именно на этом совещании Д.З. Мануильский проговорился, что это «дело», как и поведение многих деятелей национальных регионов, – результат «хартии вольностей», данной решениями XII съезда, которые «развязали у нас национальную стихию» (29). Стенограмма совещания сразу была снабжена грифами «На правах рукописи», «Только для парторганизаций» и, наконец, «Строго сек-

ретно». Даже сами решения в препарированном виде публиковались только фрагментарно в документальных сборниках партии (30).

Мирсаид Султан-Галиев, председатель Федерального земельного комитета и член коллегии Наркомнаца, долгое время являлся одним из самых близких доверенных лиц Сталина. В начале 1923 года он отстаивал требования Башкирии, Татарии, Туркестана, Калмыцкой и Чувашской областей о предоставлении большей самостоятельности в распоряжении земельным фондом с учетом местных условий, что вызывало раздражение влиятельных работников СНК, ВЦИК и особенно Наркомзема. Однако наиболее сильный протест вызвали его предложение на секции XII съезда перестать разделять республики на различные категории и критическая оценка действий Сталина. «Дело» Султан-Галиева, ложные обвинения в связях с басмаческим движением были использованы для «укрощения» лидеров республик, в первую очередь мусульманских. Еще в начале 1920-х годов Восточный отдел ГПУ начал широкомасштабную чекистскую операцию «2-й парламент», в орбиту которой были втянуты многие деятели восточных республик, включая членов ЦК и глав правительств. Под гласный и негласный надзор были взяты десятки лидеров мусульманских республик, включая заместителя председателя ВЦИК СССР Наримана Нариманова. Осведомители были внедрены в ближайшее окружение Султан-Галиева. В мае 1923 года он был вызван в здание ЦКК РКП(б), где ему зачитали заранее заготовленное решение об исключении из партии и передаче «бывшего» уже коммуниста в ГПУ, что означало арест. Оттуда он сразу же был отвезен во внутреннюю тюрьму Лубянки (31).

На самом совещании Сталин и его окружение стремились придать «персональному делу» совсем другое измерение. В политический оборот вводились такие термины, как «тайный учраспред националистов», «врожденный национализм», «султан-галиевщина» и др. В сложном положении кроме татарских работников оказались представители Башкирии. От них требовали полного признания своих связей с «вождем басмачей», бывшим лидером башкирского национально-освободительного движения Ахмедом-Заки Валидовым, готовившим якобы поход на Ташкент и Уфу. Это должно было усугубить

Мирсаид Султан-Галиев. Фотография из следственного дела

«вину» Султан-Галиева в глазах присутствующих. В ходе совещания вновь выявились конфликты, связанные с границами самостоятельности республик, национальной политикой на Востоке, Украине и в Закавказье. Однако было очевидным, что все эти конфликты загоняются вглубь, а сторонники централизма в верхах партии берут реванш за допущенные на XII съезде «вольности». Теперь в арсенале Сталина и его сторонников оказался опыт борьбы как с великодержавными шовинистами («тифлисский инцидент» – Сталин ловко отмежевался от ошибок Закавказского крайкома и лично Орджоникидзе), так и местными националистами («султан-галиевщина»). Оправданные в принципе цели стали использоваться как инструмент борьбы с неудобными национальными кадрами и для расчистки пути к власти.

Совещание предписало провести чистку государственного и партийного аппаратов от националистических элементов, как русских, так и нерусских. Мдивани отправили на работу в Главный концессионный комитет СССР, а с 1924 года торговым представителем СССР во Францию, откуда через четыре

года его отозвали, исключили из партии и сослали в Сибирь, а в 1937 году приговорили к высшей мере наказания. Раковско-го после завершения совещания сняли с поста председателя Совнаркома Украины и направили послом в Англию, а затем полпредом во Францию, в 1927 году отстранили со всех должностей и исключили из партии, в сентябре 1941 года расстреляли. Трагической оказалась и судьба Султан-Галиева. Совещание сочло излишним его наказание в судебном порядке, и через несколько дней после закрытия совещания он был выпущен из тюрьмы, а в сентябре даже дружески беседовал со Сталиным, вспоминал с ним Гражданскую войну. Генсек пообещал, что через год он поможет бывшему соратнику восстановиться в РКП(б) и устроит на работу в Коминтерн. Однако через год ему отказали в восстановлении, для него началась жизнь политического изгоя, нищего чиновника, прерываемая арестами вплоть до января 1940 года, когда в камере Лефортовской тюрьмы он услышал: «Выход без вещей» (32).

Важно заметить, что 12 июня 1923 года, в последний день совещания, Оргбюро ЦК РКП(б) приняло постановление «О назначениях», а в октябре того же года ЦК вынес решение об основных задачах учетно-распределительной работы. Эти документы определили различные номенклатурные списки руководящих должностей, назначение на которые было подконтрольно партийным органам и генсеку ЦК. К выдвижению на те или иные должности были подключены также органы ОГПУ, которые проверяли лояльность кандидатов, их верность руководящей партийной линии.

«Свой» для всех национальностей

К моменту образования СССР из 136,9 млн человек, населявших страну, около 65 млн составляли невеликороссы, многие из которых ранее в той или иной форме подвергались национальному угнетению (33). Большевики активно искали способы принятия новой государственности всеми национальностями. Сразу после образования Советского Союза был сформирован общесоюзный бюджет, а в его рамках постанов-

лением ВЦИК от 21 августа 1923 года был создан союзно-республиканский дотационный фонд СССР, средства из которого направлялись на экономическое и социальное развитие кавказских, среднеазиатских и других союзных республик, включая Украину. Весь этот фонд формировался за счёт поступлений из РСФСР (34). Каждая национальность должна была получить территорию, создать элиту, письменность, печать, школы, университеты, театры. Эта политика, как известно, получила название «национализация», а на местах – «украинизация», «белорусизация», «узбекизация», «тюркизация», а позднее – «коренизация». В противовес русскому империализму создавалась власть, которая могла восприниматься как «своя». Только при этом условии, считал Сталин, можно «сделать советскую власть из русской межнациональной, близкой, понятной и родной для трудящихся масс всех республик и особенно для тех, которые отстали в хозяйственном и культурном отношении» (35).

Наиболее сложным в этом отношении стал вопрос территорий и проведения границ. Он обострился уже в конце Гражданской войны и оставался нерешенным долгие десятилетия существования СССР. К примеру, Украинская ССР в 1920 году не имела выхода к морю и представляла собою главным образом крестьянские аграрные губернии. Поэтому украинские большевики обратились к Ленину, чтобы Украине были переданы Криворожско-Советская и Одесская республики. Эта просьба была удовлетворена. Для баланса сил промышленные юго-восточные губернии (от Харькова до Одессы), преимущественно русские по составу населения, вошли в состав Украинской ССР. Если смешанное население Донбасса (Юзовка и Луганск) приняло решение Москвы практически без какого-то либо сопротивления, то донские казаки взбунтовались. В Таганроге и Шахтах (тогда это был город Александровск-Грушевский) подчиняться ленинскому решению наотрез отказались. Назревал конфликт, грозивший перерасти в вооруженное сопротивление. В подвешенном состоянии Таганрог и Шахты находились более четырех лет, пока в Москве не решились на отказ от собственного решения. В 1924 году города и прилегающие к ним земли были возвращены в состав РСФСР: посчитали, что того русскоязычного населения, что

уже имеется в границах УССР, будет достаточно, чтобы сбалансировать национальный состав республики и его представительство во власти (36).

Межэтническими конфликтами сопровождалось изъятие земель у русских переселенцев и передача их казахам. Сначала советская власть запретила крестьянское переселение в Среднюю Азию постановлением Совнаркома Киргизской АССР от 8 ноября 1920 года, а затем в начале 1921 года казахам передавались не освоенные переселенцами земли в Акмолинской, Кустанайской, Тургайской, Семипалатинской и Уральской губерниях. Всего в фонд землеустройства киргизского населения было передано свыше 1 млн десятин земли. А когда в июне 1921 года Уральский губернский комитет отказался возвращать казахскому населению десятиверстную полосу по левому берегу Урала и со ссылкой на ущемление прав трудового казачества попросил выделить Уральскую губернию из состава Казахской АССР, всё руководство губернии было снято с работы. В Семипалатинской же области руководящих партийных работников, которые отказались проводить землеустройство казахского населения, арестовали и отдали под суд (37).

В ходе коренизации становилось очевидным игнорирование интересов некоренных национальностей. К примеру, в Совнаркоме Грузинской ССР не имелось ни одного народного комиссара из русских или армян, в Тифлисском совете в 1923 году доля грузин составляла 43 %, несмотря на то что их численность в столице Грузии едва достигла 25 %, армян – 17 %, хотя там проживали свыше трети жителей (38). В некоторых национальных районах русские вообще стали новыми «национальными меньшинствами». В Горской АССР представители русских жителей обратились с воззванием: «Жизнь русского населения стала... невыносимой и ведёт к поголовному разорению и выживанию из пределов Горской республики... Полное разорение экономике края несут постоянные и ежедневные грабежи и насилия над русскими» (39). В Чечне раздавались призывы к выселению русских, в Урус-Мартан вынужден был выехать М.И. Калинин и на митинге доказывать политический вред, который принесла бы такая акция (40). Русские, проживавшие в Калмыкии, выдвинули требование: «Нам нужно предоставить право наравне с калмыками» (41).

В результате анализа положения русского населения в местностях, где оно являлось национальным меньшинством (документ был представлен в ЦИК СССР в августе 1923 года), было установлено, что «во многих образованиях Союза ССР интересы русского населения терпят ущерб в пользу коренного населения» (42). В 1924 году ЦИК образовал специальную комиссию по урегулированию положения русского меньшинства в автономных республиках и областях.

С 1923 года в СССР начался первый этап административно-территориального деления с учётом национального состава по переписи населения 1897 года. Небольшие губернии заменялись большими советскими областями из однородных русских территорий и краями с этнически неоднородным населением (43). Первопроходцем стала Уральская область, объединившая Пермскую, Екатеринбургскую, Челябинскую и Тюменскую губернии. Затем в 1924 году стал создаваться огромный Северо-Кавказский край, объединивший большую Юго-Восточную область (центр – Ростов-на-Дону) и территории ликвидированной Горской АССР (Северо-Осетинская, Ингушская, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская, Черкесская (Адыгейская) автономные области и Сунженский казачий округ, за исключением Дагестанской АССР и Калмыцкой АО). Весной 1924 года значительная часть Витебской и ряд уездов Смоленской губерний были переданы из РСФСР в состав Белорусской ССР, остальная часть упраздненной Витебской губернии была включена в состав Псковской губернии. Позднее была ликвидирована Гомельская губерния РСФСР, ее западные районы вошли в состав Белорусской ССР, а восточные – в Брянскую губернию РСФСР. В конце 1923 года Трудовая коммуна немцев Поволжья была преобразована в АССР немцев Поволжья, в 1925 году Чувашская АО также была преобразована в АССР, в составе Уральской области был образован Коми-Пермяцкий национальный округ (центр – Кудымкар).

Крайне сложным оказалось национально-государственное размежевание Средней Азии. До 1924 года на территории Средней Азии и Казахстана существовали Туркестанская АССР в составе РСФСР, а также Бухарская и Хорезмская народные республики. Сталин на XIII съезде РКП(б) в мае 1924

года призвал положить конец трениям между различными национальностями в Средней Азии. На совещаниях местных руководителей предлагалось провести размежевание и в то же время – создать Среднеазиатскую Федерацию, так как Средняя Азия представляет собой территориально, экономически и этнографически единое целое. 12 июня 1924 года Политбюро приняло постановление «О национальном размежевании республик Средней Азии (Туркестана, Бухары, Хорезма)».

В результате Туркестанская АССР была выведена из состава РСФСР и упразднена. На её территории, а также на территориях Бухарской и Хорезмской ССР были образованы Узбекская ССР (с Таджикской АССР) и Туркменская ССР. Северные части упраздненной Туркестанской АССР (части Сырдарьинской и Самаркандской областей, значительная часть Джетысуйской губернии) были включены в состав Киргизской АССР РСФСР, а также вновь образованных Каракалпакской АО и Каракиргизской АО. Каракалпакская АО была включена в состав Киргизской АССР РСФСР, тогда как Каракиргизская АО была подчинена непосредственно РСФСР. В июне 1925 года Киргизская АССР была переименована в Казакскую АССР, её столица перенесена из Оренбурга в Ак-Мечеть (переименована в Кызыл-Орду). Вслед за этим Каракиргизская АО стала именоваться Киргизской АО (центр – Пишпек, с 1926 года – Фрунзе). Летом 1925 года была упразднена Букеевская губерния этой АССР, а территория Оренбургской губернии вновь возвращена в непосредственное подчинение РСФСР. В сентябре 1925 года была упразднена Кустанайская губерния Казакской АССР, а в начале следующего года Киргизская АО была преобразована в АССР.

В 1924 году было также проведено размежевание Горской республики. По докладу А.И. Микояна «о конструкции власти в Горской республике» было принято решение о создании Северо-Осетинской и Ингушской автономных областей, а в 1934 году в результате слияния двух областей была создана Чечено-Ингушская автономная область. Аналогичные изменения происходили в Закавказье. Там получили статус автономий Нахичеванский край и Нагорный Карабах (1923) в составе Азербайджанской ССР, Абхазия (1930) в составе Грузинской ССР.

Комиссия по национальному размежеванию Средней Азии. 1924 г.

На территории Сибири в мае 1925 года был создан второй советский край – Сибирский – с центром в Новониколаевске, который по этому случаю был переименован в Новосибирск. В состав этого огромного края, охватывавшего всю Западную Сибирь и запад Восточной Сибири, были включены упраздненные Омская, Новониколаевская, Алтайская, Енисейская, Томская губернии и Ойратская АО. Чуть позже в его состав была включена и упраздненная Иркутская губерния. В августе 1925 года были ликвидированы все губернии Украинской ССР, территория которой была разделена на 41 округ и Молдавскую АССР. В ее составе проектировалось создание Еврейской и Польской АССР, но они так и не были организованы. Во второй половине 1920-х и в 1930-х гг. реформа административно-территориального деления в СССР продолжилась.

С немалыми трудностями создавался и управленческий аппарат из представителей коренных национальностей. Это происходило за счет создания национальных кадров и введения в официальное делопроизводство языка титульной нации (44). Сначала устанавливался обязательный процент штата из пред-

ставителей титульных наций, в государственный аппарат могли войти и лица «европейских» национальностей, владевшие языком коренного населения (45). Однако внедрение, к примеру, казахского языка среди русской части ответственных работников и русского языка среди казахских работников проходило с известным сопротивлением (46). На Украине многие работники советского, государственного, партийного аппаратов считались украинцами по национальности, но не полностью владели или же плохо общались на украинском языке. В 1925 году был издан декрет об обязательном изучении украинского языка работниками учреждений, а за нежелание учить украинский язык увольняли. Но, несмотря на это, среди служащих центральных учреждений полностью владели украинским языком чуть более 10 %. Коренизация в аппарате управления сопровождалась конфликтами между группами государственных партийных и советских руководителей. Как отмечалось в официальных документах, в ряде районов Украины местное руководство считало, что украинизация имеет насильственный характер, и многие партийные комитеты Украины оказывали скрытое сопротивление этой политике.

Сравнительно медленно на национальные языки переходили официальный документооборот и издание учебной литературы для школ. Политика коренизации осложнялась отсутствием у некоторых народов письменности. Не было точных данных о степени распространения языков у тех или иных народов. В некоторых северокавказских республиках письменность основывалась на арабской графике, что затрудняло ее повсеместное использование. Государство приняло беспрецедентные меры по

Конституционное закрепление новой государственности

Одновременно с началом коренизации завершалась работа над первой Конституцией СССР. На первой сессии ЦИК СССР первого созыва, которая состоялась вечером 30 декабря

1922 года, то есть сразу после закрытия I съезда Советов СССР, разработка Конституции СССР была поручена Президиуму ЦИК. Ему же поручили разработку Положения о Наркоматах СССР, Совнаркоме и Совете Труда и Оборона СССР, ЦИК СССР и членах ЦИК. Вся эта подготовительная работа почти зеркально отражала те дискуссии, которые велись на XII съезде и Четвертом совещании ЦК РКП(б). Сводный проект Конституции СССР был представлен в середине июня, и 6 июля 1923 года ЦИК СССР единогласно одобрил этот проект. 31 января 1924 года II съезд Советов СССР утвердил Конституцию СССР, в преамбуле которой провозглашалась цель: образовать всемирную республику Советов.

Декларация об образовании СССР, принятая еще I съездом Советов СССР, вошла в Конституцию без изменений, а Договор об образовании СССР вместо 26 содержал уже 72 статьи. В Основном законе была прописана структура союзных органов власти и их компетенция. В специальном разделе определялись гарантии суверенных прав союзных республик – сочетание союзного суверенитета и суверенитета республик гарантировалось разграничением сферы компетенции между союзными и республиканскими органами власти. Союзные республики сохраняли за собой все атрибуты независимости в делах внутреннего самоуправления. Высшим органом власти и управления стал двухпалатный ЦИК СССР. Для представительства национальностей республик СССР создавался Совет Национальностей ЦИК СССР. В республиках создавались ЦИК союзных республик, но они не были двухпалатными, и входившие в них национальные образования могли реализовывать свои задачи только через ЦИК СССР. Конституция 1924 года разграничивала компетенцию Союза и республик, но при этом оставляла возможность вмешательства центра в республиканские дела. К компетенции федеральных органов власти относили только четыре сферы: внешнюю политику, вооруженные силы, пути сообщения и связь. Республики провозглашались суверенными государствами, имевшими свою территорию, свое гражданство, свои государственные органы и правовую систему. Конституция установила государственный герб, флаг, гимн, столицу СССР. На III съезде Советов СССР (май 1925 год) в состав СССР были приняты вновь об-

разованные союзные республики – Узбекская ССР и Туркменская ССР.

Статья 5 Конституции СССР 1924 года предусматривала, что союзные республики в соответствии с настоящей Конституцией внесут изменения в свои конституции. 11 мая 1925 года XII Всероссийский съезд Советов утвердил и ввел в действие новый текст Основного закона Российской Республики – Конституцию РСФСР, включавшей в себя 10 автономных республик и 14 автономных областей. Этот Основной закон стал своеобразным образцом для всех автономных республик, создававших свои конституции. В период с 1925 по 1927 год практически все автономные республики в РСФСР подготовили и приняли их.

Классические принципы федерализма, закрепленные в Конституции СССР, в то время заслонили процесс подмены этих принципов в Конституции РСФСР. К примеру, статья 13 Конституции РСФСР гласила: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика <...> признает право за отдельными национальностями на выделение, по решению их съездов советов, с утверждения верховных органов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в автономные советские социалистические республики и области». Конституционный статус автономий как национально-государственных образований становился формальным. ВЦИК и СНК РСФСР предоставлялись неограниченные полномочия, прописывалась единая вертикальная система органов власти и управления, основанная на принципах декларированного демократического, а фактически бюрократического централизма и директивного планирования в экономике. В Основном законе отсутствовали и такие важные признаки федеративного государства, как разграничение властных полномочий и компетенции между федеральными органами власти и органами власти субъектов (47). Вот почему уже после принятия Конституции РСФСР в октябре 1925 года представители автономных республик снова обратились в ЦК РКП(б) с просьбой изменить систему взаимоотношений наркоматов союзных и автономных республик. Они подчеркивали ограниченность прав автономных республик относительно союзных республик, отсутствие права автономий издавать собственные декреты,

вносить изменения в структуру аппарата управления и др. Опираясь на ст. 47 Конституции РСФСР, они считали, что автономные республики обладают правом полного распоряжения своими необъединенными комиссариатами и никто кроме них не имеет права устанавливать формы работы этих комиссариатов. Однако и эта попытка не изменила положений Конституции РСФСР.

Начало летописи невиданного эксперимента

С момента создания СССР и первых шагов нового государства было очевидно, что происходит чрезвычайно важное событие мирового значения. Впервые в истории на огромном и этнически неоднородном пространстве с многомиллионным населением, пережившим Гражданскую войну, непростой переход к нэпу и голод 1921–1922 годов, народы стали на путь создания своих государств, которые вступали в Советский Союз, будущую «Земшарную Республику Советов» (Велимир Хлебников). Как с уверенностью заявил Григорий Зиновьев на V конгрессе Коминтерна, «нам предстоит еще завоевать пять шестых земной суши, чтобы во всём мире был СССР» (48). Уже был готов и утверждён его образ: единственный в мире герб с изображением земного шара с наложенными на него серпом и молотом – символами крестьянского и рабочего труда, увенчанными пятиконечной звездой – символом единения пяти континентов под властью коммунистов. В полной версии гимна СССР – международном пролетарском гимне «Интернационал» – отрицалась преемственность с исторической Россией: «Мы жизнь построим по-иному!»

В основе создания новой государственности лежала концепция ликвидации фактического неравенства республик, а в прикладном значении – приоритетное развитие национальных окраин и отсталых регионов за счёт более развитых. Невиданный в мире эксперимент сразу же стал предметом самых разных документальных и авторских публикаций. В их центре находились Ленин и его роль в разработке национального

22 сентября 1923 года А.С. Енукидзе после согласования написал на авторском рисунке «Утверждаю как окончательный вариант»

вопроса (49). Активно обсуждались концепции, связанные с конфедерацией, федерацией и автономией (50), становлением нового государственного строя и управления (51). Большевики создавали специальные научно-исследовательские центры по изучению языков и культур населяющих СССР народов. Более чем шестьдесят народностей получили благодаря этим исследованиям свой алфавит. Самым внимательным образом изучался характер национально-государственного размежевания

в разных регионах страны, состав их населения, разбиралась идеологическая ситуация в них.

Однако, как показывали дискуссии, не все учёные были согласны с предоставлением народам, входившим в состав РСФСР, права создать свои государства, поскольку до государственной самостоятельности эти этносы якобы не дозрели. Прежде всего речь шла о среднеазиатских народах, поскольку после присоединения к России они оказались расчленёнными между существовавшими государственными образованиями – Туркестанским генерал-губернаторством и «вассальными» ханствами, Бухарским и Хивинским. Существовали сильные пантюркистские взгляды, согласно которым в Туркестане не было и нет отдельных тюркоязычных народов – есть только «единая тюркская общность», а значит, нужно создать единое тюркское, независимое от России государство – «Великий Туркестан». Много сторонников имел и панисламизм. Однако из альтернативных предложений разных партий и общественных группировок о форме самоопределения была избрана форма не национально-культурных автономий, а советских республик. Крупные этнографы И.И. Зарубин, А.А. Семенов, М.С. Андреев, А.А. Диваев и др. для подготовки национально-территориального размежевания провели огромную работу по выяснению экономических особенностей, этнического состава, расселения народов региона и составлению этнических карт (52). В частности, была организована крупная государственная экспедиция – выборочное экономическое обследование 11 волостей во всех трех среднеазиатских республиках. По итогам экспедиции в 1920-х годах было опубликовано 11 томов под общим названием «Современный кишлак и аул Средней Азии». Издавались разнообразные «Материалы по районированию Средней Азии», а вновь созданное статистическое управление стало выпускать ежегодники. Проводилась работа по уточнению этнонимов, названий народов и их групп.

Тем не менее у исследователей уже тогда сохранялось много нареканий в определении статуса и границ республик, самого порядка национально-государственного размежевания с передачей территорий, природных ресурсов и населения. Нередко это сопровождалось этническими конфликтами. Таджики не соглашались с включением Самарканда и Бухары в состав Узбекистана, недовольство вызывало деление многонацио-

нальной Ферганской долины между Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизстаном. На Южном Кавказе Нагорный Карабах, где преобладали армяне, был включен в состав Азербайджана, а народы Абхазии и Южной Осетии не желали быть в составе Грузии. Некоторые республики Поволжья, по территории и количеству населения превосходившие иные государства, не желали смириться с положением автономных. Эти и другие противоречия усугублялись закреплением в Конституции СССР многоступенчатой национально-государственной структуры: Союз – союзная республика – автономная республика – автономная область. Следовательно, у каждого народа были своя суверенность, свой статус, свои положение и соподчиненность, а следовательно – и свой порядок выхода из нового государственного образования. Такая сложная структура государственного устройства становилась источником конфликтов и множества проблем в течение последующих десятилетий истории СССР. Но пока политики спешили заявить о том, что «национальный вопрос разрешён... правильно» и «осталось доделать только детали». Такой вывод делал, в частности, в 1924 году один из руководителей партии Г.Е. Зиновьев. Более того, с разрешением национального вопроса он связывал 50 % успешного решения задач революции (53).

* * *

Для первой половины 1920-х годов было характерно стремление преодолеть жесткие унитаризм и централизм Российской империи, апробировать различные варианты новой национальной государственности. Обсуждались национально-территориальный принцип и территориальный, предлагалось дополнить национально-территориальную автономию культурно-национальной. Единая на всём пространстве СССР РКП(б) непосредственно влияла на процессы государственного строительства, что позднее выстроилось в систему «партия–государство». Стремление сохранить в своих руках всю полноту власти вызвало конфронтацию большевиков с иными политическими силами: в 1922 году были разгромлены последние легальные политические организации, высланы из России, Украины, Белоруссии и Грузии многие видные философы, экономисты, социологи, литераторы и религиозные мыслители, проведена

кампания по реквизиции церковных ценностей. И в своей среде партия начала искоренять инакомыслие.

В основу новой советской государственности был положен союз республик с правом наций на самоопределение вплоть до отделения. Вновь образуемым союзным и автономным республикам, наделенным всеми атрибутами государственности, передавались значительные территории бывшей империи.

Проживавшие на них люди разных национальностей становились гражданами не только СССР, но и своей республики, которая получала название по титульной нации.

В дальнейшем подлинная история создания СССР будет подаваться как почти стерильная, и все возникшие в 1922–1925 годах противоречия надолго уйдут в зону антипамяти. В частности, проблема установления национально-государственного статуса основного этноса РСФСР – русских. Попытки вынести обсуждение этого вопроса на партийные форумы пресекались. Сталин и его окружение были противниками поиска форм самоопределения русских, считая, что нерусские народы восприняли бы идею русской национально-государственной организации как имперскую.

Вопрос о русской республике закономерно был связан и с вопросом о русской коммунистической партии. Он остро обсуждался 15 декабря 1925 года на пленуме ЦК, за три дня до начала XIV съезда РКП(б), на котором партия была переименована во Всесоюзную – ВКП(б). Вынося предложение Политбюро о переименовании на обсуждение пленума, В.М. Молотов допускал, что это может вызвать требование о создании российской компартии, что в свою очередь «абсолютно неприемлемо и являлось бы глубочайшей политической ошибкой». Г.К. Орджоникидзе возразил – предложение Политбюро может быть приемлемо только в том случае, если национальные партийные организации переименовываются в соответствующие областные территориальные организации. Иначе надо будет создавать русскую компартию, потому что в составе СССР имеется РСФСР. Его поддержали М.И. Калинин и К.Е. Ворошилов. Сталин попросил их не смешивать вопрос о переименовании партии с вопросом о ее реорганизации. Не может быть соответствия между формой государства (СССР)

И.В. Сталин, А.И. Рыков, Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев в 1925 году

и между названием партии. Если существует Союз республик, то и партия должна быть партией Союза: «Если у нас права национальных партий определены уставом, если организация и название национальных компартий вполне удовлетворяют националов, то для чего еще понадобилось их переименование в областные организации, их, так сказать, снижение? Для чего это? Какой политический эффект может из этого получиться? Если украинскую партию реорганизовать в областную украинскую организацию, то разве не ясно, что это будет политическим минусом, а не плюсом? Вы хотите, чтобы архитектура была стройная. Но чего стоит архитектура, если она дает отрицательные политические результаты?» (54).

Троцкий также считал величайшей опасностью создание особой российской партии, так как это привело бы к «федералистическому раздроблению партии» (55). Таким образом, сохранявшаяся модель партии с её интернационалистской идеологией являлась не только основой СССР, но и влияла на государственное устройство – оно всё сильнее зависело от

формировавшегося политического режима, режима личной власти. Попытки Раковского, Мдивани, Султан-Галиева и других лидеров национальных республик приспособить, адаптировать единую партию и её идеологию к специфике своих регионов расценивались как национал-уклонизм, причём с классовым подтекстом – буржуазный, а значит, подвергаемый репрессиям.

Тогда же, в первой половине 1920-х годов, в официальной идеологии складывается установка, просуществовавшая практически до гибели СССР в 1991 году: любое будирование русской темы, русского вопроса воспринималось как нежелательное и опасное, способное нарушить едва наметившееся успокоение в сфере межнациональных отношений. Русскость на многие десятилетия становилась культурным антигероем. Правда, это происходило лишь на декларативном уровне. Подспудно и даже вполне подцензурно апелляции к смыслам и ценностям государствообразующей нации стали заметными уже спустя несколько лет, в 1930-х годах. Тогда в вопросах, касавшихся борьбы за суверенитет, история страны была частично «реабилитирована». Такое двоемыслие также будет раскачивать единую союзную государственность. Важно подчеркнуть, что подобное негативное отношение к русскости было отнюдь не результатом злонамеренной русофобии нерусской политической элиты Советской России (а затем СССР), а именно следствием ее опасений каким-либо задеванием русского вопроса спровоцировать недовольство нацкадров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 1914 году империя делилась на 78 губерний, 21 область и 2 самостоятельных округа, 1 царскую область (Польша) и 1 княжество (Финляндия). В зависимости от Российской империи были Хивинское ханство и Бухарский каганат, которые контролировались казаками из соседних областей Средней Азии.

2. Цит. по: Историк. 2017. № 33 (август). С. 3.

3. Её получили 11 автономных республик (Туркестанская, Башкирская, Карельская, Бурятская, Якутская, Татарская, Дагестанская, Горская и пр.).

4. Калмыцкая, Чувашская, Коми-Зырянская, Адыгейская, Кабардино-Балкарская и др., а также трудовые коммуны – немцев Поволжья и Карельская.

5. *Ненароков А.П.* Семьдесят лет назад: национальный вопрос на XII съезде РКП(б) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 112.

6. *Сталин И.В.* Об объединении советских республик: доклад на X Всероссийском съезде Советов 26 декабря 1922 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 151.

7. В съезде участвовали 2214 делегатов, из них 1673 с решающим голосом и 541 – с совещательным. Женщин было 77, что составляло 3,5 % делегатского состава. Старше 50 лет было всего 2 % делегатов, моложе 20–1,2 %, а основную группу – 45 % – составляли делегаты от 21 до 30 лет. Далее шла возрастная группа от 31 до 40 лет, а от 41 до 50 лет было 7,9 %. То есть старше 40 лет на съезде было менее 10 % делегатов. Национальный состав съезда был следующим: русские составляли 62,5 %, украинцы – 8 %, белорусы – 1,1 %, евреи – 10,8 %, кавказские народности – 4,5 %, тюркские народности – 5,7 %, латыши и эстонцы – 3,4 %, прочие национальности – 4 %. Если говорить о социальном составе делегатов съезда, то на долю рабочих приходилось 44,4 %, крестьян – 26,8 %, интеллигентов – 28,8 %. При этом отметим, что крестьяне тогда были самой многочисленной категорией населения страны, составлявшей примерно 85 %. Подробнее см.: I съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик (Стенографический отчет с приложениями). М, 1923. С. 3–8.

8. Там же. С. 9.

9. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 158.

10. Первоначально съезды созывались ежегодно, однако их громоздкость, определенные организационные сложности и дороговизна их созыва побудили установить другую периодичность заседаний. IV съезд Советов СССР в 1927 г. определил, что впредь съезды будут собираться раз в два года. Функции ЦИК во многом дублировали функции съезда Советов. Сессии ЦИК созывались три раза в год. В период между сессиями ЦИК его Президиум являлся высшим органом власти Союза.

11. Подобно РСФСР и всем другим союзным республикам правительством Союза (органом исполнительной власти) являлся Совет народных комиссаров.

12. I съезд Советов. С. 24.

13. 1-я сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик. М., 1923. В кн.: I съезд Советов... Приложения. С. 3–4. Коммунистическая партия – вдохновитель и организатор. С. 349–351.

14. Образование Союза Советских Социалистических Республик. С. 391.

15. См.: *Макаров Николай*. Образование СССР и оборона страны. М., 2012. С. 33.
16. В.И. Ленин. Биография. М., 1960. С. 611.
17. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 357–358. В советской печати эта работа впервые была опубликована в 1956 году.
18. Там же. С. 357.
19. Там же. С. 360.
20. Это письмо, как и другие сталинские документы, впервые было введено в научный оборот и всесторонне осмыслено А.П. Ненароковым. См.: *Ненароков А.П.* Семьдесят лет назад: национальный вопрос на XII съезде РКП(б). М., 1993. С. 113.
21. См: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь: опыт автобиографии. Берлин, 1930. Ч. II. С. 223–225.
22. Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: стенографический отчет. М., 1968. С. 693.
23. Там же. С. 580.
24. Там же. С. 495–502.
25. Национальный вопрос на перекрестке мнений. М., 1992. С. 211–212.
26. Там же. С. 212.
27. См.: Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: стенографический отчет. М., 1968. С. 696–697.
28. Там же. С. 516, 576.
29. См.: Тайны национальной политики ЦК РКП. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г. Москва. Бюро Секретариата ЦК РКП, июнь 1923 г.). М.: ИНСАН, 1992. 296 с. Впервые в открытой печати фрагменты выступлений на этом совещании были опубликованы А. Антоновым-Овсенко в книге «Портрет тирана», изданной в Нью-Йорке в 1980 году.
30. *Султанбеков Б.Ф.* Введение // Тайны национальной политики ЦК РКП(б). С. 5.
31. Там же. С. 6–7.
32. Подробнее см.: Там же. С. 10.
33. См.: Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993. С. 14.
34. Образование Союза Советских Социалистических республик. Сб. документов. М., 1972. С. 23–24.
35. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. С. 492.
36. Подробнее см.: *Дмитриевский Александр*. Царский подарок Сталина // <https://www.segodnia.ru/content/136288> (дата обращения: 19.11.2022).

37. *Казиев С.Ш.* Земельный вопрос и национальная оппозиция в Казахской АССР (1925–1929 гг.) // Омский научный вестник. 2014. № 4. С. 16.

38. *Хмара Н.И.* Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920–1930-е годы) // Отечественная история. 2006. № 3. С. 134.

39. Там же. С. 131–132.

40. *Калинин М.И.* За эти годы. Статьи, беседы, речи. В 3 кн. Кн. 1. Л., 1926. С. 378.

41. Там же. С. 132.

42. *Хмара Н.И.* Из опыта национально-государственного строительства. С. 132.

43. Подробную хронику процесса и карты см.: *Тархов С.А.* Изменение административно-территориального деления России за последние 300 лет // География. 2001. № 21. Спецвыпуск. С. 8–16.

44. См., к примеру: *Чистяков О.И.* Коренизация государственного аппарата национальных районов в первые годы советской власти (по материалам национальных районов Среднего Поволжья) // Правоведение. 1965. № 1. С. 164–168.

45. *Казиев С.Ш.* Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы): диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2015. С. 231, 235–236.

46. См. подробнее: *Бурдина Е.Н.* Факторы становления языкового законодательства и реализация права пользования родным языком в Советском Казахстане // Этнос, общество, цивилизация: III Кузеевские чтения. Уфа, 2012. С. 130–134.

47. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937 гг.): сб. документов. М., 1940. С. 163, 164, 170.

48. Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. Ч. 1. М.; Л., 1925. С. 9.

49. См.: *Равич-Черкасский М.* Ленин и национальный вопрос. Харьков, 1924; *Диманштейн С.* Ленин и национальный вопрос (до империалистической войны) // Молодая гвардия. 1924. № 2–3. С. 285–295.

50. *Палиенко Н.И.* Конфедерация, федерация и Союз Советских Социалистических Республик. М., 1923; *Турубинер А.М.* Государственный строй РСФСР: конспект лекций. М., 1923; *Он же.* Очерки государственного устройства СССР. М., 1925; *Гуревич Г.С.* Принципы автономизма и федерализма в советской системе. М., 1924; *Котляревский С.А.* СССР и союзные республики. М., 1924; *Он же.* СССР и союзные республики. М.; Л., 1926 и др.

51. Кантор Е.Д. Национальный вопрос на XII съезде РКП(б). М., 1923; Магеровский Д.А. Государственная власть и государственный аппарат. М., 1924; Ананов И.Н. Очерк федерального управления СССР. М.; Л., 1925 и др.

52. См. подробнее: С Т.А. Жданко беседует В.А. Тишков // valery-tishkov.ru/cntnt/besedy_s_u/zhdanko.html (дата обращения: 19.11.2022).

53. XIII съезд Российской коммунистической партии (большеви-ков). Май 1924 год. Стеногр. отчет. М., 1963. С. 42.

54. Цит. по: Наше Отечество. Опыт политической истории. Ч. II. М., 1991. С. 157.

55. Там же. С. 157–158.

Глава 2

Первое десятилетие: новые стержни государственности

Два главных утверждающих лозунга задавали тональность первой круглой дате СССР:

«Волею рабочего класса, под руководством партии большевиков и её ленинского ЦК бывшая царская Россия – тюрьма народов превращена в братский союз трудящихся, победно строящих социализм!» и «СССР – знамя борьбы угнетенных народов всего мира за свержение капитализма, за диктатуру пролетариата, за мировую пролетарскую революцию!»

Несмотря на отсутствие каких-либо государственных акций, митингов или торжественных собраний, пространство воспоминаний об историческом событии выстраивалось определенным образом. Центральные органы печати 30 декабря 1932 года на первых страницах разместили указанные лозунги и портреты Ленина и Сталина, а газета «Правда» повторила на первой странице речь Сталина на I съезде Советов, в которой – при прочтении в новом временном контексте – не было ни слова о Ленине и РКП(б). В «Известиях» в ноябре–декабре целые полосы газеты рассказывали о достижениях Азербайджана, Армении, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины.

Первый юбилейный лозунг фокусировал внимание на выполнении пятилетнего плана развития народного хозяйства 1928–1932 годов, а значит – и на выводе Сталина о том, что СССР – прообраз будущего объединения народов в едином мировом хозяйстве. Особое внимание уделялось созданию угольно-металлургической базы на Урале и в Сибири, которая имела важное значение для подъема отсталых полукочевых районов Казахстана, Средней Азии, Ойротии и Бурят-Монголии. В Татарии и Башкирии создавался «второй Баку». Якутия

Правда, № 360, 30 декабря 1932 г.

стала одним из центров добычи драгоценных и редких металлов. В то же время опровергалась «злостная беззубая клевета» украинских шовинистов о том, что создание указанной базы означает свертывание промышленности на Украине. Факты свидетельствовали об ином: Донбасс давал в 1932 году около 40 млн тонн по сравнению с 30,7 млн в начале пятилетки, строились три новых металлургических гиганта — Запорожсталь, Азовсталь и Криворожсталь, завершалось строительство тракторного и турбинного заводов в Харькове, Луганского завода тяжелых паровозов и др. Состоялся пуск первого генератора Днепрогэса, построенного тысячами рабочих из России и других республик на средства из общего бюджета СССР. Эта гидроэлектростанция обеспечила энергией промышленные предприятия Запорожья, Донбасса, Днепропетровска, Кривого Рога, украинские сёла и посёлки. Днепр благодаря огромной плотине стал судоходным.

В Белоруссии были заново созданы машиностроение, радиопромышленность и энергетика, в Туркмении — химическая, текстильная и пищевая промышленность. В Закавказье темпы

Плакат «Пятилетка в действии». 1931 г.

развития промышленности значительно превысили общесоюзные (1). Если в первой пятилетке капиталовложения в новое строительство по отношению ко всей сумме капиталовложений в промышленность составили по СССР в целом 42,4 %, то по республикам Закавказья этот показатель составил 65 %, по БССР – 58,3 %, по Казахской ССР – 63 %, по Туркменской ССР – 74,3 %. Во второй пятилетке в восточные районы было направлено около половины всех капиталовложений, предназначенных для нового строительства объектов тяжелой промышленности (2). За финансовыми потоками из центра на окраины следовало перемещение предприятий и трудовая миграция, так как собственных квалифицированных кадров в национальных регионах было недостаточно.

Для аргументации второго юбилейного лозунга под объединяющим заголовком «Капиталистический мир – тюрьма народов» давалась широкая панорама кризисного положения в зарубежных странах – Англии, Германии, Индии, Китае, Польше, Румынии, Японии и др. (3)

Победный настрой сопровождался, однако, призывами сохранять бдительность и не расслабляться, поскольку не исчезли попытки ревизовать основы советской национальной политики, капитулировать перед трудностями. Руководство партии –

без конкретики и расшифровки – указывало на существующую «недооценку огромной связи национальной политики с крестьянством, на проникновение буржуазно-кулацких элементов в советский аппарат, земельные органы, школы» (4). О том же, что было этому причиной, что происходило с политикой коренизации, каковы были последствия индустриализации, коллективизации и начавшегося в 1932 году массового голода, как трансформировались сами принципы федерирования и какой поворот в реальности произошёл в национальной политике, не было сказано ни слова.

Факты и события умолчания

В конце 1920-х – начале 1930-х годов продолжал расширяться состав новой государственности. В 1928 году в Ставропольском крае для адыгейского народа была создана Черкесская автономная область, в Средне-Волжской области образован Мордовский национальный округ, в 1929 году Таджикистан из автономной республики был преобразован в союзную, с конца 1920-х годов начали создаваться национальные округа в районах расселения народов Севера и Дальнего Востока, и к 10-летию Союза их было десять (Ненецкий, Таймырский, Эвенкийский, Корякский, Чукотский, Ямало-Ненецкий, Витимо-Олёкминский, Охотско-Эвенский, Коми-Пермяцкий, Ханты-Мансийский), в 1930 году появилась Хакасская автономная область в составе Красноярского края, а в 1934 году – Еврейская автономная область в Хабаровском крае. Здесь также проводилась коренизация, одной из целей которой была борьба с «великорусским шовинизмом». Подводя итоги этой политики на заседании Президиума ВЦИК, М.И. Калинин отмечал, что из 497 районов, автономных республик и областей РСФСР 70 % являются уже национально-однородными. На остальной территории было создано 117 национальных районов и округов, в том числе 48 украинских, 5 татарских, 4 немецких, 4 карельских, 4 казахских и 1 еврейский. Все советы в национальных районах укомплектованы работниками соответствующих национальностей, в аппаратах власти общеупотребительным стал разговорный язык местной национальности (5).

Однако постепенно поощрение этой борьбы, рост национального самосознания народов СССР в результате коренизации естественным образом оборачивались усилением местного национализма и сепаратистскими тенденциями, равно как в своё время русификация усиливала великодержавный шовинизм. Первые сигналы с мест стали поступать еще в середине 1920-х годов, и они были связаны с игнорированием интересов некоренных национальностей. Наиболее показательным примером этого, как и противоречивости всей коренизации, была украинизация, проводимая в 1925–1928 годах Л.М. Кагановичем. Он превратил её в погоню за показателями – по числу украинцев в партийных и советских органах, печатных изданий на украинском языке, перевода на украинский преподавания в школах и делопроизводства. Неслучайно такую политику, которая приобрела насильственный характер, называли петлюровщиной. В республике распространились слухи о том, что рано или поздно «Украина будет самостоятельной», «Украина для украинцев», что надо «присоединить к Украине Северный Кавказ, Курщину, где осталось шесть миллионов украинцев». Реагируя на жалобы, поступавшие с Украины, Сталин в апреле 1926 года вынужден был написать Кагановичу и другим членам Политбюро ЦК КП(б) Украины: «Нельзя украинизировать сверху пролетариат. Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский. Это противоречит принципу свободного развития национальностей. Это была бы не национальная свобода, а своеобразная форма национального гнета. Несомненно, что состав украинского пролетариата будет меняться по мере промышленного развития Украины, по мере притока в промышленность из окрестных деревень украинских рабочих... Пытаться заменить этот стихийный процесс насильственной украинизацией пролетариата сверху – значит проводить утопическую и вредную политику, способную вызвать в неукраинских слоях пролетариата на Украине антиукраинский шовинизм... При слабости коренных коммунистических кадров на Украине это движение (украинизация. – Г.Б.), возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчуждённость украинской культуры и украинской

общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против «Москвы» вообще, против русских вообще, против русской культуры и её высшего достижения – ленинизма» (6).

Дискуссии между сторонниками и противниками украинизации в молодежной среде нередко переходили в открытые конфликты. В мае 1926 года Сталин получил показательное анонимное письмо студентов: «Тов[арищ] Сталин! Вы обязаны вышибить шовинистический дух из зарвавшихся шовинистов-украинцев. Мы, студенты, прочли распоряжение Укрреспублики о принятии в вуз[ы] только лиц, владеющих украинским языком. Такое постановление явно контрреволюционное, тогда долой от нас всех украинцев, а через 10–15 лет от нас из вузов РСФСР, а через десяток лет от нас останутся рожки да ножки, потому что мы передеремся. Тов. Сталин, Вы стальной ленинец, поэтому приложите все усилия и вышибите из друзей контрреволюционеров, всяких Чубарей, Петровских и пр[очих] национализм поганый... Сталин, будьте всегда в деле Ленина стальным, массы за Вами следят и к Вашему голосу прислушиваются как к самому первейшему последователю Ленина, поэтому долг Ваш – одергивать, и солидно, всех зарвавшихся... Мы ругаем шовинистов и поэтому своих фамилий не подписываем, но нас много, и мы рьяные защитники коммунизма, но шовинизм мы ненавидим. Мы допускаем поощрение национальных потребностей у якутов или тунгузцев, а не как украинцев, где все отлично говорят по-русски... Мы обвиняем укрдураков за такое глупое постановление о комплектовании вуз[ов]. Может быть, они и нас, оканчивающих вузы, как неукраинцев не возьмут на службу на территории какой-то фиктивной Украины? О, это будет вызовом нам, русским, и тогда начнется вражда, ведущая к развалу СССР» (7).

Проведенная в 1929 году проверка показала, что и в армии командный состав с трудом изъясняется на украинском языке, тогда как на низовом уровне политика украинизации приводила к многочисленным трениям на национальной почве между красноармейцами – русскими и украинцами. Доходило до того, что русские красноармейцы демонстративно отказывались «розмовлять» на «петлюровской мове», которую они пренебрежительно звали «китайской грамотой», а красноармейцы-украинцы требовали «всё украинизировать» (8).

Тревожными были новости из других регионов страны. В одной из докладных записок в правительство за 1927 год сообщалось «о ненормальностях взаимоотношений между русскими и туземным населением в Казахстане и Киргизии». Отмечалась напряженность и между юго-осетинами и грузинами, армянами и тюрками. В секретном «Обзоре политического состояния СССР» за апрель 1928 года, подготовленном ОГПУ, отмечалось, что в Армении антисоветскими элементами проводится агитация за переселение тюрков в Азербайджан ввиду «неизбежности резни тюрков армянами» (9). Любопытные примеры и цифры привёл на XV съезде партии Г.К. Орджоникидзе, руководитель Рабоче-крестьянской инспекции. Национальный состав руководящего аппарата республик выглядел следующим образом: по Украине русских – 17,2 %, коренной национальности – 54,3 %, евреев – 22,6 %, прочих – 5,9 %; по Белоруссии соответственно – 4,9 %, 60,4 %, 30,6 %, 4,1 %. Однако, к примеру, по Азербайджану, Татарской, Крымской, Дагестанской, Узбекской, Башкирской и др. республикам аппарат в большинстве своём состоял из русских. Но закончил этот отчёт Орджоникидзе странным заключением, которое, видимо, было понятно делегатам съезда: «...всякие разговорчики о еврейском засилье и т. д. не имеют под собой никакой почвы» (10).

Кризис коренизации по времени совпал с последним кризисом нэпа, «порождавшего капитализм», и стремлением сталинской команды перейти к политике его свёртывания. Во всяком случае, в 1928 году, с началом выполнения первого пятилетнего плана, появлялся новый экономический стержень государственности, связанный с усилением позиций союзного центра в отношении союзных и автономных республик. В 1929 году бюджеты союзных республик были включены в единый государственный бюджет, союзно-республиканские наркоматы переводились в общесоюзные, а республиканские отрасли управления – в союзно-республиканские. ЦИК и СНК СССР приняли постановление, по которому промышленные предприятия могли переходить из республиканского в союзное подчинение по решению СНК СССР или Президиума ЦИК СССР. Постепенно союзным органам передавались все вопросы, связанные с административно-территориальным делением и национальным размежеванием (11). Курс на индустриаль-

ный рывок, стремление в предельно сжатые сроки преодолеть технико-экономическую отсталость от западных держав неизбежно расширяли контроль центра над всеми регионами страны и их хозяйственными ресурсами, что, в свою очередь, пробуждало националистические чувства и даже сопротивление процессу модернизации.

Хлебозаготовительный кризис 1927–1928 годов, в ходе которого впервые после Гражданской войны были использованы чрезвычайные меры по изъятию зерна, вызвал восстание 30 тысяч крестьян в Кабарде, демонстрации 5 тысяч безработных в Семипалатинске, разгром хлебных лавок в Киеве, Николаеве и т. д. (12) Переход в 1929–1930 годах к сплошной коллективизации – насильственной для большинства крестьянства – привёл не только к массовым вооружённым восстаниям, но и к другим формам сопротивления. В Казахстане «множество казахов собрали свой скот и имущество и мигрировали в китайский Туркестан» или присоединились к басмаческому сопротивлению, из Украины десятки тысяч крестьян бежали в Польшу, украинские и белорусские крестьяне также уходили в Румынию, Эстонию и Латвию (13).

Безусловно, коллективизация и раскулачивание проводились по принципам классовой борьбы без национальной, этнической подоплёки. Однако в процентном отношении сильнее пострадали именно представители меньшинств. К примеру, среди западного сельского населения – финнов, эстонцев, латышей, немцев и др. – зажиточных хозяев было значительно больше, чем в среднем по стране, а бедняков было сравнительно немного. Вот почему высылка, в частности, ингерманландских кулаков из Ленинградской области в соседней Финляндии была воспринята как целенаправленное притеснение финнов-ингерманландцев и вызвала первый в межвоенный период дипломатический кризис в отношениях между Финляндией и СССР (14).

В то же время национальный фактор открыто демонстрировался на организованных весной 1930 года открытых судебных процессах над оппозиционными советской власти «Союзом освобождения Украины» и «Союзом освобождения Белоруссии», членам которых инкриминировалось стремление разрушить СССР (15). Для обеспечения беспрекословной под-

держки сталинской «революции сверху» началась чистка и в самой правящей партии. За период 1931 – первой половины 1933 годов в 13 республиканских, краевых и областных организациях за различные уклоны были привлечены 40 тысяч человек, из них исключены из партии 15 441 человек. За националистические уклоны и связь с буржуазными националистическими организациями были привлечены к партийной ответственности 2 103 человека, из них 799 исключены из партии (16). Партийная чистка, безусловно, была направлена на борьбу с троцкизмом, правым оппортунизмом и сопротивлением «великому перелому», она являлась наказанием за срыв планов хлебозаготовок и массовый голод. Однако 14 декабря 1932 года, то есть накануне 10-летия СССР, Политбюро ЦК ВКП(б) связало причины глубокого кризиса не с экономическими просчётами самой власти, в частности, сохранением, несмотря на засуху, прежних планов заготовки и экспорта зерна, не с репрессивными военно-коммунистическими мерами для обеспечения хлебозаготовок, а с национальным фактором политики. В секретном решении ЦК и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» провал был возложен прежде всего на украинизацию, которая «проводилась механически, без учета конкретных особенностей каждого района, без тщательного подбора большевистских украинских кадров, что облегчило буржуазно-националистическим элементам, петлюровцам и пр[очим] создание своих легальных прикрытий, своих контрреволюционных ячеек и организаций» (17).

Впечатляла и решительность оргвыводов, которые вышли за рамки привычной чистки: «...арестованных изменников партии на Украине, как организаторов саботажа хлебозаготовок бывших, секретарей районов, предисполкомов... предать суду, дав им от 5 до 10 лет заключения в концентрационных лагерях», «всех исключенных за саботаж хлебозаготовок и сева «коммунистов» выселять в северные области наравне с кулаками», «немедленно перевести на Северном Кавказе делопроизводство советских и кооперативных органов «украинизированных» районов, а также все издающиеся газеты и журналы с украинского языка на русский язык... перевести преподавание в школах на русский язык» (18).

Голодающие крестьяне неделями ждут поездов. Фото Джеймса Эббе. 1932 г. За фотографирование этой железнодорожной сцены фотограф был арестован НКВД

Через день Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило введение в СССР паспортной системы и обязательной прописки – для всех граждан, кроме крестьян. Эти меры восстанавливали отмененный после революции тотальный контроль населения и предотвращали начавшееся массовое бегство крестьян из колхозов и из голодающих деревень. На дорогах были выставлены кордоны, а границы между республиками перекрыты.

Голод 1932–1933 годов поразил огромную территорию Советского Союза с населением более 50 млн человек – Поволжье, Центрально-Чернозёмную область, Северный Кавказ, Урал, Крым, часть Западной Сибири, Казахстан, Украину и Белоруссию. Сравнение результатов переписей населения 1926 и 1937 годов (данные последней были засекречены) показывает, что в результате голода 1931–1933 годов население сократилось в Казахской ССР – на 30,9 %, в республиках и областях Поволжья – на 23 %, в Украинской ССР – на 20,5 %, в республиках и областях Северного Кавказа – на 20,4 %.

На территории РСФСР (без учёта Казахской АССР) от голода погибли 2,5 млн человек. Общая численность погибших от голода составила около 7 млн человек (19).

Беспризорные дети на железнодорожном вокзале. Фото Джеймса Эббе. 1932 г. Фотограф был арестован НКВД за фотосъёмку вокзала

Великодержавный поворот Сталина

Сталин не посчитал нужным открыто высказаться о величайшей трагедии СССР. О ней на протяжении долгого времени запрещалось сообщать под страхом наказания. Правда, на январском пленуме ЦК 1933 года – в самый разгар продовольственной катастрофы – Сталин просто обманул присутствующих, объявив, что колхозники в СССР «забыли о разорении и голоде» и даже поднялись «на положение людей обеспеченных» (20). В одной частной беседе Сталин признал факт голода, но дал ему совершенно иное объяснение. Речь идёт о состоявшейся 13 мая 1933 года беседе генсека с американским полковником Реймондом Роббинсом, бывшем еще в 1918 году главой американского Красного Креста в России. Когда собеседник спросил о голоде, вождь, недолго думая, возложил вину за голод на... самих голодающих колхозников, которые якобы не вовремя вступили в колхозы и потому не сумели заработать себе на хлеб (21).

И. С. Сталин

*Фотопортрет И.В. Сталин с его автографом.
Фото Джеймса Эббе. 1932 г.*

Тем не менее после трагических событий в выступлениях Сталина появляются новые оценки и акценты, свидетельствующие о явной трансформации идеологических установок. Например, 6 июля 1933 года, во время посещения дачи делегацией художников, генсек произнёс непривычный тост: «Давайте выпьем за советский народ, за самую советскую нацию, за людей, которые раньше всех совершили революцию. За самую смелую советскую нацию. Я специалист по национальным делам. Я кое-что в эти дни прочитал. Я сказал как-то Ленину: самый лучший народ – русский народ, самая советская нация... Выпьем за советскую нацию, за прекрасный русский народ» (22). Именно русский народ был отождествлен с самой советской нацией, с советским народом. Раньше указывалось, что главная опасность – это уклон в сторону великодержавного, великорусского шовинизма. Однако на XVII съезде партии в 1934 году, как и на предыдущем XVI съезде, Сталин ударился сначала в рассуждения о том, какой уклон в партии опаснее – к великорусскому национализму или местному национализму. А затем, отрицая наличие готового рецепта для современных условий, заключил: «Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали, таким образом, разрастись до государственной опасности. На Украине еще совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью. Вопрос о главной опасности в области национального вопроса решается не пустопорожними формальными спорами, а марксистским анализом положения дел в данный момент и изучением тех ошибок, которые допущены в этой области» (23).

Именно с 1934 года после длительного перерыва идеологические вопросы снова включаются в повестку дня Политбюро ЦК, то есть тогда, когда в общей стратегии, экономической и военной политике, информационном режиме чётко обозначились мобилизующие тенденции, когда государственная машина в своих ключевых звеньях стала сжиматься подобно пружине. Сигналом к разыгрыванию в официальной идеологии государственнической, патриотической карты явилось восстановление в идейно-политической жизни позитивного образа

дореволюционного прошлого (24). Этот сигнал был продублирован, но «негромко», в небольшой статье Сталина, доступной поначалу лишь посвящённым – членам Политбюро ЦК и редакции журнала «Большевик». Речь идёт о тексте Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”», датированном 19 июля 1934 года. Только спустя семь лет, в мае 1941 года, он был опубликован в журнале (25).

Летом 1934 года директор Института Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б) В.В. Адоратский предложил генсеку напечатать в номере «Большевика», посвящённом 20-летию начала мировой империалистической войны, письмо Энгельса на имя Надежды Иоан. Оно было опубликовано за границей в 1890 году под названием «Внешняя политика русского царизма». Сталин отклонил это предложение. При этом счёл нужным прокомментировать «статью Энгельса», оформив свои соображения в виде письма членам Политбюро. Он подверг критике действительно отмеченное своеобразной – революционно-морфной – русофобией отношение классика к внешнеполитической деятельности русского правительства в XIX веке и выдвинул несколько положений, соотносимых с международной и внутривнутриполитической ситуацией начала 1930-х годов. Сталин последовательно опровергал содержащуюся в материале Энгельса и традиционную для всей леворадикальной российской мысли второй половины XIX – начала XX века оценку царизма как «мирового жандарма», что по сути означало ревизию ленинской интерпретации истории России XIX – начала XX века. По его мнению, европейским правителям эта роль была присуща в большей мере, чем царской России.

Сами «упущения», «недостатки», «преувеличения» Энгельса представляли не в качестве заблуждений теоретика, которому изменила марксистская диалектика. Они подавались в виде человеческих, предметно-чувственных реакций автора («статья Энгельса – хороший боевой памфлет», обращённый «против русского царизма»). Этот памфлетист, «встревоженный налаживающимся тогда (1890–1891 гг.) франко-русским союзом, направленным своим остриём против австро-германской коалиции», оказывается, был озабочен вовсе не тем, чтобы довести до социал-демократии Европы своё видение ситуации, опирающееся на революционную теорию, как это полагалось

бы вождю пролетарского движения. Энгельс «задался целью взять в атаку в своей статье внешнюю политику русского царизма и лишить её всякого доверия в глазах общественного мнения Европы и прежде всего Англии».

Оценивая экспрессию Энгельса как национально-культурную по своей природе, Сталин фактически возложил на него ответственность за санкционирование националистической, антирусской позиции германской социал-демократии в предстоящей войне. На фоне «увлекающегося» и ошибающегося Энгельса, непоследовательности позиции социал-демократии Западной Европы засверкало новыми гранями величие большевизма как образца тактики для всех. Вопрос, которым задавался Сталин в предпоследнем абзаце своего текста, о возможности напечатания письма Энгельса в «Большевике» – «нашем боевом органе» – в качестве «руководящей» или хотя бы «глубоко поучительной» статьи, звучит риторически. После всего сказанного становится ясно, что тот, кого считали учителем, этого не заслуживает.

В результате нового сталинского позиционирования возникло представление о стране, которая и во времена «царей», «феодалов», «купцов», «прочих социальных групп» выглядела более привлекательно, чем европейские страны. Хотя у них и не было царизма – могучей твердыни общеевропейской и азиатской реакции – они с успехом, в большей мере, чем русское правительство, практиковали «в своей внешней и внутренней политике и интриги, и обман, и вероломство, и лесть, и зверство, и подкупы, и убийства, и поджоги (sic!)». Эти «поджоги», упомянутые в 1934 году, отсылали к поджогу рейхстага – провокации гитлеровских спецслужб. Тем самым становились неартикулированным знаком преемственности «зверства» в европейской истории. В контексте сталинских рассуждений эти представления о вполне пристойной по меркам того времени России прошлой смыкались с видением России сегодняшней, продолжающей свой многотрудный, но достойный путь в истории. Под руководством своего единственного вождя.

Логика ещё не опубликованной статьи и её пафос были явно направлены на изменение акцентов в описании внешней политики Российской империи, на то, чтобы перенести центр тяжести на национально-аксиологические подходы, апеллирующие к национальным чувствам русских. Казалось,

политический момент как нельзя лучше подходил для обнаружения выношенных Сталиным мыслей по поводу русской истории и внешней политики Российского государства. Идеологическая машина большевизма разворачивалась лицом к державным идеям и государственным ценностям, связывая воедино прошлое и настоящее. Однако в 1934 году Сталин свои заметки не опубликовал. Скорее всего, посчитал, что обстановка для этой публикации не вполне сложилась и незачем делать такой крупный шаг к прояснению ситуации (26).

Появление в 1934 году сталинской работы было бы воспринято как знак изменения приоритетов в соотношении «классового» и «патриотического». Между тем достижение полной ясности в идейно-политической сфере не входило в число задач идеологии и политики сталинизма. Ни Сталин, ни ведущие идеологи режима не были склонны разъяснять «альфу» и «омегу» содержания государственной идеологии. И это будет держать в напряжении партийных функционеров, интеллектуальные слои и запутывать зарубежных наблюдателей, которые связывали с развитием национального духа в СССР гибель большевизма. Однако потом они поспешили заявить, что русский элемент всё же возобладал в Советском Союзе, а значит – жизнь сильнее непрактичных теорий, и Сталин – русский революционер и патриот – не имеет никаких стремлений к мировой революции. Некоторые намекали на существенное сходство между событиями в России и Германии: ведь восторжествовала же в обеих странах «идея вождя» (Führerprinzip). Сотрудники «Антикоминтерна» – специального ведомства геббельсовского рейхсминистерства пропаганды – наоборот самым решительным образом отвергали какие-либо попытки провести параллели между большевизмом и национал-социализмом. Патриотизм в этом ведомстве трактовался как стремление мобилизовать народы СССР на борьбу за мировую революцию путём злоупотребления их национальными патриотическими чувствами, а сами перемены объяснялись тем, что «эволюция большевизма в направлении к национальному государству невозможна по той простой причине, что Россия – еврейское государство, а еврей не может превратиться в арийца» (27).

Если отвлечься от псевдонаучного и вульгарного отождествления мирового еврейства и большевизма, то основания для противоречивых толкований переориентации официальной идеологии, её глубины и долговременности, конечно, были. Хотя бы потому, что всё это происходило под большевистским, революционным углом зрения – восстанавливались прежде всего имена и авторитеты, которые не нарушали «ругательного», классового фона советской эпохи. Однако та часть партийно-государственного аппарата, те идеологические работники, пропагандисты и литераторы, которые сознательно или интуитивно рискнули поставить на великодержавие и патриотизм, не ошиблись. Значит, Сталин, пусть и в завуалированной форме, мог и дальше развивать великодержавную концепцию, новый стержень в идеологической системе.

Конституция и концепты, опережающие реальность

Отложенные нерешённые теоретические проблемы не помешали Сталину принять Конституцию «победившего социализма». В ней впервые законодательно были закреплены новые стержни государственности, связанные с советским строем и партией. Основным закон СССР разрабатывался с момента создания в феврале 1935 года Конституционной комиссии и 12 подкомиссий. После опубликования 12 июня 1936 года проекта Конституции в его обсуждении в течение последующих шести месяцев участвовало, по официальным сведениям, 75 млн человек, было внесено 1,5 млн предложений, дополнений, поправок, публикуемых в периодической печати. 5 декабря 1936 года VIII Всесоюзный чрезвычайный съезд Советов 1936 года утвердил новую Конституцию, которая действовала более 40 лет существования советского государства. Какие новые моменты были зафиксированы в ней?

В отличие от Конституции 1924 года перспектива создания мировой республики в тексте уже не упоминалась, зато СССР провозглашался как «социалистическое государство рабочих и крестьян», как «союзное государство, образованное на основе

добровольного объединения равноправных советских социалистических республик» (28). Представляя проект Конституции съезду, Сталин отметил, что в СССР входит около 60 наций, национальных групп и народностей, хотя перепись населения 1926 года зафиксировала в три раза больше национальностей. Подчёркивалось, что опыт образования многонационального государства «удался полностью», хотя в перечислении причин нового качества общности советских народов отсутствовала политика коренизации, не упоминались существующие факты дискриминации национальных меньшинств со стороны титульных наций, унитарные начала в республиках с автономиями, национальный фактор массового голода и его последствия.

В своей речи Сталин как бы продолжил старые споры о праве свободного выхода из СССР и преобразовании автономных республик в союзные, с тем чтобы окончательно заблокировать эти возможности. Отменяя право выхода – а в ходе обсуждения Конституции и её 17-й статьи такие предложения

прозвучали, – нарушался бы принцип добровольности Союза, а следовательно, пойти на этот шаг было нельзя. Но Сталин сделал другой акцент: а разве есть хотя бы одна республика, которая хотела бы выйти из состава СССР? Конечно нет, как и республики, которая хотела бы подавить другую союзную республику (29). Тем не менее Конституция закрепляла такое национально-государственное устройство, которое предполагало такое «подавление». Достижению фактического равноправия всех национальностей препятствовала определенная иерархия субъектов федерации: союзные республики – автономные республики – автономные области в составе края – национальные округа, а также иерархия населения: нации – национальные группы – народности. И Сталин дал понять, что изменения в этом ранжировании нежелательны: «Нельзя мотивировать перевод автономных республик в разряд союзных республик хозяйственной и культурной их зрелостью, так же как нельзя мотивировать оставление той или иной республики в списке автономных республик ее хозяйственной или культурной отсталостью... Татарская Республика, например, остается автономной, а Казахская Республика становится союзной, но это еще не значит, что Казахская Республика с точки зрения культурного и хозяйственного развития стоит выше, чем Татарская Республика. Дело обстоит как раз наоборот. То же самое надо сказать, например, об Автономной республике немцев Поволжья и о Киргизской Союзной Республике, из коих первая в культурном и хозяйственном отношении стоит выше, чем вторая, хотя и остается автономной республикой» (30).

Он предложил выделять три признака, которые бы купировали перевод автономных республик в разряд союзных республик: во-первых, республика должна быть «окраинной, неокруженной со всех сторон территорией СССР». Во-вторых, необходимо, «чтобы национальность, давшая советской республике свое имя, представляла в республике более или менее компактное большинство». В-третьих, необходимо, чтобы республика имела население «не меньше, а больше хотя бы миллиона», иначе маленькую республику с минимальным населением и незначительной армией «империалистические хищники живо прибрали бы... к рукам» (31).

„Девятнадцать лет стоит СССР нах илан, зараняя дулом освобождения рабочий класс всего мира и вызывая бешенство у врагов рабочего класса“.

В. Сталин

Лити Долгоруков

Однозначно и неизменно решался в Основном законе и вопрос о ВКП(б). Н.И. Бухарин, член одной из подкомиссий разработки Конституции, предлагал следующую формулировку роли партии, «являющейся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за победу коммунизма, руководящей силой всех организаций трудящихся в СССР». Сталин же добавлял: «...стоящей у власти в СССР и представляющей основную руководящую силу» (32). Окончательная формулировка статьи 126 была за Сталиным и звучала еще прямее: «...представляющей руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Таким образом, ВКП(б) получала законодательное право регулировать все сферы деятельности общества и государства, то есть узаконивался параллельный государственно-партийный аппарат, который контролировал всю деятельность государства. Кстати, в 1935 году в аппарате ЦК ВКП(б) была введена новая форма учета кадров, в которой впервые предусматривалась графа «национальность». Затем был введён учет национальности работников всех государственных учреждений. Данная мера, с одной стороны, объяснялась политической ситуацией накануне войны, выявлением и изолированием представителей тех национальных групп, которые казались подозрительными, а с другой стороны, мотивировалась необходимостью обеспечения пропорционального представительства различных национальных групп в органах власти.

В ходе обсуждения проекта Конституции вопреки фактам прозвучал вывод о «решённости» национального вопроса в СССР, на основе которого началось форсирование, во всяком случае, в идеологической и культурной сферах, межнационального сближения. Опорой для этого служили искусственные концепты «советский народ» и «дружба народов», которым была суждена долгая, полувековая жизнь. Еще в апреле 1934 года на страницах журнала «Большевик» прозвучало: «Теперь национальный вопрос в СССР разрешен, и наше разрешение этого вопроса служит великим образцом для всего мира». В июле 1935 года член Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Андреев расширил этот вывод: «Мы вправе сказать, что национальный вопрос в нашей Советской стране может считаться окончательно решенным. Мы его решили не только для себя, но дали образцы

**ДА ЗАРАВСТВУЕТ
БРАТСКИЙ СОЮЗ
И ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА
НАРОДОВ СССР!**

решения национального вопроса и для рабочих других стран в грядущей мировой пролетарской революции» (33).

Неудивительно, что в таком контексте поспешно звучали заявления о новой исторической общности людей не как этнографической, а как социальной категории. Представления о ней впервые раскрыл Н.И. Бухарин в специальной статье «Героический советский народ», опубликованной 6 июля 1935 года в «Известиях» (34). Новая общность, по Бухарину (главному редактору «Известий»), вырастает на основе обобществления производства и новых отношений собственности, на базе растущего единого социалистического хозяйства. Процесс этот ещё не подошел к своему завершению из-за остатков старых порядков в экономике и в сознании людей, но новая историческая реальность ускоряет сплочение советского общества. В другой своей статье от 14 июня 1936 года Бухарин констатировал: «У нас впервые вырос целостный народ, единый и суверенный, консолидированный и по вертикали (классы), и по горизонтали (нации)». «Известия» одновременно публиковали те отклики читателей на проект Конституции, в которых, в частности, предлагалось узаконить представления о нарождении в стране новой национальности – советской национальности, которой по идее должно было уступить дорогу этническое самосознание. Но как тогда быть с великодержавным поворотом, с самой советской нацией – русской?

С декабря 1935 года по инициативе газеты «Правда» началась новая идеологическая кампания «дружбы народов», у которой нет преград, кроме создаваемых врагами народа и национал-уклонистами (35). Тогда же и там же была опубликована знаковая речь Сталина на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства 4 декабря 1935 года: «Но есть, товарищи, одна вещь, более ценная, чем хлопок, – это дружба народов нашей страны. Настоящее совещание, ваши речи, ваши дела говорят о том, что дружба между народами нашей великой страны укрепляется... Былому недоверию между народами СССР давно уже положен конец... недоверие сменилось полным взаимным доверием... дружба между народами СССР растет и крепнет... Пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Никто

не страшен нам, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует» (36).

Наполнение и расширение концептов «советский народ» и «дружба народов» на разных этапах истории СССР изменялось в соответствии с политической конъюнктурой. Но покажительно, что эти концепты начали конструироваться сверху, неорганично и довольно поспешно уже на рубеже первого десятилетия СССР.

В плену имперских традиций

К первому десятилетию в основном сложились и национальные школы исторических исследований. Неслучайно на Все-союзной конференции историков-марксистов работала секция истории народов СССР, на которой рассматривались проблемы современной «исторической украинской науки», «армянской историографии» и др. На этом же форуме раздались призывы к организации коллективной работы «историков-марксистов Закавказья», «дружному союзу украинских историков-марксистов и ресефесеровских историков-марксистов, а также и белорусских историков-марксистов, грузинских и т. д.». Посланцы национальных регионов остро реагировали на «отрыжки» великодержавного шовинизма и национального нигилизма, которые они усматривали тогда в «русской исторической литературе» (37). Историки-марксисты, занимавшие левый фланг национальных историографий, отдавали себе отчёт в том, что ведущие позиции в них продолжают удерживать «современные антимарксистские течения», наследующие традиции дореволюционной науки. Их представители уличались в том, что «в качестве стержневого вопроса» истории СССР они рассматривают «борьбу за национальную независимость» своих народов, против «русификаторской и колонизаторской политики» Российской империи. Или, во всяком случае, «дают материал по национальному движению в такой пропорции», что читатели «видят национальный момент основным» – независимо от подчёркивания автором значения экономических факторов. Имелась в виду историческая концепция марксизма

с присущими ей экономическим детерминизмом и истолкованием национального вопроса в качестве производного от вопроса социального.

К началу 1930-х годов по мере отсечения сталинской группой старой гвардии, для которой идеология коммунизма включала в себя безусловное осуждение с классовых позиций «тёмного прошлого» императорской России, в арсенале большевистского строя отчётливо намечаются два своего рода идеологических стержня: интернационально-классовый и державно-патриотический. Очевидное противоречие, возникшее между этими полюсовыми позициями, – вопреки доктрине оказывалось, что пролетариат «обретал отечество» ещё до победы своей революции, – использовалось для поддержания напряжения в идеологических структурах, в среде партийной и беспартийной интеллигенции. В ходе революции сверху на рубеже 1920–1930-х годов национально-историческая мысль практически делегитимизируется. Она втискивалась в прокрустово ложе единого «марксистско-ленинского направления», которое всё более переходило на позиции русского национализма. Однако для того чтобы смена идеологии стала фактом политики, началось практическое вживание русского патриотизма в социалистическую идеологию, требовались серьёзные и бесспорные поводы. Ими стали провал расчётов на революционный выход из мирового экономического кризиса 1929–1933 годов и победа национал-социализма в Германии. Угроза новой войны против Советского Союза неизбежно заставляла опираться на идею патриотизма самого многочисленного в стране народа – русского. Тем более что подвижки в идеологической сфере отвечали логике её эволюции. Утверждавшееся новоимперство влекло за собой восстановление русской патриотики в качестве несущего элемента идейной конструкции, обеспечивающей советский унитаризм.

Ариадновой нитью в лабиринте порождаемых идеологическими переменами историографических конфигураций для работников образовательных и научных учреждений служили постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 года, замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР Сталина, Жданова и Кирова от 8 и 9 августа 1934 года, решение

Политбюро «Об учебниках по истории» от 26 января 1936 года и др. Ключом к пониманию характера развития историознания являлось, безусловно, постановление высших органов партии и государства «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Как известно, решением, содержащимся в этом документе, в систему начального, среднего и частично высшего образования возвращались курсы истории России и всеобщей истории, в основном заменённые в первые годы советской власти курсом обществоведения. Однако придание вопросу о возвращении истории общеполитического и отчётливо идеологического характера произошло только после завершения работы XVII съезда партии. Съезд закреплял курс XVII партконференции на достижение в ближайшее время нового беспрецедентного уровня социальной нивелировки общества – нивелировки, скрепляемой диктаторско-имперскими обручами. В свете задачи «ликвидации классов вообще» постановка вопроса об «особо значительном хозяйственном и культурном росте», имеющем место «в национальных районах Союза, быстро идущих по пути окончательной ликвидации отсталости», должна была означать стремление к достижению значительных степеней национальной индифферентности и «деэтнизации» инонациональных групп. В связи с этим необходимо было оснастить единую жестко унифицированную систему образования курсом истории, выступающим в качестве звена новоимперской великорусской идеологии.

Обращает на себя внимание словосочетание, вынесенное в заголовок постановления от 16 мая 1934 года, а затем, при его употреблении в самом тексте, выделенное петитом – «гражданская история». Речь шла не просто о восстановлении систематического курса истории взамен неполных и схематизированных исторических сюжетов, излагавшихся в курсах обществоведения, не только об изменении того положения в педагогике, оценка которого присутствует в документе в виде констатации: «Преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно». Нужно было найти приемлемую словесную форму, которая, открыто не посягая на марксистскую теорию истории, в то же время ориентировала бы специалистов на державно-патриотические позиции. Понимание процесса общественного развития в качестве «гражданской

истории» не являлось принципиальным вопросом историографии в начале XX века. Самому Сталину словосочетание «гражданская история» было знакомо с юношеских лет. В учебной программе первых трёх (при пятилетнем обучении) классов Тифлисской духовной семинарии, где он в середине 1890-х постигал азы науки, преобладали светские дисциплины. Среди них – всеобщая гражданская история и русская гражданская история. Эта «гражданская история» в документе 1934 года по существу отсылала к традиции дореволюционной секулярной историографии, к её позитивному содержанию, складывавшемуся из биографий и хронологии: гражданская история расшифровывалась как изложение важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности с характеристикой исторических деятелей. Сам термин выступал в роли идеологизированного эвфемизма понятия Российского государства.

В постановлении 1934 года речь шла не о преподавании некой гражданской истории взамен социологизаторского историознания времён ленинизма. В действительности предполагалось оснастить образовательные институты политической историей царской России – в аранжировке великорусской идеи, с целью идейно-теоретического обоснования легитимности новой имперской деспотии. Однако главной особенностью критических замечаний и указаний, агрегированных в этих документах, следует признать их нарочитую противоречивость и многозначность. Полиэтническая идея воссоздания не «русской истории», а «истории Руси» с учётом истории народов, входивших в СССР (включая даже татар, башкир, мордву, чувашей), на основе «марксистского объяснения» конфликтовала с русоцентристскими подходами, утверждавшимися в этих документах, а также с положениями, которые было немислимо представить в боевой марксистской историографии 1920-х годов: о попытках Петра цивилизовать современную ему Россию, о прогрессивном значении введения христианства на Русь и деятельности монастырей и т. д. Причём это касалось не только содержательной стороны историописания, но и его формы.

Постановление от 16 мая 1934 года ориентировало на изложение гражданской истории в «живой, занимательной форме». Жюри комиссии по конкурсу на лучший учебник по ис-

тории порицало «большинство авторов», которые описывали эпоху социалистического строительства в СССР «больше восклицательными знаками, кликами восхищения и разного рода трогательными анекдотами, песенками и общими характеристиками» (38). Указание на «живую занимательную форму» – в лучшем случае невольная дань традиционным представлениям о пособиях по истории. Эта «форма» никак не вписывалась в утверждавшийся большой стиль «мужественного оптимизма» и «монументальности», не оставлявший места занимательности и сантиментам. Если их и использовали, то только дозированно и в исключительных случаях. Эта идеологическая и стилистическая неопределённость не только являлась составной частью сталинской политики, но и использовалась в предвоенные годы для обоснования массовой кадровой «выбраковки» в научной сфере.

Разворот в сторону державно-патриотической идеи обесценивал достижения советской марксистской историографии. Фигура Покровского, являвшаяся символом большевистско-партийной науки, подлежала низвержению с пьедестала. Тем более что для Сталина, входившего в роль живого классика и основоположника советской науки, был неприемлем канонизированный образ «всемирно известного учёного-коммуниста», «виднейшего организатора и руководителя нашего теоретического фронта» – такие характеристики Покровского содержались в сообщении ЦК ВКП(б) о смерти историка в 1932 году. Вместе с наследием Покровского обрекались на дисквалификацию с позиций национал-большевизма все произведения историков-марксистов, включая тех, кто начинал работать до 1917 года. Все эти историки, по сути дела, подпадали под понятие «школы Покровского» – понятие, введённое сталинскими идеологами вполне функционально.

Усугубляло положение марксистских историков то обстоятельство, что, привыкшие оперативно откликаться на изменения политики партии, они восприняли содержавшееся еще в докладе Сталина на XVI съезде ВКП(б) указание на особую опасность «великодержавного шовинизма», его призывы с уважением относиться к национальным культурам и языкам в качестве признаков вновь формируемой партийной стратегии. Прямую поддержку национальных историографий выра-

жала поставленная Обществом историков-марксистов задача «создания истории народов СССР руками научно-исторических сил самих этих народов». Это был явный отход от наметившегося в конце 1920-х годов ужесточения идеологической позиции историков центра по отношению к историографиям союзных республик и автономий. Соответственно усилились нападки на Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтера, С.Ф. Платонова и других представителей русской академической историографии как носителей идей великодержавности в историческом познании. Особую активность проявлял С.А. Пионтковский, один из немногих профессионалов среди первых русских историков-марксистов (он окончил незадолго до революции историко-филологический факультет Казанского университета, был учеником известного провинциального историка Н.Н. Фирсова). За ним с 1928 года тянулся шлейф ревизиониста, подменившего ленинскую концепцию социалистической революции в России теорией «двух революций» в Октябре – буржуазной в деревне, захолустье и пролетарской в городских центрах (39). Демонстрацией своей верности, как ему казалось, партийной интернационалистско-классовой стратегии он стремился загладить последствия критики в свой адрес. Оказалось – набирал «штрафные очки» по системе византийской идеологии сталинизма.

Зигзаг «партлинии» в национальном вопросе в начале 1930-х годов был обусловлен резким обострением в сфере культурно-национальных отношений, которые являлись системообразующим элементом аграрно-традиционалистских укладов инонационального населения. Нажим на массы аграриев-общинников, предпринятый в ходе коллективизации – очередного шага к достижению «той степени развития, когда имеется возможность планировать всё и вся» (40), – обернулся реакцией противодействия нерусских окраин страны. Социальную мелиорацию национальные меньшинства восприняли как угрозу своей этнической идентичности. Огосударствление аграрного сектора имело своим последствием и задачей маргинализацию и декультурацию инонационального населения. Наиболее серьёзные конфликтные ситуации сложились в Казахстане и Башкирии. Как уже отмечалось, многие крестьяне бежали в зарубежные страны, в Татарии и на мусульманском

Востоке в целом отмечался подъём «султан-галиевщины». Однако коллизии начала тридцатых не могли поколебать далеко идущие замыслы большевистского руководства, обретавшего державно-патриотическую статью.

Стало очевидно, что национальные историографии в том виде, в каком они сложились, неприемлемы для социалистического развития и новой истории СССР. Сам Сталин располагал разнообразными данными, необходимыми ему для принятия политических решений в области культурно-национальных отношений. Среди них наверняка были впечатления, полученные в ходе встречи с украинскими писателями (с национальными историками он не встречался). Сталин разъяснял «письмэнникам» новую диалектику большевизма, обосновавшую политику сверхцентрализации власти, унификации национально-государственных и культурных отношений, наращивания насильственных методов в общественной практике («прийти к отмиранию государства путём небывалого расширения функций этого государства»). В этой же плоскости был прокомментирован замысел относительно культурно-национальной сферы: «Мы проводим политику максимального развития национальной культуры с тем, чтобы она исчерпала себя до конца и чтобы затем была создана база для организации международной социалистической культуры не только по содержанию, но и по форме» (41).

Характер вопросов и выступлений деятелей советской украинской литературы говорил о том, что писатели озабочены не только вопросами литературы и тем более продвижения к международной пролетарской культуре, призванной отменить национальные формы самой культурной жизни. Их интересовали прежде всего задачи территориального расширения и укрепления украинской республики за счёт присоединения к Украине Курской, Воронежской губерний и той части Кубани, где компактно проживает украинское население. В ответ на сталинское замечание о том, что «этот вопрос не касается судьбы русской или национальной культуры», стенограмма зафиксировала «голос с места»: «Он не касается, но он ускорит дальнейшее развитие культуры там, в этих местностях». Во время другого поворота разговора ещё один «голос с места» под общий смех произнёс, что «можно присоединить Га-

лицию к Украине, они нас понимают». Замечанию придавало ироническое звучание то обстоятельство, что Западная Украина, игравшая решающую роль в формировании культурного самосознания украинского этноса, находилась в это время в составе Польши.

Натиску украинских националов Сталин противопоставил систему аргументации, опорными элементами которой явились апелляция к негативной реакции русского населения на подобные планы национально-территориальных изменений, а также указание на несущественный характер этих вопросов с точки зрения теории и практики социалистического строительства. Державное «нечувствие» Сталин продемонстрировал в вопросе, касавшемся отношения украинских писателей к пьесе М.А. Булгакова «Дни Турбиных». Это произведение они, как и украинские историки, встретили в штыки, усматривая в нём антиукраинские и великодержавные идеи. И тем самым показали, что проблемы литературного процесса писатели воспринимают с точки зрения наращивания политико-идеологических ресурсов украинского этноса.

Писатель Тесняк объяснился прямо: «Когда я смотрел «Дни Турбиных», мне прежде всего бросилось в глаза то, что большевизм этих людей побеждает не потому, что он есть большевизм, а потому, что сделает единую великую неделимую Россию. Это концепция, которая бросается всем в глаза, и такой победы большевизма лучше не надо». Присутствовавший на встрече Каганович ещё не вполне, по-видимому, уловивший новые подходы Сталина к национально-культурному развитию, бросил реплику: «Единая неделимая выпирает», – реплику, вызвавшую шум и одобрительные разговоры в зале. Сталин взял под защиту пьесу и её автора с некой «точки зрения зрителя», для которого пьеса Булгакова – «это величайшая демонстрация в пользу всесокрушающей силы большевизма». При этом уклонился от комментариев по поводу великодержавной позиции Булгакова, приписываемой тому украинскими писателями. Разумеется, аргументация Сталина сама по себе ничего не меняла в воззрениях украинских интеллектуалов и ни в чём не могла их переубедить. Но пробный шар был запущен, этнополитическая ситуация протестирована, выводы сделаны. Потребны были другие – организационно-политичес-

кие и карательные – методы для укрощения национальных культур и наук. Они и были задействованы в 1930-е годы.

Когда поколение первых историков-марксистов было рассеяно, произошла легитимация уцелевшей части «старых» специалистов в качестве советских историков, но никак не историков национальных. Наличие последних обновлённая идейно-политическая система уже не предусматривала вплоть до своего распада. Впоследствии ушедших из жизни национальных историков (это касалось, как правило, нерепрессированных крупных специалистов) советская историография расставила по своему ранжиру: М.С. Грушевский квалифицировался как «украинский буржуазный историк» (42), а И.В. Джавахишвили – «советский грузинский историк» (43) и т. д. Неудобные фигуры просто замалчивались – подобно возглавлявшему украинскую делегацию на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов М.И. Яворскому (он не будет представлен даже в «Историографии истории Украинской ССР» 1986 года).

В историографии распространён взгляд на Яворского как на «официального историка», «идеологического» надсмотрщика, по существу «аппаратчика», но не историка (44). Прodelавший, как он сам выразился, «путь от галицийского националистического мещанства к большевизму», Яворский отличался последовательностью в отстаивании вновь обретенных позиций. В своём докладе на конференции, озаглавленном «Современные антимарксистские течения в украинской исторической науке», он представил работы большинства современных украинских историков в качестве теоретико-исторического оформления идей буржуазного национализма и фашизма. В докладе Яворского не прозвучала мысль (наверняка члены украинской делегации обговорили «разделение труда» в своих выступлениях), которую затем высказали другие украинские историки, – о необходимости критической оценки проявлений великодержавного шовинизма. Мишенью их критики явилась работа М.В. Нечкиной «Общество соединённых славян» и второй том сборника «Крестьянское движение в 1917 г.», выпущенный в Москве к десятилетию Октябрьской революции.

По словам члена украинской делегации Гуревича, Нечкина умудрилась ни слова не сказать об «украинских моментах»,

освещающая историю «общества людей, которые вскормились на украинских традициях». Эти претензии к историографии центра вызвали твёрдые возражения со стороны московских историков, а Покровский отмёл упрёки в адрес Нечкиной. Яворский вынужден был включиться в полемику украинских и русских историков-марксистов по проблемам этноцентризма («этнографизма» – в терминологии того времени) в этих двух национальных комплексах историографии. Вслед за своими коллегами с Украины он указал «некоторым нашим русским товарищам-марксистам» на неправильное использование ими «названия «русское» даже для нерусских явлений». Однако в целом он занял положение оборонявшейся стороны, сетуя на отсутствие марксистской традиции в историографии Украины и обращаясь за помощью к «русским историкам» (45).

Историографическая ситуация конца 1920-х годов, – а материалы Всесоюзной конференции историков являются её репрезентативным срезом, – свидетельствовала о том, что первые историки-марксисты оказались в плену имперских традиций русской историографии. Великорусскую идею в историознании они, скорее всего, искренне воспринимали в качестве единой большевистской позиции, боевой интернационалистской идеологии, призванной вразумлять национал-уклонистов в среде марксистов из национальных республик. Отношение к «другой стороне вопроса» – интерпретации национальных историй в великорусском ракурсе – фактически раскалывало марксистский «исторический фронт» на национальный и русский «фланги».

Национальные истории шли на уступки и ожидали того же от центра. Сталинскому руководству в его унитаристско-имперской политике не требовалось «вносить» идейно-политическую борьбу в сообщество историков-марксистов для решения задач подавления национальной мысли в историознании. Русская марксистская историография сама была на это нацелена. Не менее важно другое. Обстановка на «историческом фронте» демонстрировала неразрешимое в пределах гносеологии противоречие между «пролетарской методологией» и национальной историографией, выступавшей с тех же, казалось бы, марксистских классово-центристских позиций. Более изощрённой попытки соединить эти два начала, чем та, кото-

рую предпринял Яворский, наверное, не знала историография. Он заявил, что нельзя отбрасывать явления «в синтезе революционного движения в России» только потому, что они «носили свою национальную украинскую форму». Тут же делая оговорку, ставящую под сомнение это положение, «что всё же нельзя подходить с этнографическим принципом к историческим явлениям». Заявлены как бы тезис и антитезис. Но синтез не достигается, поскольку он невозможен в принципе: «Когда я говорю – украинское революционное движение, – я понимаю, что это не есть одно национальное движение, а это есть революционное движение, которое происходило на территории Украины, увязываясь с украинской действительностью». Соответственно, нельзя говорить, что какой-либо революционер «перестал быть украинским революционером потому, что ушёл от украинства», и что «украинское революционное движение есть только в этнографических границах, а русское революционное движение – в русских этнографических границах» (46).

Концептуальный тупик был очевиден. Этнонациональное оставалось самим собой, несмотря на все методологические и методические ухищрения. Многоопытный Покровский знал, что говорил, когда советовал «на время» предать забвению все национальные традиции. На практике это означало соединение официальной историографии СССР с великорусской национальной традицией (47). Что и было сделано, только не на добровольной основе. Таким, как Яворский, не оставалось места в историографии и самой новой жизни (48).

* * *

В конце 1920-х – первой половине 1930-х годов сложилась сложная и противоречивая структура пространства памяти об исходных началах СССР и последовавших изменениях смыслов этого исторического феномена. Внешне эти смыслы для власти и народа, казалось бы, остались прежними, а значит, сохранялся задуманный Лениным проект, однако в реальной жизни резко сменился экономический курс, связанный со свёртыванием нэпа и «большим скачком», мобилизационной политикой и культурной революцией. Всё это существенным образом трансформировало межнациональные отношения.

Плакат «Весь мир будет наш!». Художник Я. Завьялов. 1933 г.

К 10-летию СССР стали ясны негативные последствия непродуманной коренизации. Неудача этого эксперимента, нанесившего ущерб национальным меньшинствам и поощрявшего местный национализм, в конечном итоге обернулась усилением унитаризма и возвращением русскому этническому ядру его ведущего положения и роли опоры государственности. Партийные чистки привели к тому, что в пространстве памяти исчезли фигуры, игравшие активную роль в образовании СССР, – Троцкий, Фрунзе, Раковский, Мдивани, Султан-Галиев и др.

Вместе с тем в пространстве памяти акценты на тот момент были расставлены аккуратно, без выпячивания, для понимающих. То, что для режима становилось негативом, отодвигалось в зону антипамяти как бы намёками, в тестовом режиме. Отсутствие определённости в столь важном вопросе оставляло свободу для возможного манёвра и могло служить дополнительным крючком для обвинений с наступлением Большого террора.

Изменилось само государственное устройство, заметно ограничился суверенитет союзных и автономных республик, но в сталинской Конституции СССР это не нашло своего отражения. В то же время в стране и партии стал распространяться ошибочный тезис о «решённости» национального вопроса в СССР. Идеологически – через навязывание обществу опережающих время концептов «советский народ» и «дружба народов», которые рассматривались как необходимый инструмент построения и сплочения общества нового типа, а также расставания с прошлым. Однако эти концепты вскоре серьёзно подорвет Большой террор с его «национальными операциями» и депортацией народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Правда. 1932, 30 декабря.
2. Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. Кунгур, 2007. С. 200.
3. См.: Правда. 1932, 30 декабря.
4. Там же.
5. Известия. 1932, 5 ноября.

6. *Сталин И.В.* Соч. Т. 8. М., 1948. С. 152.

7. Цит. по: *Григорьев Евгений.* История коренизации // Историк. 2015. № 7–8. С. 17. См. также: *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. М., 2006. С. 100–112; *Её же.* Сталинский проконсул Лазарь Каганович на Украине: апогей советской украинизации (1925–1928). М., 2021; *Савченко В.А.* Проблемы первой кампании коренизации и украинизации на Юге УССР (1923–1930 гг.) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2014. № 1 (5). С. 15–22; ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1 (1918–1933). М., 2005. С. 712–715.

8. *Борисёнок Е.Ю.* Феномен советской украинизации. С. 113.

9. *Хмара Н.И.* Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920–1930-е годы) // Отечественная история. 2006. № 3. С. 132.

10. См.: Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1961. С. 443–444.

11. *Бахтурина А.Ю.* Советская национальная политика // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Трудные вопросы истории России // <https://history.jes.su/s207987840004708-7-1/> (дата обращения: 21.11.2022).

12. *Bordyugov Gennadii.* The Policy and Regime of Extraordinary Measures in Russia under Lenin and Stalin // Europe-Asia Studies. Vol. 47. No. 4. 1995. P. 623.

13. См. подробнее: *Куромия Х.* Сталинский «великий перелом» и процесс над «Союзом освобождения Украины» // Отечественная история. 1994. № 1. С. 194.

14. См.: *Мусаев В.И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX вв. СПб., 2004. С. 241–246.

15. См.: *Куромия Х.* Сталинский «великий перелом» и процесс над «Союзом освобождения Украины». С. 190–197. В преддверии процесса в январе 1930 г. Украинская автокефальная православная церковь была распущена ГПУ. Процесс СВУ в 1989 году был пересмотрен Верховным судом Украинской ССР, и его обвиняемые были реабилитированы.

16. См.: XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 297. Проверка всех материалов на 328 лиц, завершившаяся в 1990 году Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС и ИМЛ при ЦК КПСС, показала, что обвинения в антипартийной и антисоветской деятельности были предъявлены им необоснованно. См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 84.

17. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 3. Конец 1930–1933. М., 2001. С. 576–577.

18. Там же.

19. Официальная оценка масштабов голода была дана Государственной Думой РФ в заявлении от 2 апреля 2008 года «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР». См.: Парламентская газета. 2008, 4 апреля.

20. Цит. по: *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия советской деревни. М., 2008. С. 253.

21. См. подробнее: *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике Советского государства 1922–1953 гг.). М., 2011. С. 88.

22. *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 135–136.

23. *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. М., 1951. С. 361–362.

24. Речь, в частности, идёт о постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) 16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР».

25. Подробно документальный разбор этой истории см.: *Бордюгов Г.А.* Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства // Отечественная история. 1999. № 2. С. 27–47. См. также: *Bordjugov Gennadij.* Die Machtergreifung Hitlers: Dominanten außenpolitischer Entscheidungen des Stalin-Regimes 1933–1934 // Zwischen Tradition und Revolution. Determinanten und Strukturen sowjetischer Außenpolitik, 1917–1941 / Hrsg. von L. Thomas und V. Knoll. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. S. 371–398.

26. К этой малоизученной непрояснённости привлекает наше внимание одно свидетельство М.Я. Гефтера: «Один благородный человек, талантливый историк, прошедший все круги недантова ада, говорил мне с улыбкой, вспоминая и 1934-й, и 1935-й: «Это была весна. Весна писательского съезда и отмены карточек, ликвидации ‘политотделов’ и передачи земли в ‘вечное пользование’ колхозам, снижение темпов индустриализации и упора на благосостояние, весна возрождения забытых историков вместе с реабилитацией избранных эпох и фигур из ‘проклятого прошлого’, весна готовящейся новой конституции и упразднения жёстких классовых барьеров. Самокритика была в разгаре. От партийных и беспартийных (совместные активы!) доставалось и наркомам»». См.: *Гефтер М.* Из тех и этих лет. М., 1991. С. 260.

27. Цит. по: *Laquer W.* Russia and Germany Hitler's Mentors. Problems of Eastern Europe. N.Y., 1991. P. 247.

28. РСФСР (с 17 автономными республиками и 6 автономными областями), Украинская ССР (с Молдавской автономной республикой), Белорусская ССР, Азербайджанская ССР (с Нахичеванской ав-

тономной республикой и Нагорно-Карабахской автономной областью), Грузинская ССР (с Абхазской и Аджарской автономными республиками и Южно-Осетинской автономной областью), Армянская ССР, Туркменская ССР, Узбекская ССР (с Каракалпакской автономной республикой), Таджикская ССР (с Горно-Бадахшанской автономной областью), Казахская ССР, Киргизская ССР. Как видно, по новой Конституции вместо Закавказской федерации возникло три союзные республики, а Казахская и Киргизская автономные республики стали союзными. Указывалось, что только Армения, Белоруссия, Туркмения и Киргизия не имеют в своем составе автономных республик, равно как краёв и областей.

29. Правда. 1936, 26 ноября.

30. Там же.

31. Там же.

32. См.: *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* Поздний Бухарин: представления о социализме // Бухарин: человек, политик, учёный / Под общ. ред. В.В. Журавлёва. М., 1990. С. 159.

33. *Андреев А.* Победа ленинско-сталинской национальной политики // Известия. 1935. 6 июля.

34. К этой статье серьезное внимание исследователей привлёк А.И. Вдовин в своей книге «Подлинная история русских. XX век» (М., 2010. С. 53–55, 68).

35. Правда. 1935, 4 декабря.

36. Правда. 1935, 6 декабря.

37. См.: Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28 декабря 1928 – 4 января 1929. Т. 1. Изд. 2-е. М., 1930. С. 432, 437, 440–441, 459. См. также вышедшие к этому времени: *Смидович П.Г.* Устройство туземных народностей Советского Союза. М., 1926; *Тюрина Ф.* Нет угнетенных наций в СССР. М. – Л., 1927; *Дурденевский В.Н.* Равноправие языков в Советской стране. М., 1927; *Диманштейн С.* Проблемы национальной культуры и культурного строительства в национальных республиках // Вестник Коммунистической академии. М., 1929. Кн. 3(1); *Любимова С.Т.* СССР – союз национальностей. М. – Л., 1930; Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. Ч. I. Минск, 1927; ч. II. 1929; *Островский З.* Проблемы украинизации и белорусизации в РСФСР. М., 1931.

38. К изучению истории. М., 1937. С. 22, 36, 38–39 и др.

39. См.: *Бухараев В.М.* Концепция «двух революций» в Октябре как историографический феномен // Октябрьская революция. Народ – её творец или заложник? М., 1992.

40. *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 83.

41. См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4490. Л. 7–9.

42. Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963. С. 857.
43. Там же. Т. 5. М., 1963. С. 145.
44. См.: *Санцевич А.В.* Концепция истории Украины М.И. Яворского и судьба учёного // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996.
45. Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. С. 461, 466.
46. Там же. С. 461, 465–466.
47. См. подробнее: *Бордюгов Г.А.* Национализация государственной идеологии сталинским режимом и политическое поведение интеллигенции // Интеллигенция России в XX веке и проблемы выбора. Екатеринбург, 1999. С. 10–24.
48. После исключения из партии в начале 1930 года и шестилетнего заключения на Соловках 9 октября 1937 года постановлением особой тройки он был приговорён к расстрелу с клеймом «фашиста» и «националиста».

Глава 3

Второе десятилетие: испытание войной

Великая Отечественная война особым образом высветила феномен СССР как государства, сохранившего суверенитет и столкнувшегося с угрозой существования. Цели гитлеровской Германии были известны – ликвидировать Советское государство как колосс на глиняных ногах, поработить все народы страны и уничтожить «недочеловеков», в первую очередь евреев, «захвативших власть в России и создавших советскую тюрьму народов». Хорошо известен план министра оккупированных восточных территорий, рейхсляйтера Альфреда Розенберга в отношении СССР: «Задачи нашей политики – органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования, восстановить их против Москвы, освободив тем самым Германскую империю на будущие века от восточной угрозы. Четыре больших блока должны будут оградить нас и одновременно продвинуть далеко на восток границы Европы: 1) Великая Финляндия; 2) Прибалтика; 3) Украина; 4) Кавказ... Южные области и Северный Кавказ должны будут послужить компенсацией в деле обеспечения продовольствием германского народа. Мы не берем на себя никакого обязательства, чтобы кормить русский народ продуктами из этих областей изобилия» (1).

К концу 1942 года стало ясно, что ни одна из этих целей не была достигнута. Подводя итоги двадцатилетнего существования СССР, М.И. Калинин не скрывал, что это небольшой срок, но для государства нового типа, созданного впервые в истории человечества, эта краткость не исключает его огромного принципиального значения. Председатель Президиума Верховного Совета СССР подчеркнул, что немцы просчитались: народы СССР не дрогнули, «содружество советских на-

родов, испытанное не раз в тяжелых условиях, теперь стало еще крепче, еще роднее». Однако успокаиваться ещё рано, так как «фашистские негодяи хотят накинуть мёртвую петлю на советский народ и возмущаются, что мы хотим в этой петле удавить самих немецких тряпичников, но как бы немецкие фашисты ни ловчились – быть висельникам в удавной петле» (2).

В исторической части статьи – а она была перепечатана в центральных органах печати всех союзных и автономных республик – обратило на себя внимание отсутствие в пространстве памяти фигуры Ленина как создателя СССР и выпячивание Сталина в качестве главного культурного героя события. Не раскрывались обстоятельства расширения состава СССР в 1939–1940 годах и появление новых субъектов Союза. Не зная обстоятельств подписания 23 августа 1939 года пакта о ненападении между СССР и Германией, а также секретного дополнительного протокола о разграничении сфер влияния в Восточной Европе, по которому в зону советских интересов попали Финляндия, Бессарабия и Прибалтика (до северной границы Литвы), современники сохранили, однако, в памяти последующий ход событий.

30 ноября 1939 года Красная армия перешла финскую границу, в феврале 1940 года мощная укреплённая линия Маннергейма, носившая имя финского главнокомандующего и президента Финляндии, была прорвана, советские войска заняли Выборг, и Финляндия запросила мира. По мирному договору, заключённому 12 марта 1940 года, к СССР отходила значительная территория на Карельском перешейке и передавался в аренду полуостров Ханко. На этих территориях 31 марта была образована новая союзная республика – Карело-Финская ССР. 15 июня 1940 года, когда войска вермахта вошли в Париж, Красная армия заняла Литву, а 17 июня – Латвию и Эстонию. После июльских выборов в сеймы Латвии и Литвы и рийгикогу Эстонии большинство депутатов-коммунистов провозгласили восстановление советской власти в Прибалтике и приняли обращение с просьбой в Верховный Совет СССР принять Латвию, Литву, Эстонию в состав СССР. В августе на эту просьбу последовал удовлетворительный ответ. Тогда же советское правительство предъявило ультиматум Румынии о немедленном возвращении «незаконно отторгнутой

Художник Б. Пророков. Крокодил, № 4, февраль, 1940 г.

Бессарабии» и передаче в состав СССР Северной Буковины. Это требование было удовлетворено, и часть Бессарабии, а также ранее входившая в состав Украинской ССР Молдавская автономия на левом берегу Днестра были включены во вновь образованную Молдавскую ССР со столицей в Кишинёве, остальные приобретения – в состав Украины. За один год население СССР выросло примерно на 23 млн человек. На новых территориях в сжатые сроки были приняты советские законы, созданы новые органы управления, проведены национализация и перераспределение земель, осуществлены массовые депортации на восток «буржуазных националистов» и «врагов народа». К концу 1930-х годов завершился и процесс строительства национально-государственной структуры РСФСР. Ряд автономий (Марийская, Калмыцкая, Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская, Северно-Осетинская, Коми) получили статус автономных республик, а дробные формы территориальной автономии (автономные районы и сельсоветы) были ликвидированы.

В своей статье Калинин отдал должное экономическому росту республик. Действительно, в годы Третьей пятилетки (1938–1942 гг.) строились крупные предприятия-дублёры на востоке страны. На Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, в Казахстане, Средней Азии и Закавказье создавались целые комплексы металлургии, машиностроения, топливной, химической и электротехнической промышленности, что стало базой развёртывания военного производства в годы войны. Значительно увеличились мобилизационные запасы металлов. К 1941 году все республики стали индустриальными, произошло изменение в размещении производительных сил по территории страны. Всё это позволило в начале Великой Отечественной войны эвакуировать около 1,5 тысяч промышленных и оборонных объектов из западных регионов, в кратчайшие сроки развернуть производство военной техники, вооружения и боеприпасов. К концу 1942 года РККА не уступала вермахту в технике и боеприпасах, что позволило постепенно овладевать стратегической инициативой в ходе военных действий. К этому времени стали очевидными и преимущества превращения армии и флота в многонациональные вооруженные силы, которые включали в свой состав граждан всех национальностей

«Под родным крылом». Художник Б. Пророков.
Крокодил, № 15, август, 1940 г.

Плакат «Били, бьем и будем бить». Художник В. Серов. 1941 г.

страны (3). Решение об этом было принято ещё в марте 1938 года – национальные части, военные училища, школы РККА реформировывались в общесоюзные, с экстерриториальным комплектованием, изменением дислокации соответствующих частей и соединений и призывом граждан всех регионов «на общих со всеми национальностями СССР основаниях» (4).

По понятным причинам в военных условиях в офицере не могло быть и речи о том, что происходило во время репрессивных «национальных операций» 1937–1938 годов, о депортациях накануне войны, об осмыслении причин отступления Красной армии и коллаборационизма на оккупированной территории. Не вспоминалось, впрочем, и 10-летие СССР, поскольку 1932 год, по сути, стал символом завершения коллективизации и началом массового голода. Но всё это, безусловно, сохранялось в памяти высшего руководства страны и коллективной памяти пострадавших групп населения и через несколько десятилетий будет воспроизведено в разных документальных источниках и воспоминаниях. Рано или поздно раскроется сложная и противоречивая картина отношений между национальностями на фронте и в тылу, и она окажется

иной, чем та, которая отражалась в идеологии и пропаганде, призванных исключительное значение придавать концептам единения и дружбы народов. Как подчёркивалось в передовой «Известий» 30 декабря 1942 года, «никогда мир не знал такого типа государства, никому раньше не удавалось объединить и сementировать воедино разрозненные народы», построенное здание «не дало трещин». «В чём наша сила? – спрашивал писатель, академик Павло Тычина. – В дружбе народов на фронте, дружбе в бою! В этом главный секрет и сильнейшее оружие против Гитлера» (5). В том же юбилейном номере «Правды» особый акцент был сделан не только на братской дружбе народов, но и на том, что в «дружной и нерушимой семье» есть старший брат – «великий русский народ».

Завершение идеологического поворота накануне и в начале войны

Идея старшего брата появилась как естественное продолжение возвращения русскому народу статуса «великой и передовой нации» и «старшего среди равных». После единичных упоминаний об этом ранее, в 1938 году этот статус закреплялся в директивных передовицах «Правды» и широко цитируемой статье Бориса Волина сначала в журнале «Большевик», а затем в его книге под заголовком «Великий русский народ». Статья заканчивалась словами: «Великий русский народ стоит в первых рядах борцов против всех врагов социализма. Великий русский народ возглавляет борьбу всех народов советской земли за счастье человечества, за коммунизм» (6). Быстро реабилитировалось военное прошлое русских, их влияние на историю человечества, особенно мировую культуру. Положение «старшего среди равных», естественно, предполагало обязанности по отношению к младшим братьям. И главная из них сводилась к помощи, чтобы «помочь подняться, расправиться, развиваться тем народам, которые наиболее угнетало царское правительство, которые всего больше отстали в экономическом и культурном развитии» (7).

За новыми понятиями, за завершением идеологического поворота, начатого в 1934 году, скрывалась вполне объяснимая прагматика, которая отчётливо проявилась на закрытых пленумах ЦК ВКП(б). Именно на них негативные оценки результатов коренизации впервые затронули военное строительство и образование. В октябре 1937 года Сталин крайне резко отозвался о созданных воинских формированиях союзных республик: «Это не армия». Уже шла массовая политическая и социальная чистка общества в рамках операции по приказу НКВД № 00447. В контексте её проведения Сталин обратился к статье Конституции СССР о всеобщей воинской повинности: «Мы встали перед вопросом о том, что призываемые в армию, например, в Узбекистане, Казахстане, в Армении, в Грузии, в Азербайджане не владеют русским языком. При таком положении приходится их оставлять на месте, и тогда наши дивизии и бригады превращаются в территориальные. Это не армия. Мы не так смотрим на армию. Мы считаем, что каждая боевая единица – состоит ли она из полка, из бригады, или из дивизии, – она должна быть не местной армией, а армией всего Союза, составлять часть всей армии нашего Союза. Ее можно передвигать и нужно передвигать в разные районы.

Украинцы, призванные на Украине, необязательно должны стоять на Украине. Интересы государства могут подсказать: набранных на Украине перевести, скажем, на Кавказ или в Сибирь и т. д. Иначе у нас не будет армии. У нас будет территориальная и национальная армия, которую никуда не пере-двинешь и которая не составляет части той армии, которая является армией СССР, а не каких-либо отдельных армий» (8).

Выход из сложившейся ситуации Сталин видел в обязательном преподавании русского языка в национальных республиках и областях, в подготовке закона о преподавании русского языка в школах народов СССР (9). Но если вдуматься в положения сталинской речи, в ней тревогу вызывало не столько отсутствие в армии языка межнационального общения, сколько признание в том, что нет полноценной общесоюзной, мобильной, экстерриториальной, связанной одним языком понимания армии. По существу, её надо было сформировать по принципам, на которых строился главный стержень СССР – ВКП(б), то есть как единую, не федералистскую организацию всего Союза, с централизмом, мобильностью коммунистов и ротацией профессиональных кадров (10). Процесс образования такой армии СССР завершился только в годы Великой Отечественной войны, а пока в ускоренном порядке решался вопрос о русском языке.

Сначала 24 января 1938 года ЦК ВКП(б) решил «реорганизовать национальные школы», так как они рассматривались как очаги буржуазного националистического влияния. После того как национальные школы были переведены на обучение по общегосударственной программе, в марте того же года правительство и ЦК ВКП(б) приняли решение «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», а через два года – «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную армию и не знающих русского языка». Русский язык вводился как предмет преподавания со 2-го класса при сохранении обучения на родном языке. Латинизированная ранее письменность народов СССР с 1937 года переводилась на русский алфавит. К ноябрю 1939 года уже все народы РСФСР, пользовавшиеся латинским алфавитом, перешли на кириллицу. Также на кириллицу были переведены азербайджанская, таджикская, узбекская, турк-

менская и казахская письменности. Эта мера миновала лишь Прибалтику и Карелию.

На нарушение баланса в базисных принципах идеологии обратила внимание Сталина Н.К. Крупская в письме к нему от 7 марта 1938 года: «Мы вводим обязательное обучение русскому языку во всем СССР. Это хорошо. Это поможет укреплению дружбы народов. Но меня очень беспокоит, как мы это обучение будем проводить. Мне сдается иногда, что начинает показывать немного рожки великодержавный шовинизм» (11).

Это предупреждение вполне разделяло руководство страны, пропагандируя по всем каналам еще один предвоенный концепт – «советский патриотизм». Повсюду он расшифровывался следующим образом: любовь и преданность своему отечеству, ответственность за судьбу страны и готовность защищать её. Чтобы снять очевидные противоречия этого концепта с «рожками», о которых писала Крупская, подчёркивалось, что «советский патриотизм» «совершенно чужд и в корне враждебен всякому шовинизму, всякому чувству национальной исключительности» (12) и ещё точнее: «Советский патриотизм русского народа – это любовь к социалистической родине – отечеству трудящихся всего мира» (13). По-прежнему считалось, что «граждане СССР... готовы отдать свою жизнь... за торжество коммунизма во всем мире» (14), что СССР – «отечество международного пролетариата» (15). В такой обстановке родились, например, запросы редактора журнала «Интернациональная литература», озабоченного формированием издательской политики, в ЦК ВКП(б) в ноябре 1939 и декабре 1940 годов. Дело кончилось проверкой работы журнала и обвинениями редакции в «упрощённой агитации» (16).

В 1941 году в майском номере «Большевика» Сталин наконец-то опубликовал свой текст «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”». Эта статья логически завершала идейную конструкцию, содержащуюся в документах 1934–1939 годов, делала более явственной её характер. Баланс между классово-интернационалистским началом и державно-патриотическим подходом заметно изменялся в пользу последнего. Кроме того, исторические параллели и экскурсы, к которым прибегал Сталин (например, там фигурирует Наполеон, образ которого ассоциируется с сокрушительным крахом завоева-

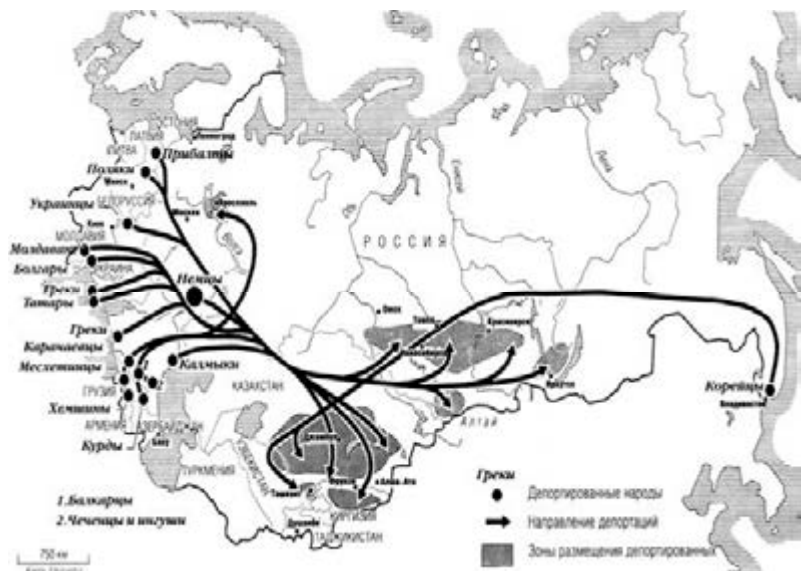
тельной политики в отношении России), актуализировались в обстановке прямой военной опасности. Наконец, уже никто и ничто не могли помешать вождю стать в один ряд с классиками. При этом он оставлял поле для идеологического маневрирования – отказался от введения понятия «сталинизм» в значении «ленинизма сегодня», ограничился персонифицированной передачей «эстафетной палочки» – «Сталин – это Ленин сегодня». В 1941 году великодержавный национализм был поставлен на службу активизации патриотических чувств всех народов СССР. Понятие «Родина» отождествлялось с СССР, а не только с Россией. Слово «русский» выступало синонимом слов «советский», «социалистический», «глубоко интернациональный». Доминировала версия общенародного, концентрирующего в себе национальные чувства всех народов СССР патриотизма. Неслучайно Сталин значительную часть своей первой с начала войны речи 3 июля 1941 года посвятил именно этим темам, превознося в особенности дружбу советских народов и предупреждая различные этнические группы, населяющие СССР, о намерении Гитлера поработить их. Однако и сам Сталин, поразивший современников проникновенным обращением «братья и сёстры», становился объединяющим фактором в условиях, когда страна оказалась в опасности. Генерал Фрэнк Ноэль Мэйсон-Макфарлан, представитель Британской военной миссии в Москве, телеграфировал в Лондон в октябре 1941 года: «Тот факт, что Сталин, являющийся поистине национальным героем, и его ближайшее окружение не оставили Москву в дни кризиса, значительно усилил позиции правительства. Среди населения такого крупного промышленного центра, как Москва, особенно среди молодёжи, еще очень сильно влияние идеализма, соединение с весьма реальной гордостью за своё первое социалистическое государство... Это уже не фанатики, а очень искренние приверженцы, и они представляют большую силу, служащую значительным противовесом недовольным и разочарованным» (17).

«Опасные меньшинства»

К «недовольным и разочарованным» можно было отнести тех, кто сохранил классовую обиду, кто искренне верил, что «у нас неисчерпаемые запасы всего, что будем бить врага только на его территории» (18), кто пострадал от террора власти. Если идеологическая переориентация накануне войны была на виду, открытой, то деление наций на «своих» и «чужих» в обстановке предвоенного и военного времени имело негласный характер и сопровождалось массовыми репрессиями – расстрелами, заключениями в лагеря, депортациями. Последние классифицировались как превентивные (корейцы, немцы, курды, турки-месхетинцы, греки и др.), как переселение «неблагонадежных» из приграничных зон, как выселение из присоединённых республик Прибалтики, западных районов Белоруссии и Украины. Несмотря на эту существующую разницу, все они свидетельствовали об отношении к национальным меньшинствам как к «предателям», «врагам народа», что подвергало сомнениям интернационалистскую политику власти.

Массовые депортации из ряда пограничных территорий начались еще весной 1935 года в Ленинградской области (финское население) и на Украине (поляки и немцы). В соответствии с постановлением ЦИК и СНК от 17 июля 1937 года на границах СССР вводились специальные защитные полосы, или пограничные зоны. Для их организации из пограничных районов Армении и Азербайджана было выселено 1325 курдов, часть которых была поселена в Киргизии, другая – в Казахстане (19). «Зачистки» пограничных полос продолжились в Грузии, Туркмении, Узбекистане и Таджикистане (20). Наиболее же массовый характер имела депортация с Дальнего Востока этнических корейцев, которые стали первым этносом в СССР, подвергнутым тотальной депортации по преимуществу в Казахстан и Узбекистан, а японских подданных – в Японию (21).

В период с июля 1937 года до ноября 1938 года ликвидация «контрреволюционных национальных контингентов» стала частью Большого террора (22). Поначалу эти репрессии находились в тени основной операции – «кулацкой» (23). Однако

Карта депортаций народов СССР

параллельно с ней уже в конце июля 1937 года началась «немецкая» операция (24), в августе – ликвидация «польских диверсионно-шпионских групп» (25), в сентябре – так называемых харбинцев, то есть вернувшихся на Родину в основном русских работников КВЖД, причисленных к «японским шпионам» (26). Все эти акции были связаны с «главными противниками» СССР – Германией, Польшей и Японией. Соответственно складывались и факторы репрессий, связанных, по версии НКВД, с активизацией разведывательных органов указанных стран, прежде всего в пограничных районах и регионах с предприятиями оборонных отраслей, с их переходом к диверсионной и повстанческой деятельности. Жертвами террора стали также лица с национальностью «буржуазно-фашистских» государств, которые граничили с СССР – латыши, литовцы, эстонцы, финны, румыны, греки, афганцы, иранцы, китайцы, болгары, македонцы, чехи. По всем «национальным» приказам НКВД за «шпионаж и диверсии в пользу иностранных государств» было приговорено 346 850 человек, из них 247 137 – к расстрелу (27).

Национальное измерение было и у сердцевинной для Большого террора акции по приказу № 00447. К примеру, для наркома внутренних дел Украины А.И. Успенского поголовно все поляки и немцы, проживавшие тогда на территории УССР, были «шпионами и диверсантами», но и 75–80 % украинцев являлись для него «буржуазными националистами». Против «контрреволюционных националистических элементов» боролся в Грузии нарком Л.П. Берия, а в Татарстане – начальник Управления НКВД В.И. Михайлов. В Туркмении были озабочены активностью вооруженных националистических сил (бывших басмачей и представителей духовенства), выступавших за создание «турецко-татарского государства». От национальных компартий республик широким потоком шли запросы на повышение расстрельных квот, в том числе в ходе «национальных операций». В отличие от «кулацкой операции», по приказу НКВД № 00447 в «национальных операциях» не устанавливались «лимиты». Поэтому на местах произвольно подходили к выбору лиц, подлежащих аресту. Первый секретарь Красноярского крайкома Л.В. Соболев на одном из оперативных совещаний УНКВД заявил: «Довольно играть в интернационализм, надо бить всех этих поляков, корейцев, латышей, немцев и т. д., все это продажные нации, подлежащие истреблению... Всех националов надо ловить, ставить на колени и истреблять как бешеных собак» (28).

24 июня 1938 года в контексте национальных операций были изданы постановление Главного военного совета и приказ Наркомата обороны, предписывавшие уволить из приграничных военных округов комначсостав следующих национальностей: немцы, поляки, латыши, эстонцы, корейцы, финны, литовцы, турки, румыны, венгры и болгары. Надлежало передать всех командиров этих национальностей органам НКВД, вне зависимости от места службы, если на них имелись компрометирующие материалы. К 1940 году репрессивные акции НКВД в рамках национальных операций завершились. Вслед за этим были значительно ослаблены ограничения в отношении граждан СССР «иностранных», как их тогда называли, национальностей. Инициатором послаблений выступал Наркомат обороны, заинтересованный в расширении ресурсной базы для укомплектования непрерывно растущей Красной армии (29).

Немцы Поволжья в Трудармии в годы войны

Следующий этап принудительного переселения меньшинств был связан с началом Второй мировой войны и массовой депортацией поляков на север европейской части СССР, на Урал и в Сибирь, Северный Казахстан и Узбекистан. В общей сложности депортации с территории аннексированных польских земель продолжались вплоть до нападения Гитлера на СССР, число депортированных поляков составило в общей сложности около 321 тысячи человек (30). В мае–июне 1941 года новые операции по переселению были проведены в Прибалтике, Бессарабии и Северной Буковине (территория Румынии) (31). Общее число депортированных из западных областей СССР достигало около 380–390 тысяч человек, а регионы высылки были примерно теми же, как и для поляков (32). Однако самый мощный депортационный удар был нанесён по советским немцам – потенциальным «коллаборантам». В сентябре 1941 года немцев лишили территории и государственности – была ликвидирована немецкая автономия на Волге, а её территория распределена между Саратовской и Сталинградской областями. К концу октября 1941 года из 873 578 немцев, подлежащих выселению «по государственному заданию»,

действительно депортировано было 856 168, или 98 %. К началу 1942 года на спецпоселении числилось 1,03 млн немцев (33).

Таким образом власть стремилась ликвидировать так называемую пятую колонну, прежде всего в наиболее уязвимых районах СССР – приграничных и прифронтовых. Сначала к «чужим» применялся классовый критерий, из новых республик выселялись буржуазия, помещики, чиновники, офицеры, священники и др. С началом мировой войны главным критерием стала этническая принадлежность – независимо от того, как люди относились к советской власти, собирались ли поддерживать оккупантов, заслуживали ли суда за свои действия или нет. Перестраховка, упреждение, профилактика толкали власть к принуждению и насилию. Однако на завершающем этапе войны депортация и этническая чистка станут суровым наказанием для целого ряда народов СССР, наказанием, которое окажется незаживающей травмой в исторической памяти нескольких поколений.

«Правда вещей» на фронте и в тылу

Катастрофическое начало войны заставило внести изменения в систему управления страной и её вооружёнными силами. 30 июня 1941 года был создан Государственный комитет обороны (ГКО) как высший орган управления во главе со Сталиным, а до его образования – Ставка главного командования. Единая инфраструктура фронта и тыла нуждалась в качественно новом понимании иерархического принципа и ответственности, основанном на единстве общей стратегии, планового начала и автономного принятия решений в строго фиксированных пределах компетенции.

Понесенные в начале войны большие потери (34) ускоренными темпами восполнялись в основном за счёт районов Поволжья, Урала, Сибири, Казахстана, Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии. В результате многонациональный характер армии усилился, число воинов нерусской национальности в ней с каждым годом увеличивалось (35). Национальные республики Российской Федерации, Казахстан, Средняя

Азия, Закавказье и Прибалтика послали на фронт 80 национальных формирований (36), которые по своему составу были многонациональными. Так, например, 310-я стрелковая дивизия, сформированная в 1941 году в Казахстане, включала 40 % казахов, 30 % русских, 25 % украинцев и 5 % лиц других национальностей. В Таджикистане было сформировано три кавалерийские дивизии и две стрелковые бригады, по несколько боевых соединений собрали Узбекистан и Киргизия, в течение 1941–1942 годов в Азербайджане, Армении и Грузии создали по четыре национальные дивизии. Удельный вес воинов этих дивизий из числа коренного населения данных регионов составлял от 40 до 80 % (37). После вхождения Эстонии, Латвии и Литвы в состав Союза ССР национальные армии этих государств были преобразованы в национальные территориальные стрелковые корпуса РККА – 22-й эстонский, 24-й латышский и 29-й литовский. Командному составу этих корпусов были присвоены советские воинские звания, а сами эти корпуса – привлечены к защите СССР (38). В отдельных операциях и сражениях национальные соединения использовались массово (бои за Крым в 1942 году, битва за Кавказ 1942–1943 годов, освобождение Прибалтики в 1944 году) и сыграли важную роль.

Однако первые годы войны показали, что формирование воинских частей из местных национальностей в Закавказье, на Кавказе и в Средней Азии (39) не оправдывает возлагавшихся на него советским военно-политическим руководством надежд. Национальные части отличались низкой боеспособностью, в них был велик процент «самострелов», дезертирства, бегства с поля боя и перехода на сторону врага. В тех случаях, когда речь шла не о национальных воинских частях как таковых, но о пополнении частей действующей армии призывниками с Кавказа, Закавказья и Средней Азии, положение дел было ненамного лучше (40). Руководитель группы агитаторов Главного политического управления РККА (далее – ГлавПУРККА) Ставский в докладной записке заместителю начальника ГлавПУРККА И.В. Шикину о результатах поездки на Закавказский фронт (4 декабря 1942 года) не скрывал: «Даже среди руководящего командно-политического состава довольно свободно и безнаказанно гуляет “теория”, что якобы кадры

нерусской национальности не умеют и не хотят воевать. Пренебрежительно-насмешливые клички по отношению к народностям Кавказа имеют широкое хождение (“сыны Кавказа”, “братья славяне”, “кучерявенькие”, “черненькие” и т. д.). Даже среди ряда несомненно авторитетных руководящих работников армий неправильные разговоры на данную тему не только не находят должного отпора, но и снисходительно поощряются. Нам приходилось, к примеру, слушать такую постановку вопроса. Скажем, при неудаче той или иной военной операции: “Эх, если бы не эти сыны Кавказа”. При разборе фактов перехода на сторону врага: “Ну конечно, это опять кучерявенькие”. При получении нового пополнения: “Ни за что ни возьму никого, кроме русских, украинцев и белорусов”. При общих разговорах на эту тему: “Воевать они не умеют и не хотят, говорят, что русского языка не знают. И есть у них 2 русских слова, которые только от них и слышишь: ‘Я – балной’. Или: ‘Курсак (живот) болит’”. Сплошное охаивание качеств и преданности Родине целых народов (азербайджанцев, армян, грузин, узбеков и т. д.) проникает и в среду бойцов. Отношение к бойцам нерусской национальности, особенно не знающим русского языка, подчас бывает недопустимо высокомерным, грубым, способным только озлобить и оттолкнуть» (41).

Напряжение в межнациональных отношениях в армии вызывали односторонность пропаганды, выпячивающей героизм только русских, отсутствие боевого опыта у многих представителей национальных меньшинств, а также индустриальных навыков у солдат из деревни при использовании военной техники. Влияли слабое знание русского языка, обособление внутри воинского подразделения и возникновение земляческих сообществ, бытовой шовинизм и непривычный климат. Возникали конфликты даже между военными советами фронтов и армий из-за низкой боеспособности дивизий РККА, сформированных из уроженцев, к примеру, закавказских республик. Командующий Северной группой войск генерал-лейтенант И.И. Масленников дважды предлагал руководству страны реформировать армянскую и азербайджанскую дивизии как небоеспособные и неустойчивые в стрелковые бригады. Их личный состав он хотел сократить по крайней мере вдвое. При этом Масленников не решался критиковать грузинскую дивизию, которая воевала ничуть не лучше (42).

В 1942–1943 годах в срочном порядке развернулась агитационно-пропагандистская кампания среди бойцов нерусских национальностей. ГлавПУРККА издало специальную директиву № 012 (17 сентября 1942 года) начальникам политуправлений фронтов и округов о воспитательной работе с ними. Итоги проведения этой директивы в жизнь через год, в августе 1943 года, подвёл начальник ГлавПУРККА А.С. Щербаков. По его словам, в ходе Отечественной войны Красная армия стала подлинно многонациональной. Всё наблюдаемое на этой войне «не свалилось с неба, а является результатом двадцатипятилетней работы партии большевиков по осуществлению ленинско-сталинской национальной политики». На борьбу с немецкими захватчиками поднялись все народы Советского Союза. Царская Россия попыталась мобилизовать нерусские национальности даже не в армию, а на подсобные работы, на рытье окопов и встретило отпор со стороны казахов, киргизов, туркмен, то есть имело дело с восстаниями народов. Теперь же «все эти народы бьются бок о бок с русскими, защищая Советский Союз» (43).

Несмотря на развёрнутую идеологическую работу, был принят ряд секретных постановлений ГКО и приказов Народного комиссариата обороны, дезавуирующих отчёт Щербакова, – ограничить призыв и службу в армии представителей части закавказских народов, народов Средней Азии и всех коренных народов Северного Кавказа (44). В октябре 1943 года советское руководство пошло на беспрецедентный шаг – директивой замнаркома генерал-полковника Е.А. Щаденко (№ М/1/1493) полностью отказалось от призыва на действительную воинскую службу и направления в действующую армию военнообязанных из числа местного населения из республик Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа. Общее число национальностей, не призывавшихся в армию по различным причинам, к концу 1943 года превысило четыре десятка (включая полиэтнический термин «дагестанцы») (45). Начиная с середины 1943 года повышенная демографическая нагрузка выпала на плечи освобождаемых украинцев, а по мере продвижения Красной армии на запад страны мобилизация прошла в западных областях Украины и Белоруссии, в Молдавии, Латвии, Литве, Эстонии. Новый призыв сопровождался

множеством случаев дезертирства и активным противодействием националистических банд (46).

О том, что значили национальные формирования в армии для союзных республик, свидетельствует тот факт, что руководители их компартий внимательно следили за состоянием национального ядра своих соединений и в зависимости от этого пытались влиять на руководство страны, вплоть до Сталина. Целью этого влияния являлось сохранение и пополнение «своих» национальных соединений, что для времени войны было главным – а возможно, единственным – критерием сохранения суверенитета той или иной республики. Но в документах этот смысл продолжения существования национальных формирований подавался как «неопровержимое доказательство верности советскому народу и И.В. Сталину», как «зримое, материальное воплощение национального вклада в дело вооруженной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками».

В этом отношении показательной была активность руководства Азербайджана и Казахстана (47). Власти последнего стремились поддерживать высокий удельный вес воинов казахской национальности в знаменитой 8-й гвардейской стрелковой дивизии, которая под командованием бывшего военкома Казахской ССР генерал-майора И.В. Панфилова отличилась в оборонительном сражении под Москвой. Известно, что дивизия формировалась в Казахстане и насчитывала в своём составе относительно немного казахов – 14,4 %. Дивизия никогда официально не считалась национальной, но по ходатайствам советских и партийных властей республики она несколько раз пополнялась тысячами казахов, в том числе за счёт формируемых в Казахстане национальных соединений. Все эти меры способствовали поддержанию в дивизии определённого удельного веса казахов и киргизов. Эти факты широко тиражировались в республиканском публичном пространстве. Явочная «национализация» воинских соединений происходила в 1943–1944 годах и в других республиках. К примеру, благодаря усилиям партийного лидера К.Н. Чарквиани национальной считалась грузинская 296-я стрелковая дивизия 45-й армии Закавказского фронта (48).

Шефы–трудящиеся Казахстана привезли новогодние подарки бойцам 8-й гвардейской стрелковой дивизии («панфиловцам»). Выступает батальонный комиссар П.В. Логвиненко. Московская обл. 1942 год. Фото В. Кинеловского

Что касается прибалтийских соединений, то на последнем этапе войны из всех этнически окрашенных формирований Красной армии только им предстояло участвовать в освобождении родного края, а значит – поддерживать свой национальный статус воинских формирований в общесоюзной армии. Этим в полной мере воспользовалась прибалтийская коммунистическая партийная элита, которая имела очевидные преимущества перед своими коллегами из других республик. Ситуация «правительств в изгнании» избавляла их от повседневных хозяйственных и социальных забот, позволив сосредоточиться на проблемах национальных воинских формирований, с которыми они связывали суверенитет своих союзных республик. Постоянное местопребывание в Москве облегчало партийным лидерам оперативный доступ к государственному и военному руководству Советского Союза (49). И когда во второй половине 1944 года национальные соединения вступили

на родную территорию, руководство компартий Латвии, Литвы и Эстонии не только заявило о себе как о правящих партиях, но и подтвердило готовность продолжить советизацию, прерванную на три с лишним года войной. Однако сначала Москва создала Бюро ЦК ВКП(б): в ноябре 1944 года – по Литве и Эстонии, в декабре – по Латвии, а спустя три месяца, в марте 1945 года, – Молдавии. Подготовка проекта постановлений об организации Бюро проходила под личным контролем Сталина, и в окончательном варианте ряд положений был исключён. В частности, из эстонского документа была изъята следующая формулировка: «Установить, что главной задачей Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии является наведение советских порядков в Эстонии; создание сильных и авторитетных органов советской власти, укрепление руководства партийными, советскими организациями и государственного аппарата и принятие решительных мер по пресечению деятельности буржуазных националистов и других антисоветских элементов» (50).

Видимо, слишком прямолинейно ставились задачи нового органа. Центральная власть, создавая промежуточные органы, ожидала от них решения задачи «подтягивания» новообразованных республик до уже достигнутого уровня советизации других этнонациональных регионов страны. К тому же появлялась возможность непосредственно контролировать деятельность местного руководства. Любопытно, что в штат Бюро входили председатель и его заместитель, уполномоченные НКВД и НКГБ, первый секретарь ЦК компартии республики и председатель правительства.

Компенсацией невозможности использования призыва из местного населения Кавказа и Средней Азии на фронте стало использование его на трудовых работах в тылу. В летние и осенние месяцы 1941 года было демонтировано и вывезено из прифронтовой зоны в автономные республики и области Урала и Поволжья, в Сибирь, республики Средней Азии 2593 предприятия, в том числе 65 % предприятий военно-промышленного комплекса. Из-за жесткой централизации управления союзные и автономные республики фактически не имели возможности руководить предприятиями, располагавшимися на их территории. Эти предприятия отправляли на фронт танки,

Ахмед Шамахмудов, его жена Бахри Акрамова и их дети

артиллерийские установки и снаряды, одежду, обувь, продукты. Кроме того, южные республики принимали и размещали у себя эвакуированных, создавали госпитали для раненых.

Узбекистан, к примеру, принял у себя более миллиона эвакуированных, из которых было 10 тысяч детей. Известны легендарные кузнец Шаахмед Шамахмудов и его жена Бахри Акрамова, усыновившие 15 детей, которые потеряли родителей и были эвакуированы в Ташкент, и еще троих детей после войны. Садовод И. Ахмедов из города Ош усыновил 13 детей, Токтогон Алтыбасарова из Киргизии приютила 150 детей-блокадников (51). Тысячи советских людей разных национальностей помогали фронту, жертвовали и сдавали в Фонд обороны вещи, семейные ценности, облигации государственных займов, тёплую одежду, часть своей заработной платы. Во всех республиках собирались средства на строительство танковых колонн и самолётов – за счёт населения были построены и переданы в армию более 2,5 тысячи боевых самолётов, несколько тысяч танков, артиллерийских орудий, более 20

подводных лодок и военных катеров. Повсеместно люди дежурили в госпиталях, на железнодорожных вокзалах, в речных портах, более 5,5 млн человек регулярно сдавали кровь, необходимую для лечения раненых.

Передвижение огромных масс людей разных национальностей, выполнение ими новых, непривычных задач проходило, безусловно, не без трудностей и раскрывало реальную картину межнациональных отношений. Суровые условия труда и быта на Урале и в Сибири, низкий уровень квалификационных знаний и навыков, отсутствие традиционных продуктов питания и привычных предметов бытового обихода, а также климат вели к тому, что рабочие из Средней Азии часто не выполняли производственные нормы, получали низкую зарплату. Среди них был высок процент смертности и дезертирства с «трудового фронта». Значительное число рабочих было отправлено обратно по заключениям медицинских комиссий. Например, в докладной записке пропагандиста Усубалиева секретарю ЦК КП(б) Киргизии Оленчикову о положении киргизов, узбеков и казахов, мобилизованных на работу в шахтах г. Копейска Челябинской области (20 сентября 1943 года), отмечалось: «Для рабочих-нацменов создали нечеловеческие условия»; «из Киргизии сюда всего прибыло 1468 чел. Из них в течение 1942/1943 г. умерло 300 чел. и 600 чел. уехали по болезни и сбежали» (52). К тому же отношение местного русского населения к «националам» из Средней Азии было далеким от идеологии дружбы народов. Судя по той же записке, «в Копейске киргизов, узбеков и казахов за людей не считают, их называют “бабай”, “баран” и “собака”. Если по улице идут националы, то русские ребята в них кидали камнями и всячески оскорбляли. В 1942 году здесь, начиная от детей до стариков, женщин и мужчин, все русские проводили национализм (великодержавный шовинизм), они нарушали сталинскую конституцию, издевались над нацменами, создали нечеловеческие условия. Например, в прошлом году (ночью) одного нацмена русские ребята избили до смерти, который был ни в чем не виноват» (53). Местные партийные и советские органы РСФСР в Москве, Московской, Ярославской, Свердловской, Челябинской и Удмуртской областях принимали всевозможные меры, чтобы повысить производственную квалификацию рабочих из

Парад войск, отправляющихся на фронт. Ташкент. 1941 г.

Средней Азии, улучшить их повседневные условия жизни, наладить среди них агитационно-массовую работу на родном языке (54).

Дружба народов подвергалась испытанию и в самой Средней Азии. В регион эвакуировалось значительное количество граждан СССР, что сопровождалось уплотнением жилплощади и повышением цен. Реакцией стало усиление антисемитизма. Нарком внутренних дел Л.П. Берия неоднократно получал секретные сообщения о пресечении антисоветских выходов из Узбекистана, где имелись случаи избиения евреев, и из Казахстана, где только в первой половине 1942 года были преданы суду 62 человека. Подсудимые, а среди них были кандидаты в члены партии и комсомольцы, избивали евреев на улицах, открыто одобряли политику Гитлера по отношению к евреям, отказывали им в предоставлении работы, разбрасывали листовки с призывом не продавать евреям продукты питания, распространяли слухи об убийстве евреями детей (55). И главными распространителями антисемитизма в тылу были раненые, демобилизованные из армии. Они открыто заявляли, что евреи уклоняются от войны и сидят в тылу на тепленьких местах.

Пленные красноармейцы. 1941 г.

Можно сказать, что пропаганда нацистов и ставших на их сторону эмигрантов из СССР давала свои результаты. Если русские националисты вслед за гитлеровскими захватчиками агитировали за то, что коммунизм – это «изобретение жидов», то кавказские и среднеазиатские националисты – за то, что коммунизм – это новая выдумка «русских» оккупантов для порабощения малых народов. Еврейская нация обвинялась в том, что якобы развязала войну, является паразитом, живущим за счёт других, что, захватив власть в России, создала советскую тюрьму народов (56). История показала, что геноцид против евреев на Украине, в Молдавии, Прибалтике, Белоруссии и России нацисты могли осуществлять лишь при содействии или хотя бы при сочувственном отношении к этим акциям со стороны местного населения. Поэтому не было ни одного направления в идеологическом воздействии на жителей СССР, оказавшихся под немецкой оккупацией, в котором не присутствовали бы антисемитские сюжеты (57).

Какую же альтернативу предлагали нацисты «изобретению жидов»? Физическое уничтожение славян, колонизацию, национальную вражду между народами или «Великую Россию без коммунистов»? Немецкие власти с самого начала оккупа-

ции формировали различные антисоветские националистические отряды. Наибольшую силу представляли украинские и прибалтийские вооруженные формирования. С середины 1942 года главное командование вермахта учредило четыре националистических легиона – туркестанский, кавказско-магометанский, грузинский и армянский. Они использовались руководством вермахта для борьбы с сопротивлением фашистскому режиму, прежде всего партизанами. Осенью 1942 года в специальные лагеря военнопленных, где содержались политработники Красной армии, были направлены немецкие вербовщики с целью подбора пропагандистов идей национал-социализма. На этих собраниях звучало следующее: «Мы, немцы, совершили много ошибок, не зная характера русского народа. Сами, без вашей помощи, мы никогда ничего не сможем сделать. Вы должны нам помочь. Мы не имеем никаких территориальных или иных претензий к России. Мы только против советской системы. У нас нет противоречий. Вы за социализм, и мы за социализм. Только мы за национальный социализм для своей страны, а в России интернациональный социализм. В интернационализме в России заинтересованы евреи, их господство нужно уничтожить» (58).

Официальная инструкция рейхсминистерства пропаганды, подписанная Геббельсом 15 февраля 1943 года, также требовала избегать в пропаганде, рассчитанной на народы Советского Союза, всех дискриминирующих их высказываний, а главное – «ни в коем случае не упоминать о колонизаторских планах Германии» (59). В этом контексте и была создана Русская освободительная армия (РОА), во главе которой был поставлен бывший генерал-лейтенант РККА А.А. Власов. В найденной «книжке военнослужащего» РОА были вписаны слова из военной присяги: «Я вступил в ряды Русской освободительной армии для борьбы против Сталина и его клики, за светлое будущее русского народа. Русский народ в союзе с Германией свергнет ненавистный большевизм и установит на своей Родине справедливый порядок» (60). Однако немцы никогда не рассматривали военных коллаборационистов из СССР как полноправных союзников. РОА использовалась Гитлером не как политическая сила на оккупированных территориях, а лишь как пропагандистский инструмент на советской

Парад РОА. Псков. 1943 г.

стороне фронта, в том числе в продвижении «новой национальной политики». Вот почему в апреле 1943 года генерал Власов сделал «Заявление по национальному вопросу», которое послужило основой для всех выступлений коллаборационистских пропагандистов по проблеме межнациональных отношений в СССР. Ostpropzug (подразделение восточной пропаганды), курирующее соответствующие структуры в РОА, вложило в уста генерала следующие тезисы:

«Дореволюционная царская Россия строилась по принципу угнетения национальностей и была тюрьмой народов.

Власть в СССР ничем не отличается от своего предшественника, более того, главным угнетённым теперь стал сам русский народ.

Новая Россия, союзная Германии, уничтожит любые проявления национального гнёта над населяющими страну народами.

Каждый народ получит национальную свободу, вплоть до права самоопределения».

Осуществление этих планов связывалось с победой Германии и уничтожением власти Сталина, «без чего невысказано

счастье любого из народов страны» (61). Летом 1943 года на оккупированных территориях появились также листовки и воззвания Русского освободительного движения (РОД) во главе с казачьим генералом П.Н. Красновым, объявившим себя «носителем национализма и русского национального сознания». В отличие от РОА они ставили перед собой задачи: «Возрождение мононационального русского государства. Борьба с интернационалистскими элементами внутри народа» (62).

Заметного влияния эти проекты не имели. К тому же большинство коллаборационистских формирований оказались небоеспособными, а значит, фашистская система по привлечению советских людей на службу вермахту была дискредитирована. Неслучайно в конце 1943 года антисоветские «восточные формирования» (63) были переброшены на второстепенные театры военных действий, что дало возможность использовать на советско-германском фронте освободившиеся немецкие войска. Сочувствия у людей «фашистские пособники» не вызывали. На родине их ждал закрытый указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» (19 апреля 1943 года). Названные в указе лица подлежали смертной казни через повешение, а пособники из местного населения карались ссылкой на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Рассмотрение дел было возложено на военно-полевые суды при дивизиях действующей армии. Приведение в исполнение приговоров о смертной казни предписывалось «производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предаёт свою Родину» (64). По мере освобождения оккупированных территорий СССР под жёсткие законы военного времени и указ от 19 апреля 1943 года подпадали участники вооружённых формирований националистов – «Айзсарги» в Латвии, «Ванагай» в Литве, «Омакайтсе» в Эстонии, Организации украинских националистов (ОУН), Украинской повстанческой армии (УПА), РОА и др.

Депортируемые крымские татары. Крым. 1944 г.

В сотрудничестве с гитлеровцами были обвинены не только коллаборационисты, но и «народы-предатели». Помимо депортации их ждало лишение территорий и государственности. В ноябре и декабре 1943 года в измене были обвинены карачаевцы и калмыки. Они переселялись в качестве наказания в Казахскую, Киргизскую и Таджикскую ССР, в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области. Карачаевская автономная область и Калмыцкая АССР упразднены, а все карачаевские и калмыцкие населённые пункты переименовывались. В феврале 1944 года был подписан приказ о депортации чеченцев и ингушей в Казахстан и Киргизию, а Чечено-Ингушская АССР ликвидировалась и преобразовывалась в Грозненскую область. В марте 1944 года выселялись балкарцы и часть кабардинцев, Кабардино-Балкарская ССР была переименована в Кабардинскую АССР. В мае 1944 года крымские татары были выселены из Крыма, с территории Ростовской области, Краснодарского края и ряда областей УССР и переселены в Узбекистан и частично на Урал, в Удмуртию, Костромскую и Горьковскую области. Через два года Крымская АССР стала Крымской областью. Весной 1944 года переселения имели место и в Закавказье. Внутри Грузии пересели-

ли азербайджанцев – из Тбилиси в Цалкинский, Борчалинский и Караязский районы. В Среднюю Азию направили турок-месхетинцев, курдов-мусульман, хемшилов (исламизированных армян). Одновременно из рядов РККА на спецпоселение были отправлены около 157 тыс. представителей «наказанных народов», в том числе 5 943 офицера, 20 209 сержантов и 130 691 рядовых (65).

Просматривались общие причины, черты и последствия наказания депортированных народов (66). Как уже было не раз в XIX веке и в 1920-х годах (военные операции по разоружению горских территорий), власть возложила всеобщую ответственность на всё население. В данном случае речь шла о территориях, которые были оккупированы немцами, хотя и с разной продолжительностью по времени. Разным было и время между освобождением от оккупации и депортацией – от почти года до месяца. Похожими были обвинения. К примеру, карачаевцы вели себя «предательски, вступали в организованные немцами отряды для борьбы с советской властью, предавали немцам честных советских граждан, сопровождали и показывали дорогу немецким войскам, наступающим через перевалы в Закавказье, а после изгнания оккупантов противодействуют проводимым советской властью мероприятиям, скрывают от органов власти бандитов и заброшенных немцами агентов, оказывая им активную помощь».

Вина калмыков была в том, что они «изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной армии, предавали немцам честных советских граждан, захватывали и передавали немцам эвакуированный из Ростовской области и Украины скот, а после изгнания Красной армией оккупантов организовывали банды и активно противодействуют органам советской власти по восстановлению разрушенного немцами хозяйства, совершают бандитские налеты на колхозы и терроризируют окружающее население».

Крымские татары обвинялись прежде всего за воинские преступления, они «изменили Родине, дезертировали из частей Красной армии, обороняющих Крым, и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части, борющиеся против Красной

В Сибири. 1993. Работа художника Владимира Павлова, депортированного в трёхлетнем возрасте с родителями в Сибирь из Калмыкии

армии в период оккупации Крыма немецко-фашистскими войсками, участвуя в немецких карательных отрядах».

Вина «наказанных народов» состояла в массовом коллаборационизме гражданского населения и массовом переходе на службу Германии. Депортации, за исключением калмыков, подлежали преимущественно тюркские и мусульманские народы, проживавшие в приграничных районах в Причерноморье и на Кавказе, то есть именно они рассматривались как возможные пособники Турции – опасного потенциального врага СССР. Во всех республиках принудительное переселение проводилось как военная операция – тайно, по специально подготовленным планам, с использованием многочисленных воинских подразделений. Среди депортированных из-за голода, болезней, ужасных условий транспортировки и ссылки было много смертей (67). Повсюду прокатились «топонимические репрессии», то есть предпринимались попытки уничтожить память о «народах-предателях». А ведь совсем недавно

люди узнавали о подвигах и героизме своих соотечественников на фронте, в партизанских отрядах и тылу. Среди Героев Советского Союза было 8 калмыков, 6 ингушей, 6 чеченцев, 2 карачаевца, 1 балкарец, 1 турок-месхетинец, 7 крымских татар. Известно, что масштабы сотрудничества с гитлеровцами в Прибалтике или на Западной Украине были куда более впечатляющими. Но массовых переселений по этническому принципу там не произошло, хотя те, кто служил в гитлеровских или националистических формированиях, были репрессированы. Турецкие эмиссары находились в Крыму и на Кавказе во время германской оккупации, агитировали проживавших в этих районах вступить в гитлеровские военные формирования, но, к примеру, азербайджанцев наказания не затронули. Для очевидцев всех этих событий было немало вопросов к решению Кремля пойти на столь радикальный шаг, разрушающий сложную ткань межнациональных отношений и снова подрывающий веру в концепты «дружбы народов», «старшего брата» и «патриотизма».

Альтернативы послевоенного будущего

Благодаря своей роли в разгроме гитлеровской Германии СССР получил общее международное признание в качестве мировой державы, завоевал огромный моральный авторитет. Ущерб, нанесенный Советскому Союзу, был огромен. Население, по оценкам демографов, за период с июня 1941 года до начала 1946 года сократилось с 196,7 до 170,5 млн человек. Общие людские потери СССР в результате войны составили 26,6 млн человек. Большие невосполнимые утраты несли все народы СССР. Среди погибших военнослужащих по национальному составу наибольшие потери понесли русские – 5,7 млн человек (66,4 % всех погибших), украинцы – 1,4 млн (15,9 %), белорусы – 253 тыс. (2,9 %), татары – 188 тыс. (2,2 %), евреи – 142 тыс. (1,6 %), казахи – 125 тыс. (1,5 %), узбеки – 118 тыс. (1,4 %), другие народы СССР – 8,1 % (67). Героями Советского Союза стали представители 64 наций и народностей, населяющих Советский Союз (68).

Советский Союз не только сохранил все территориальные приобретения 1939–1940 годов, но и получил: примерно одну треть Восточной Пруссии (одна её часть вошла в состав современной Калининградской области, а другая была присоединена к территории Латвийской ССР, современной Латвийской республики), Закарпатскую Украину, ранее входившую в состав Чехословакии, Курильские острова и Южный Сахалин, в 1905 году перешедший к Японии по итогам Русско-японской войны.

Уже после перелома хода войны под Сталинградом и Курском в СССР стала складываться своеобразная общественная атмосфера. Выйдя на новый виток жизни, люди стали смелее и практичнее вглядываться в будущее. Украинский кинорежиссёр А. Довженко писал, как поразила его беседа с бойцом-шофёром из Сибири, который говорил об ожидании перемен и пересмотре прежней жизни. Довженко комментировал: «У народа есть какая-то массовая огромная потребность каких-то других, новых форм жизни на земле. Это я слышу всюду. Этого я не слышу только среди руководящих лиц» (69). В освобождённом Харькове профессор Терещенко открыто говорил: «После всего пережитого правительство должно изменить свою политику. В политической жизни страны должны произойти, да, собственно, уже происходят серьезные изменения (соглашение с капиталистическими Англией и США, роспуск Коминтерна, разделение учебных заведений на мужские и женские, создание комитета церкви, частная торговля и др.). Происходящие изменения должны будут пойти дальше, в частности, в сторону большей демократизации жизни страны» (70).

Если судить не по зашоренным воспоминаниям, напряженной духовной жизнью жила и армия. Н.С. Хрущев вспоминал об июле 1942 года: «Среди военных были нехорошие “настроения”... Отступаем, потому что солдат не чувствует, за что он должен воевать, за что он должен умирать. Взять Первую мировую войну... Он воевал за Россию, но он воевал и за свой дом. А сейчас все общее, все колхозное. Поэтому, мол, нет стимула» (71).

Никита Сергеевич, вспоминая эти настроения, осуждал их. Но важно его замечание: если кое-кому, кто сейчас носит довольно высокие воинские звания, напомнить, что вот такие-то

были рассуждения, то они, наверное, возмутятся и скажут, что это клевета. К сожалению, подчёркивал Хрущев, это было.

В 1943 году председатель Всесоюзного общества культурной связи с заграницей В.С. Кеменов, выполняя просьбу секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова, подготовил концептуальную статью о мировом значении русской культуры. Предназначенная для журнала «Большевик», эта статья призывала без сожаления расстаться со многими привычными рассуждениями об истории русской культуры, которые успели утвердиться в энциклопедиях и фундаментальных монографиях до войны. Под этими «рассуждениями» подразумевалось стремление учёных проследить влияние западных мыслителей и художников на русскую интеллигенцию. Кеменов понимал противоречивость подобного рода директив. Об этом он честно попытался предупредить Щербакова в записке, не предназначенной для печати: «Если отрицать возможность “влияний” в принципе, то тогда нельзя будет доказать и влияния русской культуры на культуру других стран, которое уже сейчас огромно и будет усиливаться. Кроме того, если подчеркивать самобытность, рассматривая ее вне связей русской культуры с культурами других стран, то очень легко впасть в славянофильство» (72).

Это замечание, судя по всему, не было принято во внимание. Более того, официальный подход к проблеме культурных взаимовлияний был парадоксально перенесён и на другие народы СССР.

Ожидания интеллектуальных кругов страны были связаны и с принципиальными изменениями в своём положении. Писательница Н.Ф. Крамова вспоминала: «К проработкам мы привыкли с 37 года и знали, к чему они могут привести. Но все были уверены, что после войны наступила новая эра. Весь народ, в том числе и интеллигенция, заслуживали если не благодарности, то хотя бы уважения и терпимости. Казалось, что в Кремле уже кое-что поняли и дикий безоглядный плевел бессмысленных репрессий кончился» (73).

В Кремле действительно отслеживались и анализировались все эти настроения, потому что, как говорил секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, «война давала сама по себе основные стимулы – борьба за честь и независимость нашей родины... Война кончилась. И эта острота стимулов при переходе на

мирное строительство уже не может иметь некоторые обручи в этом отношении, которые давали дополнительную спайку во время войны, когда ставился вопрос быть или не быть» (74). Рассуждая о новых стимулах на совещании в ЦК ВКП(б) по кино 26 апреля 1946 года, Жданов выделил три возможности для спайки в области идеологии и культуры: советский гуманизм, «победивший идеологию звериного человеконенавистничества», дальнейшее укрепление дружбы народов, а также поднятие культурно-технического уровня рабочих и крестьян до уровня технической интеллигенции «через слом идеологических пережитков невежества, фанфаронства и чванства» (75).

Наряду с видением будущего как демократизации реанимировалась и имперская идея, которая на самом деле подразумевала оформление унитарного государства с отбрасыванием федеративных или конфедеративных начал его устройства. Эту идею стимулировало освобождение Красной армией оккупированных территорий, которое расценивалось как уникальная возможность «завершить дело собирания воедино всех русских земель, русских племен» и тем самым исправить ошибки Екатерины II и Александра I. В частности, в январе 1945 года Г.Ф. Александров послал А.А. Жданову копию анонимного письма, полученного им из Президиума АН СССР. Он сопроводил документ примечанием: «Письмо представляет известный интерес для характеристики настроений некоторых историков» (76). Само письмо напоминало листовку: «Наступил исторический час. История предоставила возможность завершить начатое Иваном Калитой дело собирания воедино всех русских земель, русских племен. Именно поляки и немцы в XIX и начале XX вв. усиленно раздували, фальсифицируя историю и литературу, сепаратистское движение, “украинизм” как идею отдельной нации, языка и государства. И работа их дала свои результаты в виде требований “самостийной Украины” в виде “петлюровщины”, “скрыпниковщины”, “бандеровщины”. Этот очаг заразы, этот гнойник надо лечить радикально, пока не поздно. Просим не называть галичан и угрорусов “украинцами”, а называть “русскими” или “русинами”, а Галицию и Закарпатье – Галицкой Русью и Закарпатской Русью. Русский Галичанин» (77).

К чему же склонялись Сталин и его ближайшее окружение? Как оказалось, к совершению нового шага вперёд в разрешении национального вопроса в СССР – стать «более сложным и полнокровным организмом». За полтора года до конца войны ЦК ВКП(б) 27 января 1944 года принял решение о расширении полномочий союзных республик и преобразовании Наркомата обороны и Наркомата иностранных дел из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы. Докладывая пленуму ЦК о необходимости предоставления республикам возможности создать отдельные войсковые формирования и вести внешние сношения с иностранными государствами, В.М. Молотов долго доказывал, что республики заслужили такое расширение своей деятельности. Усилилась их любовь к Красной армии, созрела готовность – необязательно от имени Советского Союза, а через свои республиканские каналы – укреплять международные связи (78).

Надо отдать должное Молотову, который при этом всё-таки ставил вопрос: как отразится это «крупное государственное преобразование» на армии и тыле, укрепит или ослабит СССР? Его ответ был очевидным, оптимистическим, но с учётом уже имеющегося опыта войны далеко не убедительным: «С момента образования Советского Союза Конституция обеспечила союзным республикам такое высшее выражение их суверенных прав, как право свободного выхода из СССР. Но чем дальше, тем больше народы Советского Союза проникаются стремлением жить в тесной дружбе между собой, помогать друг другу и идти вместе через все испытания под руководством советской власти» (79).

Вопрос не обсуждался: решение было быстро принято, а соответствующие поправки в Конституцию внесены в феврале 1944 года. Такая поспешность стала понятна в контексте происходящих обсуждений структуры и процедуры принятия решений в будущей ООН. На встречах «Большой тройки» Сталина беспокоил вопрос, что англосаксонские страны будут иметь в ООН большинство, так как британские доминионы (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз и Индия) должны были войти туда как отдельные независимые государства. Поэтому в советских верхах родилась идея добиваться вступления в ООН не целиком всего Совет-

ского Союза, а всех его (на тот момент) шестнадцати союзных республик по отдельности. Данное предложение было озвучено послом СССР в США А.А. Громько на Вашингтонской конференции представителей внешнеполитических ведомств США, СССР и Великобритании, проходившей в конце августа – начале сентября 1944 года. Реакция была отрицательной, более того, президент США Франклин Рузвельт тут же выдвинул встречное предложение, чтобы в ООН отдельно вступили все 48 (на тот момент) штатов США. В конце концов, на Ялтинской конференции было согласовано вхождение в ООН из состава СССР только Украины и Белоруссии. Созданные же во всех республиках наркоматы обороны почти сразу по окончании Второй мировой войны были упразднены, что свидетельствовало о прагматизме, а не стратегии расширения полномочий республик (80).

Что же касается перемен в сфере идеологии и культуры, то здесь показательными были настроения, выплеснувшиеся в мае 1945 года на пленуме Союза писателей и юбилейной, посвященной 220-летию, сессии Академии наук СССР в июне 1945 года. Они прошли под знаком ликвидации всех тех уклонов в сторону национально-государственной идеологии, которые были допущены в годы войны. Писатели выдвинули своей ударной задачей борьбу против «кокотничания с боженькой», а академики – борьбу с «огульным, антинаучным восхвалением дореволюционного прошлого России» (81). В то же самое время отдавалось явное предпочтение великорусско-державному подходу в программных записках, которые в 1944–1945 годах подготовили руководители идеологических и образовательных структур в связи с перспективами послевоенного развития страны. В.П. Потемкин, с 1940 года занимавший пост наркома просвещения РСФСР, направил А.А. Жданову перечень основных проблем, заслуживающих постановки в «Большевике», а именно: использование наследия самобытной русской прогрессивной педагогики, борьба прогрессивной русской педагогической мысли с реакционными направлениями зарубежной, в частности, прусско-немецкой и фашистской педагогики, самобытность русской культуры и её мировое значение (82). Подобные программы для других областей знаний разработали и тогдашние идеологи «второго ряда» –

*«Как ныне собирается пленум СП». Художник Б. Ефимов.
Крокодил, № 18, 20 мая 1945 г.*

П.Н. Федосеев, П.Н. Поспелов, Е.Н. Городецкий и др. Среди всех этих записок некоторая взвешенность присутствовала лишь у Федосеева, который в одном из пунктов своего материала отметил: «Коренной вопрос современной эпохи – вопрос о классовых и национальных отношениях в общественной жизни. До этого были следующие ошибки: 1) абстрактное понимание классовой борьбы, игнорирование национальных моментов в историческом развитии; 2) обособление национального вопроса как самодовлеющего начала в общественной жизни. После войны значение национальных моментов возросло. Но и здесь есть свои ошибки – великодержавный шовинизм и местный национализм» (83).

Трудно сказать, какие разработки достигали стола Сталина. Формально он пока не замечал противоречивых тенденций в разыгрывании государственнической русской «карты» после войны. Однако весной 1945 года вождь даёт знать о своём понимании стратегии в этнополитической сфере (84). Своё выступление на приёме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 года он построил на восхвалении русского народа как «наиболее выдающейся нации изо всех

*Приём в Кремле в честь командующих войсками Красной армии
24 мая 1945 года*

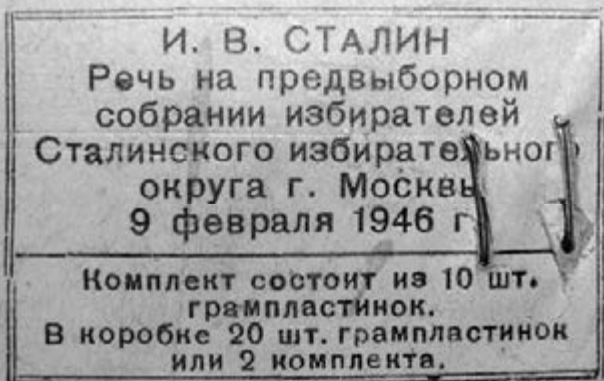
наций, входящих в состав Советского Союза», а главное – «руководящей силы в великом Советском Союзе». До сих пор такая характеристика прилагалась лишь к партии и рабочему классу, но никак не к этносу.

Противопоставление русских другим народам страны преследовало определённую политическую цель. Сталин и его окружение пытались опереться на авторитет русского народа, выступать от его имени, сделав его как бы посредником в своих взаимоотношениях с другими национальностями. В русских как имперском этносе Сталин искал укоренённость своего режима и после войны. Но не только. У речи Сталина были свои стилистика и словесно-символическое наполнение. Превозносились некие былинные качества русского этноса – «ясный ум, стойкий характер и терпение». Для славословия в адрес этих мифических русских использовались выражения, которым придавалось значение превосходной степени, гиперболизированные обороты. Речь звучала не столько в подобающей случаю политической тональности, сколько проговаривалась в человеческом измерении. Она произносилась в виде «тоста за здоровье», что придавало ей особую доверительность. Кроме того, русская культура потребления спиртного включает обострённый психо-

логический момент раскаяния («пьяные слёзы»). Сталин впервые признавал свои ошибки, а не сваливал их на других.

Мистификация достигла предела в пассаже об отношении народа к «правительству»: русский народ в сложнейших условиях не прогнал своё руководство, как это сделали бы другие народы, потому как верил в правительство. Термин «правительство» использовался в следующих друг за другом предложениях пять раз, в двух из них он прописывался с заглавной буквы и звучал как «правитель». Как раз в тех местах, где речь шла о поддержке и вере народа в трудный час. Речь формировала некое мифологическое пространство, в котором заглавная роль принадлежала этнокультурным, а не социально-политическим факторам. Это пространство населял идеальный русский человек – носитель несравненных интеллектуальных и моральных ценностей. Эти же параметры легли в основу оценки отрицательных черт его недругов и завистников. Сталин, говоря его словами, выставил «пробный камень» в масштабной идейно-политической игре, облакаемой не только в форму идейно-политических славословий и выпадов, но и культуртрегерских инвектив. Его наверняка не отпускали тревоги, связанные с возможными неблагоприятными для режима и строя перспективами культурно-национального развития нерусских народов. Война вызвала у них новые приливы чувства этнической самооценности, породила надежды на послабления в сфере национальных отношений. Национальное никак не желало соединиться с интернациональным в его великорусско-советском обличье. Поэтому следовало, согласно сталинской диалектике, ликвидировать одну из двух противоречивых сторон, привести национально-культурную сферу к общему – великорусскому – знаменателю. Именно теперь, а не в коммунистическом завтра.

Судя по тому, с какой частотой в передовицах и статьях центральных органов печати разъяснялось, что патриотизм советского, русского народа не имеет ничего общего с выделением своей нации как «избранной», «высшей», с презрением к другим нациям, ощущалась обеспокоенность, что сталинский тост мог быть воспринят как проявление русского национализма, как принижение роли других народов. Хотя было понятно, что без российской республики, без русского народа

Комплект грампластинок с речью И.В. Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 9 февраля 1946 года

никакие другие республики и нации не смогли бы выстоять в войне. На предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 9 февраля 1946 года Сталин неслучайно сделал акцент на образцовости советского строя, который не только выдержал все испытания войны, но и доказал успешность в разрешении национального вопроса: «Как известно, видные деятели иностранной печати не раз высказывались в том духе, что Советское многонациональное государство представляет «искусственное и нежизненное сооружение», что в случае каких-либо осложнений развал Советского Союза является неотвратимым, что Советский Союз ждет судьба Австро-Венгрии. Теперь мы можем сказать, что война опровергла эти заявления иностранной печати как лишённые всякого основания... Эти господа не поняли, что аналогия с Австро-Венгрией несостоятельна, ибо наше многонациональное государство выросло не на буржуазной основе,

стимулирующей чувства национального недоверия и национальной вражды, а на советской основе, которая, наоборот, культивирует чувства дружбы и братского сотрудничества между народами нашего государства... Теперь речь идет о том, что советский государственный строй оказался образцом многонационального государства, что советский государственный строй представляет такую систему государственной организации, где национальный вопрос и проблемы сотрудничества наций разрешены лучше, чем в любом другом многонациональном государстве» (85).

Иерархия проблем исторических исследований

В конце 1930-х годов, накануне войны, завершилось безудержное развенчание «школы Покровского», причём даже с национальным подтекстом. В ходе обсуждения известного доклада А.В. Шестакова в Институте красной профессуры «Методы и приёмы вредительской работы на историческом фронте» 31 октября 1937 года М.В. Нечкина упрекнула «школу Покровского» в отсутствии «чувства Родины». В обличительном запале она договорилась до того, что «теория Покровского белофинская», согласно ей «в жилах русского народа течет финская кровь». В процессе просмотра стенограммы этот пассаж вычеркнули (86). Финская тема звучала на разные лады в идеологических упражнениях, отражая одно из направлений внешнеполитических устремлений советского правительства. Руководство марийской автономии сочло за благо отмежеваться от нежелательного и опасного родства языка мари («восточных финнов») с языком основного населения Финляндии, было даже сфабриковано дело «федералистов», которые стремятся к созданию «федерации финно-угорских племён под протекторатом Финляндии», или «Великой Финляндии» (87).

Те из учеников и коллег Покровского, которым дозволили остаться в обновленной историографии, расписались в своей полной лояльности, приняв участие в двух сборниках статей,

изданных в 1939 и 1940 годах. Эти издания знаменовали отлучение Покровского от историографии советской державы. Сами их названия говорили об окончательном «приговоре» по «делу» некогда всесильного историографа – «Против исторической концепции М.Н. Покровского». Оснащение фамилии Покровского его инициалами в заглавиях сборников («врагам народа» имена и отчества при упоминании их фамилий не полагались) всё же проводило незримую черту между «бандой фашистских прихвостней» – имиджем «старой гвардии» большевизма второй половины 1930-х годов – и Покровским. Этот политиканский штрих понадобился для негласного обоснования того, что некоторые из близких Покровскому людей продолжали служить советскому государству. И того, что прах Покровского упокоен в Кремлёвской стене. Обновлённая историческая концептуалистика предполагала иное структурирование поля исторических изысканий, изменение иерархии проблем исследований (88).

В противовес вульгарному социологизму Покровского историки обосновывали новый тезис власти о «прогрессивности собирания земли русской», создания «ядра русского централизованного государства», «великой державы». В 1937 году родилась весьма удобная для сталинского режима так называемая теория наименьшего зла, которая впервые была выражена в учебнике истории СССР под редакцией профессора Шестакова и его статьях в исторических журналах (89). В частности, завоевание царской Россией Казахстана, трактовавшееся до революции как мера защиты от кочевников, а в период до 1937 года как выражение колонизаторской политики царской России, теперь стало обосновываться как освобождение казахов от нависшей над ними угрозы агрессии со стороны других государств. Шестаков писал: «На Казахстан наседали с одной стороны Хивинское ханство, с другой Китай, с третьей – Российская империя. Для казахских народов присоединение к России было, несомненно, в этот момент наименьшим злом. Все это обязывает историков, работающих в области национальной политики, пересмотреть свою старую точку зрения, которая изображала колониальную политику России как сплошное черное пятно в истории русского государства» (90).

Те же положения были выдвинуты в отношении истории Грузии, Сибири, Чувашии и Молдавии. Безусловно, предложенная теория наименьшего зла стала для многих большой неожиданностью, но после того как учебник был награждён премией жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник, сомневавшиеся поспешили переделать свои учебники и признаться в своих ошибках.

Большое участие в развитии национально ориентированной пропаганды принял Институт истории АН СССР, созданный в 1936 году. В 1938 году ученые института работали над темами «История русского народа» и «История отдельных народов СССР». Историки не обделяли своим вниманием тему «русского колониализма», разрабатывались такие темы, как «Колониальная политика царизма в Казахстане 1785–1828 гг.» и «Борьба горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля», «Борьба горцев Северо-Западного Кавказа за независимость (1849–1856 гг.)». В то же время усиление русского национального фактора не могло не повлиять на изучение истории других народов. Как выяснилось во время обсуждения учебника по истории СССР для вузов, проведенного в январе 1940 года, истории народов Кавказа в XVIII веке было «посвящено каких-нибудь полстранички», а также было мало сказано про воздействие нашествия Батыя на страны Азии и Западной Европы (91).

В августе 1940 года секретарь ЦК КП(б) Грузии К.Н. Чарквиани написал Сталину, что «в учебнике допущены совершенно нетерпимые искажения и игнорирование истории грузинского народа», которой «авторы учебника отвели... немногим больше места, чем истории, например, хазаров, гуннов и др[угих] кочевников, не внесших ничего в сокровищницу человеческой культуры». Даже вопросы взаимоотношений Московского государства с грузинскими царствами и присоединения Грузии к России были «недостаточно и неправильно освещены». По мнению Чарквиани, «в учебнике... в такой же степени искажена история и других кавказских народов» (92). Критика не была оставлена без ответа – в октябре 1940 года ЦК ВКП(б) предложил Институту истории АН СССР переработать указанный учебник (93). В 1940 году в институте были проведены дискуссии по темам «Образование русского нацио-

нального государства», «Об образовании украинской и белорусской народностей», сделаны доклады на тему «Состояние вопроса о древнейших судьбах славян в прикарпатских областях» и «Происхождение славян». Ленинградское отделение Института истории работало над темами «Военное прошлое русского народа» и «История русской культуры». В 1943 году выйдет первая работа об истории образования СССР Э.Б. Генкиной.

Ключевое значение в истории СССР приобретала агиография наиболее значимых фигур русского автократизма. Особенно много внимания стало уделяться в исторической науке и художественной литературе отображению времени Петра I. Образ титана, преобразователя, с помощью «дубинки-погонялки» боровшегося за преодоление отсталости России, поддерживался сталинским руководством. И главное – проецировался на фигуру Сталина, всё более возносившуюся над простыми смертными. Затем историографию поразил очередной для русской исторической мысли, но небывалый по размаху «приступ историографического кошмара» (94) – апологетики Ивана IV. Приступ, отразивший личные симпатии Сталина к этому историческому персонажу (95).

Война обострила дискуссии по принципиальным вопросам отечественной истории. На заседании 7 января 1944 года в Наркомпросе А.И. Яковлев призвал историков выдвинуть на первый план мотив русского национализма: «Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. Но русскую историю делал русский народ. И мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве... Этот мотив национального развития, который так блистательно проходит через курс истории Соловьева, Ключевского, должен быть передан всякому составителю учебника... Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях» (96).

Это заявление было осуждено как «явное проявление великодержавного пренебрежительного отношения к нерусским народам». Были отвергнуты предложения о включении в число исторических героев А.А. Брусилова, А.М. Горчакова, А.П. Ермолова, М.И. Драгомирова, К.П. Кауфмана, М.Д. Скобелева, М.Г. Черняева и других выдающихся военных и государственных деятелей дореволюционной России.

На совещании историков в мае–июне 1944 года (97) было рассмотрено порядка пятнадцати вопросов, касавшихся тезиса «жандарм Европы», характера царского империализма и колониальной политики, применимости теории меньшего зла, неослабевавшего влияния школы Покровского и роли выдающихся личностей в истории (Иван Грозный, Петр I, Ушаков, Нахимов и др.). Кроме того, обсуждалась проблема политического сознания крестьянских бунтовщиков (Болотников, Пугачев и др.), а также то, насколько благотворно сказалось самодержавие Романовых на русском народе в исторической перспективе. В то же время не стало предметом специального обсуждения предложение Нечкиной определить, что «советский народ – это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории человечества прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой общей хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой, не смотря на множественность языков» (98).

В ходе дискуссий были осуждены крайности, идущие как по линии очернения прошлого русского народа и преуменьшения его роли в мировой истории (А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, Н.Л. Рубинштейн и др.), так и по линии сползания на позиции «великодержавного шовинизма» и «квасного патриотизма» (Х.Г. Аджемян, Б.Д. Греков, А.В. Ефимов, Е.В. Тарле, А.И. Яковлев и др.). Тем не менее совещание не придало легитимности каким-либо внятным характеристикам обсужденных проблем. Партийное руководство в лице Маленкова, Щербакова и Андреева не поддержало критику Е.В. Тарле, А.В. Ефимова, С.К. Бушуева, Х.Г. Аджемяна в адрес А.М. Панкратовой, которая, по их разумению, потакала националистическим тенденциям, однако и не дезавуировало взгляды этих историков, которые Панкратова расценивала как умаление классового подхода к истории, протаскивание под флагом патриотизма устарелых дореволюционных оценок. В «перспективном плане» в области истории, принятом по итогам совещания, была сформулирована общая задача борьбы против «попыток огульного, антинаучного восхваления дореволюционного прошлого России».

После совещания историков ЦК ВКП(б) в начале августа 1944 года рассмотрел вопрос «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» и осудил идеализацию местными историками Золотой Орды и популяризацию тюркского эпоса об Идегее. Однако этим дело не ограничилось. В самом начале октября 1944 года в ЦК неожиданно всплыл вопрос, связанный с публикацией в казанском журнале «Совет Эдэбияты» ещё осенью 1940 года сводного варианта эпоса «Идегей» и статьи историка и писателя Наки Исанбета «500-летие татарского народного эпоса – дастана Идегей». В записке, подготовленной Александровым и Иовчуком секретарю ЦК Маленкову, с явным неудовольствием сообщалось о том, что номер этого журнала с начала 1941 года широко распространялся в Татарии. Герой эпоса стал популяризоваться как герой татарского народа, хотя «он совершал опустошительные набеги на русские города и селения, увёл в рабство десятки тысяч русских людей». Ни попытки некоторых историков Татарии провести разграничительную черту между Идегеем историческим и Идегеем – героем эпоса, ни заключение С.В. Бахрушина и А.Н. Толстого о том, что это произведение не является эпосом какого-либо одного из народов Советского Союза, явно не удовлетворили авторов записки. Они предложили Маленкову следующий вывод: «Стремление некоторых татарских литераторов поставить эпос в один ряд с величайшими произведениями устного творчества народов СССР ничем не обосновано, так как эпос этот отражает далеко не прогрессивные исторические события. По своим идейным качествам он не может идти ни в какое сравнение с “Давидом Сасунским”, “Калевалой” и другими, так как воспекает агрессивное государство – Золотую Орду, проводившую захватнические войны» (99).

Точка зрения авторов записки довольно быстро приобрела директивный характер. 28 ноября 1944 года бюро Татарского ОК ВКП(б) приняло постановление о статье Исанбета. Автора резко осуждали за «ошибку националистического характера» – «извращение истории татарского народа». О том, какое значение придавалось в идеологических аппаратах Кремля золотоордынской теме, говорит и организованная по следам «анти-

ордынских» постановлений сессия Отделения истории и философии АН СССР. Она была проведена в 1946 году совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, существовавшим с 1939 года (до постановления ЦК 1944 года он именовался Татарским институтом языка, литературы и истории). Авторитетом высшего научного учреждения страны была подкреплена версия, согласно которой казанские татары являются прямыми потомками камских булгар, и отринута представление об их золотоордынском происхождении (100).

Идеологическая машина довольно точно выбрала цель. История отношений Руси со Степью, монголо-татарского ига, соответственно, взаимоотношений Московии с возникшими после распада номадического образования Чингизидов тюрко-мусульманскими государствами на территориях от Волги до Крымского полуострова является не только достоянием историографии. Она весомо представлена в памяти поколений. Сплотка «русский–татарин» (инвариант: «русский, православный – восточный человек, мусульманин»), присутствующая в историческом сознании в виде невралгического узла, обслуживала процессы этнокультурной идентификации народов на всём срезе социума. Легенда Золотой Орды в тюрко-татарской ментальности «отвечала» за идею «возрождения» культуры, языка, политической жизни, государственности. В восточнославянских культурных архетипах ордынец, ассоциируемый в Новое время с понятием «татарин», остался смутным воспоминанием о враге, басурманине, посягающем на этнокультурные основы и уклад жизни.

Антинациональная направленность была характерна и для знаменитых дел, связанных с коллективными трудами «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (редакторы А.М. Панкратова и М.А. Абдыкалыков) и «Очерки истории Башкирской АССР». ЦК КП Казахстана, отчитываясь перед Москвой о состоянии идеологической работы в казахстанской партийной организации, поспешил – в свете итогов совещания по проблемам исторической науки (май–июнь 1944 года) – осудить односторонность оценки присоединения Казахстана к России. Историки обвинялись в том, что они не учли историческую обстановку, сложившуюся в Казахстане в момент

его присоединения к России, и «не показали по-настоящему прогрессивное значение вхождения Казахстана в состав Российской империи». Не провели четкое разграничение между «подлинными национально-освободительными движениями казахского народа» и «разбойничьими набегами казахских султанов и феодалов» (101). Однако все старания казахских аппаратных работников упредить критику не помогли. Специальная проверочная комиссия из Москвы вынесла довольно жёсткое заключение. В справке для Маленкова «Об ошибках и недостатках в идеологической работе в партийной организации Казахстана» члены комиссии не только повторили критические замечания казахских коллег, но и добавили к ним ещё изрядное количество других замечаний.

* * *

Великая Отечественная война надолго определила глубокий трагический смысл памяти об СССР и о тех испытаниях, которые выпали на долю каждой нации. Победа, которая несла в себе огромный энергетический заряд, заслонила и компенсировала провалы, просчёты, предательства, ксенофобию и подозрительность. Перенесённые испытания вдохнули в людей необыкновенные оптимизм и веру в то, что всё изменится к лучшему. Росло осознание, что ни одна из союзных республик, кроме Российской, не смогла бы противостоять Гитлеру, но, объединив все свои потенциалы в составе СССР, они смогли сохранить своё существование и государственность. Безусловно, необходимо было разобраться и с теми ловушками памяти, которые были расставлены или выдвинуты в идеологических установках. Среди них – снятие табу на многие довоенные ограничения, пересмотр роли церкви, усиление преемственности между старой, дореволюционной Россией и советской страной.

В то же время в годы войны проводилась реструктуризация патриотического синкретизма. Ряду народов было отказано в патриотизме, выстраивалась иерархия значимости его проявлений у различных этносов, проживающих в стране. Эта дифференциация патриотизмов служила идеологическим обоснованием крупномасштабных акций политико-демографического характера – депортации народов, а также культурно-нацио-

Между тем представленная картина борьбы мнений, в том числе подкрепляемых сверху, явственно свидетельствует о том, что партийно-государственная верхушка даже по итогам войны не была готова к однозначной реабилитации имперства и окончательному укоренению русскости в качестве квазиидеологии. Снизу – и из «народа», и из среды профессионалов, которым по умолчанию было принято доверять, – ей поступали недвусмысленные сигналы о неготовности значительной части как просто граждан (причём даже русских), так и интеллектуальной элиты к подобным идейным переменам. В этой ситуации власть могла лишь пытаться усидеть на двух стульях – русском державном и интернациональном марксистском. Вождю – в силу той сакральной роли, которую он приобрёл к концу войны, – это пока удавалось. Но в перспективе подобное балансирование неизбежно было обречено на крах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 292.
2. Правда. 1942, 30 декабря.
3. Если в конце Гражданской войны в личном составе армии и флота было 77,6 % русских и 22,4 % нерусских военнослужащих (13,7 % украинцев, 4,0 % белорусов и 4,7 % латышей, татар, башкир и других национальностей), то в 1940 году соотношение было уже иным: 61,0 % русских, 19,6 % украинцев, 4,1 % белорусов и 15,3 % воинов других национальностей. См.: *Шуткомов П.И.* Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1970. С. 11; *Партия и армия.* М., 1980. С. 76.
4. См. подробнее: *Дмитриев Т.А.* «Не возьму никого, кроме русских украинцев и белорусов». Национальное военное строительство в СССР 1920–1930-х гг. и его испытание «огнем и мечом» в годы Великой Отечественной войны // Вопросы национализма. 2013. № 2. С. 60–88.
5. Правда. 1942, 30 декабря.
6. *Волин Б.М.* Великий русский народ // Большевик. 1938. № 9. С. 36.
7. Правда. 1938, 14 февраля.
8. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. М., 2009. С. 298.

9. Там же. С. 299.

10. После Большого террора новые первые секретари республиканских партийных организаций оказались в большинстве своём этническими русскими.

11. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 179.

12. Правда. 1938, 10 апреля.

13. *Волин Б.* Великий русский народ. С. 27.

14. Там же. С. 48.

15. Правда. 1938, 5 ноября.

16. *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941. М., 1997. С. 128.

17. См.: *Бордюгов Г.А.* Чрезвычайный век российской истории: четыре фрагмента. СПб., 2004. С. 73.

18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 45. Л. 14.

19. *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20-е – 60-е годы). М., 1998. С. 104.

20. См.: *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 93.

21. Подробнее см.: *Сим Хон Енг.* Депортация народов: международный аспект проблемы // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М.: Наука, 1999. С. 377–384.

22. За период с июля 1937 г. по ноябрь 1938 г. нарком внутренних дел Н.И. Ежов подписал семь оперативных приказов, запускавших репрессии по «немецкой» (№ 00439 от 25 июля 1937 г.), «польской» (№ 00485 от 11 августа 1937 г.), «харбинской» (№ 00593 от 20 сентября 1937 г.), «латышской» (№ 49990 от 30 ноября 1937 г.), «иранской» (№ 202 от 29 января 1938 г.), «афганской» (№ 226 от 16 февраля 1938 г.) и «греческой» (№ 50215 от 11 декабря 1937 г.) операциям (или линиям). Приказ № 00485 («польская» операция) стал модельным для всех последующих «национальных» карательных акций. Кроме того, ряд дополнительных инструкций, подписанных Н.И. Ежовым в августе 1937 г. – ноябре 1938 г., усиливал репрессии в отношении целевых категорий «национальных» операций. 15 августа 1937 г. вышел приказ НКВД СССР № 00486, санкционировавший репрессии против жен и детей изменников родины, который был распространен и на «национальные» операции. 23 октября 1937 г. НКВД СССР издал приказ № 00693, предписывавший арестовывать всех перебежчиков (нелегальных мигрантов) 1. Оперативный приказ № 00698 от 28 октября 1937 г. обозначил в качестве целевых категорий «национальных» карательных акций служащих диппредставительств. См.: *Аблажей Н.Н., Потапова Н.А.* «Национальные» операции Большого террора: иерархия полномочий власти и карательных

органов в центре и на периферии // Мир Большого Алтая. 2019. № 5 (2). С. 152–161.

23. См. подробнее: *Юнге Марк, Бордюгов Геннадий, Биннер Рольф*. Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008. 784 с.

24. См.: *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 35–75.

25. См.: *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* Польская операция НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 22–43.

26. *Аблажей Н.Н.* «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85.

27. См.: *Кривенко С.А., Прудовский С.Б.* Статистика национальных операций НКВД 1937–1938 годов // <https://lib.memo.ru/media/book/27344.pdf> (дата обращения: 20.11.2022).

28. Цит. по: *Петров Никита*. «Всех националов надо ловить, ставить на колени и истреблять как бешеных собак» // Новая газета. 2021, 10 сентября.

29. См.: *Савин А.* Национальные операции НКВД 1937–1938 гг. // Энциклопедия изгнаний: депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке. М., 2013. С. 317–320.

30. *Гурьянов А.Э.* Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. Вып. 1. М., 1997.

31. Из Западной Украины были выселены 11 тысяч человек, из Западной Белоруссии – 21 тысяча, из Литвы – около 13 тысяч были отправлены в ссылку и 4,6 тысячи – в лагеря, из Латвии соответственно 10 и 5,5 тысячи, из Эстонии – 6 и 3,6 тысячи. См.: НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): сб. документов / Сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. М., 2006.

32. *Полян П.М.* Указ соч.

33. Там же.

34. Приграничные военные округа в начале войны потеряли значительную часть личного состава (в 1941 году потери составили свыше 3 млн человек – более трети всех потерь за войну). См.: Всероссийская книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 411, 415; *Гареев М.* Социально-политическое значение и цена победы // Международная жизнь. 1994. № 9. С. 103; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании и стратегические операции в цифрах. В 2-х т. М., 2010. Т. 1. С. 7.

35. Россия в Великой Отечественной войне 1941–1945. С. 143.

36. См: *Артемьев П.А.* Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 51; *Партия и армия.* С. 185.

37. Там же. С. 40–47, 51.

38. Великая Отечественная война 1941–1945. Краткий научно-популярный очерк. М., 1973. С. 270; *Петренко А.И.* Прибалтийские дивизии Сталина. М., 2010.

39. К началу весны 1942 года, когда формирование новых национальных соединений достигло пика, в 12 союзных республиках (РСФСР, Латвийской, Литовской, Эстонской, Армянской, Азербайджанской, Грузинской, Казахской, Узбекской, Киргизской, Таджикской, Туркменской) и четырех автономных республиках РСФСР (Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Башкирской) сформировалось всего 53 соединения, их общая штатная численность составляла 357,4 тыс. человек. Наибольшую нагрузку нес Закавказский фронт, формировавший 14 национальных стрелковых дивизий штатной численностью 156,7 тыс. человек. Формируемые национальные соединения по отношению к действующей армии составили: 6,7 % – по стрелковым дивизиям, 16,7 % – по стрелковым бригадам и 34,9 % – по кавалерийским дивизиям. См.: *Безугольный А.Ю.* Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование. М., 2021. С. 279–280.

40. Подробнее см.: *Дмитриев Т.А.* Указ. соч. С. 60–87.

41. Цит. по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 660–661.

42. См.: *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012. С. 207–208, 231–232.

43. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 760–767.

44. *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Указ. соч. С. 127.

45. Подробнее об этом см.: *Безугольный А.Ю.* Указ. соч. С. 364, 368–370.

46. С марта 1944 года НКВД начал подавление отрядов Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА). Только с февраля по октябрь 1944 года было уничтожено более 44 тыс. оуновцев, взято в плен более 37 тыс., выселено из городов и сел и отправлено в ссылку около 100 тыс. человек. В Литве, где действовало множество повстанческих отрядов под эгидой Литовского национального фронта, к 1 марта 1945 года было проведено 2257 карательных операций и по официальным данным

ликвидировано 17 тыс. бандгрупп, захвачено более 10 тыс. бандитов, арестовано более 31 тыс. человек. Сражения с националистами велись на Украине и в Прибалтике до конца войны и продолжались многие послевоенные годы. *Вдовин А.И.* Подлинная история русских. XX век.

47. См.: *Безугольный А.Ю.* Указ. соч. С. 241–242.

48. Там же. С. 242.

49. Там же. С. 244.

50. Советская этнополитика, 1930–1940-е годы: сб. документов / Сост., автор предисловия и комментариев Л.С. Гатагова. М., 2012. С. 21–22.

51. См.: Российская газета. 2015, 15 июня; *Надин Шильман, Равшан Назаров.* День Победы в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане: смыслы памятных акций, символов и рефлексий // *Победа-75: реконструкция юбилея* / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2020. С. 530.

52. Цит. по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 776.

53. Там же. С. 776–777.

54. См.: Там же. С. 746–749, 776–783.

55. См.: Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / Под общей ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Г.В. Костырченко. М., 2005. С. 32–34.

56. *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004. С. 241.

57. См.: Там же.

58. Там же. С. 97.

59. *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 46.

60. *Ковалев Б.Н.* Указ. соч. С. 106.

61. См.: Там же. С. 257.

62. Там же. С. 258.

63. В эти формирования входили: литовцев – 36,8 тыс., азербайджанцев – 31 тыс., украинцев – 75 тыс. РОА насчитывала 300 тыс. Около 330 тыс. жителей Украины, Белоруссии и Прибалтики служили в местной полиции и отрядах самообороны, подчинённых начальникам СС и полиции рейхскомиссариатов. См.: НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооружённым националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): сб. документов. См. также отзыв на этот сборник: *Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011. С. 166–173.

64. См.: Там же. С. 172–173.

65. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 41–42.

66. См.: *Бугай Н.Ф.* Операция «Улусь». Элиста, 1991; *Его же*. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...»; *Его же*, *Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах: 20–60-е годы. М., 1998; *Его же*. Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М., 2002; Ссылка калмыков: как это было. Элиста, 1993; *Чомаев К.* Наказанный народ. Черкесск, 1993; *Брошеван В., Тыглянц П.* Изгнание и возвращение. Симферополь, 1994; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994; Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. М., 1994; *Полян П.М.* Указ. соч.; *Эдиев Д.М.* Демографические потери депортированных народов. Ставрополь, 2003; Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005; *Неймарк Норман.* Геноциды Сталина. М., 2012 и др.

67. Согласно данным НКВД, в первые четыре года ссылки скончались от 20 до 25 % депортированных чеченцев и ингушей, причём детская смертность была ещё выше. Из 190 тысяч крымских татар от 70 до 90 тысяч умерли в ходе переселения или в первые годы ссылки. *Неймарк Норман.* Указ. соч. С. 102–103.

68. См.: *Вдовин А.И.* Подлинная история русских. XX век.

69. Среди них русские составили 8 182, украинцы – 2 072, белорусы – 311, татары – 161, евреи – 108, казахи – 96, грузины – 91, армяне – 90, узбеки – 69, мордвины – 61, чувашаи – 44, азербайджанцы – 43, башкиры – 39, осетины – 32, марийцы – 18, туркмены – 18, литовцы – 15, таджики – 14, латыши – 13, киргизы – 12, коми – 10, удмурты – 10, карелы – 9, поляки – 9, эстонцы – 9, калмыки – 8, кабардинцы – 7, адыгейцы – 6, чехи – 6, чеченцы – 6, абхазцы – 5, аварцы – 5, буряты – 5, крымские татары – 5, дунгане – 4, лезгины – 4, немцы – 4, французы – 4, якуты – 3, алтайцы – 2, болгары – 2, греки – 2, карачаевцы – 2, кумыки – 2, лакцы – 2, хакасы – 2, черкесы – 2, финны – 2, ассириец, балкарец, вепс, даргинец, испанец, кореец, кумык, курд, молдаванин, ногаец, нанаец, сван, тувинец, цыган и эвенк. См: Всероссийская книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 516–519. Во время Великой Отечественной войны звание Героя Советского Союза получили 11 037 граждан СССР и 15 иностранцев. 640 человек были удостоены этого звания уже в послевоенные годы. Всероссийская книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 382, 516–517, 520.

70. См.: *Бордюгов Г.А.* Чрезвычайный век российской истории. Четыре фрагмента. С. 85.

71. Там же.

72. Там же. С. 89.

73. Там же. С. 266.

74. Крамова Н. Расправа с Зощенко // Новый журнал. 1977. № 129. С. 55.
75. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 104. Л. 83.
76. Там же. Л. 83, 87.
77. Там же. Оп. 125. Д. 340. Л. 20.
78. Там же. Л. 21–23.
79. См.: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 791–796.
80. Там же. С. 797.
81. Статья Конституции СССР о республиканских воинских формированиях сохранялась до её отмены в 1977 году. В новую Конституцию СССР, принятую 7 октября 1977 года, статья о республиканских армиях не была включена. Между тем республиканские ведомства (с 1946 года министерства) иностранных дел неизменно действовали с тех пор во всех (кроме РСФСР) союзных республиках до того момента, когда республики в 1991 году стали независимыми государствами. Конституция СССР 1977 года сохранила право союзных республик на ведение внешнеполитических сношений, дополнив её пунктом о членстве в международных организациях.
82. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 141. Л. 19; *Бордюгов Г.А.* Чрезвычайный век российской истории. Четыре фрагмента. С. 252.
83. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 311. Л. 123.
84. Там же. Л. 26–27.
85. Большевик. 1946. № 3.
86. *Сталин И.В.* Соч. Т. 16. 1946–1952. М., 1997. С. 8–9.
87. ГА РФ. Ф. 5143. Оп. 1. Д. 614. Л. 44, 46.
88. См.: *Сануков К.* Финно-угры и финно-угроведение: новые горизонты // Финно-угроведение. 1994. № 1. С. 17.
89. См. подробнее: *Бордюгов Геннадий, Бухараев Владимир.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М., 2011. С. 55–57.
90. *Шестаков А.* Основные проблемы учебника «Краткий курс истории СССР» // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 91.
91. Там же.
92. См.: *Синицын Ф.Л.* Советская нация и война. Национальный вопрос в СССР. 1933–1945. М., 2018. С. 18–19.
93. Там же. С. 19.
94. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933–1945. С. 571.
95. Выражение А.Л. Янова. См.: *Янов А.* Иваниана // Нева. 1992. № 5–6. С. 287.
96. «Сталину действительно очень нравилась опричнина, очень импонировала фигура Ивана Грозного. Но он нарочно забывал тот гигантский общенациональный крах, которым кончилось всё это де-

ло». См.: *Покровский Н.Н.* В пространстве и времени // *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 16.

97. См.: *Гришаев О.В.* Роль совещания историков 1944 года в ЦК ВКП(б) в развитии советской историографии русской истории // *Научные ведомости. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика».* 2013. № 1 (144). Вып. 25. С. 132–136.

98. См.: *Вопросы истории.* 1996. № 2–7, 9.

99. См.: Там же.

100. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 290. Л. 17.

101. См.: Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, 25–26 апреля 1946 года в городе Москве (по стенограмме). Казань, 1948.

102. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 311. Л. 123.

Глава 4

Третье десятилетие: эксплуатация «советского патриотизма»

Тридцатилетие образования СССР отмечалось скромно, без плакатов, лозунгов, политических и культурных акций. Очередной юбилей заслонили прошедший XIX съезд партии, на котором ВКП(б) была переименована в КПСС (1), и выход в свет труда Сталина «Экономические проблемы социализма». Тем не менее определенные установки ЦК в отношении исторического юбилея в 1952 году прозвучали: СССР создан по предложению Ленина и Сталина, СССР – крупная победа политики партии по национальному вопросу, СССР как серьезная международная сила может влиять на мировую обстановку, «Союз нерушимый» «сплотила навеки Великая Русь» (2). По-прежнему главным и бессменным культурным героем в пространстве памяти оставался Сталин: «Он нас соединил. / В стране народы все он дружбою скрепил. / В чудесный светлый сад Союз наш превратил; / Узбек, таджик, казах и русский – братья мне». Так пел популярный узбекский шаир Фазыл Юлдаш-оглы (3).

Некоторые старо-новые акценты были расставлены и в развёрнутой статье секретаря Президиума и Бюро Президиума ЦК КПСС А.Н. Поскрёбышева «Великое многонациональное государство», опубликованной в «Правде» 30 декабря. Прежде всего он напомнил о субъектах памяти – всё достигнутое в СССР проходило «в непримиримой борьбе против троцкистов, бухаринцев, буржуазных националистов и других врагов, агентов капиталистического окружения». Автор также обозначил два главных этапа развития СССР, не вдаваясь в детали и не напоминая о трагических испытаниях и постыдных событиях, которые были перемещены в зону антипамяти. В течение

первого этапа – 1922–1936 годы – самым сложным был начальный период, когда между народами не были ещё как следует налажены связи, «пережитки недоверия к великороссам еще не исчезли, центробежные силы всё еще продолжали действовать». Хотя советская власть и видела эти трудности, тем не менее «она пошла на опыт создания многонационального государства». После 1936 года, на втором этапе, развернулись движущие силы, которые позволили победить в Великой Отечественной войне, – морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм. Поскрёбывшев привёл сталинскую формулу советского патриотизма, которая в послевоенное время становилась ведущим идеологическим конструктом. Такой патриотизм: «имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей Советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы верх трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью» (4).

Для помощи жертвам землетрясения в Ашхабад прилетели военные хирурги из Ташкента, Баку, Тбилиси. 1948 г.

Углубление пространства памяти обращением к событиям тридцатилетней, двадцатилетней и десятилетней давности сопровождалось тематическим его расширением. Постоянной стала новая тема – СССР на страже мира (5). Не было теперь сомнений в том, что спустя 30 лет у СССР как модели государственности нет альтернативных вариантов – лоскутная Австро-Венгерская империя развалилась, в США разрезанные ровными линиями штаты «рвут тело страны на куски без какого-либо учёта национальных особенностей», а в Британском содружестве наций поработанные и угнетаемые Англией народы только и мечтают о том, чтобы избавиться от навязанной им «дружбы» (6). Другое дело – дружба народов, братское сотрудничество в СССР: «Русский токарь приехал в Литву и помогает местным станкостроителям. Русские металлурги учат варить сталь юношей из грузинского города Рустави. А грузинский колхоз считает своим долгом поднять на ноги пострадавшую после войны украинскую сельскохозяйственную артель. Бакинские нефтяники передают опыт башкирским.

Московские профессора консультируют аспирантов Белорусского университета» (7).

Сотрудничество проверялось и в чрезвычайных ситуациях. Значительные ресурсы были переброшены на поддержку пострадавшей от голода 1946–1947 годов Молдавии. Безвозмездная помощь оказывалась Туркмении, пострадавшей в 1948 году от страшного землетрясения.

Борьба за «чистоту» советского общества

Однако не всё было так безоблачно, как это изображала советская печать. Победа в мировой войне, единение людей и их новое самоощущение, усиление военной и экономической элиты не могли не повлиять на политику власти. Ожидания демократизации, царившие в обществе, не оправдались. Сталин решил сначала навести «порядок» на всех этажах государственной и общественной жизни, поставить на место различные группировки элиты и их лидеров.

Главным проводником открытой идеологической кампании «за чистоту основ» был назначен А.А. Жданов (позднее она получила название «ждановщины») (8). Основной мишенью – научная и художественная интеллигенция, которая обвинялась в «низкопоклонстве перед Западом» и «космополитизме». Холодная война стала топливом для разжигания этой новой, более опасной волны национализма, а роль метронома сыграла тема «глубокой патриотичности», аранжированная идеей визионерства «великого русского народа». В ЦК был разработан подробный план мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма, утверждённый в апреле 1947 года (9), а своеобразный старт чистке основ советского строя дала статья Дмитрия Шепилова «О советском патриотизме», опубликованная 11 августа 1947 года в «Правде».

В пафосных пассажах пропагандистов «всё прогрессивное человечество» оказывалось охваченным чувством благоговения и уважения к историческому пути русского народа, к его

Плакат «Слава русскому народу – народу-богатырю, народу-созидателю». Художник В.С. Иванов. 1946 г.

качествам, ко всему совершённом им, в особенности в течение последнего советского периода его истории, к русским людям сталинской эпохи» (10). В борьбе с химерами романтической идеологии мирового согражданства (её усеченной радикальной версией выступала, собственно, утопия всемирного братства пролетариев) явили себя заглавные идеи и решения послевоенного сталинизма: антиамериканизм как инструмент усиления автаркии; превентивное подавление демократических устремлений интеллектуалов, национальной интеллигенции (за помыслами последней проглядывали намерения национальных политических «элитов» – в транскрипции начала 1950-х годов); новый, фронтальный натиск на инациональные начала в культуре и быту, который преследовал достижение небывалой «массовизации» общества. Неслучайно в «Предисловии автора» к первому тому своих сочинений (1946) Сталин восстановил «национализаторскую» позицию в вопросе об уровне развития капитализма в России и отклонил господствовавшее с середины 1930-х годов представление о России начала XX века как полуколонии Запада. На новом витке утверждения великодержавной идеи надобность в подчёркивании слабого, зависимого положения России отпала. Напротив, нужно было утверждать образ уверенно идущей сквозь столетия могучей державы под названием СССР. Ещё раз и весьма своеобразно Сталин обратился к национальному содержанию идеологии в опубликованной «Правдой» 20 июня 1950 года статье «Относительно марксизма в языкознании». Используя критику идеи академика Н.Я. Марра о «классовости» языка, он представил нацию в качестве наиболее важного фактора современной истории и даже революционной борьбы.

Все без исключения идеологические акции второй половины 1940-х – начала 1950-х годов пронизывали идеи преемственности русской культуры на всех этапах развития Руси / России, а также её ведущей роли в стране и мире. В этом ряду – доведённые до абсурда доказательства приоритета русских учёных едва ли не во всех областях науки и техники. Порицалось «раболепие перед буржуазной иностранщиной» тех писателей и кинорежиссёров, которые фигурировали в решениях ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград», о фильме «Большая жизнь» в 1946 году. Критиковались композиторы в

остановлении об опере Вано Мурадели «Великая дружба» за игнорирование «великого музыкального наследия гениальных русских композиторов». Объявлялась победа мичуринской – советской, русской в своей основе – биологии. В 1947 году наступила очередь философов – Жданов инициировал публичную проработку книги одного из видных деятелей идеологической сферы, руководителя Агитпропа ЦК Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», которая была удостоена Сталинской премии. Вне зависимости от политических хитросплетений – Жданов подставил Александрова как человека Маленкова – эта дискуссия решала те задачи, которые стояли перед идеологической сферой. Среди потока схоластических поучений и критических замечаний в адрес Александрова прозвучало главное: «Умаление роли русской философии». Похоже, Александров не уловил превращение «принципа воинствующей большевистской партийности» в русскую этнопатриотику. Иначе вряд ли в своём заключительном слове он указал бы на необходимость создать крупные монографические исследования об учёных в истории философской мысли в России, на Украине, в Белоруссии, Грузии, Азербайджане и других советских республиках (11).

Расширению ждановщины способствовало и принятие по инициативе Сталина в марте 1947 года решения Политбюро ЦК о создании «судов чести» в министерствах и ведомствах всех союзных республик (12). На них возлагалось рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных проступков и действий, совершённых руководителями, оперативными и научными работниками, если эти проступки и действия не подлежали наказанию в уголовном порядке. Подсудимые обвинялись в передаче западным учёным секретных материалов, пропаганде абстракционизма вместо живописи и т. д. Число этих судов быстро росло, они заполнили все административные учреждения. И хотя подсудимые не подлежали уголовному преследованию и отправке в лагерь, эти суды давали основание для закрытия творческих коллективов и шельмования талантливых людей, уничтожения их научных и художественных работ.

Борьба с «космополитизмом» приобретала всё более ярко выраженный антисемитский характер. Венцом всему этому стали

«Суд чести» – советский художественный фильм-драма, снятый на киностудии «Мосфильм» режиссёром Абрамом Роомом. 1948 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!**Коммунистическая партия Советского Союза**

ПРАВДА

**Орган Центрального Комитета
Коммунистической партии Советского Союза**

№ 13 (2581)

Вторник, 13 января 1953 года

ЦЕНА 20 КОП.

ПОДЛЫЕ ШПИОНЫ И УБИЙЦЫ ПОД МАСКОЙ ПРОФЕССОРОВ-ВРАЧЕЙ

Сегодня публикуется хроника ТАСС об аресте группы врачей-вредителей. Эта террористическая группа, раскрывшая несколько weeks тому назад органами государственной безопасности, ставила своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза.

Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно, злодейски подрывали их здоровье, ставили им неправильные диагнозы, а затем убивали больных неправильным лечением. Прикрываясь высокими и благородным званием врача — человека науки, эти иверти и убийцы растоптали священное знамя науки. Встав на путь чудовищных преступлений, они осквернили честь ученых.

Жертвами этой банды человекообразных зверей стали товарищи А. А. Жданов и А. С. Шербаков. Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища Жданова, умышленно сармаи ивешийей у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым утервали товарища Жданова. Врачи-убийцы неправильным применением сильнодействующих акарственных средств и установлением пагубного режима сократили жизнь товарища Шербакова, довели его до смерти.

В первую очередь преступники старались подорвать здоровье руководящих советских военных кадров, вывести их из строя и тем самым ослабить оборону страны. Арест преступников расстрона их злодейские планы, помешала им добиться своей чудовищной цели.

дуррежал о том, что наши успехи имеют и свою теневую сторону, что они порождают у многих наших работников настроения благодушия и самоуспокоинства. Такого рода настроения далеко еще не преодолены. Ротазеев у нас еще не мало. Именно это равнодушие наших людей и составляет питательную почву для злодейского вредительства.

В СССР безраздельно господствует социалистические отношения. Советский народ одержал беспрецедентную в истории победу в Великой Отечественной войне. В невиданно короткий срок ликвидированы тяжелые последствия войны. На всех участках хозяйственного и культурного строительства мы имеем успехи. Из этих фактов некоторые люди делают вывод, что теперь уже снята опасность вредительства, диверсий, шпионажа, что заправцы капиталистического мира могут отказаться от своих попыток вести подрывную деятельность против СССР.

Но так думать и рассуждать могут только примитивные oportунности, люди, стоящие на антимарксистской точке зрения «затулиания» классовой борьбы. Они не понимают или не могут понять, что наши успехи ведут не к затулианию, а к обострению борьбы, что чем успешнее будет наше продвижение вперед, тем острее будет борьба врагов народа, обреченных на гибель, доведенных до отчаяния.

Так учил бессмертный Ленин, так учил товарищ Сталин.

«На нашей революции, — указывает Ленин, — больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливаются вместе с тем

Горе

КЕМЕРОВО. В каждом годеи пи кае. Куда ни киг героическом труе, счастливой и ра...

«...Была раше необычайный крм кандалов и см Махемочка Горд хозников Запад: стала Сибирь сое. Ее прекрасная и лется в том, к рода Кузбасса.

До Советской Кузнецк, Мариц ла глухонан! лей Кузнецка в Самым крупным спирто-водочный 54 человека. Та ли Мариниск и

Сегодня в Бу них построены в ток.

На месте теемещанского мееи живописным берсе город Кемеро и культурный лзводо, театры и цы, стадионы и улицы и благоут все это создано

Новому

убийство в 1948 году великого актёра Соломона Михоэлса, замаскированное под автомобильную катастрофу, и последовавший затем разгром Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), завершившийся в 1952 году тайной казнью его руководителей, среди которых были известные писатели, артисты, учёные. Все они обвинялись в сговоре с западными державами с целью отобрать у Советского Союза Крым и устроить там еврейскую республику. Одновременно с «делом ЕАК» раскручивалось и «дело кремлёвских врачей», которое не было доведено до кровавой развязки. Это дело стало апогеем послевоенной чистки общества и так же, как история ЕАК, имело антиеврейскую подоплёку. Причём если сначала упор делался на обвинении врачей в медицинском вредительстве, то затем основной стала версия о шпионско-террористическом врачебном заговоре, сколоченном в СССР западными спецслужбами. Таким образом, дело было переведено в ранг международно-политического. Одним из обвиняемых – М.С. Вовси, который приходился двоюродным братом Михоэлсу, – следователи представили «предводителем сионистов, окопавшихся в советской медицине». От «заокеанских хозяев» он, главный терапевт Министерства вооружённых сил СССР (был им до 1949 года), лечивший Ф.И. Толбухина, И.С. Конева, Л.А. Говорова, А.М. Василевского, Г.И. Левченко, Я.Н. Федоренко и других видных советских военачальников, получил якобы задание вывести из строя командный состав Советской армии. Именно Вовси, изгнанный в июле 1952 года из кремлёвской больницы, должен был организовать умерщвление Сталина, Берии и особенно Маленкова, которого считали главным антисемитом в стране. «Дело врачей» сделали достоянием всей страны. В январе 1953 года было опубликовано сообщение ТАСС об «убийцах в белых халатах», после чего последовала ещё одна волна арестов медиков. Начал готовиться публичный процесс. По стране распространились слухи о депортации всех евреев в Сибирь. Однако во избежание международного скандала в последний момент Сталин всё-таки отказался провести публичный процесс, а после его смерти дело было пересмотрено и прекращено, все арестованные реабилитированы (13).

Эти дела не прошли бесследно и вызвали в обществе не только страх, но и скрытый протест. В анонимном письме

«русского интеллигента, советского человека», отправленном в феврале 1953 года руководству СССР и писателю И.Г. Эренбургу об антисемитском подтексте советской пропаганды, смело утверждалось, что антисемитизм в стране организован сверху и что история раскроет имена его организаторов и покроет их вечным позором: «Ни для кого не секрет, что за последние годы проводится ряд мероприятий антиеврейского характера: не принимают евреев в университеты, не принимают на работу в министерства, выгоняют из ответственных аппаратов правительства и партии... Как ни прискорбно, но фактом является то, что в СССР введена позорная царская «процентная норма» – правда, неписаная, но действующая и живущая, – об этом знает каждый кадровик в любом учреждении. И это все делается на фоне сталинской Конституции, на фоне сталинской дружбы народов и вызывает возмущение всех передовых честных и порядочных советских людей» (14).

В письме не скрывались факты глубоких изменений во взаимоотношениях между русскими и евреями – на работе евреев сторонятся, с ними разводятся, слово «жид» стало таким же распространенным, как русский мат. Призывая прекратить дискриминацию и травлю евреев, автор таинственно оговаривался, что из-за патриотических соображений он «не хотел бы вводить лишних людей в курс этого письма».

Патриоты, «патриотические соображения» увязывались властью и её идеологами с идентификацией граждан СССР как советских людей: «К какой бы национальности ни принадлежал гражданин СССР, он прежде всего – советский человек, сын социалистического отечества, творец новой, социалистической жизни». Приведённая цитата взята из широко распространяемой в стране книги «О советском патриотизме», изданной под эгидой Института философии АН СССР (15). В ней в качестве источников советского патриотизма, формулу которого дал Сталин в книге «О Великой Отечественной войне», указывались «глубокое понимание превосходства социалистического общественного строя над буржуазным строем», превосходство «нашей плановой экономики – над капиталистической экономикой», «советской культуры – над буржуазной культурой», «морали социалистического общества – над звериной моралью капитализма». Советский человек превосходит любого, «даже самого высокопоставленного чиновника в капиталистических странах». Советская гордость – это не обычная национальная гордость, которая свойственна всем народам и которая была присуща и нашему народу до Октябрьской революции, а это «гордость высшего порядка» (16).

Новые факты для долгого забвения

Организаторы форсированного стремления к морально-политическому единству на основе советского патриотизма не могли, однако, не знать о реальном состоянии межнациональных отношений послевоенного времени. В закрытых докладных записках в ЦК фиксировались антисоветские настроения молодежи и интеллигенции Западной Украины и Прибалтики (17). Постоянная напряжённость наблюдалась в Абхазии и Южной Осетии, находившихся в составе Грузинской ССР и испытывавших дискриминацию со стороны грузинских властей (18). Такие же трения фиксировались в Азербайджане, где притеснялись грузины, в Закарпатье – русины, в Узбекистане – таджики (19). В то же время русские жаловались на местный национализм и притеснения в союзных республиках (20).

Плакат «Да здравствует 10-летие Эстонской ССР!». 1950 г.

Миграция населения после окончания Великой Отечественной войны также заметно влияла на отношения людей. К примеру, прибывших из России 23 774 человек в однородную по национальному составу Эстонию негативно восприняли местные жители (21). В Литве правительство вплотную занималось конфликтами между литовским и польским населением. Для устранения дискриминации польского населения в 1950 году было принято постановление Политбюро ЦК «О мерах по улучшению работы среди польского населения в СССР», которым предусматривалось открытие польских школ в Литве, издание учебников на польском и подготовка учителей (22).

Власть по-прежнему исходила из того, что всё то, что мешает единству, должно без сомнений устраняться, включая не только отдельных нарушителей, но и целые этнические группы, как это было с депортированными народами. Между тем в районах размещения «наказанных народов» напряжение нарастало, усиливались их конфликты с местным населением. Дальнейшую судьбу высленцев определило решение Политбюро ЦК в ноябре 1948 года (23), на основе которого Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, высленных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», а в декабре 1951 года – указ «О навечном поселении лиц, высленных в период Великой Отечественной войны». Из этих указов Президиума Верховного Совета СССР следовало, что депортация чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, крымских татар и др. проведена на веки вечные, без права возврата к их прежним местам жительства, что за самовольный выезд (побег) виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Мера наказания за это преступление – 20 лет каторжной повинности, а за укрывательство – лишение свободы на срок до 5 лет.

С выходом этих актов спецпереселенцы получили новое статусное наименование «высленцы», с каждого высленца сотрудник МВД брал расписку об ознакомлении с указами. Из 2,3 млн человек, находившихся в это время на спецпоселении, к категории «высленцев» относились более 1,8 млн или 80 %

(24). Сталину регулярно направляли письма чеченцы, ингуши, немцы, калмыки с просьбой пересмотра положения выселенных народов, о незаслуженной дискриминации, об отсутствии перспектив у молодежи: «Можем ли мы ожидать пощады, прощения, равноправия во всем и со всеми братскими нациями нашей социалистической родины? Но мы надеемся! Мы просим Вас, ставьте нас на верный путь, на путь к коммунизму! Сделайте нас счастливыми, ибо мы не хотим отставать от других братских наций нашей великой советской социалистической родины!» (25).

Однако на все эти приходившие в Кремль запросы ссыльных было молчание. Более того, когда в начале 1950-х годов в Институте этнографии РАН развернулась большая работа по серии «Народы мира» из 18 томов и по созданию «Атласа народов мира», на картах нельзя было показывать некоторые народы. На карте 1951 года исчезли репрессированные народы — чеченцы, ингуши, немцы и др. Часто противниками фиксации и отражения «этнической мозаики» выступало местное руководство, стремившееся представить население республик как гомогенные «мононации». Поэтому, в частности, талыши исчезли с карты, так как руководство Азербайджана не хотело, чтобы их наносили на карты. Аналогичная история была с лезгинами (26).

На долгое время отправились в архивы документы о послевоенной чистке партийной верхушки в целом ряде союзных, автономных республик и областей. Руководители Еврейской автономной области Хабаровского края в июне 1949 года были сняты с постов, а затем осуждены за сотрудничество с американскими еврейскими организациями и «пропаганду буржуазного еврейского национализма и космополитизма» (27). В ходе «эстонского дела», начатого в 1949 году, полностью обновилось руководство Эстонской ССР. Прежним руководителям во главе с Н. Каротаммом было предъявлено обвинение в покровительстве «буржуазным националистам» (28). После ликвидации в 1947 году Бюро ЦК ВКП(б) по Литве, Латвии и Эстонии в начале 1949 года была предпринята попытка возрождения структур непосредственного управления республиками. Однако при этом в январе 1949 года Политбюро ЦК приняло решение о создании Закавказского бюро ЦК для руководства Арменией, Грузией и Азербайджаном, а также Среднеазиатского

Президиум заседания в Смольном в честь 25-летия Великого Октября. Слева направо: А.А. Кузнецов, Г.Х. Бумагин, А.А. Жданов, Я.Ф. Капустин, П.С. Попков. 7 ноября 1942 г. Фото: Центральный государственный архив кино-, фото-, фонодокументов Санкт-Петербурга

бюро ЦК для Узбекистана, Таджикистана и Туркмении (29). Но эти решения не были выполнены. То же самое случилось и в Молдавии. Только к 1952 году стабилизировался состав первых руководителей в республиках и национальных образованиях (30).

Наибольший резонанс и серьёзное беспокойство в политической элите страны вызвало «ленинградское дело», которое завершилось трагически: секретарь ЦК ВКП(б) Алексей Кузнецов, первый секретарь Ленинградского обкома Пётр Попков, председатель Госплана СССР Николай Вознесенский и остальные 67 фигурантов дела были обвинены в антисоветском заговоре и в ночь на 1 октября 1950 года расстреляны. Все они были реабилитированы решением Верховного суда 30 апреля 1954 года. Опуская здесь разные версии причин репрессии и обстоятельства внутрипартийной борьбы, проблему альтернативных планов экономического развития страны и

факты коррупции, следует обратить внимание на негласное идеологическое сопровождение масштабной чистки – утверждение, будто ленинградские руководители строили планы по созданию русской коммунистической партии, требовали серьёзного учёта интересов русского населения. Документально идея о том, что указанные партийные и советские руководители были русскими националистами, однако, не подтвердилась (31). Зато националистический фактор был обнаружен в 1951–1952 годах в «мингрельском деле». В постановлении Политбюро ЦК от 9 ноября 1951 года прямо указывалось, что группа мингрельцев, сформировавшаяся вокруг второго секретаря ЦК КП(б) Грузии Барамии, превратилась в замкнутую националистическую фракцию, для которой авторитет их шефа выше авторитета грузинских ЦК и правительства (32). Таким образом, и в самой партии происходили сложные процессы, связанные не только с обострением верхушечной борьбы, но и с возрастанием недоверия к республиканским и областным организациям, обвинением их руководства в национализме и космополитизме.

Новая конъюнктура в историознании

Послевоенные чистки с проверкой на патриотизм не могли не затронуть научное сообщество историков. Новая идеологическая обстановка вызвала ужесточение требований к национальным историографиям. Весной 1947 года ЦК КП(б) Украины оперативно созвало совещание украинских историков с участием Л.М. Кагановича, Н.С. Хрущёва и Д.З. Мануильского. Партийные руководители потребовали заменить концепцию истории Украины М.С. Грушевского положениями «Краткого курса истории ВКП(б)» – как будто идеи Грушевского не были отринуты ранее. В соответствии с этой директивой в декабре 1947 – феврале 1948 года в Москве с участием украинских историков состоялись «дискуссии» по проблемам периодизации и составления плана-перспективы краткого курса истории Украины. Направлявшие обсуждение академик Б.Д. Греков вместе с А.М. Панкратовой и И.И. Минцем обвинили украинских

коллег в неумении применять общие положения марксизма к конкретной истории Украины: повторялась ситуация конца 1920-х годов (33). Начиная с конца 1948 года текст украинского «краткого курса» несколько раз обсуждался в Москве, а затем в Киеве, в присутствии членов Политбюро ЦК КП(б) Украины. В 1947 году резкой критике была подвергнута изданная во Фрунзе книга русского этнографа С.М. Абрамова «Очерки культуры киргизского народа». Ему ставили в вину утверждение, что киргизский народ попал под власть России вопреки его желанию. После критики, как правило, следовало раскаяние. Нередко оно сопровождалось переходом критикуемых на ещё более сервильные позиции.

Для утверждения «новых» подходов к историознанию был найден подходящий объект критики. Им стала книга профессора Московского университета Н.Л. Рубинштейна «Русская историография», которая была издана накануне войны (подписана к печати 31 мая 1941 года) в качестве «стабильного» учебника на исторических факультетах. Эта книга была выдержана в духе идеологической конъюнктуры конца 1930-х годов и в этом же качестве получила положительный отклик в годы Великой Отечественной войны (34). Тем более важно было на примере этой русоцентристской работы задать новые высоты в борьбе за имперскую идеологию. Фамилия автора тоже была вполне созвучной образу космополита, насаждавшегося пропагандой. Не вдаваясь здесь в подробности подготовки и развёртывания критики книги Рубинштейна, основная «проработка» которой состоялась с 10 по 15 марта 1948 года на Всесоюзном совещании заведующих вузовскими кафедрами истории СССР, подчеркнём, что Рубинштейну были предъявлены те же претензии, что и философу Александрову. Показательно, что выступавший на совещании историк ещё в роли идеолога Е.Н. Городецкий (позже он сам будет зачислен в космополиты) указал на теоретико-политическое значение текста Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»». Городецкий назвал сталинский материал «образцом историографической работы» (35).

Вновь, как и в «дискуссии» на «философском фронте», продемонстрированная учёными степень готовности воспринять русоцентризм в прямом, зримом обличье, а не рафиниро-

ванной форме явно не могла удовлетворить Сталина. Научное сообщество в экстремальных условиях выказывало слабые признаки сопротивления, пытаясь удержать идеологический натиск верхов на уровне тех балансов и противовесов «классового» и «патриотического», которые сложились в конце 1930-х – первой половине 1940-х годов. Сам Рубинштейн писал в это время о том, что «история СССР может быть построена лишь в итоге разработанной русской историографии и национальной историографии отдельных народов Советского Союза» (36). Впрочем, из среды историков союзных республик доносились голоса о недостаточной критике Рубинштейном «реакционно-шовинистических взглядов на прошлое русского народа ряда историков (Погодин и др.)», о принципиальной ошибке профессора МГУ, заключавшейся в том, что он исключил «из книги украинскую и белорусскую историографии» (37). В ответ тут же прозвучало, что судьбы народов СССР «столь тесно переплетены, что по существу и объекты изучения в основном являются одними и теми же» (38).

В этих условиях функции национальных историографий в значительной мере перешли к союзной историографии. Именно историки центра в первую голову отвечали за разработку и крупных, и многих локальных проблем историографии национальных регионов СССР. Теоретическая эклектика, составлявшая суть сталинской государственной идеологии, позволяла разным группам историков находить отдушину и особые способы реализации себя в качестве профессионалов. В свою очередь такое положение расширяло базу режима, позволяло ему балансировать между разными идеологическими компонентами и их носителями. Любого историка можно было, когда надо, обвинить в перерождении-то ли в сторону революционной левизны и шовинизма, то ли в сторону буржуазного национализма и мещанского филистерства. Так, старый состав редколлегии «Вопросов истории» в соответствии с постановлением Политбюро от 4 апреля 1949 года был распущен и «укреплён» специалистами по русской медиевистике, а также «проверенными» кадрами (39).

Одним из ярких эпизодов масштабной «охоты на ведьм» стало закрытое партсобрание истфака МГУ имени М.В. Ломоносова 17 марта 1949 года. На этом собрании была «обнару-

жена» «школка Минца». Академику И.И. Минцу вменили в вину то, что он монополизировал в своих руках разработку истории советского общества, умалял роль русского народа и его авангарда, развёл семейственность. По заведённому ритуалу в «космополитических ошибках» академика обвинили его коллеги А.М. Панкратова, А.Л. Сидоров и др. (40). Это была целая программа. Своим остриём кампания по борьбе с космополитизмом оказалась направленной против интеллектуальных национальных элит как хранителей и носителей культурно-этнического самосознания. Антисемитский мотив космополитомании, при всём его особом звучании, лишь дополнял общую картину. ЦК сверху вниз по административной цепочке – обком, горком, райком, первичные парторганизации – давал устные указания о «наведении порядка» с кадрами. Секретарь парторганизации исторического факультета МГУ, будущий академик П.В. Волобуев, по-свойски передал тогда одному из своих друзей-аспирантов то, что ему поведали при инструктаже в райкоме партии: «С еврейским засильем идёт борьба. Партия очищается от евреев, им никакого доверия. Использовать только некоторых и только по узкой специальности. Никакого ходу в общественную жизнь... Максимально освободить учреждения от евреев» (41).

Минц и причисленные к его «группе» историки были изгнаны со всех прежних престижных мест работы.

Под подозрением находилось и акцентирование самобытности культур нерусских народов, их влияние на культуру соседних народов. В первом томе «Истории таджикского народа», изданном в 1949 году, например, подчёркивалось, что народы Средней Азии оказали большое влияние на культурное развитие западных иранцев сасанидского государства, что эпос различных народов Ирана вобрал в себя творчество народов Средней Азии, особенно Хорезма и Согда. Мысль об автохтонности культур народов СССР приобретала характер навязчивой идеи. Оказывается, и народы Северного Кавказа совершенно самостоятельно создали «самобытную и своеобразную культуру» и «первые начатки государственности» (42).

В конце 1950-го – начале 1951 года историки снова вернулись к важным для понимания генезиса СССР проблемам колониальной политики. (43). Теория «наименьшего зла» уси-

лиями полуопальных (после знаменитого совещания 1944 года в ЦК) историков М.В. Нечкиной, А.Ф. Якунина и Л.В. Черепнина стала вытесняться теорией «абсолютного добра», поскольку «любое, даже «наименьшее зло» – есть зло, то есть отрицательное понятие». Не менее суровая критика прозвучала в адрес известного археолога и историка Киргизии А.И. Бернштама, который в своих материалах по истории Киргизии «ни словом не обмолвился о тех прогрессивных изменениях, которые вызвало присоединение к России». Критики усмотрели, что «он протаскивает порочный взгляд, согласно которому присоединение Киргизии к России было “абсолютным злом”» (44). Но даже проходившие в 1952 году в среднеазиатских республиках пленумы ЦК ВКП(б) в своих постановлениях были вынуждены признать, что «существенным недостатком в работе историков (в данной цитате – Узбекистана – Г.Б.) является слабое освещение прогрессивности присоединения Узбекистана к России во второй половине XIX века. Историки недостаточно разоблачают стремление английской буржуазии в XIX веке закабалить народы Средней Азии. Включение Узбекистана в состав России, которая на рубеже XIX–XX веков стала центром мирового революционного движения и родиной ленинизма, имело большое прогрессивное значение для узбекского народа» (45).

Безусловно, реакция историков, как и всех гуманитариев, на встраивание в государственную идеологию начиная с 1934 года национального, патриотического стержня не сводилась лишь к обозначенным и легко обнаруживаемым в открывшихся документах формам, подразумевавшим, что критика или проработка непременно обернутся арестом, процессом и приговором. В противном случае, мы слишком упростили бы процесс и создали бы почву для сочувственной или исключительно негативной, а следовательно – ничего не дающей в познавательном плане оценки академической среды сталинского времени. В этом отношении важны оттенки, к примеру, в принятии критики власти. Важен каждый факт не прямолинейной, а обставляемой различными оговорками апелляции к бесспорным для власти авторитетам, отношения к одёргиваниям сверху. В конечном итоге, это позволяло историкам сохранять хотя бы какую-то часть полученных результатов работы, отстаивать научный подход и собственное достоинство.

К примеру, в журнале «Большевик» в 1951 году сообщалось о том, что за последние годы вышло из употребления, особенно у народов Советского Востока, значительное количество устаревших и чуждых терминов – арабизмов, фарсизмов и тюркизмов. Одновременно происходит обогащение словарного состава языков народов СССР за счёт заимствования из русского языка. В этом виделось выражение «ведущей роли русского народа и его культуры в развитии культуры остальных народов СССР». При этом авторы этой конъюнктурной статьи Н.С. Мордвинов и Г.Д. Санжеев пытались осторожно предостеречь против русификаторских крайностей в науке (46). В то же время директору академического Института востоковедения С.П. Толстову и академику С.А. Козину не удалось убедить идеологическое руководство отказаться от разоблачения «реакционной сущности» эпоса «Гэсэр-Хан» в газете «Культура и жизнь» в январе 1951 года. Не помог и разумный аргумент: подобная критика вызовет негативные национальные чувства в Монголии, Китае и особенно в Тибете (47). В следующий раз академик Толстов поостережётся вступать в полемику с ЦК. При молчании специалистов в 1952 году будут опорочены национальные эпосы народов Кавказа и Средней Азии – «Деде Коркут», «Коркут Ата», «Алпамыш», «Керроглу», «Кобланды-батыр», нартский эпос и др.

Об идеале же сталинского видения истории в последние годы его жизни даёт представление книга историка А.М. Панкратовой «Великий русский народ», вышедшая в юбилейном 1952 году. Сталину книга понравилась, и на XIX съезде он включил автора в члены ЦК КПСС. Тут же было опубликовано второе – дополненное – её издание. Историк реабилитировала себя за «недочёты» своих изданий военных лет и за «промахи», допущенные в составе редколлегии «Вопросов истории» в 1947–1948 годах. Классовые оценки истории, на которых настаивала Панкратова в 1944 году, тонули на страницах книги в русофильских славословиях.

* * *

Для послевоенного периода СССР характерен необычайный всплеск энтузиазма, напряжения и надежд, которые позволили в кратчайшие сроки восстановить экономику и до-

биться уникальных достижений в культуре, образовании и науке. Как мировая держава СССР стал по-другому позиционировать себя в глобальном пространстве и «заступил на стражу мира» на планете. Иначе почувствовал себя и многонациональный народ. Война, с одной стороны, усилила понимание всеми нациями общей судьбы в условиях смертельной опасности и общей ответственности за родину, коллективное переживание о невосполнимых потерях и непомерной цене, заплаченной за разгром нацизма. С другой стороны, война обнажила многие проблемы в межнациональных отношениях и заставила обратиться к жёстким способам их разрешения. Стремление к новой исторической общности и реализации постулатов о «дружбе народов», «советском патриотизме» серьёзным образом подрывали великодержавный русоцентричный поворот, депортации и борьба с космополитизмом, ждановщина и антисемитизм, то есть всё то, что вело к вырождению ростков социализма и его деформации.

Завершался сталинско-имперский этап в развитии СССР, его 30-летие оказалось последним в жизни Сталина. Он стоял у истоков новой государственности, принял ленинский её вариант, но затем вложил в него своё понимание, причём без конституционного оформления. Была избрана другая стратегия – при уже выстроенной командной системе управления, огосударствленной экономике, выдержавшей испытание войной, единой идеологии выйти на создание советской социалистической нации, которой для перехода к коммунизму будут не нужны границы между классами, границы между территориями, автономия или федерация. Отсюда формула советского патриотизма и его источников, рассуждения о советском человеке и советской гордости. Возможно, Сталин собирал силы и энергию, чтобы после наказания «народов-предателей», «судов чести», дел партийных националистов провести новую «великую чистку» для создания правильного, гомогенного общества советских людей. И в этом он мог опираться на успешно апробированные и поддержанные в массовом сознании идеи – опору на «самую лучшую нацию» и сильную централизованную власть. Однако возможность перехода к территориальному федерализму, реально существовавшая в послевоенный период, была упущена.

Вместе с тем совершенно очевидно, что популярное в настоящее время суждение о возможности подобного перехода в послевоенном сталинском Советском Союзе всё же является во многом спорным. Да, безусловно, у власти имелся силовой ресурс провести масштабную чистку руководства национально-территориальных образований всех уровней и переформатировать союзную государственность в административную – окружную, областную или губернскую. Однако проблема заключалась в том, что вождь, сильно физически сдавший после испытаний Великой Отечественной войны, не видел необходимости в столь радикальном шаге. Точнее, если интуитивно и думал в этом направлении, то не считал данный проект безотлагательным делом. Если его реакция на возможность обособления РСФСР была стремительной в силу системообразующей роли России в СССР («ленинградское дело»), то в остальных случаях можно было и повременить, дожидаться, когда потенциальная проблема вызреет и её легче будет купировать. К тому же в элите имелись многочисленные противники такого проекта, которые не просто тормозили любое продвижение в указанном направлении, но и готовились к неизбежной и приближавшейся смене власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н.С. Хрущёв, выступавший с докладом по этому вопросу, уточнение наименования партии объяснял двумя причинами: название партии «Коммунистическая партия Советского Союза» является более правильным; слова «коммунист» и «большевик» являются тождественными, поэтому нет необходимости сохранять их вместе в названии партии.

2. Правда. 1952, 30 декабря.

3. См.: Комсомольская правда. 1952, 26 декабря.

4. *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 160–161.

5. *Иванов Всеволод.* Тридцать лет СССР // Огонёк. 1952. № 52 (21 декабря). С. 2.

6. *Баянов Б.* Великий Советский Союз // Комсомольская правда. 1952, 30 декабря.

7. Огонёк. 1952. № 52 (21 декабря). С. 3.

8. См.: *Плимак Е.Г.* «Ждановщина» и вопросы изучения русской общественной мысли и философии // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. VI. Изживая «ждановщину». М., 1991. С. 41–48.

9. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 503. Л. 40–48.

10. *Мавродин В.В.* В борьбе с норманизмом в русской исторической науке. Л., 1949. С. 6.

11. См.: Дискуссия по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», 16–25 июня 1947 г. Стенографический отчет // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 142–178; См. также: *Касьян А.А., Демичева Т.Н., Куревина С.В., Логунова Т.В.* Дискуссии советских учёных середины XX века: центр–регион // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2009. № 5. С. 305–311.

12. *Есаков В.Д., Левина Е.С.* Дело КР: Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма. М., 2001. 455 с.

13. Подробнее см.: *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 637–694.

14. См.: Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / Сост. Г.В. Костырченко. М., 2005. С. 523–525.

15. О советском патриотизме / Под ред. Н.П. Васильева и Ф.Д. Хрустова. М., 1950. С. 308.

16. Там же. С. 416.

17. См.: Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953: сб. документов. М., 2013. С. 602–628.

18. Там же. С. 813–824, 837–840.

19. Там же. С. 787–802, 805–808, 824–828.

20. Там же. С. 860–882.

21. См.: *Бахтурина А.Ю.* Советская национальная политика // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Трудные вопросы истории России // <https://history.jes.su/s207987840004708-7-1/> DOI: 10.18254/S207987840004708-7 (дата обращения: 26.11.2022).

22. Там же.

23. См.: Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953: сб. документов. С. 666–668.

24. См.: *Полян П.М.* Указ соч. С. 123–124.

25. Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953: сб. документов. С. 689, 669–698.

26. См.: С С.И. Бруком беседует В.А. Тишков // http://www.valerytishkov.ru/cntnt/besedy_s_u/bruk_solom.html (дата обращения: 27.11.2022).

27. См.: *Костырченко Г.В.* Указ. соч. С. 488–494.

28. *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008. С. 300–319.

29. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. С. 35–36.

30. См.: Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953: сб. документов. С. 17–18. М.Д. Багиров в Азербайджане (1933–1953), Г.А. Арутинов в Армении (1937–1953), Я.Э. Калнберзин в Латвии (1940–1959), А.Ю. Снечук в Литве (1940–1974) и др. Русских первых секретарей сменили Ж. Шаяхметов в Казахстане (1946–1954), Б. Гафуров в Таджикистане (1946–1956), Ш. Батыров (1947–1951), а затем С. Бабаев (1951–1958) в Туркмении, З.И. Муратов в Татарии (1944–1957), С.А. Вагапов в Башкирии (1946–1953). Долго управляли своими республиками и пережили на своих постах смерть Сталина руководители Северной Осетии, Тувы, Чувашии.

31. См.: *Амосова А.А., Бранденбергер Д.* Новейшие подходы к интерпретации «Ленинградского дела» конца 1940-х – начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // *Новейшая история России.* 2017. № 1. С. 94–107; *Рыбас С.Ю.* Московские против питерских: «Ленинградское дело» Сталина. М., 2013. *Кузнецовский В.Д.* «Ленинградское дело»: наивная попытка создать этнически чистое русское правительство была потоплена в крови. М., 2013.

32. См.: ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. М., 2002. С. 350–351.

33. См.: *Бордюгов Геннадий, Бухараев Владимир.* Вчерашнее завтра. С. 83–84.

34. См.: Исторический журнал. 1942. № 10. Во время обсуждения книги Рубинштейна автор рецензии О.В. Вайнштейн признал ошибочной свою «хвалебную рецензию». См.: *Вотинов А.* Обсуждение книги Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» // *Вопросы истории.* 1948. № 6. С. 128–138.

35. *Вопросы истории.* 1948. № 6. С. 134.

36. *Рубинштейн Н.* Основные проблемы построения русской историографии // *Вопросы истории.* 1948. № 2. С. 92.

37. *Вопросы истории.* 1948. № 6. С. 127, 129 и др.

38. Там же. С. 129.

39. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 328. Л. 51–55.

40. См. подробнее: *Костырченко Г.В.* Указ. соч. С. 581–583.

41. Там же. С. 584.

42. См.: *Вопросы истории.* 1950. № 11. С. 92–94.

43. Здесь также надо указать следующие работы: Объединительное движение за образование СССР (1917–1922). М., 1947; *Генкина Э.Б.* Образование СССР. Изд. 2-е. М., 1947; *Трайнин И.П.* Совет-

ское многонациональное государство. М., 1947; *Ронин С.Л.* Первая Советская Конституция (К истории разработки Конституции РСФСР 1918 г.). М., 1948; *его же.* К истории Конституции СССР 1924 г. М., 1949; *Чигирев И.С.* Партия большевиков – организатор Союза ССР. М., 1949; *Образование СССР. Сб. документов. 1917–1924.* М.–Л., 1949; *Песикина Е.И.* Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. М., 1950; *Раджабов С.М.* Создание Узбекского социалистического государства. Ташкент, 1950; *Ананов И.Н.* Система органов государственного управлений в советской социалистической федерации. М., 1951; *Галкин В.* Возникновение и развитие социалистических наций в СССР. М., 1952; *Джунусов М.С.* К вопросу о формировании киргизской социалистической нации. Фрунзе, 1952; *Златопольский Д.Л.* Образование и развитие СССР как союзного государства. М., 1953; *Пентковская В.* Первый съезд Советов СССР. М., 1953; *Нусупбеков А.* Объединение казахских земель в Казахской Советской Социалистической Республике. Алма-Ата, 1953.

44. См.: Вестник АН СССР. 1952. № 5.

45. Правда. 1952, 27 февраля.

46. См.: Большевик. 1951. № 8. С. 38.

47. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 451. Л. 78–83.

Глава 5

Четвёртое десятилетие: историческая развилка

30 декабря 1962 года началось стихами украинского поэта Владимира Сосюры: «Как полнозвучен день! И как многоголосен! / И пусть кругом снега, – в душе весенний свет: / Советскому Союзу – сорок лет. / К нам солнце тянется со дна лазурной чаши. / Как братья, в равенстве живут народы наши – / их путь всегда один, на нём распутий нет! / Советскому Союзу – сорок лет» (1). Эти слова нашли визуальное подтверждение и в открывшемся Кремлёвском дворце съездов, где на огромном фризе главного зала по эскизам Александра Дейнеки были созданы мозаичные гербы союзных республик СССР. Развешиваемыми лентами, входившими в рисунок каждого герба, они все соединялись воедино (2).

В юбилейный день читателям центральных газет напомнили, что происходило на историческом I Всесоюзном съезде Советов в Большом театре. Делегаты М.Ф. Икрянистова-Труба, член партии с 1904 года, и С.Т. Кривов, член партии с 1905 года, сохранили в своей памяти моменты, как после провозглашения образования СССР весь зал, как один, встал, под сводами зала раздалась мелодия пролетарского гимна – «Интернационал». Омрачило лишь одно обстоятельство – «все жалели, что на съезде не было Ленина». И когда было внесено предложение об избрании его почётным председателем съезда, в зале возникла мощная овация, звучали возгласы: «Да здравствует Ленин!» А вот Сталин, подчёркивали делегаты, сначала занимал «неправильную позицию» (3).

После 1953 года довольно быстро преобразовывалось пространство памяти об СССР. Власть заново расставляла в нём исторические фигуры и стыдливо, лишь чуть-чуть освещала

Холл Дворца съездов

события, находившиеся в зоне антипамяти. Когда в декабре 1962 года в Центральном музее В.И. Ленина открылась выставка «В.И. Ленин – организатор СССР», все обратили внимание на крупные фотокопии записи вождя о Сталине, сделанные 30 декабря 1922 года: «Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого “социал-национализма.” Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль». За день до 40-летия в «Правде», в статье заведующего сектором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС В.Я. Зевина «Торжество ленинских принципов пролетарского интернационализма» давались чёткие установки: «Сталин повёл дело объединения республик по неправильному пути. Он разработал проект, который предусматривал включение Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в Российскую Федерацию на правах автономных республик. Идея «автономизации» была в корне ошибочной идеей; она шла вразрез с ленинской национальной политикой, означала умаление прав самостоятельных национальных советских республик и не отвечала упрочению дружбы народов» (4).

Бывший культурный герой свергался не только ранее закрытыми оценками Ленина, но и новой Программой КПСС,

Плакат «СССР - дружная семья народов». 1962 г.

разработанной под руководством Н.С. Хрущёва. Теперь партия по-ленински, с позиций творческого марксизма, «не допуская ни игнорирования, ни раздувания национальных особенностей, решала все вопросы национальных взаимоотношений», встающие в ходе коммунистического строительства. Теперь действовали две взаимосвязанные тенденции: бурное и все-стороннее развитие каждой нации, расширение прав союзных и автономных республик, всё большее сближение социалистических наций, усиление их взаимовлияния и взаимообогащения. Но главное, как подчеркнул Хрущёв на XXII съезде партии в 1961 году: «В СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, – советский народ. Они имеют общую социалистическую Родину – СССР, общую экономическую базу – социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение – марксизм-ленинизм, общую цель – построение коммунизма, много общих черт в духовном облике, в психологии» (5).

В юбилейной передовице «Правды» акценты делались на ликвидации последствий культа личности в области национальных отношений – на расширении прав союзных республик, совершенствовании форм национальной государственности народов СССР, успешном развитии их экономики и культуры. Редакция этой газеты накануне 40-летия направила авиарейсом во все столицы союзных республик по бригаде журналистов. Каждый день, начиная с середины декабря, публиковались репортажи о том, с чем подошли к юбилею братские народы (6). А редакция газеты «Известия» размещала беседы с председателями Президиумов Верховных Советов всех союзных республик (7). Однако, как и прежде, в публичной сфере тщательно скрывалась подлинная история национальной политики и межнациональных отношений, в том числе и многие действия, предпринятые властью после смерти Сталина.

Ревизия Сталина: изначальные основы или власть?

К сорокалетию СССР в основном завершился серьезный поворот в национальной политике: осуждены массовые репрессии, охарактеризована как «грубое попрание основных ленинских принципов» депортация народов, расширилось доверие местным кадрам в союзных и автономных республиках, приглушена роль русского народа как «старшего брата», поднялась оценка вклада многонационального советского народа в Победу в Великой Отечественной войне, увеличилось инвестирование национального государственного и культурного строительства. Всему этому предшествовали изменения в высших эшелонах власти: КПСС в новой архитектуре была отведена подчинённая роль, а ключевые должности занял влиятельный тандем Г.М. Маленкова и Л.П. Берии, последовательно разъединявший функции государственного управления и партийную деятельность, за которую отвечал Н.С. Хрущёв.

В апреле 1953 года Берия организовал проверку материалов следствия по «делу врачей», арестованных тогдашним Мини-

стерством государственной безопасности СССР. По итогам проверки, сообщил Берия Маленкову, было установлено, что «ряду видных деятелей советской медицины, по национальности евреям, в качестве одного из главных обвинений инкриминировалась связь с известным общественным деятелем – народным артистом СССР Михоэлсом. Он изображался как руководитель антисоветского еврейского националистического центра, якобы проводившего подрывную работу против Советского Союза по указаниям из США». Доказательств об антисоветской и тем более шпионской, террористической или какой-либо иной подрывной работе артиста против Советского Союза не было. Будучи председателем ЕАК, он выезжал в США, Канаду, Мексику и Англию, и его выступления там имели патриотический характер (8).

В том же месяце Берия инициирует проверку сфабрикованного органами государственной безопасности дела, по которому был арестован ряд ответственных партийных и советских работников Грузинской ССР. Они были обвинены в принадлежности к якобы существующей в Грузии мингрельской националистической организации. В результате выяснилось, что всё дело о так называемых мингрельских националистах является провокационным вымыслом бывшего министра государственной безопасности Грузинской ССР Н. Рухадзе и его покровителей из Министерства государственной безопасности СССР. Осенью 1951 года они ложно информировали находившегося на отдыхе в Грузии Сталина о положении дел в грузинской партийной организации, представив имевшие место недостатки в работе партийных и хозяйственных органов как результат подрывной вражеской деятельности ими же вымышленной группы мингрельских националистов. Сталин поверил в провокационную информацию, не подвергнув ее необходимой проверке (9).

В мае–июне 1953 года Берия обратился в Президиум ЦК КПСС с тремя записками по национальной проблематике – «Вопросы Литовской ССР», «Вопросы западных областей Украинской ССР» и «Вопросы Белорусской ССР», – по которым были приняты соответствующие строго секретные решения. В этих записках обосновывалась необходимость пересмотра принципов национальной политики, отказа от насильственной

русификации и выдвижения на руководящие посты национальных кадров, в том числе в органах внутренних дел и государственной безопасности. Конечно, надо иметь в виду, что в условиях обострившейся борьбы за власть выступление с инициативой по национальному вопросу расширяло политическую опору и личное влияние, но часто не являлось принципиальной позицией. Впоследствии после ареста Берии именно его инициативы по изменению национальной политики станут одним из главных пунктов среди предъявленных ему обвинений. Между тем во время обсуждения этих записок в ЦК Берия получил почти единодушную поддержку, прежде всего со стороны Хрущёва и Маленкова. По Литве главный упрёк со стороны ЦК касался необеспеченности органов власти руководящими кадрами из коренного литовского населения республики. За послевоенный период (1944–1952 годы) было подвергнуто разным видам репрессий более 270 тыс. человек, то есть около 10 % всего населения, но при этом ЦК КП Литвы и Совет Министров Литовской ССР не сумели обезглавить приносившее огромный вред народу антисоветское подполье, что является позорным фактом (10).

Что касается западных областей Украинской ССР, то по ним приводились весьма любопытные факты. К примеру, только за три месяца 1953 года военной цензурой было конфисковано около 195 тыс. писем, отправленных за границу, в которых содержались отрицательные высказывания о действиях местных органов власти. В руководящем партийно-советском активе кадры из западных украинцев составляли незначительную часть, а почти все руководящие посты в партийных и советских органах были заняты работниками, командированными из восточных областей УССР. Особенно болезненно воспринималось населением огульное недоверие к местным кадрам из числа интеллигенции: из 1718 профессоров и преподавателей 12 высших учебных заведений города Львова к числу западноукраинской интеллигенции принадлежали только 320 человек, в составе директоров этих учебных заведений не было ни одного уроженца Западной Украины. ЦК КП Украины и обкомы партии западных областей до сих пор не могли понять, что борьбу с националистическим подпольем нельзя вести только путем массовых репрессий и чекистско-войсковых операций. О явном провале борьбы с буржуазно-на-

ционалистическим подпольем говорит тот факт, что около 8 000 человек из молодёжи, подлежащей набору в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения, перешли на нелегальное положение (11).

Руководителям Белорусской ССР также было указано на неудовлетворительную работу по выдвижению белорусов на работу в центральные, областные, городские и районные партийные и советские органы (12).

Начиная с середины 1950-х годов, впервые после войны и послевоенного восстановления, расширялись права союзных республик и в руководстве хозяйственным и социально-культурным строительством. С образованием в 1957 году 105 экономических районов (70 – в РСФСР, 11 – в Украинской ССР, в некоторых случаях ими стали республики целиком) расформировывалось 141 министерство центрального, центрально-республиканского и республиканского уровней. Эти органы заменялись территориальными советами народного хозяйства (совнархозами). В крупнейших республиках были образованы республиканские совнархозы и колхозно-совхозные комитеты. Из общесоюзного в республиканское подчинение было передано значительное количество предприятий, организаций и сельских хозяйств. Намерение децентрализовать и демократизировать управление экономикой было обоснованным, и первые результаты реформы управления оказались вполне успешными. Однако постепенно совнархозы в интересах предприятий своих республик стали пренебрегать проблемами межотраслевых связей, показали неспособность руководить многоотраслевой экономикой в условиях быстрого технологического развития. Всё это порождало не только местничество, когда каждый стремился продвинуть исключительно свои собственные дела, но и становилось основой для возрождения национализма.

По инициативе Хрущева был изменён порядок изучения национальных языков в школе. До 1957 года в средних школах союзных республик изучали два языка: русский и местный. Но Хрущев поставил вопрос о новом порядке изучения русского языка: его стали преподавать факультативно, что привело к ненужному противопоставлению национальных культур, настороженности между людьми. И дело здесь не в навязывании русского языка другим народам – в любой стране существует

язык межнационального общения, а в СССР исторически сложилось, что этим языком стал русский.

Наконец, в период десталинизации произошли изменения и в государственном устройстве СССР. В 1954 году, используя как повод 300-летие воссоединения Украины с Россией, власть передала Крымскую область РСФСР в состав Украинской ССР. Решение об этом было принято Верховным Советом СССР по предложению Хрущёва, который, с одной стороны, искренне был удручён экономическим состоянием области, а с другой – нуждался в поддержке украинского руководства. На заседании Президиума Верховного Совета СССР 19 февраля 1954 года Ш.Р. Рашидов, тогда председатель Верховного Совета Узбекской ССР, не скрывал своего удивления: «Только в нашей стране возможно, когда такие важнейшие вопросы, как территориальное перемещение отдельных областей в состав той или иной республики, разрешаются без всяких затруднений, с полной согласованностью, руководствуясь исключительно соображениями целесообразности» (13).

На самом деле это был юридический казус, демонстрировавший произвол власти, которая проигнорировала мнение 950 тысяч жителей Крыма (естественно, что о 205 тысячах спецпоселенцев речь вообще не шла) и процедуры, предусмотренные конституциями союзных республик.

В июне 1956 году Карело-Финская ССР была преобразована в Карельскую АССР в составе РСФСР. Главный фактор, повлиявший на такой территориально-политический передел, – нормализация советско-финских отношений. Кроме того, Хрущёв рассчитывал на то, что этот шаг заставит финнов отказаться от территориальных претензий к Карелии. Общественности этот шаг объяснили тем, что в республике подавляющее большинство (порядка 80 %) населения – славяне, к тому же её чиновничий аппарат слишком дорого обходится – в 1955 году на его содержание потратили почти 20 млн рублей. С упразднением Карело-Финской ССР последний раз за всю историю СССР изменили герб Советского Союза. Ленточек с надписями, призывающими пролетариев всех стран соединяться, вместо 16 стало 15.

Определённое время оставалась под вопросом государственность «народов-предателей».

Четвёртый и окончательный вариант герба СССР, 1956–1991 гг.

Трудное возвращение домой

Процесс реабилитации выселенных народов имел несколько последовательных этапов. Тем не менее решения власти провоцировали ряд отложенных последствий, связанных с травмами памяти нескольких поколений. Руководство страны действовало осторожно и в то же время в зависимости от субъективизма Хрущёва и его окружения. Сначала Совет министров СССР принял постановление «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» (июль

1954 года), затем все спецпоселенцы получили право иметь паспорта (март 1955 года). Так Советское государство в лице депортированных народов заново признало своих граждан, хотя они по-прежнему оставались ущемлёнными в гражданских и политических правах. Спецпоселенцы, проживавшие в городах, районных центрах, посёлках городского типа, а также в местностях, постоянные жители которых обязаны иметь паспорта, должны были получить паспорта с отметками в них об ограничении их места жительства. Следующим актом стало решение по освобождению из-под административного надзора органов МВД и снятию с учёта некоторых категорий спецпоселенцев (ноябрь 1955 года). Речь шла об участниках Великой Отечественной войны, членах семей погибших, преподавателях учебных заведений, женщинах, вступивших после выселения в законный брак с местными жителями, не являющимися спецпоселенцами, женщинах русской, украинской и других национальностей, высланных вместе с мужьями, но не находящихся в браке со спецпереселенцем на момент выхода постановления, одиноких инвалидах и лицах, страдающих неизлечимым недугом, которые не могут самостоятельно обеспечить свое существование.

Однако существовали серьезные препятствия для возвращения людей к прежним местам жительства и восстановления автономии «наказанных народов». К примеру, считалось, что возвращение домой чеченцев и ингушей «неизбежно вызовет ряд нежелательных последствий». Некоторые члены Политбюро ЦК предлагали создать Чечено-Ингушскую автономную область в Южном Казахстане. То есть снова, как и в случае с Крымом, власть рассматривала национальную государственность как свою собственность. Неблагоприятным было и заключение по вопросу о немцах и крымских татарах. Им категорически отказывали в возвращении домой. Татарам объясняли это тем, что Крымская область заселена в порядке планового переселения и что целесообразнее будет создать для крымских татар областную автономию на территории Узбекской ССР, где проживают около 140 тыс. крымских татар, а природные, климатические и экономические условия республики являются наиболее близкими к условиям их прежнего места жительства (14).

Кардинально ситуация изменилась после «секретного» доклада Хрущёва на XX съезде: «В сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение – как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям» (15).

Массовые депортации были охарактеризованы им как «грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства». Сразу после съезда в марте 1956 года вышел указ «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении», затем последовали аналогичные указы в отношении греков, болгар и армян, затем крымских татар, балкарцев, турков-месхетинцев, курдов и хемшилов, а в июле – с чеченцев, ингушей и карачаевцев. Снятие ограничений и освобождение из-под административного надзора органов МВД проводились без права возвращения спецпереселенцев на прежнее место жительства. С депортированных брали расписку в том, что они уведомят о запрещении «возвращаться на прежнее место проживания и о невозврате конфискованного имущества». Но, несмотря на это, отдельные группы представителей репрессированных народов самовольно возвращались в места, где они проживали до выселения, и устраивали протестные акции в партийных и государственных учреждениях.

Учитывая многочисленные требования и опасаясь выпустить ситуацию из-под контроля, в ноябре 1956 года ЦК КПСС решил восстановить автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов и разрешить переезд граждан в организованном порядке, небольшими группами, на протяжении четырёх лет. Однако немцам Поволжья и крымским татарам, ранее имевшим свою государственность, в автономии было отказано. В специальном пункте это решение в отношении крымских татар объяснялось тем, что бывшая Крымская АССР не была автономией только татар, а представляла собой многонациональную республику, в которой татары составляли менее одной пятой части всего населения. К тому же в составе РСФСР имелось национальное

*Карачаевцы возвращаются из ссылки. Фото Б.М. Молоткова.
3 мая 1957 г.*

автономное объединение – Татарская АССР, а территория Крыма уже являлась областью Украинской ССР. Вместе с тем, учитывая стремление части татар, ранее проживавших в Крыму, к национальному объединению, разъяснялось, что все, кто пожелает, имеют право поселиться на территории Татарской АССР.

Однако без особых объяснений в сентябре 1955 года по предложению Хрущёва Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с немецкими оккупантами в период Великой Отечественной войны», то есть спустя всего 10 лет после окончания войны. До середины 1950-х годов аресту подверглось более 100 тысяч как самих бандеровцев, так и их родственников, пособников и прочих сочувствующих (16). Все они выселялись в Сибирь, на Дальний Восток и Урал. В указе было сказано, что Президиум считает возможным применить амнистию к тем гражданам, которые оказались вовлечёнными в сотрудничество с оккупантами, с целью предоставления этим гражданам возможности вернуться к трудовой жизни и стать полезными

членами общества. Президиум постановил освободить из мест заключения и от других мер наказания лиц, осуждённых на срок до 10 лет, за пособничество врагу и другие преступления против мирного населения. На свободу вышли тысячи бандеровцев, сжигавших деревни вместе с жителями и организовано воевавших против Красной армии в подполье. Реальными были случаи, когда предводители бандеровских формирований незадолго до принятия указа и получившие срок 9 или 10 лет, выходили на свободу, отсидев лишь два-три года. Эти люди, державшие в страхе всю округу, возвращались обратно к себе домой как ни в чём не бывало.

Преступникам, которые совершили особо тяжкие преступления в отношении советских граждан и получили срок более 10 лет лагерей, сокращали срок наполовину. Уже отсидев часть срока, всевозможные командиры дивизии СС «Галиция» и карательных батальонов выходили на свободу через год-два после данного указа. А тех, кого посадили по явке с повинной, независимо от тяжести совершённого преступления, освобождали сразу. На свободу вышли тысячи бывших командиров батальонов и собственно самих карателей. Те, кто не захотел служить в СС «Галиция» и пошёл на службу в немецкую дивизию СС, тоже освобождались сразу и восстанавливались в правах. Считалось, что они не бандеровцы, которых 10 лет по лесам НКВД ловил, всего лишь заблудшие души. Каратели, осуждённые за особо тяжкие преступления и массовые истязания мирных жителей, освобождались независимо от срока, если не имели замечаний от руководства лагеря и хорошо трудились. Сам Хрущёв, комментируя необходимость данного указа, исходил из того, что раз они хорошо трудятся в лагерях, то будут отлично работать и на благо советского общества, что, увидев достижения СССР, бандеровцы подвергнутся влиянию партийной идеологии и вольются в ряды строителей коммунизма (17). Мало кто тогда осознавал и анализировал факты: освобождённые бандеровцы вливались в партийные ряды и государственные органы Украинской ССР, протаскивали туда своих родственников и бывших сослуживцев, при этом ничего не забыв и наверняка затаив желание мести.

Двойственность положения евреев

Ревизия сталинизма напрямую касалась и евреев. После осуждения государственного антисемитизма они, похоже, существовали как бы в двух ипостасях – тайной и явной: «...в обычной жизни это означало сменить ветхозаветное имя Авраам на Аркадий, записаться в паспорте украинцем, говорить без акцента, но вспоминать о своей национальности каждый раз, когда надо сдавать экзамен преподавателю-еврею, покупать дефицитный товар у директора-еврея и танцевать фрейлахс на еврейской свадьбе» (18). Однако ситуацию резко изменила публикация в «Литературной газете» (19 сентября 1961 года) «Бабьего Яра» Евгения Евтушенко, вызвавшая буквально шок в советском обществе. И дело не только в описании самой трагедии геноцида, а в том, что его замалчивание превращалось в преступление, а антисемиты могли быть приравнены к фашистам. У евреев появилась возможность гордиться своими подвигами и героями. В 1963 году благодаря публикации польской газеты «Фолксштиме» впервые выяснилось, что 108 Героев Советского Союза были евреями, то есть они были на четвертом месте среди Героев других советских народов (19).

Возвращаясь к «Бабьему Яру», который был переведён на 72 языка мира, важно отметить, что это стихотворение стало поводом к интересному высказыванию Хрущёва на встрече с творческой интеллигенцией 17 декабря 1962 года: «Этот вопрос очень важный – борьба с антисемитизмом... Я воспитывался в Донбассе, я в детстве своем видел погром еврейский в Юзовке, и я только одно скажу, что шахтеры в своем абсолютном большинстве, даже шахтеры, были против этого погрома. И когда после погрома прокатилась волна забастовок, кто был в большинстве ораторов среди этих забастовщиков? Евреи. Они были любимы. Они были уважаемы. Вот Бабий Яр. Я работал на Украине и ходил в этот Бабий Яр. Там погибло много людей. Но, товарищи, товарищ Евтушенко, не только евреи там погибли, там погибли и другие. Гитлер истреблял евреев. Истреблял цыган, но на следующей очереди было истребление славян, он же и славян истреблял. И если сейчас посчитать арифметически, каких народов больше

Евгений Евтушенко

истреблено – евреев или славян, то те, которые говорят, что был антисемитизм, увидели бы, что славян было больше истреблено, их больше, чем евреев. Это верно. Так зачем выделять, зачем порождать эту рознь? Какие цели преследуют те, которые поднимают этот вопрос? Зачем? Я считаю, это неверно» (20).

Евтушенко отреагировал на замечание генсека и сразу же после совещания отправил ему новую редакцию «Бабьего Яра» с заменой двух строк из первоначальной редакции 1961 года. Акцент радикально изменился – с мученичества евреев он переносился на страдания всех советских народов. Одна из строк звучала теперь так: «Я тут стою как будто у криницы, / Дающей веру в наше братство мне. / Здесь русские лежат и украинцы, / Лежат с евреями в одной земле» (21).

Однако сведущие люди вспомнили другое выступление Хрущёва в освобождённом в 1944 году Киеве: «Но мы объективны: евреи в прошлом совершили немало грехов против украинского народа. Народ ненавидит их за это. На нашей Украине нам не нужны евреи. И, я думаю, для украинских евреев,

Н.С. Хрущёв в Киеве. Ноябрь 1943 г.

которые пережили попытки Гитлера истребить их, было бы лучше не возвращаться сюда... Лучше бы они поехали в Биробиджан... Здесь Украина. И мы не заинтересованы в том, чтобы украинский народ толковал возвращение советской власти как возвращение евреев» (22).

Актуализации еврейской проблематики способствовало также выступление известного кинорежиссера М.И. Ромма на конференции «Традиции и новаторство в искусстве социалистического реализма», проходившей в стенах Всероссийского театрального общества 27 ноября 1962 года. Пятикратный лауреат Сталинской премии впервые публично и недвусмысленно высказался об известной кампании против «космополитов» конца 1940-х годов, утверждая, что она была создана искусственно, имела антисемитский характер и по существу сводилась к избиению писательских кадров. Виновниками этого «избиения» назывались Н.М. Грибачёв, В.А. Кочетов, А.В. Софронов и др. Они же, по мнению Ромма, проводили открытую диверсию против всего нового и яркого в кинематографе (23). Выступление произвело сенсацию в интеллигентской среде, его текст широко разошёлся в списках по Москве,

став одним из первых документов самиздата. ЦК КПСС по существу уклонился от рассмотрения жалоб названных писателей, избранных в высшие партийные органы, сохранив тем самым двусмысленность своего отношения к ситуации. А.И. Солженицын полагал, что выступление Ромма имело очень большое значение для развития диссидентского движения. С этого момента Ромм «стал как бы духовным лидером советского еврейства. И с тех пор евреи дали значительное пополнение «демократическому движению», «диссидентству» – и стали при том отважными членами его» (24).

Национальные историографии: преодоление сталинских установок

Десталинизация 1950-х – начала 1960-х годов имела одним из своих основных источников инстинкт сохранения этнонациональной идентичности управленческой бюрократии, в том числе высшего её звена. Сразу же после кончины Сталина – прямо в противовес «Великому русскому народу» Панкратовой – вышла книга Н.И. Матюшкина, партийного историка, доцента МГУ под заголовком «СССР – страна великого содружества народов» (М., 1953). В ней, как и в других книгах, восстанавливалась трактовка вопросов культурно-национального развития России, характерная для советской историографии 1920-х годов («царская Россия – тюрьма народов», «многонациональное Советское государство – государство равноправия», «дружба народов» и т. п.) (25).

Национальные историографии, голос которых был еле различим в грохоте послевоенных идеологических кампаний и проработок, обретали возможности для своего развития в условиях начавшегося в середине 1950-х годов нового этапа эволюции советской идеократии. В контексте ограниченной либерализации и «секуляризации» сталинской идеологии отсекались наиболее одиозные исторические оценки и интерпретации, хотя основные принципы и подходы к историознанию оставались неизменными. В 1950-е – начале 1960-х годов

формировался значительный комплекс литературы в союзных и автономных республиках по различным периодам истории нерусских народов. В нём в общем и целом воплощалась официальная русскоцентристская концепция истории, освобождённая от сталинистской патриотики. Эта концепция вновь обретала научно-теоретические формы, а идеологические и этнополитические аргументы отходили на второй план. В историю возвращался Ленин, причём не только как организатор СССР, но и как первый его историк и историограф (26). Доступ к архивам позволил подготовить ряд документальных сборников, раскрывающих проблемы образования СССР в Казахстане, Татарстане и Башкирии (27). Историк и политический деятель Бободжон Гафуров, уже будучи директором Института востоковедения АН СССР в Москве, завершил как ответственный редактор обширную коллективную «Историю таджикского народа» в трёх томах (в пяти выпусках), опубликованную в 1963–1965 гг.

В идеологии и пропаганде СССР не рассматривался как преемник Российской империи, хотя подчёркивалось, что «народы СССР веками живут друг с другом в мире и дружбе», а в историографии доминировала точка зрения о добровольном присоединении к России разных наций и государств. Национальная идея в региональной историографии проявляла себя прежде всего в замещённой форме – национальные историки соревновались в доказательствах высокой степени зрелости своих этносов для дела революции и социализма (28). Педальировался вклад их представителей в героические и трудовые свершения советского народа. Эти завуалированные этнонациональные претензии в историознании находили своих критиков в официальной союзной историографии. Неслучайно позднее прозвучало критическое замечание в адрес местных историков в обобщающем историографическом издании. Оно касалось как раз этого «шахматного» методологического подхода национальных историков: «Историки советских республик показывают, что борьба за установление советской власти в национальных регионах была органической частью общероссийского исторического процесса, руководимого ленинской партией. В этой связи преодолевались попытки некоторых

историков «искать» «свои» предпосылки социалистической революции в каждом национальном регионе» (29).

Всесоюзное совещание историков 1962 года стало последним публичным призывом к углублённой разработке тех страниц отечественной истории, на освещение которых повлиял сталинский культ. Затем вновь и надолго возобладала охранительная тенденция по отношению к любым попыткам серьёзного критического анализа деятельности Сталина, в частности и его позиции по вопросам образования СССР (30). Закрепилась тенденция предъявлять обвинения в отступлении от истины всем, кто пытался, опираясь на работы В.И. Ленина, более спокойно и взвешенно рассмотреть как саму ситуацию тех дней, так и данные тогда личностные характеристики. Причём делалось это, как правило, без указания точного адресата критики. Она могла быть в равной степени отнесена как к работам Ю.М. Качаравы, первым переставшим именовать противников автономизации в Грузинском ЦК врагами Советской власти, или А.И. Менабде, попытавшегося дифференцировать взгляды Филиппа Махарадзе и Буду Мдивани, так и к трудам, к примеру, С.И. Якубовской, акцентировавшей внимание на некоторых проявлениях великодержавного шовинизма в вопросе об образовании нового многонационального государства (31).

Рывок в будущее или конвергенция?

Взятая еще при Сталине линия на слияние народов в один – советский, в котором не будет иерархии, разделения на старшего и младшего, была подтверждена третьей Программой партии и положениями доклада Хрущева на XXII съезде КПСС: «В нашей стране идет процесс сближения наций, усиливается их социальная однородность. В ходе развернутого строительства коммунизма **будет достигнуто полное единство наций...** Встречаются, конечно, и такие люди, которые сетуют по поводу того, что стираются национальные различия. Мы им отвечаем: **коммунисты не будут консервировать и увековечивать национальные различия.** Мы будем поддерживать объективный процесс все более тесного сближения на-

ций и народностей, происходящий в условиях коммунистического строительства на базе добровольности и демократизма... Следует со всей большевистской непримиримостью искоренять даже малейшие проявления националистических пережитков. Дружба народов СССР – это наше величайшее завоевание. Будем беречь ее как зеницу ока! (Бурные аплодисменты)» (32).

На съезде было одобрено решение о принятии новой Конституции СССР. Выступая 15 июня 1962 года на первом заседании Конституционной комиссии, Хрущёв заявил, что еще до конца текущего года будет завершена подготовка проекта, чтобы в 1963 году представить его на народное обсуждение (33). Для этих оптимистических надежд были серьёзные основания, потому что в период обсуждения проекта новой Программы партии прозвучало немало конструктивных идей о путях реформирования конституционного строя СССР, поступили интересные предложения о содержании будущих конституционных норм. Значительное количество предложений поступило от граждан и в созданную Конституционную комиссию. Однако процесс составления текста будущего Основного закона растянулся на 15 лет, за это время политическая конъюнктура серьёзно изменилась.

Что же нового закладывалось в хрущевскую конституцию? Неизменной оставалась редакция статьи о руководящей и направляющей силе советского общества – Коммунистической партии. В отношении же национально-государственного строительства, которое входило в пятёрку приоритетных направлений разработки документа, вектор определяла специальная глава «Союзная республика – суверенное государство». Республики по всем вопросам, не оговоренным в Основном законе, могли осуществлять государственную власть самостоятельно, «сохраняя свой суверенитет». Но как быть с программным положением «мы не будем консервировать национальные различия», которое являлось сигналом к подавлению всплеска различных проявлений национально-культурной жизни, именовавшихся на официальном языке «инцидентами»? И сама Конституция рассматривалась как ускоритель процессов сближения и ассимиляции народов. Распространению таких представлений способствовала общая, сближающая

всех цель – строительство коммунизма, равнение на кодекс его строителя, отсутствие национальных экономик, границ. Считалось, что нужно только найти оптимальную форму для национальной культуры и национального просвещения.

В связи с этим предлагалось сформировать национальные комитеты по вопросам культуры, передав в их ведение театры, школы, издательства. Создание таких комитетов предлагалось там, где была потребность в национальной культуре независимо от территории. К примеру, украинский комитет мог бы иметь отделения в Москве, Казахстане и др. (34). Большинство предложений обосновывало необходимость упразднения понятия «национальность» и данной графы в различных документах (паспорта, анкеты и др.). Это объяснялось естественными процессами консолидации национальностей в единую коммунистическую нацию, что соответствовало желанию Хрущёва приблизить наступление коммунизма – строя, в рамках которого стираются различия между нациями. Об этом, в частности, свидетельствовало и приобретение русским языком статуса межнационального и постепенной трансформации его в язык коммунистического общества. Раздавались мнения и об упразднении республик на основе национального принципа, изжившего себя. Вместо этого предлагалось формировать республики по экономическим районам, разделив СССР на 9 таких районов: Дальневосточный, Западносибирский, Уральский, Среднеазиатский, Закавказский, Приволжский, Прибалтийский, Центральный, Северный (35).

Однако на действительно существовавшие национальные проблемы не обращалось внимания, хотя многие из них уже давали себя знать. К примеру, в комиссию поступало много писем по вопросу Нагорного Карабаха с требованием передать его в состав Армянской СССР. Не был решён вопрос о государственности крымских татар и немцев. Но кроме таких старых проблем появились новые тенденции в межнациональных отношениях, которые фиксировали проницательные литераторы. Тот же идеологический постулат дружбы народов в реальной жизни изменялся по мере продвижения с востока на запад страны. В начале 60-х годов, к примеру, «балтийские республики ощущались воротами в мир готики, джаза, кафе на площадях – воротами в Европу» (36). Поэтому симптоматично,

что в 1961 году писатель Василий Аксёнов отправил героев своего романа «Звёздный билет» в Эстонию, в советских условиях воспринимавшуюся как «ближний Запад». На примере этой балтийской республики создавался своего рода литературный эквивалент конвергенции двух систем – «бесконечный карнавал, в котором на почве «американской мечты» о сочетании российского благородства с западным консьюмеризмом безмятежно перепутываются и превращаются друг в друга агенты ЦРУ и КГБ, западные и советские интеллектуалы, капиталисты и советские начальники, аристократы, проститутки, комсомолки, диссиденты и приспособленцы» (37).

* * *

Избавление от сталинского наследия, связанного с депортацией народов и антисемитизмом, восстановление определённого суверенитета союзных и автономных республик в экономике и культуре объективно усиливали этнонациональные интересы. Обратной стороной либерализации национальной политики оказались обострение отношений между этническими элитами и территориальные противоречия. Поэтому соотношение прав союзного центра и республик в конце 1950-х – начале 1960-х гг. составляло серьёзную проблему. Начавшаяся сразу же после смерти Сталина новая коренизация управленческих кадров в республиках обеспечивала преимущества лишь представителям титульных наций.

«Возвращение к ленинским нормам» внесло известные изменения в сложившуюся в СССР иерархию народов, но не отменило самого факта её существования. Нельзя не согласиться с мнением, что постепенно среди республик – получателей помощи Центра выделилась группа наиболее привилегированных. В развитие их промышленности и подъём жизненного уровня вкладывались наибольшие средства. Это прежде всего касалось Украины – не только в силу урона, нанесенного ей войной, но и с целью укрепления позиций советской власти на западе СССР. Благодаря освоению целинных земель одно из ведущих мест среди союзных республик занял Казахстан. В своеобразную зажиточную «витрину социализма» превратились республики Прибалтики. Наконец, с довоенных времен сохранялось особое положение родины Сталина – Грузии.

В качестве основного донора развития всех республик выступала РСФСР. Между тем истощившемуся за многие столетия упорной сельскохозяйственной эксплуатации российскому Нечерноземью помощь требовалась в не меньшей степени (38). И это создавало серьёзную проблему на ближайшие десятилетия.

Время конца 1950-х – начала 1960-х годов обозначилось в пространстве памяти как переходный период не только во всей советской истории, но и в развитии модели советской государственности. Управление экономикой частично было передано в союзные и автономные республики, однако это управление оставалось в руках бюрократии, неважно какой национальности и каких местнических интересов, повсюду все граждане СССР работали в государственных предприятиях и учреждениях и пользовались товарами в основном из государственных магазинов. Монополию на политическую власть продолжала удерживать партия. Ревизия сталинизма, отказ от террора и этнических чисток, отмена драконовских законов труда и быта создали новую общественную атмосферу, оздоровили межнациональные отношения, но не изменили государственную идеологию, жестокий диктат цензуры, подчинение частной жизни «Кодексу строителя коммунизма». Восстановили государственность ряда северокавказских народов, но отказали в этом крымским татарам и немцам Поволжья.

Утопическая новая программа партии, ряд положений разрабатываемой Конституции, по мнению Хрущёва, должны были чуть ли не автоматически привести к новой модели СССР, ускорить процессы сближения и ассимиляции народов. Всё это не могло не дискредитировать провозглашённые идеологические концепты. Вместе с тем вряд ли можно расценивать такую уверенность Хрущёва как легкомыслие или политическую недалёковидность. На фоне покорения космоса, проникновения вглубь атомного ядра и превращения Советского Союза в сверхдержаву, равновеликую – во всяком случае, по своему военному потенциалу – США, проблема межнациональных отношений виделась уже полностью решенной и не заслуживающей внимания как источник возможных вызовов в будущем. Научно-техническая эйфория, усиленная от-

теплыми настроениями, сформировала убежденность в том, что страницы прошлого, в котором были в том числе и очевидные трудности в деле выстраивания национально-территориальной государственности, окончательно перевернуты, и мы стремимся в будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Правда. 1962, 30 декабря.
2. См.: *Черёмушкин Пётр*. Александр Дейнека. М., 2021. С. 301–302.
3. Правда. 1962, 30 декабря.
4. Там же. 1962, 29 декабря.
5. XXII съезд КПСС (17–31 октября 1961 года). Стенографический отчёт. Т. 1. М., 1962. С. 153.
6. См.: Правда. 1962, 16–30 декабря.
7. См.: Известия. 1962. 23–30 декабря.
8. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М., 1999. С. 25–28.
9. Там же. С. 29–37.
10. См.: Там же. С. 49–52.
11. Там же. С. 46–49. В записке указывалось, что с 1944 по 1952 годы в западных областях Украины подверглось разным видам репрессии до 500 тысяч человек, в том числе арестовано более 134 тысяч человек, убито более 153 тысяч человек, выслано навечно из пределов УССР более 203 тысяч человек.
12. Там же. С. 61–62.
13. См.: «Исключительно замечательный акт братской помощи». Документы и материалы о передаче Крыма из РСФСР в состав УССР // Исторический архив. 1992. № 1. С. 40–41.
14. См.: *Волобуев О.В.* Крымско-татарский вопрос по документам ЦК КПСС (Вторая половина 50-х – середина 80-х гг. XX в.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 158.
15. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 151–152.
16. Комсомольская правда. 2022, 29 августа.
17. Там же.
18. Там же. *Вайль Пётр, Генис Александр*. 60-е. Мир советского человека. М., 2013. С. 349.
19. См: Всероссийская книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 516–519.

20. Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени: документы из личного фонда Н.С. Хрущёва. В 2 т. / Гл. ред. Н.Г. Томилина; сост. А.Н. Артизов и др. Т. 2. М., 2009. С. 547.

21. О второй редакции впервые написал П.М. Полян. См. об этом подробнее: *Полян Павел*. Бабий Яр. Рефлексия: Антология. Эссе. Документы. М., 2022 // <https://gorky.media/fragments/kak-evtushenko-iz-zakritiki-hrushheva-peredelal-poemu-babij-yar> (дата обращения: 25.11.2022).

22. *Бур Алла*. Хрущёв и евреи. Литературный дневник // <https://proza.ru/diary/david2002/2013-05-31> (дата обращения: 26.11.2022).

23. *Костырченко Г.В.* Тайная политика Хрущёва: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М., 2012. С. 360–361.

24. См.: *Вдовин А.И.* Подлинная история русских. XX век. М., 2010. С. 180.

25. *Козлов В.К.* О формировании социалистических наций в СССР. М., 1954; *Грекул А.В.* Формирование и развитие молдавской социалистической нации. Кишинев, 1955; Социалистические нации СССР. М., 1955. *Чугаев Д.А.* Коммунистическая партия – организатор Советского многонационального государства. М., 1954; *Грошев И.И.* Борьба Коммунистической партии за развитие и укрепление дружбы народов СССР в годы строительства социализма. Кишинев, 1955; *Чистяков О.И.* Взаимоотношения советских республик до образования СССР. М., 1955; Борьба Коммунистической партии за интернациональное сплочение трудящихся масс России в 1917 году. М., 1957 и др.

26. См.: *Гилилов С.В.В.И.* Ленин – организатор Советского многонационального государства. М., 1960.

27. См.: Образование Казахской АССР: сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957; Образование Татарской АССР: сборник материалов и документов / Сост. Г.Б. Билялова, Р.Г. Кашафутдинов, М.Б. Кострова, Н.М. Силаева. Казань, 1957; Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики: сборник документов и материалов / Под ред. Б.Х. Юлдашбаева. Уфа, 1959. В исследованиях С.И. Якубовской и А.Д. Чугаева рассматривались проявления сепаратизма и буржуазного национализма в процессе создания новой государственности, а также историография проблемы (28). См.: *Якубовская С.И.* Строительство союзного советского социалистического государства. М., 1960; *Чугаев Д.А.* Образование Союза ССР (историографический обзор) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 6.

28. См.: *Аламтiev П.М.* Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока (Исторический опыт Казахской ССР). М., 1958; *Минуя капитализм (О переходе к социализму республик Средней Азии и Казахстана)*. М., 1961; От средневековья к вершинам

современного прогресса. Об историческом опыте развития народов Средней Азии и Казахстана от докапиталистических отношений к социализму. М., 1965 и др.

29. Историография истории СССР (эпоха социализма) / Под ред. И.И. Минца. М., 1982. С. 319.

30. См.: Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18–21 декабря 1962 г. М., 1964.

31. См.: *Качарава Ю.М.* Советская Грузия в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). Тбилиси, 1958. *Менабде А.И.* Некоторые вопросы развития грузинской национальной государственности. Тбилиси, 1959; *Якубовская С.И.* Строительство союзного Советского государства: 1922–1925 гг. М., 1960. С. 143–146.

32. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчёт. М., 1962. С. 215–217.

33. См.: *Данилов А.А.* «Утаенная Конституция Никиты Хрущева». Стенограммы заседаний Конституционной комиссии 1962–1964 гг. // Исторический архив. 1997. № 1. С. 46.

34. См. подробнее: *Пыжиков А.В.* Неосуществленный конституционный проект // Чиновник. 1999. № 3 (6). С. 43–54.

35. Там же. С. 46–48.

36. *Вайль Пётр, Генис Александр.* 60-е. Мир советского человека. С. 330.

37. *Рассадин Ст.* Советская литература. Победенные победители. Почти учебник. СПб., 2006. С. 282.

38. См.: *Филиппов А.В.* Новейшая история России. 1945–2006. М., 2007. С. 53–54.

Глава 6

Пятое десятилетие: новая общность в контексте реальных межнациональных отношений

Юбилейный год был богатым на события и на разнообразные праздничные акции. И контекст у них был довольно символическим: подписаны договоры с США по ограничению противоракетной обороны (ПРО) и стратегических вооружений (ОСВ-1), совершён теракт на мюнхенской Олимпиаде, выслан из Ленинграда в Вену Иосиф Бродский, переизбран президентом Соединённых Штатов Ричард Никсон. К 1972 году уже утвердился режим Л.И. Брежнева с характерным господством партийной номенклатуры и борьбой двух её лагерей – ведомственным и территориальным. Реформа А.Н. Косыгина хотя и была свёрнута, но в её контексте всё же удалось наладить более или менее работавшую вертикаль управления экономикой.

За месяц до 30 декабря по заранее свёрстанным планам началась череда заседаний и митингов, соревнований и выставок, призванных продемонстрировать всему миру достижения страны и роль её нового лидера, генерального секретаря партии Брежнева – центральной фигуры 50-летия СССР. Декабрь открылся трудовой вахтой, на которую заступили шахтёры и металлурги, и специальным заседанием Академии наук, о котором отчитался её президент академик М.В. Келдыш. Затем последовал пленум Союза композиторов, о котором рассказал Дмитрий Шостакович, и объединённый пленум всех творческих союзов и организаций с докладом Чингиза Айтматова (1). В Москве начался Всесоюзный фестиваль драматургии и театрального искусства, а на ВДНХ – смотр достижений народов СССР. Начиная с 12 декабря по всем столицам союзных республик проходили торжественные заседания руководящих ор-

ганов и общественности, подводившие итоги полувекового единства и дружбы всех наций (2). Не было ни дня, чтобы народу не напомнили об историческом событии: был учреждён орден Дружбы народов за заслуги в укреплении братского сотрудничества социалистических наций, открыта мемориальная доска в честь 50-летия Первого Всесоюзного съезда Советов на здании Большого театра, принято решение о воздвижении памятного монумента на Арбатской площади, объявлена амнистия в связи с юбилеем (3).

Главным же событием юбилея стало двухдневное совместное торжественное заседание ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, открывшееся 21 декабря в Кремлёвском дворце съездов. На заднике сцены была размещена огромная карта Союза, на фоне которой был установлен огромный бюст В.И. Ленина. В зале находились посланцы более чем 100 стран мира, в том числе 11 социалистических стран. Доклад Брежнева давал возможность судить о том, как представлялось официальное пространство памяти об СССР в его золотой юбилей. Прежде всего подчёркивалось, что в национально-государственном строительстве нового государства под руководством Ленина участвовали Калинин, Свердлов, Сталин, Микоян, Фрунзе, Петровский, Нариманов, Стучка и др., однако снова не были упомянуты Троцкий, Бухарин, Сокольников, Раковский, Мдивани, Султан-Галиев. Генсек напомнил, какую картину являли собой к моменту революции национальные окраины: «Средняя Азия и Казахстан по своему хозяйственному развитию стояли на уровне, обычном для колониальных стран. Уделом подавляющего большинства населения были нищета, болезни, темнота. Достаточно сказать, что доля людей, не знающих элементарной грамоты, еще в начале 20-х годов составляла в республиках Средней Азии от 90 до 86 %, а в Казахстане – 82 %. Социальная структура общества была по существу феодальной» (4).

Экономической отсталостью отличались и многие районы Закавказья, и даже близкая к центру Белоруссия. Все эти районы, исключая лишь немногие крупные города, как бы оставались в прошлых веках и по своей экономике, и по социальному облику, и по культуре, и по условиям жизни трудящегося населения. С этого пришлось начинать, притом начинать пер-

выми, ибо в решении этих сложнейших задач невозможно было опереться на чей-то опыт. В подъёме экономики и культуры особо была выделена роль русского рабочего класса, русского народа.

В сложившихся социальных отношениях, отметил Брежнев, нет эксплуатации, советский народ состоит из социалистических классов и групп, спаян общностью целей и мировоззрения, устремлён в коммунизм, его мировоззрение – марксизм-ленинизм. Общая память и общие традиции основаны на пройденных испытаниях – война, пятилетки, целина, освоение северных и восточных районов. «Возникновение в нашей стране новой исторической общности людей – советского народа – это... наше великое достижение... обобщенный итог тех экономических и социально-политических перемен, которые за полвека совершились в нашей стране» (5).

Ещё на XXIV съезде КПСС в 1971 году советский народ был представлен как результат прочного социально-политического и идейного единства всех классов и слоев, наций и народностей, заселяющих территорию СССР. Советский народ – «социальная и интернациональная общность людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистическую по содержанию культуру, союзное общенародное государство и общую цель – построение коммунизма». Эта общность «возникла в СССР в результате социалистических преобразований и сближения трудящихся классов и слоев, всех наций и народностей» (6).

Организующая и направляющая сила, подготовившая создание «великого Союза» и руководившая его развитием, – партия Ленина. Это интернациональная, единая партия, воплощение товарищества и дружбы народов. Для партии дальнейшее сближение наций и народностей – объективный процесс, но она против того, чтобы его искусственно форсировать. В то же время недопустимы какие бы то ни было попытки сдерживать процесс сближения наций, «чинить ему помехи, искусственно закреплять национальную обособленность».

В докладе дважды было подчёркнуто, что в СССР полностью решён национальный вопрос в тех его аспектах, в каких он достался от дореволюционного прошлого. Новые же проблемы в этой области Брежнев связывал с националистическими пред-

рассудками, «преувеличенным или извращенным проявлением национальных чувств», которые оказались чрезвычайно живучими и цепко держащимися в психологии людей, хотя «объективные предпосылки для каких-либо антагонизмов в отношениях между нациями давно уже перестали существовать». Причины националистических тенденций оратор связал с местничеством, «которое оказывается сродни национализму», а также влиянием западного буржуазного мира. В конце своего доклада Брежнев поставил задачу завершения работы над новой Конституцией СССР, а также сформулировал новый идеологический концепт. Напоминая присутствовавшим ленинское положение о национальной гордости великороссов, то есть русских, генсек предложил руководствоваться теперь более широким понятием – «общенациональная гордость советского человека». Эта гордость, которой чужды идеи национальной или расовой исключительности, основывается на интернационализме, патриотизме, памяти о ратном и трудовом героизме, новых моральных ценностях и идеалах, великой многонациональной культуре (7).

В день 50-летия «Правда» вышла с портретом Ленина, плакатом с представителями всех союзных республик, несущих свои национальные флаги, и обращением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР «К советскому народу, к трудящимся всех национальностей Союза Советских Социалистических Республик». На трёх страницах размещались указы о награждении орденом Дружбы народов всех союзных и автономных республик, автономных областей и национальных округов. Был также приведён список поздравлений руководству страны, поступивших от лидеров практически всех стран мира (8).

За кулисами юбилея

Никто ни на одном юбилейном мероприятии, ни в одной публикации не касался болезненных тем, которые не вписывались в утверждение о решённости национального вопроса в СССР. Причём не только в тех его аспектах, в каких он достался от

дореволюционного прошлого, но и в тех, которые возникли в советские десятилетия как вызов новым руководителям страны. Одним из главных не афишируемых противоречий в комплексе проблем являлось оформление такой государственной конструкции, в которой номинальная метрополия ущемлялась в пользу периферии. Производство на душу населения в РСФСР было в 1,5 раза выше, чем в других республиках (при том, что рост капиталовложений из госбюджета в Кавказ и Среднюю Азию был в 5–6 раз больше, чем в русские регионы), а потребление – в 3–4 раза ниже, чем в Грузии, Армении, Эстонии. Правда, по причине демографического бума среднедушевые доходы в Средней Азии были ниже российских в 2–3 раза (9). Наряду с РСФСР мотором в развитии национальных окраин, источником ресурсов и донорами союзного бюджета служили Украинская, Белорусская и Азербайджанская ССР.

В 1972 году, накануне юбилея, ответственный работник аппарата ЦК КПСС Л.А. Оников написал служебную записку на имя Брежнева, в которой сделал вывод о повсеместном усилении антирусских настроений в союзных республиках и предупредил, что нельзя «исключить возможность сплочения националистов нерусской национальности на антирусской основе и ответной реакции среди русского населения». Автор записки подвергся суровому разному (10). В ЦК не реагировали должным образом на закрытую информацию о тревожных симптомах в межнациональных отношениях, которые попадали

Протесты в Ереване. 24 апреля 1965 г.

в зону антипамяти. К примеру, 24 апреля 1965 года в связи с 50-летием геноцида армян в Турции состоялось несанкционированное сотысячное траурное шествие в Ереване. Студенты и присоединившиеся к ним рабочие и служащие многих организаций шли к центру города с лозунгом «Справедливо решить армянский вопрос!». С полудня на площади Ленина начались митинги. К вечеру толпа окружила здание оперы, где проходило официальное «собрание общественности» в связи с годовщиной трагедии. В окна полетели камни. После этого демонстранты были разогнаны с использованием пожарных машин (11).

В марте 1967 года в течение двух недель продолжались так называемые абхазские события, участники которых требовали узаконения абхазской топонимики по всей республике, предоставления привилегий представителям абхазской национальности в трудоустройстве и поступлении в высшие учебные заведения, изучения абхазского языка во всех неабхазских школах республики и даже выделения Абхазии из состава Грузии со статусом союзной республики в составе СССР. По

ночам закрашивались грузинские надписи на вывесках, дорожных знаках и указателях. В сентябре 1967 года в Москву прибыла группа деятелей культуры из Абхазии с требованием изъять из обращения изданную в Тбилиси книгу, автор которой пытался доказать, что «абхазской национальности вообще не существует; абхазы – это грузины, принявшие когда-то мусульманство». В результате секретарь обкома и председатель правительства Абхазии были освобождены от должностей и на их место были рекомендованы абхазы. Грузинские названия и вывески на грузинском языке были заменены абхазскими. В Тбилисском университете были открыты отделения абхазского языка и литературы (12).

Длительного времени потребовало преодоление последствий столкновения между узбекской и русской молодёжью во время и после футбольного матча между командами «Пахтакор» (Ташкент) и «Крылья Советов» (Куйбышев – ныне Самара) 27 сентября 1969 года на ташкентском стадионе, вмещавшем более 100 тысяч человек. Неприязнь местного населения к русским была вызвана отрицательными чертами их поведения, которые якобы принесли прибывшие в 1920-х годах преимущественно из Поволжья, особенно из Самары. Презрительное прозвище «самарские» с тех пор укоренилось среди узбеков и было распространено на всех русских. Конфликт возник в середине матча, когда судья не засчитал забитый «Пахтакором» гол в ворота куйбышевской (самарской) команды. В 20 местах стадиона были подняты заранее заготовленные плакаты с надписями «Самарские, убирайтесь домой!». Попытки вырвать плакаты из рук узбеков привели к дракам. Милиция не смогла справиться с беспорядками. Матч прекратился, и толпы зрителей устремились к выходам. Предвидя это, узбекская молодёжь выстроилась вдоль выходов со стадиона, пропуская «сквозь строй» и избивая людей со славянской внешностью. Столкновения продолжались на улицах города. Несколько дней после этого инцидента русские опасались ездить в городском транспорте, разбушевавшаяся молодёжь выбрасывала их из автобусов и троллейбусов. В результате более тысячи человек были арестованы. Вместо предания огласке этих случаев и принятия мер, чтобы не допустить в будущем подобных эксцессов, руководители республики

Манифестация в Каунасе. 18 мая 1972 г.

пытались свести к минимуму информацию о масштабах происшедшего. Понимая всю неприглядность случая, особенно на фоне помощи Ташкенту РСФСР и других союзных республик после разрушительного землетрясения 1966 года, Ш.Р. Рашидов не хотел, чтобы инцидент расценивался как узбекский национализм, и сделал всё, чтобы скрыть его от Москвы (13).

В 1972 году в Литве большой резонанс вызвало самосожжение Ромаса Каланты, восемнадцатилетнего юноши из Каунаса, в знак протеста против «советской оккупации Литвы». Его похороны 18 мая переросли в масштабную манифестацию национального протеста. После попыток властей помешать собравшимся принять участие в похоронах молодые литовцы направились к месту самосожжения в центр города, скандируя «Свобода!», «Литва!». Произошли столкновения с милицией. На следующий день (19 мая) манифестация возобновилась. В город ввели воинские части, собравшиеся разошлись после обращения к ним властей и родителей Каланты. Были задержаны около 400 человек, 8 участников демонстрации осуждены за участие в «уличных беспорядках» (14).

Митинг в Грозном. 1973 г.

Сразу же после празднования юбилея обострилась ситуация вокруг Пригородного района Северной Осетии. 16–19 января 1973 года тысячи ингушей съехались в Грозный, требуя от властей решения проблемы этого района. В заявлении, переданном властям, перечислялись факты дискриминации ингушского населения в Осетии, главным образом при приёме на работу. Ингуши просили обеспечить им на территории спорного района равные с осетинами права. Демонстрации и митинги продолжались несколько дней. Люди несли портреты Ленина и Брежнева, лозунги с высказываниями вождей об интернационализме и дружбе народов. Демонстранты организовали собственную «службу порядка» и не допускали «антисоветских высказываний». После прибытия председателя Совета министров РСФСР М.С. Соломенцева было решено рассмотреть вопрос и не подвергать репрессиям участников выступления. Однако несколько сот молодых ингушей, отказавшихся отправиться домой на предоставленных митингующим автобусах, были разогнаны водой из брандспойтов и милицейскими дубинками (15).

Невозвращённые народы: дискриминация продолжается

Болезненной на протяжении свыше 20 лет оставалась и проблема крымских татар, немцев, турок-месхетинцев. В октябре 1966 года по случаю 45-летия образования Крымской АССР прошли митинги крымских татар в узбекских городах Андижане, Ангрене, Бекабаде, Фергане, Кувасае, Ташкенте, Чирчике, Самарканде, Коканде, Янгикургане и Учкудуке. Митинги были разогнаны, при этом только в Ангрене и Бекабаде были задержаны более 65 человек, 17 из них осуждены за участие в «массовых беспорядках». В начале сентября 1967 года милиция разогнала в Ташкенте многотысячную демонстрацию крымских татар, протестовавших против разгона 27 августа двухтысячного собрания-встречи с представителями крымско-татарского народа, которые вернулись из Москвы после приёма их Ю.В. Андроповым, Н.А. Щёлоковым, секретарём Президиума Верховного Совета СССР М.П. Георгадзе и генеральным прокурором Р.А. Руденко. Не отвечал чаяниям крымских татар принятый после этой встречи указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года. Он снимал обвинение в предательстве, возвращал гражданские права, предоставлял татарской молодежи право учиться в вузах Москвы и Ленинграда, однако татарские семьи не могли приезжать и селиться в Крым. Против их возвращения возражали партизаны Крыма, но главная причина состояла в том, что Крым к тому времени был «подарен» Н.С. Хрущёвым Украине, и именно это более всего осложнило положение крымских татар. «Не будь этого широкого жеста, они уже давно спокойно жили бы в Крыму», – так позднее писал начальник 5-го («идеологического») управления КГБ Ф.Д. Бобков в своей книге «КГБ и власть». По его мнению, ничто не противоречило праву крымских татар вернуться на свою историческую родину: «Подобное желание все сильней и сильней подогревалось дискриминационным решением, которое было принято в отношении крымских татар, но не коснулось других переселенцев, получивших право на восстановление автономии... Некоторые средства массовой информации утверждали, будто такой на-

циональности вообще не существует. Пытались закрыть издание литературы на крымско-татарском языке и газету на этом языке, выходящую в Узбекистане, нет, мол, такого языка» (16).

Бобков вспоминал, что заниматься проблемой крымских татар ему пришлось в 1967 году, чуть ли не с первого дня работы в 5-м управлении КГБ. Управление разработало план постепенного возвращения татар путём организованного набора рабочей силы. Ю.В. Андропов это решение одобрил, однако министр внутренних дел Н.А. Щёлоков вёл иную линию: ничего конкретного посланцам крымских татар не обещать. Под большим нажимом Украина всё-таки согласилась принимать в год двести–триста татарских семей. Но вскоре начались звонки из Краснодарского края: через Керченский пролив на пароме татар вновь насильно вывозят из Крыма. Это делалось по решению руководства Украины. События получили своё дальнейшее развитие после того, как лидеры экстремистского крыла обратились за помощью к сотрудникам американского посольства. А те немедленно использовали этот повод и развернули шумную кампанию в зарубежной печати.

Движение крымских татар за возвращение в Крым продолжало развиваться. В «Обращении крымско-татарского народа по вопросу организованного возвращения на его национальную Родину – Крым», направленном в адрес VII сессии Верховного Совета СССР в 1969 году, отмечалось, что «народ с сожалением вынужден констатировать, что указ Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года не удовлетворил его требования – организованного возвращения на родину и восстановления его национального и конституционного равноправия». В «Обращении» были сформулированы две просьбы: 1) безотлагательно решить вопрос организованного возвращения народа на его родную землю – Крым; 2) восстановить силу исторического декрета великого вождя Октябрьской социалистической революции В.И. Ленина о Крымской автономии от 18 октября 1921 года, создав условия, позволяющие нормальное и всестороннее развитие крымско-татарского народа как нации (17). Это обращение крымских татар осталось без ответа. 25 июля 1972 года в ЦК КПСС была направлена «информация» Крымского обкома КПУ, подписанная его секретарём Н.К. Кириченко. В ней шла речь об «обращениях» и «заявле-

ниях» крымских татар с требованиями об их организованном переселении в Крым, предоставлении национальной автономии, открытии специальных школ, мечетей. Не забыл Кириченко вспомнить об открытом судебном процессе над группой карателей 152-го татарского добровольческого батальона СД, состоявшемся в Симферополе 29 мая – 11 июля 1972 года (18).

Наращение недовольства среди невозвращённых народов беспокоило КГБ. Позиция ведомства была изложена в записке от 13 июля 1973 года, подписанной Ю.В. Андроповым. Указывалось, что целесообразно поручить соответствующим отделам ЦК КПСС с привлечением местных партийных органов и центральных учреждений изучить вопросы, касающиеся немцев, крымских татар и турок-месхетинцев. В августе 1973 года в ЦК КПСС за подписью первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш.Р. Рашидова была направлена записка, в которой обращалось внимание на активизацию деятельности крымско-татарских и месхетинских националистов. Рашидов выражал обеспокоенность тем, что «свертывание оргнабора, который проводился в соответствии с решением инстанций, дает возможность «автономистам» укреплять свои позиции и затрудняет работу партийно-советских органов по воспитанию граждан этих народностей». В целях оздоровления обстановки Рашидов предлагал рассмотреть вопрос о возобновлении среди татар и турок оргнабора и разрешении проживания в Крыму и Грузии отдельным их представителям, особенно участникам Великой Отечественной войны (19).

В 1972 году открывалась возможность для пересмотра отношения руководства Грузии к проблеме месхетинских турок. Первый секретарь ЦК Компартии республики В.П. Мжаванадзе считал невозможным их возвращение на родину, так как, говорил он, земли месхетинцев уже заняты другими, а к тому же рядом граница, месхи же занимаются контрабандой, и поэтому пограничники возражают против их возвращения. Попытки Ф.Д. Бобкова доказать, что это неверная информация, его уверения в том, что такого же мнения придерживается и командующий погранвойсками генерал В.А. Матросов, не возымели никакого действия. Не принималось во внимание и то, что несколько сотен месхетинцев, перебравшихся в соседний Азербайджан, преспокойно живут в пограничных районах.

Сменивший Мжаванадзе Э.А. Шеварднадзе также поддерживал лживую версию, будто против переселения месхетинцев в Грузию возражают пограничники. В результате в Грузию могли вернуться лишь немногие из тех месхетинцев, кто решился изменить свою национальность и стал по паспорту грузином (20).

В первой половине 1970-х годов можно было решить проблему советских немцев, выселенных в годы войны из мест своего жительства. 5-е управление КГБ обратилось в ЦК КПСС с предложением воссоздать немецкую автономию и разрешить немцам выезд на родину. Выезд из страны не без сопротивления был разрешён, хотя и в ограниченном масштабе. Предложение создать немецкую автономную область на территории Казахстана, где проживали около миллиона немцев, встретило немалые препятствия. В республике инспирировали протест студентов Целиноградского педагогического института, который поддержали ЦК Компартии и правительство Казахстана, принимавшие участие в подготовке создания автономии и определении её административных границ. Можно было восстановить автономию немцев в Поволжье, и руководители Саратовской области охотно шли навстречу, так как пустовало немало земель и несколько тысяч немцев успели вернуться в те места. Но ЦК КПСС на такой вариант не согласился, чтобы не поссориться с первым секретарём компартии Казахстана Д.А. Кунаевым (21).

Эмиграция «малого народа»

Вызовом для власти стало и массовое стремление евреев покинуть Советский Союз. Сработала накопленная за четверть века память о трагедии Антифашистского еврейского комитета, «деле врачей», борьбе с космополитизмом, закрытие еврейских театров и газет, сокращение изданий литературы на идише, ограничения при приёме на работу и в вузы, разрыв семей в годы Второй мировой войны. Однако внутренний конфликт с властью решился на международной арене. Шестидневная война 1967 года, а затем и война 1973 года вызвали небывалый

энтузиазм советских евреев и на фоне этих войн сделали анти-семитизм неактуальным. СССР полностью занял сторону арабов в их вооружённой борьбе против Израиля и поддержал радикальные палестинские движения. И тем не менее с учётом всех международных обстоятельств в июне 1968 года, через год после разрыва отношений с Израилем, в ЦК КПСС поступило совместное письмо руководства МИД СССР и КГБ СССР за подписями А.А. Громыко и Ю.В. Андропова с предложением разрешить советским евреям эмигрировать из страны. В конце 1960-х – начале 1970-х годов политика Советского Союза в отношении репатриации в Израиль смягчилась. Б.Ф. Бобков писал: «С одной стороны, мы испытывали давление тех, кто добивался выезда, и заинтересованных западных правительственных кругов, которые не останавливались перед прямым шантажом: либо вы разрешаете выезд евреев, либо мы лишим вас режима наибольшего благоприятствования в торговле. С другой стороны, приходилось считаться с необходимостью охранять государственные тайны. Последний аргумент часто использовали те, кто искал возможность уйти от ответственности и, не желая считаться с реальностями жизни, действовал по принципу: имея власть, подавить можно всё» (22).

К концу 1969 года удалось добиться разрешения на выезд нескольких тысяч семей. Вопрос сдвинулся с мёртвой точки, и в конечном счёте проблема воссоединения семей была решена (23). Однако в поисках выхода из сложнейшей ситуации часть членов Политбюро настояли на развёртывании масштабной антиссионистской кампании в стране. Массовыми тиражами вышли книги Юрия Иванова «Осторожно: сионизм!» (М., 1970) и – когда в пользу эмиграции евреи пытались апеллировать к иудаизму – А.И. Эдельмана «Иудаизм: прошлое без будущего» (М., 1977). В целях опровержения обвинений в том, что в СССР якобы проводится политика государственного антисемитизма, была выпущена брошюра Агентства печати «Новости» – «Советские евреи: Мифы и действительность» (М., 1972). В ней были представлены факты, показывающие надуманность подобных суждений. В частности, указывалось, что по данным переписи 1970 года в СССР евреи составляли менее 1 % от общего количества населения всей страны (24). В то же время из 844 лауреатов Ленинской премии было 96

(11,4 %) евреев, 564 (66,8 %) русских, 184 (21,8 %) представителя других национальностей. Звание Героя Социалистического Труда получили 55 человек еврейской национальности, дважды этого звания удостоены – 4 еврея, трижды – три представителя этой национальности. В 1941–1942 годах из прифронтовой полосы (западные районы страны, где евреи жили сравнительно компактным населением) были отправлены в глубокий тыл около 2 млн граждан еврейской национальности (13,3 % от 15 млн всех эвакуированных), что при политике государственного антисемитизма было бы вряд ли возможно. Подчёркивалось также, что «советский паспорт является важным средством национальной идентификации, указание в нём национальности – дань уважения к нации его владельца».

В противостоянии этой кампании резко вырос тираж самиздатовского журнала «Евреи в СССР», редакция которого из номера в номер доказывала, что ценности советского государства несовместимы с национальным характером евреев и их самоидентификацией. Но вот что любопытно. Защищая в начале 1970-х годов право на еврейскую уникальность, один из активных сионистов Илья Рубин писал: «Наша секта обладает всеми необходимыми признаками тайных еретических сект: гонимостью, твёрдой убеждённости в своём высшем предназначении, особым жаргоном... специфическим, только ей присущим бытом – уютным, обшарпанным и печальным. Лишь названия ей ещё не придумано – хотя многие из нас в судорожных попытках самоидентификации чаще всего употребляют два эрцаз-имени – «еврей» и «российский интеллигент». Думаю, что второе ближе к нашей сущности» (25).

Неслучайно, видимо, журнал «Евреи в СССР» печатал в самиздате неизданную Марину Цветаеву, и, покидая Россию, евреи увозили её с собой.

Движения русских и украинских националистов

Старые неразрешённые проблемы национальной политики во второй половине 1960-х годов дополнились новыми и не менее острыми. Образованное в 1965 году Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) стало центром русского национального движения. У его истоков стояли художники и писатели Илья Глазунов, Павел Корин, Леонид Леонов, Валентин Распутин, Василий Шукшин, Владимир Солоухин и др. Одновременно в кругу писателей, критиков и публицистов, группировавшихся вокруг журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник», вызрела идея использования в своих идейных построениях дореволюционных русских духовных ценностей и ценностей, принесённых Октябрьской революцией. Её назвали Великой русской революцией, поскольку совершена она была русским народом, который «босиком и куда уж как без приварка создал гигантскую индустрию». Однако, по мнению «молодогвардейцев», одним из последствий революции стало временное ослабление национальных начал, нигилистическое отношение к национальным святыням и особенно к деятельности царей, полководцев и Русской православной церкви.

К 50-летию СССР движение русских националистов было практически оформлено, причём не без поддержки части высшего руководства страны. Первым из их доктринальных текстов стал документ, имевший название «Слово нации» и датированный 31 декабря 1970 года. Он был написан А.М. Ивановым (Скуратовым) и обсуждён им с бывшими политзаключёнными, приобщившимися к русской идее в лагере. В «Слове» утверждалось, что западный мир биологически вырождается, и поскольку биологическое первичнее социального, демократия и права человека бессмысленны. Противостоять процессу вырождения способно лишь сильное правительство, опирающееся на национальные традиции. Все попытки переделать Россию по западному образцу провалились из-за политических предпочтений народа, желающего иметь сильную власть для защиты от внешней опасности. Нация первична, а всё осталь-

ное есть производное от нее. Нация представляет собой также особую духовную общность, своеобразие которой имеет глубокий мистический смысл. Основные признаки нации: расовый тип (психологический склад), язык (способ мышления) и идеология. Национальный вопрос в «Слове» представлялся как основной для России, поскольку русские играют в жизни страны непропорционально малую роль, а евреи претендуют на роль угнетённого русскими меньшинства, чуть ли не монополизируя тем временем науку и культуру. Должна осуществиться национальная революция под лозунгом «Единая неделимая Россия». Русский народ должен стать господствующей нацией. В национальном государстве, которое необходимо построить, традиционная русская религия должна занять подобающее ей почётное место (26).

Ещё одним заметным журналом в русском патриотическом движении стало «Вече» – своеобразный ответ на диссидентские либеральные и национальные издания. Редакция заявляла о задачах укрепления русской национальной культуры, патриотических традиций в духе славянофилов и Достоевского, утверждения самобытности и величия России.

Одним из идеологов национально-православного движения стал крупный математик и диссидент И.Р. Шафаревич. В середине 1970-х годов он принял участие в парижском сборнике статей «Из-под глыб», составленном А.И. Солженицыным.

Популярными стали его работы с критикой тоталитарной системы, в том числе широко известные статьи «Обособление или сближение?», «Есть ли у России будущее?». В патриотических кругах распространялась теория «малого народа», развиваемая Шафаревичем вслед за французским историком Огюстеном Кошеном, умершим в 1916 году. В соответствии с этой теорией осуждался слой людей, который противопоставляет себя всему остальному народу, с презрением относится к его традициям и тем самым утверждает своё право распоряжаться этим народом как материалом для собственного творчества. В России ядро «малого народа» составляет еврейство. Естественно, что Шафаревич был сразу зачислен в разряд антисемитов.

В свою очередь творческая интеллигенция Украинской ССР остро обсуждала вопросы о якобы сознательном подавлении

Москвой украинского языка и замалчивании истории Украины, препятствовании национальным традициям и сокращении числа украинских школ, падении тиражей книг на украинском языке и прекращении издания книг ряда украинских авторов, например В.К. Винниченко и М.С. Грушевского. В конце 1960-х годов появилась книга Ивана Дзюбы «Интернационализм или русификация», ставшая по существу программой для возникновения движений, которые привели к образованию «Рука». Среди руководителей республики не было единого мнения – одни заигрывали с националистами, всячески поощряя тех, кто использовал в определённых целях борьбу украинских патриотов за национальную культуру, а другие, наоборот, призывали к крутым расправам, видя крамолу в любых попытках защитить национальную культуру, в любом проявлении национальных чувств. Так, в Киеве был распущен Клуб творческой молодёжи из-за несанкционированного проведения его членами вечера памяти Леси Украинки в Центральном парке культуры и отдыха, уничтожен шевченковский витраж в Киевском университете, запрещено собираться возле памятника Тарасу Шевченко. В апреле 1965 года органы КГБ бук-

важно разогнали дискуссию по проблемам состояния украинской истории и культуры, устроенную студентами столичного университета (27). Однако одновременно, к примеру, в июле 1965 года на совещании ректоров и вузовских партторгов тогдашний секретарь ЦК КПУ по идеологии А.Д. Скаба дал указание о повсеместном переводе преподавания в вузах УССР на украинский язык в трёхмесячный срок (28). Тогда это называлось «второй украинизацией».

Во Львовской же области секретарь обкома В.Е. Маланчук приостановил выполнение этого решения, квалифицировав его как «рецидив буржуазного национализма». За это он был снят с должности, но с 1972 года именно он – уже как идеолог республиканского ЦК – вместе с начальником украинского КГБ В.В. Федорчуком возобновил борьбу с национализмом. Маланчук внедрил в жизнь тезис «главная задача Компартии – борьба с национализмом». Федорчук же установил порядок, при котором, если сотрудник не привлёк кого-то «по делу», значит, он не работает (29). Преследовались увлечения казацкой стариной, идеализация сечевого самоуправления. Критике подверглись Музей народной культуры и быта за «любование патриархальной стариной», Институт археологии за попытку возобновить издание «Киевской старины» (дореволюционного журнала «буржуазно-либерального направления»), Институт искусствоведения, фольклора и этнографии за упоминание в библиографическом указателе «махровых украинских буржуазных националистов».

История движения русских и украинских националистов удивительным образом переплелась с именами П.Е. Шелеста и А.Н. Яковлева.

«Националист» Шелест и «руссофоб» Яковлев

В юбилейный 1972 год оба они были сняты со своих высоких должностей. Пётр Ефимович Шелест возглавил украинскую республиканскую Компартию в июле 1963 года по прямому предложению Хрущёва, а затем вошёл и в президиум ЦК КПСС. Через десять лет в вину Шелесту поставили «национа-

листический уклон», в том числе за написание им книги «Україно наша Радянська» (издана в Киеве в 1970 году), в которой «излишнее» внимание уделялось прошлому Украины, традициям казачества, украинской культуре. При Шелесте началось строительство Государственного историко-культурного заповедника на острове Большая Хортица, было создано Украинское общество охраны памятников истории и культуры. Преемник Шелеста на посту первого секретаря В.В. Щербицкий в своём первом выступлении перед Политбюро ЦК КПУ так объяснил решение партийного ареопага: «В УССР возросли националистические, сионистские тенденции, за что наше руководство было подвергнуто обоснованной и серьёзной критике. Наша «линия» в этих вопросах неправильная. Под предлогом «демократизации» велась борьба с русификацией. Начались призывы к изменению государственного строя, борьба за самостоятельную Украину... Наблюдается ревизия прошлого, восхваление старины, попытки реабилитировать Мазепу, а Богдана Хмельницкого представить предателем. Признано идеологически вредным указание секретаря нашего ЦК на совещании секретарей обкомов в Харькове о преподавании в вузах только на украинском языке. А издание Пушкина на украинском языке, трансляция футбола на украинском! Это распространилось после политически нечеткого выступления Шелеста на съезде писателей: «Берегти рідну українську мову». Нельзя украинский национализм недооценивать. Нужно поднять идеологическую борьбу, сделать ее острой, наступательной, предметной» (30).

«Борьбу за самостоятельную Украину» Шелест начал ещё в середине 1960-х годов, когда направил в Президиум ЦК письмо, в котором предлагал предоставить республике право самостоятельно выступать на внешнем рынке. Заседание президиума в августе 1965 года сочло это предложение неправильным, а А.И. Микоян назвал его грубейшей политической ошибкой, ставящей под сомнение монополию внешней торговли СССР. П.Н. Демичев ещё шире развернул рассматриваемый вопрос: в аппарате ЦК КП Украины почти не осталось русских, преподавание в школах и вузах переходит только на украинский язык, переименовываются советские улицы. Делались упрёки, вспоминал потом сам Шелест, что пропаганда

дружбы народов и интернациональное воспитание поставлены плохо, что «Севастополь-де – город русской славы, а в нем есть надписи на украинском языке», «и вообще дошли некоторые до того, что объявили украинский язык искаженным русским языком» (31).

Шелеста тогда не сняли с должности-то ли за заслуги в заговоре против Хрущёва, то ли как нужную опору в борьбе Брежнева против группы А.Н. Шелепина. Однако после смещения последнего был убран и Шелест. В журнале «Коммунист Украины» была опубликована редакционная статья «О серьезных недостатках одной книги» (32). Давалось указание обсудить эту статью и книгу Шелеста «Україно наша Радянська» на всех городских и областных активах. Книга была изъята из продажи. Шелест пытался переубедить Брежнева, что в национальной политике он всегда был и остаётся интернационалистом, но от своего народа, что от своей принадлежности к нации, её культуре, истории никогда не откажется, что в его книге все вопросы изложены правильно, с классовых, идеологических интернациональных и исторических позиций. Но эта апелляция не помогла «второму Кагановичу». Так назвал Шелеста Щербицкий, при котором усилилась борьба с национализмом, был повышен контроль над работой издательств, редакций журналов, газет, радио и телевидения, пересмотрены планы издания общественно-политической и художественной литературы, производство фильмов, репертуар театров, произошли замены редакторов ряда газет, руководства гуманитарных институтов АН УССР, ряда высших учебных заведений и творческих союзов. Продолжились преследования диссидентов, которых в атмосфере холодной войны рассматривали как «агентов влияния» (33).

Гораздо запутаннее выглядела история с Александром Николаевичем Яковлевым, исполнявшим обязанности заведующего отделом пропаганды ЦК, который выступил в «Литературной газете» (15 ноября 1972 года) со статьёй «Против антиисторизма». Яковлев был одним из активных противников движения за сохранение русского культурного наследия и создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В этой публикации он обрушился на русских писателей и критиков – Михаила Лобанова, Виктора Петелина,

П.Е. Шелест

А.Н. Яковлев

Виктора Чалмаева, Вадима Кожинова, отстаивавших самобытную русскую культуру: «Сегодняшние ревнители патриархальщины, восторгаясь созданным ими же иллюзорным миром, защищают то прошлое в жизни крестьянства, с которым без какого-либо сожаления расстался современный колхозник».

Статья, её строй, стилистика были восприняты как вызов русской интеллигенции. С протестом выступила большая и влиятельная группа русских писателей, поддержанная М.А. Шолоховым, их письмо было направлено в адрес руководства ЦК КПСС. В Политбюро началась невидимая обществу борьба разных группировок, в которой участвовали руководство КГБ и так называемая русская партия. Борьба завершилась зачислением Яковлева в антипатриоты, снятием его с должности и отправкой на десять лет послом в Канаду. Только спустя двадцать лет, в отличие от случая с Шелестом, стала известна подноготная реакция на эту статью. Одни восприняли её как предупреждение обществу о «нарастающей опасности великодержавного шовинизма, местного национализма и антисемитизма», а некоторые – прочли между строк «преду-

преждевание против начинавшегося брежневского культа» (34). Другие заметили, что автор не упомянул ни одного писателя, числившегося в литгенералах, – Георгия Маркова, Анатолия Иванова, Петра Проскурина, Всеволода Кочетова, Анатолия Софронова.

Иной была реакция на статью помощника Брежнева В.А. Голикова. Он тут же написал генсеку:

«Автор... подчёркивает, что приближающийся юбилей СССР “наполнен особым смыслом”. Неужели этот смысл состоит в том, чтобы собрать в кучу, притом за ряд прошлых лет, всякого рода пошлостей и выплеснуть их на читателей. К тому же эти пошлости, неправильные тенденции в своё время уже были подвергнуты серьёзной критике и в печати, и даже в решениях некоторых партийных органов. О чём сам автор мимоходом упоминает. Удивляет также и то, что автор даже и не пытается привести хотя бы один положительный пример, а отобрал только то, что отдаёт гнилью... Такое написание статьи создало впечатление всеобщего идеологического разгула антиисторизма, антимарксистских взглядов, “ревизионистской всеядности”, как он сам говорит. И это в канун славного юбилея – 50-летия образования Союза ССР!» (35)

Брежнев не стал вникать в «ревизионистскую всеядность» автора, но возмутился тем, что публикация прошла без санкции Политбюро, что «т. Яковлев может выступать с целыми положениями и высказывать собственное мнение и суждение не по одному, а по нескольким вопросам с общегосударственных, общепартийных позиций наших и т. д.» (36). Не одобрил статью Яковлева Ю.В. Андропов – в ту пору осторожно поддерживавший националистическую альтернативу устаревшей официальной идеологии. Трусливо отступил П.Н. Демичев, поначалу не возражавший против публикации, отвернулся М.А. Суслов, которому не понравилась самостоятельность подчинённого, устроившего ненужную в юбилейный год полемику. А сам Яковлев в своих мемуарах объяснял сложившуюся ситуацию следующим образом:

«Я публично определил свои позиции в остром общественном споре на страницах журналов «Новый мир», «Октябрь» и «Молодая гвардия». Показал эту статью академику Иноземцеву, помощнику Брежнева Александрову, заведующему секто-

ром литературы ЦК Черноуцану, главному редактору «Комсомолки» Панкину. Все они весьма одобрительно отнеслись к статье. Дал её почитать и Демичеву. В своей обычной манере он выразил сомнение относительно публикации, но по содержанию статьи замечаний не высказал... Я обильно ссылался на Маркса и Ленина, и всё ради одной идеи – в острой форме предупреждал общество о нарастающей опасности великодержавного шовинизма, местного национализма и антисемитизма. Критиковал Лобанова, Чалмаева, Семанова и других апологетов охотнорядчества. Главный редактор «Литературки» проницательный Александр Чаковский спросил меня:

– А ты знаешь, что тебя снимут с работы за эту статью? – Не знаю, но подозреваю» (37).

Если отбросить фактор политической борьбы в высшем руководящем слое, то получалось, что преследованием Шелеста боролись с украинским национализмом, а преследованием Яковлева русский национализм поощрялся. Очевидным было, что партия и её руководство как стержень СССР начинают приносить в свои ряды противоречия межнациональных процессов, теряют контроль над ними. Лобовые методы борьбы с национализмом давали обратный эффект, не срабатывала система кадровой политики партии – «национальные квоты» в союзных органах подменили деловые качества представителей тех или иных народов, вторые секретари ЦК компартий союзных республик как представители Центра теряли свою самостоятельность в национальной среде и в ситуации активизации местной партийной и хозяйственной элиты.

Новая Конституция и дискуссии о перспективах национальной политики

Конституция 1977 года была результатом длительной борьбы за власть в постхрущёвской партийной и государственной элите (38). К этому времени последствия оттепели были ликвидированы, экономическая реформа Косыгина свёрнута. В организованном масштабном всенародном обсуждении про-

екта Основного закона, по официальным данным, за четыре месяца приняли участие свыше 140 млн человек, или более 80 % взрослого населения страны, было проведено 469 789 открытых партийных собраний, 465 102 – комсомольских. В обсуждении проекта Конституции на сессиях всех республиканских и местных органов власти участвовали более 2 млн депутатов, внесших почти 200 тысяч предложений. Конституция фиксировала основные идеологические концепты позднесоветской системы. Особым образом была закреплена роль КПСС в государственной системе (6-я статья).

Как показало обсуждение проекта Конституции, экспертов и рядовых участников волновало в первую очередь включение в Основной закон пункта о создании новой исторической общности. Впервые в советской истории в преамбуле документа указывалось: «В СССР построено развитое социалистическое общество. Это – общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ».

Такая формулировка не могла соответствовать реальным межнациональным отношениям и была явным забеганием вперёд во имя политической конъюнктуры, соответствия одному из основных отличительных признаков «развитого социализма». Неопределённым оставалось само направление национальной политики – слияние или сближение народов? Судя по партийным установкам, акцент делался на сближении, но в перспективе подразумевалось всё же слияние. Само же сближение рассматривалось не в рамках новой этнической нации, а новой политической общности, то есть интернациональной общности социального типа, или своеобразной наднации. Однако даже этот подход подвергался критике в республиках, где очевидным был рост национализма. А вот, казалось бы, напрашивавшуюся идею нации-согражданства в определении «советский народ» партийное руководство избегало. Оно считало неправильными попытки рассматривать советский народ как простое объединение советских национальностей, как их сумму. В подобном толковании советский

*Л.И. Брежнев изучает принятую накануне Конституцию СССР.
Неизвестный художник. 1977 г.*

народ как социально-политическая категория отождествлялся с категорией «население СССР», понятием демографии и экономической географии (39).

Не мог не обратить на себя внимания факт, что, признав советский народ как установившуюся новую историческую общность, Конституция сохранила федерализм национально-государственных образований, в котором этничность являлась одним из главных принципов государственности. В ходе обсуждения проекта Основного закона фиксировались предложения об отказе от этнической федеральной структуры СССР, так как она объективно затрудняла сближение наций, а также от деления страны на союзные республики, так как оно мешало экономическому развитию и создавало лишние экономические барьеры внутри страны. Выдвигался и такой аргумент – в результате демографических изменений в ряде союзных и автономных республик титульное население оказалось меньшинством. Развернувшаяся дискуссия отразила многие проблемы, накопившиеся в сфере национальной политики и национальных отношений. Во-первых, с падением темпов роста обострились экономические противоречия между республиками, их борьба за ресурсы. Во-вторых, последствием кадровой политики Центра стали доминирование славянских элит на союзном уровне и этническая клановость на местном уровне. В-третьих, изменение демографического баланса между славянскими и среднеазиатскими республиками породило со стороны последних требования дополнительных инвестиций в местные экономики с целью абсорбировать растущую рабочую силу. В-четвёртых, активизировались сторонники русского национализма под лозунгом «Русский народ – главная жертва СССР» (40).

Провозглашая советский народ главным субъектом власти и законодательства в стране, постулируя равноправие граждан вне зависимости от расовой и национальной принадлежности, закрепляя отдельными статьями экономику страны как единого народнохозяйственного комплекса, единую систему народного образования и т. д., Конституция одновременно сохраняла за каждой союзной республикой право свободного выхода из СССР, за каждой союзной и автономной республикой – право иметь свою Конституцию, учитывающую их «особенно-

сти», подчёркивала невозможность без их согласия осуществлять изменения территорий республик и др. Следовательно, единый советский народ этими статьями, по сути, разъединялся на разные части, нарушал внутренние связи советского общества. Даже попытка включить в 44-ю статью проекта Конституции норму о праве гражданина самому определять свою национальную принадлежность подавляющим большинством союзных и автономных республик была отклонена (41).

Противоречия проявились и в ходе принятия на основе Конституции СССР новых республиканских конституций. К примеру, специальный раздел о национально-государственном устройстве имела Конституция УССР. Украина провозглашалась суверенным социалистическим государством в составе единого союзного государства, созданного на основе принципа социалистического федерализма. Украинской ССР формально гарантировалось право свободного выхода из СССР, однако законодательного порядка такого выхода разработано не было, а охрана суверенных прав республики была отнесена к компетенции Союза ССР. Декларированная суверенность Украины и государственная власть на своей территории во многих сферах ограничивались 73-й статьёй союзной Конституции. К исключительной компетенции СССР было отнесено проведение единой для всей державы социально-экономической политики, её плановое и бюджетное обеспечение, вопросы государственной безопасности и обороны, транспорта, связи, энергетики, установление порядка и координации отношений республик с иностранными государствами и международными организациями. Таким образом, структура власти в СССР формально считалась федеративной, а на самом деле была унитарной. Кроме того, 74-я статья Конституции СССР провозглашала порядок, что в случае расхождения закона союзной республики с общесоюзным законом действует закон СССР.

Чтобы отразить процесс «сближения» наций, из проектов конституций закавказских союзных республик по предложению центра исключили статьи о государственном языке, которые были в прежних конституциях. Эта новая норма вызвала волну открытого протеста со стороны студенчества и интеллигенции. В Грузии, как только сессия Верховного Совета приняла 14 апреля 1978 года соответствующую статью Конституции,

Демонстрация за сохранение государственного статуса грузинского языка. Тбилиси. Апрель 1978 г.

были немедленно организованы демонстрация и митинг с требованием сохранить запись о государственном статусе грузинского языка. Перед Домом правительства, окружённом войсками, собралось более десяти тысяч человек. К митингующим вышел Э.А. Шеварднадзе и пообещал удовлетворить их требование. Под давлением митинга чрезвычайная сессия Верховного Совета республики приняла решение оставить статью о языке «без изменений». В тексте опубликованной Конституции слова о русском языке были вычеркнуты, а грузинский объявлялся единственным государственным языком (42). Отказ грузин признать равноправными государственными языками грузинский и русский вызвал немедленную националистическую реакцию и в Армении. Несмотря на то, что эта статья Конституции была уже принята, армяне по примеру Грузии дали обратный ход и признали государственным только армянский язык. Статью пришлось сохранить и в Конституции Азербайджана, хотя в союзной Конституции аналогичной записи не было, не было таких статей и в конституциях всех остальных союзных республик.

Весной 1978 года состоялись митинги абхазцев в различных населённых пунктах автономной республики с требованиями придания государственного статуса абхазскому языку, прекращения миграции в республику грузин, отделения от Грузии и вхождения в состав РСФСР. Уступкой требованиям абхазов стало включение в Конституцию автономной республики положения о введении в Абхазии трёх государственных языков – абхазского, русского и грузинского (43). А первой негативной реакцией на новую Конституцию была акция в Литве, когда 7 октября 1977 года, в день принятия Основного закона, после победы «Жальгириса» над витебской «Двиной» несколько сот болельщиков футбольного клуба двинулись по улицам Вильнюса, выкрикивая: «Долой конституцию оккупантов! Свободу Литве! Русские, убирайтесь вон!» Литовская молодежь срывала плакаты к 60-летию Октября, била витрины с наглядной агитацией. Инцидент закончился задержанием 17 участников такой своеобразной демонстрации. Через три дня аналогичные события произошли после футбольного матча между «Жальгирисом» и смоленской «Искрой». Теперь уже более десяти тысяч зрителей направились в центр города, выкрикивая лозунги против советской оккупации. По ходу движения к ним присоединились ещё около 500 человек. Демонстранты прорвали заслон милиции и внутренних войск, вышли на проспект Ленина. Второй – более мощный – заслон остановил их движение. Результатом беспорядков стали выбитые стёкла в здании ЦК КП Литвы, разбитые витрины с политическими плакатами, госпитализация нескольких милиционеров, задержание 44 человек, исключения студентов из вузов (44). Все эти события, естественно, нарушали процесс «совершенствования межнациональных отношений» и не доводились до сведения общества.

Советские или национальные историки?

Мало кто заметил, что положение о советской культуре как сплаве культур народов СССР, стимулировавшее возрождение национального самосознания и национальных традиций, накану-

не юбилея было заменено определением «советская культура – сплав достижений советских народов». В этом же направлении произошла подмена и в отношении национальной исторической мысли. Сначала тематические границы исследований были расширены. Показательным в этом отношении являлась подготовка 26-томной «Истории городов и сел Украинской ССР», не имевшей аналогов ни в одной из союзных республик. На XXIII съезде партии (1966) было принято своевременное решение: необходимо написать всеобщую региональную историю Советского государства, в частности историю Закавказья. Это могло сыграть важную роль, ибо научно обоснованная история Азербайджана и Армении помогла бы осмыслить межнациональные проблемы. Однако этот совместный научный труд заменили локальными историями народов СССР. Например, был выпущен учебник по истории Армении с явно националистической окраской, тем более что открытой стала тема геноцида армянского народа (45). Высказывалось мнение, что немалая вина в этом лежит на академике И.И. Минце, который малейшие отступления от своих постулатов толковал чуть ли не как отход от марксизма.

В начале 1970-х годов практически во всех республиках в ходе различных идеологических акций были устроены показательные порки отдельных историков. В Армении для этого был избран А.Н. Мнацаканян и его книга «Ленин и решение национального вопроса в СССР» (Ереван, 1970). Автора осудили за ошибочное освещение вопроса о возникновении наций и одностороннее подчёркивание национального момента в ущерб классовому и интернациональному. В Грузии в опалу попали А.И. Менадзе, написавший работу «Некоторые вопросы развития грузинской национальной государственности» (Тбилиси, 1970), и У.И. Сидамонидзе за исследование «Историография буржуазно-демократического движения и победы социалистической революции в Грузии» (Тбилиси, 1970). Первый секретарь республиканского ЦК Компартии В.П. Мжаванадзе обвинил этих авторов в неправильной трактовке национального вопроса и неисторическом подходе к деятельности меньшевиков и национал-уклонистов Грузии. В 1972 году в постановлении ЦК КПСС «О недостатках и ошибках в деятельности Тбилисской организации КП Грузии» отмечены «проявления

националистических настроений», «любование стариной», «неоправданное восхваление царей, полководцев, деятелей церкви», вообще «антиисторизм». В Азербайджане партийному разносу со стороны Г.А. Алиева подвергся Ф.М. Шушинский, который в книге «Шуша» (Баку, 1968) «не раскрыл интернациональные идеи совместной борьбы азербайджанского и армянского народов за социальное и национальное освобождение». В Киргизии резкая критика раздалась в адрес К.Н. Нурбекова за монографию «Возникновение киргизской советской национальной государственности» (Фрунзе, 1965) и второй том «Истории государства и права Киргизской ССР» (Фрунзе, 1970). Республиканское совещание идеологических работников осудило историка за пересмотр утвердившейся в киргизской историографии оценки – пересмотр, выразившийся в «оправдании буржуазных националистов, пытавшихся использовать в корыстных целях естественное стремление киргизского народа к реализации своего права на самоопределение и создать в 1922 году искусственное административно-политическое образование – так называемую Горную область». Нурбеков, по мнению партийных руководителей, посмел выдать этот акт за выражение интересов трудящихся масс, представить в качестве этапа на пути оформления автономии киргизского народа. Хотя это была «националистическая затея, которая принесла несомненный вред, обострив родовую борьбу и затруднив национальную консолидацию киргизов» (46).

Неугодные по идеологическим причинам историки безжалостно увольнялись, причём нередко руками своих коллег, после унижительных заседаний отделов или партийных собраний. Так произошло в 1972 году с Михаилом Брайчевским. В работе «Приєднання чи возз'єднання?» (1966) он написал, что концепция «воссоединения Украины с Россией» выводит русский народ за пределы закономерностей, составляющих содержание исторического материализма, поскольку рассматривает все исторические явления не с точки зрения их классовой природы, а с позиции отношения к России. Критика Брайчевским концепции «воссоединения» строилась на цитатах Ленина, и сам автор многократно подчёркивал свою верность марксистским принципам исторического исследования. По предложению коллег историк готовил рукопись к публикации в официальном

«Украинском историческом журнале», однако смена политической конъюнктуры в республиканском руководстве сделала её невозможной. Практически сразу после этого, независимо от воли автора, текст появился в самиздате и был опубликован за рубежом. После этого Брайчевский был уволен из Института истории и долго не мог найти себе работу (47).

Идеологические проработки свидетельствовали о том, что национальный историк как носитель национальной идеи в историознании существует и действует. Другое дело, что в официальной исторической науке послевоенного периода не только не признавалось наличие «национальных школ», но вообще не ставился вопрос об эволюции национальной исторической мысли в советское время. В пятом томе академического издания «Очерков истории исторической науки в СССР», посвящённом развитию советской историографии проблем отечественной истории с середины 30-х до конца 60-х годов XX века и оказавшемся последним актом масштабной историко-научной рефлексии советского историознания в условиях советского строя, выделение национальных историографических комплексов отсутствовало. Намёк на некую специфику развития историографии в национальных регионах можно усмотреть в наблюдениях авторов «Очерков», касающихся освещения истории становления советского государства: «Все работы об автономных республиках были написаны местными историками и изданы, как правило, местными издательствами, что стало важным показателем культурного и научного роста исследовательских кадров в ранее отсталых окраинах страны» (48). В издании встречались термины «историки союзных республик», «многонациональная армия историков», хотя в целом – согласно господствовавшей историографической концепции – и в центре, и на местах работали специалисты, исчерпывающая характеристика которых содержалась в определении «советские историки». Показательно, что не была реализована заявленная в предыдущем томе «Очерков» (1966) задача – рассмотреть в «специальном томе» проблемы борьбы с буржуазным национализмом в историографии 1920-х – начала 1930-х годов.

По-прежнему своеобразной лакмусовой бумажкой для национальных историографий оставалась проблема «доброволь-

ных воссоединений» с Россией. А.М. Сахаров в русле тенденции отождествления СССР с наследием Российской империи и «реабилитации» последней представил «отечественную историю» не как историю соответственно русских, грузин, латышей, украинцев и других народов, а как историю Российской империи, владельца «громادного количества украденной собственности» (49). Не различая при этом законных её обладателей и, по сути, защищая права «грабителя»: «Нам очень важно раскрыть, как естественный и справедливый протест их (угнетённых наций. – Г.Б.) против угнетения царизмом направлялся во вреднейшее русло борьбы против присоединения к России, выгодной лишь местным феодалам, да порой и зарубежным врагам наших народов» (50).

Таким образом, снова, как при Сталине, предметом обсуждения становился вопрос: правы ли российские цари, относившие любые революционные и прежде всего национальные движения в своей империи к интригам иноземных держав, а деятелей этих движений (от Радищева до Ленина, от Гордиенко до Драгоманова и Грушевского, от Шамиля до Кенесары и Амангельды Иманова и т. д.) – к платным агентам иностранных государств?

* * *

В 1969 году писатель Андрей Амальрик писал: «Режим не хочет ни «реставрировать сталинизм», ни «преследовать представителей интеллигенции», ни «оказывать братскую помощь» тем, кто её не просит... Режим не нападает, а обороняется. Его цель: пусть всё будет, как было. Пожалуй, это самая гуманная цель, которую ставил режим за последние полстолетия, но в то же время и наименее увлекательная» (51). Эта господствующая тенденция напрямую относилась к национальной политике власти. Успокаивало то, что, как и в предыдущие десятилетия, никто, кроме прибалтов, не ставил под сомнение существовавшее государственное устройство – ни диссиденты, ни националисты, – никто не собирался выходить из СССР. Если и возникали проблемы, конфликты, то они объяснялись, по Брежневу, националистическими предрассудками, «преувеличенным или извращенным проявлением национальных чувств». Не реагировала партия и на то, как её члены

ХИМИЯ И ЖИЗНЬ
12

50
ЛЕТ

СОЮЗ СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК 1922-1972

ЗА СПОКОЙНЬЕ И НАС НЕ ВЛАДЬ!

Васильев В. Викторович

КРОКОДИЛ
12

Васильев В. Викторович

заряжались националистическими идеями и ксенофобией, нарушали принципы кадровой политики. Реальный анализ межнациональных отношений был принесён в жертву политической конъюнктуре, надуманному «развитому социализму».

Вместе с тем именно в 1970-е годы национальная карта становится эффективным инструментом в борьбе между различными группировками, существовавшими в высшем партийно-государственном руководстве страны. По сути, речь может идти о двух основных сообществах. Первое – сторонники консервации существовавшего порядка, согласные в крайнем случае разве что на некоторые косметические преобразования, в том числе путём той или иной апелляции к русской традиции. Второе – их оппоненты, предлагавшие идеологию конвергенции. То есть обе группировки представляли собой очередной новый извод традиционного для нашей истории противостояния тех, кто ориентируется на национальную традицию, и апологетов Запада. Понятно, что такое разделение было условным – обе силы наперебой стремились выставить себя истинными поборниками марксизма. Но было и то, что кардинально их разделяло: если «националы» стремились в той или иной степени продолжить сталинскую линию на аккуратную реабилитацию русского имперства, то «западники» именно этому более всего и препятствовали. Возможно, со временем мы узнаем подробности этого противостояния, однако важно другое: сам подобный конфликт в верхах явился естественным следствием сталинской же невнятной двойственности, позволявшей вождю опираться то на одних, то на других. Естественно, такие колебания расшатывали власть и делали необратимым усиление межнациональных противоречий в СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Правда. 1972, 1–4 декабря.
2. См.: Там же. 12–20 декабря.
3. Там же. 18, 21 декабря; Известия. 1972, 29–30 декабря. В декабре 1972 года все журналы страны вышли с юбилейной тематикой. Журнал «Знание – сила» взял интервью у руководителей академий наук и ректоров университетов республик. «Иностранная литерату-

ра» опубликовала стихи зарубежных поэтов, посвящённые Советскому Союзу. «Вокруг света» сделал обзор традиций и праздников разных народов. «Филателия СССР» рассказала о советской тематике в коллекциях филателистов. «За рулём» осветил итоги юбилейных чемпионатов по автомобильному спорту. «Крокодил» выступил с анализом несбывшихся прогнозов западных советологов. «Пионер» устроил заочный костёр дружбы детей разных народов, а «Весёлые картинки» – переключку национальных детских журналов и газет.

4. *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом. Том 4. Речи и статьи. М., 1974. С. 49.

5. Там же. С. 60.

6. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 76. К этому времени в стране проживали 119 национальностей, свою национальную государственность имели 57 национальностей, или 98,5 % всего населения страны (90 % – союзные республики, 8 % – автономные республики, области, округа), 2 % приходились на национальные группы, проживавшие некомпактно.

7. См.: Правда. 1972, 22 декабря.

8. Там же. 30 декабря.

9. См. подробнее: *Башлачев В.А.* Русская расовая бухгалтерия – 2 // Расовый смысл русской идеи. Вып. 2: сб. статей под редакцией В.Б. Авдеева и А.Н. Савельева. М., 2003. С. 236–239.

10. См.: *Оников Л.* КПСС: анатомия распада. М., 1996. С. 118–129.

11. *Корнелл Сванте Э.* Малые нации и великие державы: исследование этнополитического конфликта на Кавказе. Ричмонд, 2001. С. 63.

12. *Вдовин А.И.* Подлинная история русских. XX век. С. 169.

13. Там же. С. 170; *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. М., 2003. С. 348.

14. *Вдовин А.И.* Подлинная история русских. XX век. С. 172.

15. Там же.

16. См.: *Волобуев О.В.* Крымско-татарский вопрос по документам ЦК КПСС (вторая половина 50-х – середина 80-х гг. XX в.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 157–169; *Бобков Ф.Д.* Указ. соч. С. 324–326.

17. *Мебадури С.З., Королев А.А., Королева Л.А.* Крымские татары в СССР: из истории депортированных народов // История и археология. 2014. № 7 // <https://history.snauka.ru/2014/07/1070> (дата обращения: 10.11.2022).

18. *Волобуев О.В.* Крымско-татарский вопрос по документам ЦК КПСС (вторая половина 50-х – середина 80-х гг. XX в.). С. 165.

19. *Бобков Ф.Д.* Указ. соч. С. 331–333.

20. Там же. С. 334.

21. Там же. С. 327–330.

22. Там же. С. 376–378, 380.

23. Ныне известны документы, включая материалы самого высшего эшелона властных структур, которые в определённой мере раскрывают механизм принятия и осуществления необычного решения о частичном открытии границ для данной этнической группы. См.: Еврейская эмиграция в свете новых документов / Под ред. Б. Морозова. Тель-Авив, 1998. Советское руководство явно ошиблось, считая, что эмиграция не примет массового характера. Если в 1970 году по израильским визам из СССР выехала всего одна тысяча человек, то в 1971 году – уже около 13 тысяч, в 1972 – более 31 тысячи, а в 1973 году – свыше 34 тысяч человек. После этого число разрешений на выезд снизилось, и в 1974 году СССР покинули менее 21 тысячи евреев и членов их семей. В 1975–1977 годы ежегодно выезжало ещё меньше – от 13 до 16 тысяч человек. В следующие три года наблюдался новый рост, и в 1979 году был отмечен пик еврейской эмиграции 1970-х: более 51 тысячи выехавших. Затем на эту эмиграцию были вновь наложены жёсткие ограничения. См.: *Тольц Марк*. Постсоветские евреи в современном мире // <https://polit.ru/article/2007/10/14/demoscope303> (дата обращения: 29.11.2022).

24. 1 %, или 2 151 000 евреев, но это число не включало так называемых скрытых евреев, которых по некоторым оценкам было до 10 млн человек.

25. Цит. по: *Вайль Пётр, Генис Александр*. 60-е. Мир советского человека. С. 359.

26. См.: *Митрохин Н.А.* Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003.

27. *Дзюба Иван*. Интернационализм или русификация? / Пер. с украинского. Амстердам, 1970. С. 1–16, 51.

28. См.: *Романовичев Леонид*. Тихий Шелест. Пётр Ефимович // <https://proza.ru/2005/09/20-109> (дата обращения: 30.11.2022).

29. Там же.

30. См. подробнее: *Латыш Юрий*. Владимир Щербицкий и его время // <https://liva.com.ua/vladimir-shherbiczkij-i-ego-vremya.html> (дата обращения: 28.11.2022).

31. См.: *Шелест П.Е.* «...Да не судимы будете». М., 1994.

32. Коммунист Украины. 1973. № 4. С. 3–7.

33. См. подробнее: *Латыш Юрий*. Указ. соч.

34. *Лошак Виктор*. «Только не надо вранья!» Каким был архитектор перестройки Александр Яковлев // *Огонёк*. 2013, 2 декабря.

35. См.: *Огрызко Вячеслав*. Противоречивый век Брежнева // *Литературная Россия*. 2016, 20 января.

36. *Он же*. На чём обломилась карьера будущего прораба перестройки Александра Яковлева // Литературная Россия. 2019, 22 марта.
37. *Яковлев А.* Омут памяти. М., 2001. С. 189–190.
38. См.: *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 550.
39. См.: *Затеев В.И.* Национальные отношения при социализме. Улан-Удэ, 1975. С. 172–173.
40. См.: *Щербак А.Н., Болячевец Л.С., Платонова Е.С.* История советской национальной политики: колебания маятника? // Политическая наука. 2016. № 1. С. 110.
41. См.: *Горохова Е.Ю.* Дискуссии 1990-х гг. об указании национальной принадлежности граждан СССР и России в официальных документах // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2017. № 4. С. 108.
42. *Бобков Ф.Д.* Указ. соч. С. 346–347.
43. *Вдовин А.И.* Подлинная история русских. XX век. С. 175.
44. Там же. С. 174.
45. См.: Геноцид армян в Османской империи: сб. документов и материалов / Под ред. М.Г. Нерсисяна. Ереван, 1966.
46. См.: История СССР. 1972. № 3. С. 40; № 6. С. 40–41.
47. См.: *Маслийчук Владимир, Портнов Андрей.* Советизация исторической науки по-украински // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. С. 245–276.
48. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V. М., 1985. С. 455.
49. *Сахаров А.М.* О значении отечественной истории // История СССР. 1965. № 4. С. 3–12.
50. Там же. С. 10.
51. *Амальрик А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // *Амальрик А.* СССР и Запад в одной лодке. Лондон, 1978. С. 33.

Глава 7

Шестое десятилетие: последний шанс СССР?

60-летие во многом повторяло 50-летие. Те же юбилейные собрания творческих союзов и Академии наук, трудовые вахты и митинги, то же двухдневное торжественное заседание в Кремлёвском дворце съездов с участием зарубежных лидеров компартий и левого движения. Однако историческое событие омрачила смерть Л.И. Брежнева 10 ноября 1982 года. Поэтому юбилейные выпуски всех номенклатурных и популярных журналов, даже «Мурзилки», начинались с некролога и портрета усопшего в траурной рамке. И только после этого выдавались заранее подготовленные тематические подборки о жизни народов СССР.

Новый генсек партии Ю.В. Андропов в докладе, который готовился заранее, для Брежнева, по-своему расставил оценки и акценты, заметно отличавшиеся от прежнего юбилея. Наряду с обязательными упоминаниями о Первом съезде Советов, достижениях страны, о Ленине (другие отцы-основатели Союза названы не были) как бы заново прозвучали, казалось бы, известные положения о том, что стержень национальной политики – право наций на самоопределение как единственно надёжное средство обеспечить их действительное, прочное сближение, что очевидное сегодня далеко не было очевидным в то бурное, переходное время: «Поиск конкретных государственных форм, политических институтов, в которые нужно было облечь общие идеи и предпосылки национальной программы, проходил в острых спорах». Сталкивались самые различные мнения – от программы рыхлого, аморфного объединения республик в рамках конфедерации до требования просто включить их в состав РСФСР на началах автономии. Понадобились гений и авторитет Ленина, чтобы «найти и отстаивать

единственно верный путь – путь социалистического федерализма». Из множества ленинских размышлений по национальному вопросу Андропов выбрал следующие слова: «Наш опыт создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны» (1).

Подводя итоги 60-летнего пути, пройденного СССР, Андропов выдвинул на центральное место в пространстве памяти следующие итоги развития:

1. Полностью подтверждена историческая правота учения Маркса–Ленина о том, о что решение национального вопроса может быть найдено только на классовой основе. Вместе с социальными антагонизмами ушли в прошлое национальная рознь, все виды расового и национального неравноправия и угнетения.

2. Убедительно показано, что руководящей, направляющей силой в социалистическом решении национального вопроса, гарантом правильности этого решения является Коммунистическая партия, её научно обоснованная политика.

3. Исчезли отсталые национальные окраины, в которых зачастую преобладали ещё феодально-патриархальные и даже родовые отношения.

4. На базе динамичного, направляемого общегосударственным планом экономического роста всех республик образовался единый союзный народнохозяйственный комплекс.

5. Качественно изменилась социальная структура республик; в каждой из них вырос современный рабочий класс, по новому – колхозному – пути идёт крестьянство, создана своя интеллигенция, воспитаны квалифицированные кадры во всех областях государственной и общественной жизни.

6. На основе прогрессивных традиций, интенсивного обмена духовными ценностями расцвела социалистическая многонациональная культура.

7. Сформировались социалистические нации, образующие ныне новую историческую общность – советский народ (2).

Достигнутые успехи отнюдь не означали, что исчезли все проблемы, которые «порождает сам факт жизни и труда в рамках единого государства множества наций и народностей». Такое вряд ли возможно, пока существуют нации, пока есть национальные различия, а они «будут существовать долго, много дольше, чем различия классовые». И возможности, открываемые единым союзом, ещё далеко не исчерпаны ни в современной экономике, которая требует интеграции, ни в культуре. При этом важно «не консервировать, что плохое, а освобождаться от всего, что устарело». Закономерный рост национального самосознания, естественная гордость за достигнутые успехи не должны превращаться в национальную кичливость или зазнайство, порождать тенденции к обособленности, неуважительному отношению к другим нациям и народностям. Андропов не скрывал, что «такого рода негативные явления еще встречаются. И было бы неправильно объяснять это только пережитками прошлого. Их питают порой и наши собственные просчеты в работе», отношение к языку, к памятникам прошлого, трактовка исторических событий, и то, «как мы преобразуем сёла и города, воздействуем на условия труда и жизни людей».

Подводя итог, генсек уповал на партию, которая по своей идеологии, по своему составу и строению – «живое воплощение единства, сплоченности всех наций и народностей Советского Союза» (3). Прозвучавшая формула о воплощении не была дежурной. Возглавив ЦК, Андропов хорошо знал, что КПСС теряла авторитет и о взяточничестве даже в партийном аппарате говорили всюду. В некоторых республиках существовала даже определённая такса на получение партбилета. Коррупция, взяточничество, приписки наиболее сильно распространились в Узбекистане, Грузии и других республиках (4). Бывший помощник Андропова И.Е. Сеницын утверждал, что, по имевшимся у него сведениям, торговали должностями и в Азербайджане. В южных республиках, утверждал в то время работник управления уголовного розыска МВД СССР А.И. Гуров, должность секретаря обкома стоила полмиллиона рублей, должность начальника УВД – 300 тысяч. Работника

ГАИ – от трёх до пяти тысяч. Однако главное не в размере взяток, а в их характере. Торговля партийными билетами и должностями свидетельствовала о сращивании криминальных структур со структурами государственной и партийной власти, в том числе со структурами органов правопорядка. Гуров писал, что в 70–80-е годы у криминального подполья «свои люди были в городских, областных советских и партийных органах, а отдельные из них уже передвинулись в аппарат Совмина и ЦК КПСС» (5). Безусловно, всё это тщательно скрывалось. Зона антипамяти снова расширялась новыми случаями международной напряжённости, всё чаще доходившей до индивидуальных и массовых выступлений.

Протестные движения и этнические конфликты

Скрывалось письмо, которое в марте 1978 года направил Брежневу М.А. Шолохов. В нём он обращал внимание на недопустимость положения, когда через кино, телевидение и печать протаскиваются антирусские идеи, порочащие нашу историю и культуру, русское противопоставляется социалистическому, а темы, посвящённые нашему национальному прошлому, остаются запретными. Чрезвычайно трудными, а часто невозможными, стали выставки русских художников патриотического направления в традициях русской реалистической школы. Несмотря на правительственные постановления, продолжается уничтожение русских архитектурных памятников. Писатель полагал, что «становится очевидной необходимость еще раз поставить вопрос о более активной защите русской национальной культуры от антипатриотических, антисоциалистических сил». Брежнев поставил на письме резолюцию: «Секретариату ЦК. Прошу рассмотреть с последующим рассмотрением на ПБ». Однако в Политбюро эта проблема была проигнорирована и расценена не «уклоном», как в известные времена, а «идейно-политической ошибкой». Главным же в решении было недопущение широкого обсу-

дения выдвинутой писателем проблемы. Постановление было секретным. В нем значилось – разъяснить Шолохову действительное положение дел с развитием культуры в стране и в Российской Федерации, необходимость более глубокого и точного подхода к поставленным им вопросам в высших интересах русского и советского народа. «Никаких открытых дискуссий по поставленному им вопросу о русской культуре не открывать» (6).

Не стали известными и произошедшие в мае 1979 года массовые митинги в Целинограде после того, как на заседании Политбюро ЦК КПСС было принято решение о создании Немецкой автономной области в Казахстане. Была определена территория будущей автономии, названа её столица (город Ерментау на востоке Целиноградской области), выбрано здание обкома, намечен его состав, оставалось лишь провозгласить образование автономной области, намеченное на 15 мая 1979 года. Однако утром этого дня в Целинограде состоялась манифестация казахского населения против решения властей в Москве и Алма-Ате о создании в Казахстане немецкой автономии. Манифестация проходила под лозунгами «Казахстан неделим!», «Нет немецкой автономии!». Пришлось просить активистов автономистского движения «подождать» с провозглашением их национально-территориального образования. Казахских участников демонстрации первый секретарь обкома успокоил сообщением о том, что автономию никто не собирается учреждать, вопрос о ней никогда даже и не стоял. Выступления студентов негласно поддерживались республиканским руководством (7). И лишь спустя многие годы были признаны серьёзные ошибки и просчёты в работе партийных комитетов Казахской ССР, приведшие к росту националистических проявлений, которые своевременно не пресекались, более того, замалчивались как обычное хулиганство. Протестные выступления обошлись без эксцессов, а решение о создании Немецкой автономной области было отменено ЦК КПСС.

Не знала страна и о молодёжных беспорядках в Эстонии осенью 1980 года. 22 сентября после футбольного матча на таллинском стадионе должен был состояться концерт панк-группы «Пропеллер». Концерт запретили, и около тысячи эстонских школьников вышли на улицы с протестом. Отменить

Панк-группа «Пропеллер» на стадионе. 1980 г.

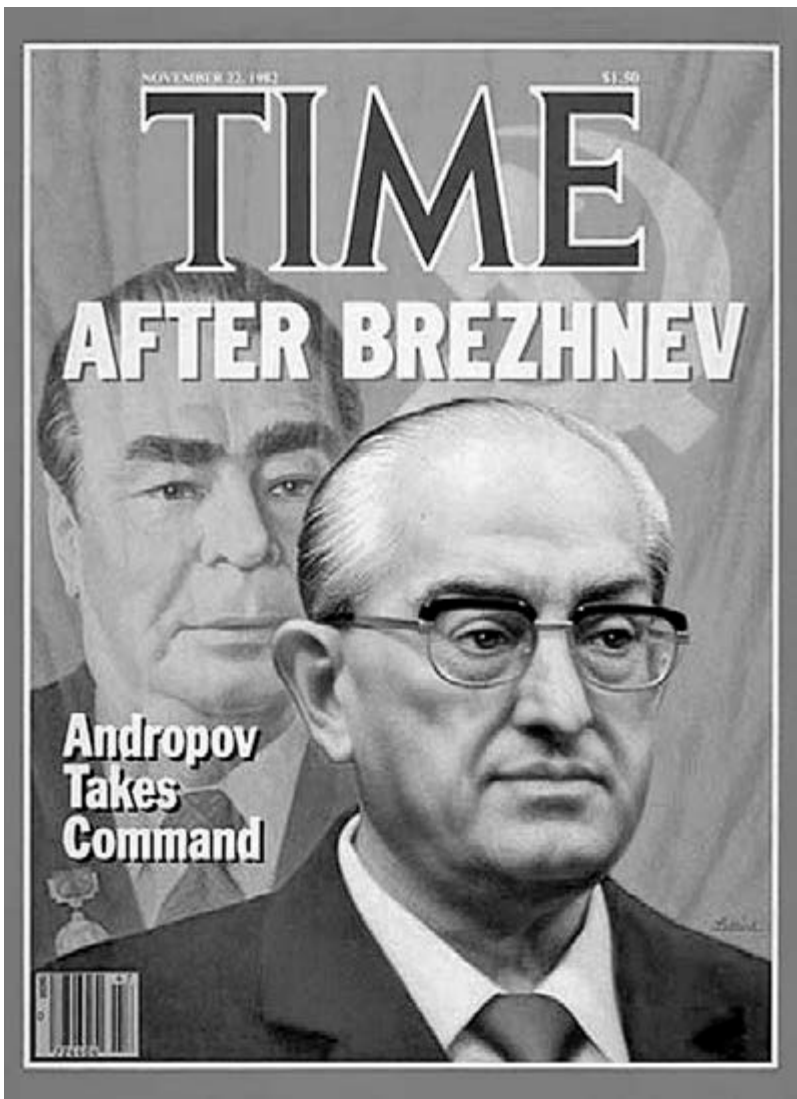
выступление решили в связи с обнаружением в текстах песен «Пропеллера» «националистических мотивов». Демонстрация была разогнана милицией, несколько старшеклассников исключены из школ. 1 и 3 октября милиции пришлось разгонять более чем тысячную демонстрацию протеста против исключений из школ. Демонстранты размахивали флажками независимой Эстонии, выкрикивали лозунги «Свободу Эстонии!», «Русские – вон из Эстонии!». 7 и 8 октября последовали новые демонстрации протеста в Таллинне (несколько сот участников), а 10 октября – молодёжные демонстрации в Тарту и Пярну. Среди прочих выдвигалось требование отставки русского министра образования. В школах были проведены родительские собрания, родителям «бунтовщиков» грозили увольнением с работы, из школ было исключено около 100 учащихся, несколько человек были осуждены за «хулиганство» (8).

Осенью 1981 года произошли крупные беспорядки в Орджоникидзе. Внутреннее напряжение в Северной Осетии накапливалось с начала 1970-х годов, но в 1978, 1979 и 1980 годах ситуация стала выходить за рамки закона. В Пригородном районе СО АССР, в который массово вернулись из среднеазиатской ссылки ингуши, а также в самой Ингушетии стали по-

гибать таксисты и шофёры грузовиков. Не один и не два, а около двух десятков молодых мужчин-осетин были зверски убиты без всяких на то мотивов. 24 октября 1981 года во время похорон таксиста-осетина, убитого двумя ингушами, начались массовые волнения. Преступники были выпущены на свободу через три дня после убийства за выкуп в миллион рублей. Участники похоронной процессии организовали митинг и захватили здание обкома. К вечеру порядок на площади был восстановлен силами курсантов местного военного училища, однако на следующий день более десяти тысяч человек вновь заполнили площадь перед обкомом. Митинг быстро вышел из-под контроля. В здании МВД выбили стекла. Против митингующих были брошены воинские части с бронетранспортёрами и слезоточивым газом. Столкновения и рукопашные схватки продолжались до вечера, позднее они распространились по всему городу, несколько человек погибли. Несмотря на прибытие частей специального назначения, столкновения продолжались весь следующий день, и лишь к вечеру сопротивление было сломлено. За три дня беспорядков были задержаны более 800 человек, 40 из них были осуждены. Первый секретарь обкома Б.Е. Кабалоев был снят со своего поста (9).

Был ли Андропов готов к реформам?

В пространстве памяти сохранились и лишь спустя десятилетие стали известными свидетельства и о других причинах нараставшей напряжённости в межнациональных отношениях. Экономисты обращали внимание на несправедливость использования средств, выделяемых государством на ускоренное экономическое и социальное развитие союзных республик. Эти средства складывались преимущественно из налоговых отчислений от доходов всех республик в общесоюзную казну. Однако если в бюджеты среднеазиатских и закавказских республик назад возвращалось до 100 % от этих отчислений, в республики Прибалтики – в среднем 70–80 %, на Украину и в Белоруссию – 50–60 %, то в РСФСР – лишь немногим более 40 %. Правда, с конца 1970-х годов к разряду «доноров»

Журнал «Time», 1982 г.

присоединилась Белоруссия, а также – в связи с ускоренным развитием нефтегазового комплекса – Азербайджан и Туркмения, богатые топливными ресурсами (10).

Демографы и этнографы пытались привлечь внимание власти к изменению демографической динамики в ряде союзных республик. По оценкам учёных, направлявших свои записки в ЦК КПСС, русские перестали ощущать себя сильным и уверенно смотрящим в будущее народом, которому по плечу любая задача. Русский демографический кризис слишком очевидно контрастировал с демографическим взрывом в мусульманских регионах Северного Кавказа и в Средней Азии. Если до 1960-х годов рождаемость в русских и казахских семьях была сопоставимой, то в 60-е годы произошел перелом в рождаемости, вследствие которого уже в 70-е годы у казахов рождалось в 2 раза больше детей, чем у русских (11). В Таджикистане естественный прирост населения в 70-е годы в 6 раз превышал естественный прирост в РСФСР, узбеки в течение нескольких десятилетий превратились в третий по численности советский народ. К исходу Советского Союза среднеазиатские титульные народы вышли на траекторию удвоения своей численности каждые 25 лет (12). В 1970-е годы западные аналитические центры также прогнозировали, что к концу XX века советская армия будет более чем наполовину состоять из мусульманской молодёжи Средней Азии и Кавказа.

Учёные предупреждали и о таких симптомах русского надлома, как увеличение числа неродившихся детей, распространение пьянства и алкоголизма, повышенный травматизм, что вело к увеличению смертности русских мужчин. Одновременно сокращалась численность русских в закавказских и среднеазиатских республиках, начался отток русских из ряда российских автономий, в первую очередь северокавказских (13). Уходя в свой номинальный «национальный дом», сворачивая присутствие в советском пространстве и тем самым подсознательно отказываясь от ответственности за него, русские подавали сигнал о возможном будущем СССР и РСФСР (14). В одних республиках – прибалтийских, Грузии, Молдавии, на западе Украины – нараставшее присутствие русских воспринимали как намеренную русификацию и ассимиляцию. В других – преимущественно в мусульманских – поводом для недо-

вольства было нетрадиционное для этих мест поведение приезжих. Русских обвиняли в пьянстве, сквернословии, непочтительном отношении к старшим по возрасту. Кроме того, образовавшаяся к 1960-м годам национальная элита в лице бюрократии и интеллигенции видела в русских конкурентов и препятствие для реализации своих интересов. Отношение к местным русским часто распространялось на всю Россию, её культуру и народ в целом. И наоборот, недовольство политикой Москвы отражалось на отношении к русским землякам. Так, один из лидеров эстонских националистов Т. Маде в середине 1980-х годов открыто сформулировал такой подход: «Русские вольно или невольно являются орудием Центра» (15).

В окружении Андропова активизировалась работа по предупреждению нараставшего кризиса. Широкий контекст поиска новых подходов в политике был обозначен в статье генсека «Учение Карла Маркса и некоторые проблемы социалистического строительства СССР», где были высказаны критические оценки предшествующего социалистического развития. Ключевым стало положение о том, что конкретные пути становления социалистического общества пролегли совсем не так, как предполагали основоположники. На июньском пленуме ЦК КПСС в 1983 году эта мысль получила развитие: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не знаем в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок» (16).

Это высказывание фактически означало признание того, что объявленный «развитой социализм» был иллюзией, что надо избегать «возможных преувеличений в понимании степени приближения страны к высшей фазе коммунизма».

Андропов искал и обсуждал варианты возможных изменений в политическом устройстве и экономической политике. Как справедливо замечено, на его управленческую стилистику, очевидно, оказали влияние годы его руководства госбезопасностью: «Став генсеком, он много времени тратил на многочисленные консультации, на общение с экспертами по разным вопросам, то есть на сбор информации, и был исклю-

чительно осторожен при приеме конкретных решений. Словом, действию предпочитал дознание» (17). Безусловно, это затрагивало и будущее национальных республик. А.И. Вольский, помощник генсека по экономике, вспоминал, как однажды его вызвал Юрий Владимирович и сказал:

«У нас слишком много субъектов СССР. Давайте сведем их все в 15–16 экономических регионов и сделаем их, как штаты в США. Ведь разделение по национальному признаку не характерно ни одной стране мира, кроме нашей! Так что вы продумайте и начертите мне карту этих регионов!» (18)

Естественно, обсуждение подобных шагов происходило в очень узком кругу и не подлежало гласности с учётом опыта полемики вокруг союзной и республиканских конституций и реакции национальной элиты, к примеру на статью о государственном языке. Одно дело идеология и концепция «новой общности», а другое – реальное действие, связанное с ограничением суверенности.

Андропов и доверенные лица рассматривали варианты, во-первых, разделения России на федеральные округа (19), а во-вторых, разделения Советского Союза на экономические зоны – подобного хрущёвским совнархозам начала 60-х годов. Некоторые из них (Среднеазиатский, Закавказский, Западный, Прибалтийский) охватывали несколько союзных республик, а автономные республики РСФСР входили в 24, а затем и в 10 совнархозов, на которые в 1962 и 1963 годах была разделена территория Российской Федерации. Сразу надо оговориться, что ни один из вариантов, предлагавшихся Вольским, который привлёк к работе академика Е.П. Велихова, не был одобрен Андроповым. В итоговом варианте проекта предполагалось разделить СССР на 41 «штат»: Российскую Федерацию – на 20, Украину – на 7–8, Казахстан – на 2–3 и, вполне возможно, Белоруссию планировалось разделить пополам. Было показано «15 вариантов карт, но генсека всё время что-то не устраивало» (20). Одновременно в октябре 1983 года генсек дал поручение своему помощнику А.Е. Бовину продумать целесообразность создания – подобно сталинскому послевоенному времени – межреспубликанских партийных бюро (или советов) по Закавказью, Средней Азии, Прибалтике, а с 1956 года

и РСФСР: в целях координации и развития межреспубликанских партийных связей и противодействия изоляционизму республик (21).

Как утверждают некоторые управленцы, сейчас сложно сказать, как бы Андропов решал возникшую к началу 1980-х годов проблему приведения в соответствие с возросшим уровнем развития республик форм и методов управления. Однако если вспомнить то, как он понимал ленинскую теорию национального вопроса, и то, что в ней он выделял именно необходимость «максимального удовлетворения» интересов различных наций, можно предположить, что важным, если не главным, направлением андроповской национальной политики было бы перераспределение полномочий от центра к республикам (22). Об этом свидетельствуют и воспоминания Н.И. Рыжкова и В.И. Воротникова. Как считает Рыжков, собранная Андроповым команда специалистов по подготовке реформы хозяйственного механизма быстро пришла к выводу, что за союзным центром необходимо оставить только управление базовыми отраслями экономики, её каркасом, а всё, что так или иначе связано с жизнью и бытом людей (производство товаров народного потребления, сельское хозяйство, строительство, местная промышленность и т. п.), полностью передать в ведение республиканских центров (23). Другой «выдвиженец» Андропова Воротников, ставший в июне 1983 года председателем Совета Министров РСФСР и кандидатом в члены, а в декабре – членом Политбюро ЦК КПСС, также считал децентрализацию необходимой: «Централизация все больше давила и сдерживала инициативу на местах. Ни Госплан, ни Госнаб, ни Минфин, ни другие экономические ведомства уже не в состоянии были «проворачивать» огромный экономический маховик страны. Настоятельно требовались реформы. Надо было разгружать верхние эшелоны власти, передавать их права и обязанности, всю ответственность – вниз» (24).

Одновременно с изучением возможностей государственного переустройства и экономической реформы решались и другие вопросы национальной политики. Стало ясно одно из направлений возможной расчистки площадки для государственного переустройства. КГБ начало расследование «хлопкового дела» –

МЫ ДРУЖБОЮ, БРАТСТВОМ, ЕДИНСТВОМ КРЕПКИ!

Плакат «Мы дружбою, братством, единством крепки». 1982 г.

собирает название серии уголовных дел об экономических и коррупционных злоупотреблениях, выявленных в Узбекской ССР. Когда было собрано достаточно информации, Андропов вызвал к себе Ш.Р. Рашидова и ознакомил его с ма-

териалами. Как вспоминал помощник генсека А.М. Александров-Агентов, Рашидов вышел из кабинета «бледный как бумага» (25). При личном участии Андропова в 1983 году также был создан Антисионистский комитет советской общественности во главе с дважды Героем Советского Союза, генерал-полковником Д.А. Драгунским. В его задачи входило развить понятия «еврей» и «сионист», служить своего рода прообразом еврейской «национально-культурной автономии» на территории Советского Союза.

Предпринимались попытки наладить системное исследование национальных проблем в научных и политических учреждениях. Однако эти усилия тогда не получали поддержки. Один из консультантов ЦК Э.А. Баграмов вспоминал, как с приходом к руководству партией Андропова появилась надежда, что национальной политике будет уделено должное внимание: «В 1983 году я направил Андропову записку «О некоторых вопросах национальной политики КПСС». В ней обозначались горячие точки: взаимоотношения грузин и абхазов, осетин и ингушей, армян и азербайджанцев в связи со статусом Нагорно-Карабахской области, процессы в Эстонии, Карачаево-Черкесии, выступления крымских татар. Анализировались тревожные демографические и социально-психологические тенденции. На основе всего этого делался вывод о необходимости отказаться от устаревших догм и стереотипов и начать перестраивать всю работу в области национальных отношений. Как сообщил мне в августе 1983 года помощник генерального секретаря П. Лаптев, «записка» очень понравилась Юрию Владимировичу. «Вас позовут», – добавил он» (26). Позвали Баграмова, правда, не к Андропову, а к секретарям ЦК М.В. Зимянину и И.В. Капитонову. Беседа продолжалась около часа. Секретари не возражали против выводов и предложений Баграмова, однако заметили: «Все это хорошо, но стоит ли беспокоиться: ведь провалов в национальной политике нет». Предложения о создании в структуре ЦК специального подразделения по национальной политике, а также академического института национальных проблем не были реализованы.

Русское самосознание – «угроза политической стабильности»

Одной из серьёзных внутренних угроз политической стабильности в СССР с конца 1970-х годов рассматривалось возрождение русского самосознания и русское национальное движение. Андропову приписывалась фраза: «Главная забота для нас – русский национализм; диссиденты потом – их мы возьмем за одну ночь». Известна служебная записка Андропова в Политбюро ЦК КПСС от 28 марта 1981 года, в которой говорилось о необходимости «пресечь враждебные проявления «русизма», охватившего часть интеллигенции». Русизм в этой записке представлялся как «демагогия о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, памятников старины, за «спасение русской нации»», которой «прикрывают свою подрывную деятельность откровенные враги советского строя». Под лозунгами защиты русских национальных традиций «русисты», доносил глава КГБ, «по существу занимаются активной антисоветской деятельностью». Андропов ставил вопрос о скорейшей ликвидации этого движения, угрожавшего, по его мнению, коммунистическим устоям больше, чем так называемые диссиденты (27). Термин «русизм» обозначил явление, которое не сводилось к национализму, а было гораздо шире. Партийно-государственный строй уже ничего не мог противопоставить в ближайшей перспективе росту национального самосознания, которое имело реальную основу.

Всё это обсуждали, обо всём этом писали представители русского национального движения, однако эта активность властью была оценена как угроза. На рубеже 1970–1980-х годов произошла масштабная чистка средств массовой информации от «русских элементов». Были заменены главреды некоторых журналов (28), преследовались сотрудник журнала «Человек и закон» Г.В. Рыжиков, составивший ряд документов, в которых выдвигалось требование «чистки» высшего партийного аппарата, «засоренного сионистами и им сочувствовавшими», публицист А.М. Иванов, представивший историю КПСС как цепь заговоров, переворотов, грубого насилия, задуманных и осуществленных людьми, мечтавшими только о сохранении своей

личной власти. В конце 1981 года была разгромлена редакция журнала «Наш современник», публично были осуждены его авторы В.В. Кожин, А.П. Ланщиков, С.Н. Семанов, В.Н. Крупин. На совещаниях в ЦК подвергались критике такие книги русских писателей, как «Лад» В.И. Белова и «Память» В.А. Чивилихина (29). В 1982 году был разгромлен саратовский журнал «Волга». Поводом послужила статья М.П. Лобанова «Освобождение», написанная по поводу романа М.Н. Алексеева «Драчуны», где рассказывалась правда о голоде 1933 года в Поволжье. В статье Лобанова впервые в советской публицистике осмысливались масштабы и причины трагедии раскрестьянивания. Как писал современник, «эффект от статьи был ошеломляющим – словно в хорошо прогретое солнцем болотце вдруг плашмя упала откуда-то с неба огромная каменная глыба». Публикация была осуждена специальным решением Секретариата ЦК КПСС, главного редактора Н.Е. Палькина уволили (30).

Осенью 1983 года в «Литературной газете» и «Вопросах литературы» начались нападки на ученых, изучающих творчество русских философов В.С. Соловьёва, Н.Ф. Федорова, П.А. Флоренского. Получили строгие взыскания издатели книги выдающегося русского философа А.Ф. Лосева. Характерно, что во время преследований «русистов» власти помиловали арестованных годом ранее диссидентствующих «еврокоммунистов» А. Фадина, П. Кудюкина, Ю. Хавкина и других из Института мировой экономики и международных отношений, которым руководил академик Н.Н. Иноземцев, а с 1983 года – вернувшийся из Канады А.Н. Яковлев (31). Тогда же были ликвидированы структуры ВООПИК, а в 1984 году общество было лишено права вести самостоятельную культурно-просветительскую работу и передано обществу «Знание».

Вообще же споры вокруг Андропова и его места в истории позднего СССР не только не утихают, но и усиливаются в последнее время. Известный политический эксперт Сергей Кургинян прямо обвиняет генсека в целенаправленных действиях по демонтажу союзной государственности ради встраивания в западный мир «по частям». Кургинян называет Андропова верным учеником коминтерновского и советского партийного деятеля Отто Куусинена. Якобы в отместку за то, что его в

своё время не продавили в руководители Финляндии после Зимней войны, Куусинен спустя годы задумал разрушить СССР изнутри и для этого стал продвигать в высшие эшелоны власти Андропова, которого хорошо знал по совместной работе в Карелии. В итоге «ученик» выполнил наказ «учителя» и сделал заготовки уже для своего «ученика» – Горбачёва.

Естественно, на сегодняшний день нет каких-либо известных и находящихся в публичном пространстве свидетельств, которые подтверждали бы такую версию. Вместе с тем и нет никаких сомнений в том, что Андропов явно курировал и вёл группу советских конвергенционистов – Е.М. Примакова, Г.А. Арбатова, условно «либеральных» помощников генсеков (Брежнева и самого Андропова). Для этих же целей была создана и «фирма» генерала Е.П. Питовранова – хотя в этом случае целью было явно выстраивание инфраструктуры для коммуникаций с Западом ради получения оттуда технологий двойного назначения. Во всяком случае, ясно то, что Андропов так или иначе пытался наладить долгосрочный диалог с Западом, но вряд ли он намеревался сделать это ценой сдачи стратегических позиций СССР.

В негативном отношении Андропова к «русизму» сегодня также часто усматривают его якобы тайные прозападные планы, а то и подавно – целенаправленную русофобию (и под это подвёрстывают невнятную ситуацию с его как будто еврейским происхождением). Думается, что на самом деле всё намного проще. Андропов в бытность свою председателем КГБ имел самое непосредственное отношение к преследованию и высылке из страны А.И. Солженицына. Он прозорливо понимал, что у русофильского антисоветизма этого писателя потенциальная аудитория единомышленников гораздо масштабнее, нежели у прозападной либеральной диссидентуры. Поэтому «русизм» и подлежал радикальному искоренению.

Причём делалось это с присущей Лубянке виртуозностью – не только репрессиями, но и дискредитационными кампаниями. Так, на рубеже 1970–1980-х писатель В.А. Чивилихин пишет масштабное историко-публицистическое эссе «Память». Это произведение – не просто апологетика «русизма». В нём впервые поднимается тема, ставшая особо популярной уже в постсоветское время – об арийских корнях русской культуры.

Эссе печатается в «Роман-газете» гигантским тиражом. Следует заметить, что решение о публикации в этом действительно народном – дешёвом и доступном – издании принималось обычно на самом верху, когда надо было быстро вбросить в общество какую-либо идею. Именно в «Роман-газете» вышел в своё время «Один день Ивана Денисовича». За «Память» Чивилихин был в 1982 году удостоен Государственной премии СССР – когда Андропов был уже секретарём ЦК, курировавшим в том числе идеологию. Словом, «пиар-кампания» была проведена ударно и эффективно. И буквально одновременно с раскруткой этого эссе появилось общество «Память», тотально дискредитировавшее всё русское. Арийская «Память» Чивилихина, общество «Память»... После такого не всякий оказывался готов ратовать за «русизм». Почерк же спецмероприятия в обоих этих начинаниях отчётливо просматривался, и тут явно не обошлось без соответствующих распоряжений Андропова.

Кризис историографии

На рубеже 1970–1980-х годов не только властью, но и в дискуссиях и спорах историков заново осмысливались роль и значение федеративного устройства государства. Причём если некоторые исследователи обращали внимание на то, что Ленин пересматривал свои взгляды на приемлемость федеративного многонационального государства в принципе (32), то другие подчёркивали, что речь должна идти не о развитии ленинских взглядов на федерацию как таковую, которая до Октября существовала только как федерация буржуазная, а на федерацию в условиях победы социалистической революции (33). Заново истолковывался ленинский подход к областной автономии как части вопроса о демократии, то есть ставился вопрос о признании в соответствии с общим принципом демократического централизма самоуправления и автономии не только для национальных, но и других областей. Однако это не означало отрицания национальной автономии и отказа от включения национально-территориальной автономии в общий

план устройства будущей демократической и социалистической России.

В начале 1980-х годов вышло несколько обобщающих историографических исследований, в которых, однако, рассматривались традиционные сюжеты: этапы изучения национальной проблематики в СССР и зарубежных странах (34). Анализировались не только общие черты, но и национальная специфика советского образа жизни – наиболее популярная в те годы тема, – соотношение социальной и национальной (а также региональной, групповой, индивидуальной) сторон этого образа жизни (35). Тем не менее заметным было отставание изучения национальных отношений по сравнению с историографическим изучением других аспектов истории страны.

Чаще всего в трудах национальных историков устанавливалось, кто из учёных какие проблемы рассматривал, излагались различные точки зрения на те или иные вопросы, в том числе спорные. Что же касается вопросов становления и развития концепции рассматриваемого явления, обнаружения закономерностей и особенностей процесса исторического познания, изменения концептуального характера в трактовке проблемы в целом в ходе эволюции взглядов учёных, изучения общественно-политических условий, в которых осуществлялись исследования, источниковой базы работ и пр., то они, как правило, отсутствовали (36). Недоступность фондов партийных архивов привела к тому, что крайне мало нового материала вводилось в научный оборот. Зато в контексте брежневской конъюнктуры некоторые историки стали заново трактовать сталинские оценки национальной политики. Эта ситуация была подробно рассмотрена в работе А.П. Ненарокова (37).

Заведующий сектором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС М.И. Куличенко касался указаний Ленина на первостепенную опасность великодержавного шовинизма. Он, в частности, писал, что сегодня, шесть десятилетий спустя, раскрывая содержание ленинской борьбы против опасности русского великодержавного шовинизма, его негативного воздействия на взаимоотношения народов в момент образования СССР, «нужно иметь в виду некоторые специфические особенности характера дававшихся В.И. Лениным оценок этих взаимоотношений и именно такого подхода к ним», что от-

дельные исследователи «уж очень буквально, а подчас и недумчиво воспроизводят эти оценки» (38). Причём в подтверждение этих упреков не было приведено ни одной конкретной работы, хотя взгляды самого автора являлись проявлением субъективных сталинских характеристик некоторых «специфических особенностей» ленинских высказываний: «Впоследствии И.В. Сталин однажды правильно отмечал, что Владимир Ильич в целях заострения того или иного вопроса, мобилизации партии на его решение иногда даже шел на его некоторое преувеличение. В данном случае это следует учитывать при оценке двух вопросов: реального места в период образования СССР и возможной опасности в последующем русского великодержавного шовинизма; проявлений национал-уклонизма в Компартии Грузии» (39).

Куличенко отмечал реальность и большую опасность русского великодержавного шовинизма в завершающий период строительства союзного Советского государства и ту настойчивость, с какой Ленин защищал тех, кого Сталин именовал национал-уклонистами. Однако ленинскую позицию он охарактеризовал лишь как тактическую линию, давшую возможность, «пересолив» в смысле уступчивости национал-уклонистам, исключить опасность движения значительных мелкобуржуазных масс под националистическими лозунгами (40). Таким образом, заявления о некоем преувеличении опасности великодержавного шовинизма, «пересола» в смысле уступчивости национал-уклонизму выводили за пределы серьёзного обсуждения вопрос о политической ответственности Сталина. Последствия его грубого административного нажима на позицию и поведение членов грузинского ЦК, коллективно подавших в отставку в конце октября 1922 года, не рассматривались (41).

Ограничивали исследования и такие идеологические установки, как «дружба народов», «расцвет и сближение наций», «новая историческая общность» и др. Положения о победившем социализме и решённости национального вопроса в СССР требовали отбора исключительно положительного материала. Факты же проявления национализма, местничества, этнических чисток, способных исказить ленинские принципы национальной политики, вообще не упоминались. Об отношении к общественным наукам и о прямом идеологическом дав-

лении до перестройки вспоминала историк и социолог, профессор Л.М. Дробижева. Например, нельзя было опубликовать прямые данные о межэтнических установках населения Эстонии, их «публиковали в закодированном виде, в индексах, чтобы нельзя было установить абсолютные числа по социальным и этническим группам». По Грузии «плохие» данные тоже «камуфлировали», но специалисты могли понять суть. Данные об азербайджанских стереотипах в Армении были столь разительны, что о них вообще нельзя было упомянуть. Правда, отмечала Дробижева, помогало специфическое умение интерпретировать данные. К примеру, числа желающих обучаться на родном языке и реально обучающихся на родном языке могли не совпадать, но это можно было интерпретировать как признак скрытого конфликта, как свидетельство успеха культурного строительства. О социальных и национальных конфликтах можно было думать, но писать было нельзя, зато никогда не говорилось о расцвете и сближении всех наций и народностей, «расцвет наций» считался ботаническим понятием. Не использовалось и словосочетание «развитой социализм», аргумент был простой – социализм не может быть «недоразвитым» (42).

Пространство памяти, связанное с 60-летием СССР, казалось, мало чем отличалось от предыдущих десятилетий. Никто не мог предполагать тогда, что эта историческая дата станет последним юбилеем. Несмотря на неизменность и повсеместность юбилейного ритуала, сопровождаемого громкой идеологической кампанией, всё больше ощущались разрывы и нестыковки в межнациональных отношениях и национальной политике власти. Участились массовые беспорядки и стихийные протесты на национальной почве, сообщения о которых строго цензурировались. Нарастали противоречия в использовании инвестиций для развития союзных республик. Произошёл перелом в демографической динамике, причём не в пользу русского населения страны – оно сокращалось в закавказских и среднеазиатских республиках, начинался отток русских из ряда российских автономий, прежде всего северокавказских. Одной из внутренних угроз стабильности рассматривалось возрождение русского самосознания и русского национального движения, обозначенных как «русизм», который не сводил

ся к национализму, а замахивался на переустройство всего строя.

В поисках путей предупреждения усиливавшихся кризисных явлений новый генсек Ю.В. Андропов и его окружение серьёзно рассматривали возможные пути реформирования советского государства и отчасти предприняли шаги в этом направлении. Речь шла о восстановлении монопольного господства партийного лидера как условия для мобилизационного рывка. Требовались разгрузка Центра и перераспределение его полномочий в сторону союзных и автономных республик в экономической и социальной сферах. Рассматривались варианты деления России на федеральные округа, а Советского Союза – на межреспубликанские экономические зоны, создания бюро ЦК по Прибалтике, Закавказью, Средней Азии для преодоления растущего изоляционизма партийных организаций и восстановления их контроля над разными этажами бюрократии. Однако для ускорения, нацеленного на вхождение в постиндустриальную стадию развития на основе высоких технологий и наукоёмкого производства, надо было поднять авторитет партийных и государственных органов, которые погрязли в коррупции и разборках между ведомственной и территориальной номенклатурами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Правда. 1982, 22 декабря.
2. Там же.
3. Бобков Ф.Д. Указ. соч. С. 213.
4. См.: *Островский А.В.* Кто поставил Горбачёва? М., 2010. С. 78.
5. См.: *Вдовин А.И.* Подлинная история русских. XX век. М., 2010. С. 198.
6. Там же. С. 175.
7. Там же. С. 176.
8. Там же. С. 200.
9. Там же.
10. См.: *Филиппов А.В.* Указ. соч. С. 221.

11. *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 174–175.
12. См.: *Козлов В.И.* Указ. соч. С. 217, 219, 317; *Башлачев В.А.* Указ. соч. С. 221–223, 273–274.
13. См.: *Козлов В.И.* Указ. соч. С. 218, 316–317.
14. *Соловей В.Д.* Указ. соч. С. 177.
15. См.: *Филиппов А.В.* Указ. соч. С. 223–224.
16. *Андропов Ю.В.* Избранные речи и статьи. М., 1984. С. 418.
17. *Андреев Д.А.* Выступление на круглом столе «СССР накануне перестройки: к 40-летию прихода к власти Ю.В. Андропова» // <http://www.airo-XXI.ru/home/the-news/3396-XXI-> (дата обращения: 29.11.2022).
18. *Аркадий Вольский:* «Андропов хотел перестройки» // *Московский комсомолец.* 2002, 19 ноября; *Четыре генсека. Воспоминания Аркадия Вольского* // *Коммерсантъ.* 2006, 12 сентября (беседу вели М. Завада и Ю. Куликов).
19. Об этом Вольский рассказал на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей. См.: РБК. 2000, 6 октября.
20. *Четыре генсека. Воспоминания Аркадия Вольского.*
21. См.: *Бовин А.Е.* XX век как жизнь: воспоминания. М., 2003. С. 420.
22. См.: *Круглов В.В., Лабудин А.В., Куприн А.А., Самодуров А.А., Василенко В.А.* Национальная политика Ю.В. Андропова: история и современность // *Управленческое консультирование.* 2014. № 10. С. 116–129.
23. *Рыжков Н.И.* Перестройка: история предательств. М., 1992. С. 67–68.
24. *Воротников В.И.* Кого хранит память. М., 2007. С. 124–125.
25. *Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачёва. М., 1994. С. 278–279.
26. *Баграмов Э.* Как делалась национальная политика // *Независимая газета.* 1992, 24 января.
27. *Источник.* 1994. № 6. С. 109.
28. От работы были освобождены директора и главные редакторы издательств, журналов и газет «Московский рабочий» (Н. Есилев), «Молодая гвардия» (А. Никонов), «Комсомольская правда» (В. Ганичев), «Человек и закон» (С. Семанов), «Современник» (Ю. Прокушев, В. Сорокин) и др.

29. См.: *Вдовин А.И.* Подлинная история русских. XX век. С. 198.
30. Там же. С. 199.
31. Там же.
32. *Лепешкин А.И.* Советский федерализм (теория и практика). М., 1977; *Шевцов В.С.* Национальный суверенитет. Проблемы теории и практики. М., 1978.
33. См.: *Тадевосян Э.В.* Национально-государственное устройство СССР. М., 1978.
34. См.: Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979; Национальная политика КПСС. Очерк историографии. М., 1981; *Комаренко Н.В.* Дружба и сотрудничество народов СССР. Украинская советская историография. Киев, 1984; Изучение национальных отношений в зарубежных странах. М., 1985.
35. *Касьяненко В.И.* Советский образ жизни. Проблемы исследования. М., 1982.
36. См. подробнее: *Байбаков С.А.* Выступление на круглом столе «Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы» // История СССР. 1987. № 6. С. 57–59.
37. *Ненароков А.П.* Догматическая канонизация сталинских подходов к решению национального вопроса и потери советской историографии объединительного движения // История СССР. 1988. № 6. С. 70–71.
38. *Куличенко М.И.* Образование и развитие Союза ССР (проблемы теории, программы и политики КПСС). Ереван, 1982. С. 244–248.
39. Там же. С. 245.
40. Там же. С. 248.
41. *Ненароков А.П.* Указ. соч. С. 71.
42. Л.М. Дробижева: «Я всегда находилась в процессе самообучения...» // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 115–127.

Глава 8

Седьмое десятилетие: победа национализма над коммунизмом

К 30 декабря 1992 года пространство памяти о Советском Союзе развалилось. Главное место для «правильного» освещения этого пространства освободилось, а новые власти не стремились его занять. На время исчез общепризнанный культурный герой, зато субъектов памяти в постсоветских государствах стало чересчур много. Быстро ликвидировались заповедные зоны антипамяти, хотя некоторые из них всё же сохранялись – прежде всего связанные с «тайнами распада» страны, закрытой информацией, которую получал М.С. Горбачёв, обещаниями, которые давал Запад лидерам союзных республик и др. Споры об СССР уходили в академические кабинеты и университетские аудитории. Никто еще не был готов создать контрпроект памяти, отражавший настроения значительной части общества и отодвинутой советской элиты. Ничем не увенчалась и попытка группы народных депутатов РСФСР, возглавляемой С.Н. Бабуриным, с обращением к Конституционному суду Российской Федерации проверить конституционность постановлений Верховного Совета РСФСР «О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» и «О денонсации Договора об образовании СССР», принятых 12 декабря 1991 года. Это обращение, направленное в сентябре 1992 года, так и не было рассмотрено из-за силового разгона Съезда народных депутатов Российской Федерации (РСФСР) в октябре 1993 года, хотя накануне этих событий суд готовился к рассмотрению этого ходатайства. Попрощался с красным флагом, который «останется полосой в российском триколоре», поэт Евгений Евтушенко (1).

День создания СССР перестал существовать в системе государственных праздников всех стран Содружества Независимых Государств (СНГ) и Балтии, но 30 декабря 1992 года ведущие российские газеты вышли с показательными для отражения состояния страны материалами. В них отмечалось, что прошедший год как никакой другой испытывал людей на прочность, что большинство было в отчаянии в начале года, когда цены резко взмыли. Держало в напряжении политическое противостояние в верхних эшелонах власти, угнетало и то, что на территорию России пришла война, что экономические и политические реформы далеки от завершения и придётся еще долго жить в недостроенном доме. Не исключались попытки поворота назад, потому что в этом заинтересованы жаждущие реванша политические силы, но «несмотря на пути красно-коричневых раздуть пламя гражданской войны, народ проявит сдержанность и в будущем году» (2). Сообщалось, что впервые наметился прогресс в реализации дел по фактам взяточничества – разоблачены 400 государственных чиновников, связанных с организованными преступными группами (3). С горечью констатировалось, что войска и силы флота, находящиеся под юрисдикцией России и дислоцированные на территории государств Прибалтики, в республиках Закавказья, Средней Азии и в Республике Молдова, выполняют поставленные перед ними задачи в исключительно сложной обстановке, испытывая на себе «постоянное моральное давление и прямые угрозы, а нередко и подвергаясь вооружённым нападениям». Министерство обороны России обратилось ко всем главам государств и правительств с просьбой безотлагательно принять необходимые меры по недопущению противоправных действий в отношении российских Вооружённых Сил. В противном случае войсками будут приняты самые решительные меры, включая и вооружённые действия по защите своей чести, достоинства и жизни (4).

Почему же всё-таки СССР не отпраздновал своего 70-летия? Историки во главе с А.П. Ненароковым попытались с опорой на документы ответить на этот вопрос. В необычной книге, вышедшей к юбилею, были собраны программы всех политических партий России начала XX века, дающие возможность увидеть весь спектр представлений о перспективах

национально-государственного строительства в стране. Суждения и оценки (значительная часть которых публиковалась впервые) Ленина, Сталина, Троцкого, Раковского, Чичерина, Мдивани, Каменева и др. По-иному после распада СССР читались документы Берия, Хрущёва, Молотова, Горбачёва, Ельцина, Руцкого, Хасбулатова, Сахарова, Солженицына и др. Составителям удалось показать, что крах Союза и суть межнациональных отношений рухнувшей системы, обозначаемой как сталинская, определялись не злой волей «узурпаторов» или макиавеллизмом Ленина, как это стало утверждаться сразу после 1991 года, а диктовались в конечном счёте общей культурой российского общества начиная с предреволюционных времён, его традициями и нравами, предрассудками и убеждениями. Действительно, сталинское «теоретическое» обоснование имперской национальной политики, маскируемое псевдосоциалистической, интернационалистской фразеологией, отражало представления, господствовавшие как в умах российского обывателя, так и в политических заявлениях и программах всех без исключения общероссийских политических партий страны начала века (5).

Под впечатлением от этого сборника известный экономист и публицист Отто Лацис накануне юбилея тоже включился в обсуждение вопроса: почему так получилось, «кто сломал наш дом»? Есть, безусловно, простой ответ – потому что Ельцин, Кравчук и Шушкевич приняли «преступное» решение в Беловежской пуще, а Горбачёв не использовал силу, чтобы воспрепятствовать этому. Однако реально существующие государства невозможно упразднить росчерком пера в одну ночь. По мнению Лациса, пока депутаты разговаривали, силы старой империи действовали – в Алма-Ате, Тбилиси, Баку, Вильнюсе. Действовали не как на своей, а как на чужой территории, которую предстоит покорить. Они прекрасно понимали, что добровольного союза не существует, потому что «они сами его душили все предшествующие десятилетия» и действовали без лишней огласки. Автор сожалел: «Мы не заметили, что наш пролетарский «интернационализм» обернулся лишь национальным нигилизмом, а признание равноправия наций – всего лишь забвением о реальных различиях национальных интересов» (6).

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЮБИЛЕЙ

ПОЧЕМУ СССР
НЕ ОТПРАЗДНОВАЛ
СВОЕГО
70-ЛЕТІЯ?

Популярная в то время «Независимая газета» также напрямую отреагировала на 70-летие, но весьма своеобразно. В размещённой на первой полосе статье «СССР – естество демократии в условиях имперского тоталитаризма» подчёркивалось: «Они думали, что создают его на века. Более того – претендовали на то, что в будущем вся планета превратится в единый СССР. Не получилось, да и не могло получиться. Что бы там ни говорили, СССР все-таки являл собой империю и был (в государственном и международном отношении) прямым продолжателем царской Российской империи. А ни одна империя не способна существовать долго. По определению, империи не могут быть демократическими государствами. Советская империя была тоталитарной, а в некоторые свои периоды – почти фашистской. Во всяком случае, геноцид, территориальная и идеологическая экспансия были в эти периоды краеугольными камнями политики СССР. Это все – зло» (7).

Правда, оценка почти семидесятилетнего периода СССР заканчивалась оптимистично. Поскольку это наша история, это наши родина, память и наследие, нужно преодолеть худшее, что в них есть, так как навязанные государством юридические законы и обязательные нормы поведения людей «могут извратить многое, но никогда – всё и навсегда».

Взрыв с непредсказуемыми последствиями

О преодолении какого же худшего шла речь? Известно, что перестроечные процессы, начавшиеся в 1985 году, вышли из-под контроля власти и привели к обострению межнациональных отношений. Оно было связано не только с проведением политики гласности, но и с начавшимся переделом собственности на местах. Власти ряда союзных и автономных советских республик, нацелились на обретение экономической, хозяйственной, а затем и политической самостоятельности и закрепление за собой в ближайшем будущем как можно большего количества прибыльных активов (8). Постепенная утрата

партийным руководством влияния на развитие ситуации в стране побуждали национальные элиты к борьбе за передел границ и сфер влияния, что всё чаще приводило к этническим конфликтам. Первый стихийно случился в Якутске – в феврале 1986 года на катке произошла массовая драка между якутской и русской молодёжью. В декабре 1986 года выступила молодёжь Алма-Аты, недовольная снятием с поста первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаева и заменой его русским «варягом» Г.В. Колбиным. Применение силы для разгона митинга привело к кровопролитию, первому при Горбачёве (9).

Летом 1987 – осенью 1988 годов возникли организованные национальные движения: крымских татар за восстановление их автономии в Крыму, латышей, литовцев и эстонцев за выход из СССР, армян за воссоединение Нагорного Карабаха, входившего в состав Азербайджана, с Арменией и др. Азербайджанцы выступили против территориального передела своей республики, и конфликт принял формы кровавой и затяжной войны, которой предшествовали трагические армянские погромы в Сумгаите, а затем и в Баку. Азербайджанцы стали спешно покидать Армению, армяне – Азербайджан. Уже в 1989 году количество беженцев в Закавказье превысило 300 тысяч человек. В начале января 1990 года войска вошли в бунтующий Баку, где велась стрельба с крыш домов. В результате конфликта были убиты около 200 гражданских лиц.

Нерешённая проблема турок-месхетинцев подорвала общественное спокойствие в Ферганской области Узбекистана. Десятки тысяч месхетинцев, расселившиеся здесь, заняли землю, нехватка которой остро ощущалась в республике, а начавшийся рост населения обострил проблему до крайности. Открытая вражда, имевшая националистический характер, вызвала массовый отъезд месхетинцев, а это, в свою очередь, посеяло настороженность по отношению к узбекам у русского, немецкого и корейского населения. Она усилилась после погромов месхетинских домов в марте 1989 года, которые не предотвратила местная власть, бездействовала и милиция. Решить проблему возвращения месхетинцев в Грузию никто не мог. Спасая их от убийств и погромов, их вывозили на территорию Российской Федерации.

Тбилиси, 16 апреля 1989 года

В апреле 1989 года начались массовые акции протеста в Тбилиси. На площади, где находился Дом правительства, собирались многотысячные митинги для выражения «народного протеста» против коммунистов. Оппозиция требовала передать ей всю власть в республике, ликвидировать автономии внутри Грузии и выйти из состава СССР. Однако Москва рекомендовала не допускать конфронтации и не гасить «процесс», а в то же время приказывала держать войска наготове и в случае чего предотвратить погромы или захват правительственных учреждений. Такие указания давал М.С. Горбачёв, который находился в то время в Англии, но постоянно поддерживал связь с Москвой и был в курсе дела, а затем одобрил для разгона демонстрации ввод войск. В результате 20 человек погибли, сотни были ранены (10). После этого началась открытая дискредитация Вооруженных Сил СССР.

Все названные события и факты в условиях гласности становились известными общественности, все ждали реакции руководства страны и апеллировали к нему. Неслучайно в аппарате ЦК КПСС в 1987 году был создан отдел по национальным отношениям, который возглавил В.А. Михайлов и вокруг

которого сформировался круг консультантов из академических институтов. Этот отдел готовил рассмотрение обострившегося национального вопроса на XIX партийной конференции (28 июня – 1 июля 1988 года). В тезисах ЦК к ней говорилось: «В рамках перестройки политической системы следует рассмотреть и принять назревшие меры по дальнейшему развитию советской федерации... Жизнь показывает, что требуется постоянное внимание к вопросам межнациональных отношений, развитию каждой нации и народности... Происходит закономерный рост национального самосознания... Децентрализация и максимальная передача на места многих управленческих функций в полной мере относятся ко всем формам нашей национальной государственности и автономии» (11).

ЦК был готов к расширению самостоятельности национальных республик при условии, если они и дальше будут подчинены Центру: ключ к развитию наций заключается в органическом соединении самостоятельности союзных и автономных республик с их «ответственностью за общесоюзные государственные интересы» (12). В докладе Горбачёва на самой партконференции развивались эти тезисы без их конкретизации. Обходя случившиеся столкновения, он утверждал, что «Союз выдержал проверку временем», что и «впредь единственно здоровой основой нашего развития может быть только последовательное проведение ленинской национальной политики» (13).

Такие установки помешали серьёзно обсуждать события, произошедшие или назревавшие в союзных республиках. К примеру, выступления двух новых первых секретарей ЦК компартий Азербайджана и Армении А.Х. Везирова и С.Г. Арутюняна свелись к изложению известных событий, осуждению погромов и националистов, дестабилизирующих обстановку и подрывающих перестройку. Непримируемую позицию заняли прибалтийские лидеры, предложившие резко повысить самостоятельность союзных республик, в том числе и как субъектов международных отношений. Конференция приняла компромиссную резолюцию «О межнациональных отношениях», которая имела пропагандистский характер и состояла из общих слов о том, что любые претензии на национальную ис-

ключительность недопустимы и оскорбительны», что «в духе ленинской традиции следует бороться прежде всего со «своим» национализмом и шовинизмом, и делать это должны в первую очередь представители соответствующей национальности» (14). Скепсис вызвало и решение образовать специальный государственный орган по делам национальностей. Как тогда шутили: «Где найти другого Сталина, чтобы возглавить его?»

Определенные надежды связывались с сентябрьским (1989) пленумом ЦК КПСС по национальному вопросу. В готовившихся к нему материалах и плане-проекте доклада содержались новаторские для того времени подходы. К примеру, предлагалось исходить из того, что «не может быть раз и навсегда решенного национального вопроса», что к числу деформаций национальной политики следует отнести:

- извращение принципов федерализма в межнациональных отношениях, постепенное сужении суверенных прав республик и автономий (диктат ведомств в сфере экономики, социального развития, культуры и науки);
- нарушение социалистической законности (выселение отдельных народов, репрессии 30–40-х годов, необоснованные обвинения в национализме и шовинизме);
- ошибочную трактовку тезиса о сближении и слиянии наций, линию на их унификацию, догмы о достигнутом фактическом равенстве всех наций и народностей.

Предлагалось провести в докладе мысль о том, что «суверенитет Союза ССР – не сумма суверенитетов союзных республик, а тем более не часть их, делегированная Союзу, а новое качество – суверенитет единого федеративного по своему устройству государства». Предлагалось подчеркнуть верховенство Конституции СССР и законов СССР, а конфедералистские устремления квалифицировать как шаг назад, как ослабление государства в целом и каждой республики в отдельности (15).

Подверг сомнению сам принцип построения государства и его внутреннего устройства на этнической основе В.А. Тишков. Он высказал мысль, что в условиях развития демократии и стремления к суверенитету советские республики в этом смысле не могут категоризироваться как «национальные

(этнонациональные) государства», как это определено Конституцией 1977 года и поддерживалось интеллектуальной и политической элитой «коренных наций» (16). Известный этнограф пытался провести мысль о том, что права гражданина выше прав нации и в официальных документах. В выступлении на XXVIII съезде КПСС в июле 1990 года он сказал о вмонтированном в общественное сознание и в государственно-правовую практику страны доктринальном этнонационализме, который проявился «в объявлении одних народов нациями, других – народностями и национальными группами, в создании иерархии национальных государственных образований с Центром, через который насаждался русскоязычный официоз, в дележе народов на коренные и некоренные со своей и не своей государственностью, в государственной фиксации национальной принадлежности граждан, причём только по одному из родителей» (17).

Все эти и другие предложения и оценки в ситуации инерционного догматизма существенно урезались или игнорировались. Горбачёв и его окружение проводили пассивную политику в национальной области, проявляли бездействие там, где необходимо было продемонстрировать политическую волю и решительность. А доклад генсека на сентябрьском пленуме свёлся к привычному восхвалению «ленинской национальной политики». На фоне реальных противоречий уже не воспринимались цифры о том, что «если в 1926 году максимальный разрыв по производству промышленной продукции на душу населения между старыми промышленными районами и национальными окраинами достигал 38 раз, то в 1941 году он сократился до 4,1 раза, а в настоящее время составляет примерно 2,3 раза», что «если еще в конце 1950-х годов рабочие по численности преобладали только в РСФСР, Казахстане, Эстонии и Латвии, то в конце 1970-х годов так обстояло дело практически во всех республиках», что «если перед войной многие народы не имели подготовленных кадров, то теперь положение изменилось коренным образом: все они располагают такими кадрами, включая специалистов высшей квалификации» (18). Не воспринимались абстрактные призывы сделать полнокровной советскую федерацию, утверждать в межнациональном общении взаимное уважение исторических

традиций и национальной специфики народов, совершенствовать культуру межнациональных отношений.

Определённое продвижение наблюдалось в решении вопроса о полной политической реабилитации народов, подвергшихся насильственному переселению. В ноябре 1989 года была принята Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». Результатом настойчивой деятельности инициативных групп и отдельных граждан стало принятие Советом Национальностей Верховного Совета СССР в ноябре 1990 года постановления о реабилитации крымских татар, согласно которому планировалось создание системы мер по организованному возвращению этой группы населения. На практике это было осложнено организационными и материальными трудностями, а также реакцией местного населения. 26 апреля 1991 года был принят закон «О реабилитации репрессированных народов». В нём впервые в советской истории нашли определение «репрессированные народы», виды реабилитации, а также признаны незаконными все правовые акты, принятые в отношении репрессированных народов, за исключением актов, восстанавливающих их права. При этом в отличие от Декларации от 14 ноября 1989 года в законе не были конкретно перечислены репрессированные народы, что вызвало определённые проблемы в будущем (19).

Разрушение стержня СССР и «парад суверенитетов»

Запоздалость решений XIX партконференции и пленума ЦК по национальному вопросу стало особенно очевидной тогда, когда после этих форумов начался динамичный процесс по разрушению стержня Союза. 7 декабря 1989 года Верховный Совет Литвы отменил 6-ю статью Конституции, которая провозглашала КПСС руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы. Через 5 дней,

«Удар, еще удар». Художник Е. Чорина

на II Съезде народных депутатов СССР, который открылся 12 декабря 1989 года, на первом утреннем заседании А.Д. Сахаров открыто потребовал включить в повестку дня вопрос об отмене 6-й статьи, но большинство на съезде отказалось обсуждать этот вопрос. И тогда 20 декабря 1989 года большинство делегатов XX съезда Компартии Литвы приняли решение о выходе из КПСС (20). Это означало старт распада единой политической организации, которая еще оставалась основой управления Советским Союзом.

Большинство руководства КПСС считали нужным применить силу для сохранения единства партии, однако Горбачёв убедил ЦК КПСС отложить вопрос о ситуации в Прибалтике на некоторое время. Срочно созванный пленум ЦК 25 декабря 1989 года Горбачёв назвал необычным для нашей партии, поскольку решение литовских коммунистов «затрагивает судьбу всей страны». Однако снова, как и в других вопросах, генсек призвал «проявить максимальную выдержку, взвешенность и осмотрительность, дать возможность остудить эмоции и вернуться к здравомыслию» (21). Решение XX съезда даже не было

отменено, по решению пленума Горбачёв вылетел в Вильнюс 11 января 1990 года в сопровождении делегации из 40 человек и провел в Литве 3 дня, но безрезультатно. И уже в Москве 4 февраля 1990 года прошли массовые митинги, на улицы столицы вышли по меньшей мере 200 тысяч человек. Это была самая мощная и хорошо подготовленная акция протеста, главным лозунгом которой стало требование отменить 6-ю статью Конституции СССР. И тогда 5 февраля 1990 года Горбачёв созвал пленум ЦК и заявил о необходимости введения поста президента СССР с одновременной отменой 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС и установлении многопартийной системы.

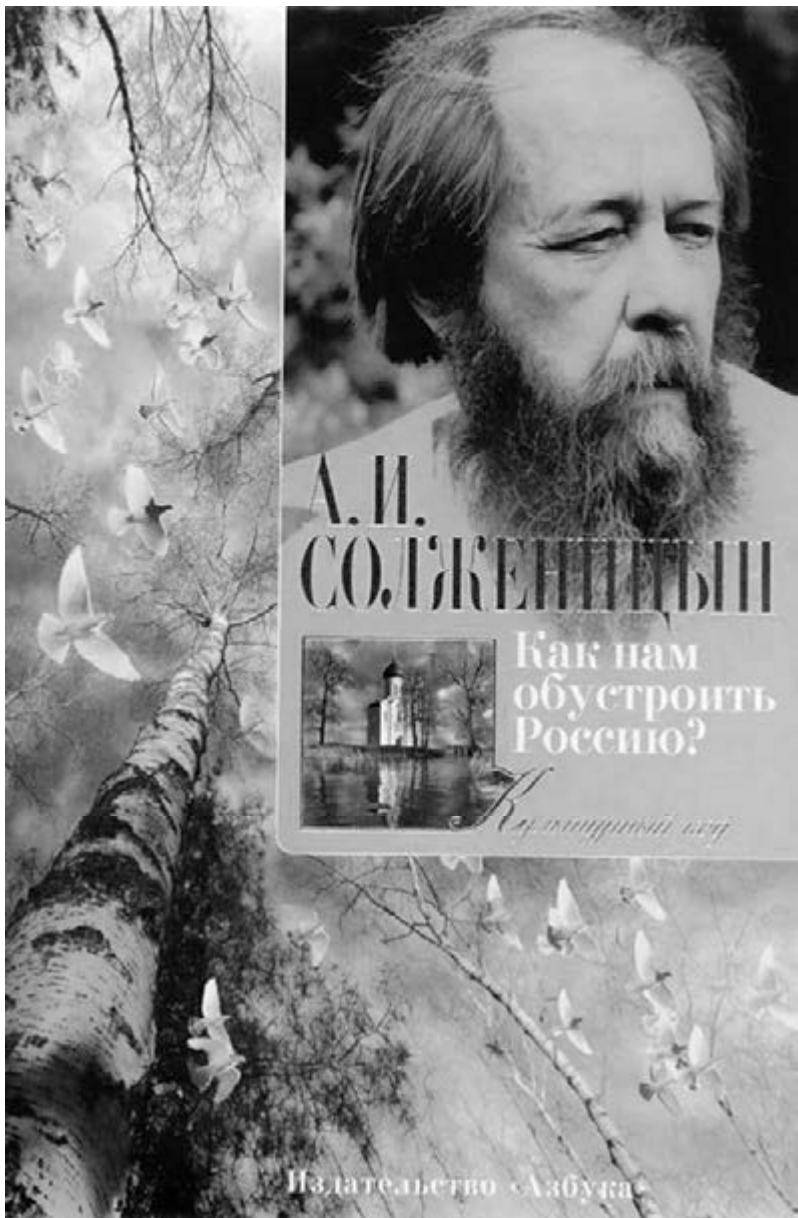
Все выступавшие на том пленуме негативно отнеслись к предложению об отмене 6-й статьи, в самых резких тонах клеймили «так называемых демократов», говорили о дискредитации партии и социализма. Но несмотря на решительный настрой единодушно проголосовали «за». На III внеочередном съезде народных депутатов (12–15 марта 1990) была принята новая редакция 6-й статьи: «Коммунистическая партия Советского Союза, другие политические партии, а также профсоюзные, молодёжные, иные общественные организации и массовые движения через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах участвуют в выработке политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами». Вместо обычного для советской системы «коллегиального главы государства» – Президиума ВС СССР – был учреждён пост президента СССР с большими полномочиями и в первый раз «в порядке исключения» он был избран народными депутатами СССР. А чуть позже по принятому закону «Об общественных объединениях» произошла и легитимация многопартийности.

Знаковым в этом процессе стал I съезд народных депутатов России (16 мая – 22 июня 1990 года), выборы на который проходили уже на многопартийной основе. На этом съезде Б.Н. Ельцин был избран председателем Верховного Совета РСФСР и в своей программной речи 25 мая он заявил: «Самое главное направление одно – укрепление Союза». Однако спустя всего две недели, 12 июня 1990 года, он поставил на голосование съезда Декларацию о государственном суверенитете

Парад суверенитетов. Эстония

России. Декларация провозгласила государственный суверенитет РСФСР «в составе обновленного Союза ССР», а также верховенство Конституции РСФСР и законов РСФСР на всей территории России, право республики приостанавливать на своей территории действия актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР. Таким образом Россия сделала первый и решительный шаг на пути к независимости и разрушению Советского Союза. Вслед за российским парламентом летом того же года декларацию о независимости приняли Узбекистан, Молдова, Украина, Беларусь. Далее начался каскад провозглашения суверенитета внутри республик. Союзное руководство поощряло это движение путём претворения так называемого «плана автономизации», чтобы ослабить или развалить суверенную Россию. За опорой на автономии, выравниванием прав всех республик скрывалось стремление создать государство из 35 республик. Но и Ельцин в одном из своих выступлений предложил российским автономиям взять «столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Именно в это время немалый резонанс вызвала

А. И.
СОЛЖЕНИЦЫН

Как нам
обустроить
Россию?

Культурный код

Издательство «Азбука»

статья А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию», в которой он обострил проблему неизбежного выбора между империей и духовным спасением российского народа: «Держать великую империю – значит, вымертвить свой собственный народ... Отделением двенадцати республик, этой кажущейся жертвой – Россия, напротив, освободит сама себя для драгоценного *внутреннего* развития, наконец, обратит внимание и прилежание на саму себя» (22).

Писатель предупреждал о том, что процесс отделения должен быть строго регламентирован и занять несколько лет, чтобы не носить «обвальный характер». Однако события развернулись совсем по иному варианту. Первая – неудачная – попытка создать вместо СССР Содружество государств была предпринята в декабре 1990 года, когда накануне II внеочередного съезда народных депутатов РСФСР российское руководство провело консультации совместно с руководством Украины, Белоруссии и Казахстана о заключении четырехстороннего соглашения и образовании новой формы Союза. Горбачёв воспрепятствовал этому плану и выход из положения видел в подготовке и заключении нового Союзного договора. Новое государство предлагалось создавать как федерацию с сильным центром. Грузия и республики Прибалтики игнорировали это обсуждение, а Россия, заключив с Украиной и Казахстаном двусторонние соглашения о признании суверенитета друг друга, вытесняла в новой схеме союзный Центр. Центральные власти в какой-то момент попытались устранить угрозу распада СССР силовым путём. В январе 1991 года силы Советской армии и КГБ захватили телецентр Вильнюса (14 человек погибли) и попытались свергнуть власть Верховного Совета Литвы во главе с Витаутасом Ландсбергисом, провозгласившего независимость республики. Эта попытка не удалась, безуспешным было и её повторение в Риге. В феврале 1991 года в Литве на референдуме о дальнейшем пребывании республики в составе СССР 90 % проголосовавших высказались за независимость. Горбачёв заранее объявил этот референдум незаконным. Ельцин открыто поддержал стремление Прибалтики к независимости и заявил, что президент СССР должен уйти в отставку. Более того, он призвал к созданию российской армии и заключению между Россией, Украиной,

УВАЖАЕМЫЙ (АЯ)

**ПРИГЛАШАЕМ ВАС
ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В РЕФЕРЕНДУМАХ
СССР и РСФСР**

**ГОЛОСОВАНИЕ СОСТОИТСЯ 17-03-1991
с 7⁰⁰ до 22⁰⁰ ЧАСОВ ПО АДРЕСУ:**

Партизанская, 266

УЧАСТКОВАЯ КОМИССИЯ РЕФЕРЕНДУМОВ

Клиф. Мельниковой фабрики

Белоруссией и Казахстаном четырёхстороннего соглашения, не дожидаясь Союзного договора.

Горбачёв, в свою очередь, вынес вопрос о сохранении СССР как обновленной федерации на всенародный референдум – единственный за всю историю существования СССР. Свыше 70 % проголосовавших 17 марта 1991 года высказались за Союз. Однако в референдуме участвовало население только 9 из 15 республик (без Армении, Грузии, Латвии, Литвы, Молдавии и Эстонии). Получив столь очевидную поддержку, Горбачёв попытался оказать давление на Ельцина, но в ответ получил усиление протеста как со стороны демократов, так и со стороны консерваторов. В апреле 1991 года Горбачёв сумел заручиться поддержкой лидеров 9 республик, участвовавших в референдуме. После переговоров в президентской резиденции в Ново-Огарёво было сделано заявление 10-ти (9 лидеров республик + президент СССР) о совместных мерах по стабилизации экономики и политической ситуации, а также подготовке нового Союзного договора. По месту проведения переговоров процесс дальнейшей работы над новым Союзным договором получил название Новоогарёвского процесса. Однако Ельцин, избранный 12 июня 1991 года первым президентом России (вице-президентом стал А.В. Руцкой, возглавивший умеренных коммунистов), продолжал противостояние с Горбачёвым. В частности, им был издан указ о департизации – запрете деятельности партийных комитетов на предприятиях и в учреждениях.

Союзный договор. Художник А. Рубец

Москва. Август 1991 г.

В конце июля Горбачев объявил о завершении работы над проектом Союзного договора. В нём республики именовались суверенными государствами, а сам Союз – Союзом Суверенных Государств (ССГ), понятия и определения, связанные с социализмом, отсутствовали. Горбачёва в его стремлении предотвратить разрушение СССР через Новоогарёвский процесс поддерживали Ельцин и его сторонники, зато он подвергался все более яростным нападкам со стороны ортодоксальных коммунистов.

Подписание нового договора, намеченное на 20 августа 1991 года, сорвала попытка государственного переворота 19 августа, главным итогом которого стал распад системы центральной власти – реальные рычаги управления перешли к республикам. Августовский путч резко ускорил процесс обретения ими независимости. О своей независимости с начала путча объявили Эстония и Латвия, а сразу после его провала – Украина. В конце августа их примеру последовали Белоруссия, Молдавия, Азербайджан, Узбекистан и Киргизия (Литва и Грузия провозгласили государственную независимость до путча). Попытки Горбачёва возобновить процесс заключения нового Союзного договора успеха не имели. В обстановке углублявшейся экономической катастрофы все республики надеялись, что по-

одиночке им будет легче обеспечить население продовольствием и товарами первой необходимости.

7 декабря Ельцин выступил в Верховном Совете Белоруссии с заявлением: «Старого Союза уже по факту нет. Нового Союза пока тоже нет...». А 8 декабря 1991 года президенты России и Украины Ельцин и Л.М. Кравчук, а также председатель Верховного Совета Белоруссии С.С. Шушкевич, после предварительной тайной подготовки, встретились на правительственной даче Вискули в Беловежской пуще. Там ими было подписано соглашение о прекращении существования Союза ССР и образовании тремя республиками СНГ. Горбачёв объявил это решение неконституционным, но отменить его не мог – в его распоряжении для этого уже не было никаких реальных рычагов или, во всяком случае, реальных рычагов, позволяющих обойтись без применения силы. Соглашение действительно не имело юридической силы, пока его не утвердит Съезд народных депутатов, образовавший 30 декабря 1991 года СССР. Вместо этого был собран Верховный Совет РСФСР, который 12 декабря утвердил Постановление о денонсации Договора 1922 года, Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), Постановление об утверждении Соглашения и Постановление по отзыву депутатов РСФСР из Верховного Совета. «За» прекращение существования Советского Союза проголосовал 161 депутат, 9 – воздержались, 7 – высказались против. За два дня до этого парламенты Украины и Белоруссии ратифицировали соглашение, а 21 декабря главы одиннадцати государств – бывших республик СССР, за исключением трёх прибалтийских республик и Грузии, подписали Декларацию об образовании СНГ, столицей которого был объявлен Минск. 25 декабря 1991 года в 18.50 перед камерами как Гостелерадио, так и CNN, которая вела трансляцию на 153 страны мира, Горбачёв подписал указ о сложении с себя полномочий Верховного главнокомандующего советскими Вооружёнными Силами и передаче права на применение ядерного оружия президенту России. Ровно в 19.00 уходящий президент СССР зачитал в прямом эфире своё обращение к народу. Горбачёв сложил полномочия президента СССР и ушёл в отставку. Вечером был спущен и флаг СССР над Кремлём.

Беловежские соглашения. Художник неизвестен. 1991 г.

Кризис идентичности и переход к «нациецентричным» историям

С распадом СССР и образованием новых государств люди стали пересматривать прежние представления о себе, столкнулись с сосуществованием старых и новых идентичностей, в том числе национальных. Это вызвало кризис самосознания и далеко не всегда рационально контролируемые политические проекции, связанные с отрицанием *ancien régime* и его политической и социокультурной системы. Известно, что когда представители той или иной нации размышляют о своей истории, им тяжело говорить на одном и том же языке. И дело не только в интеллектуальной борьбе за приоритетное право на престижное наследие или в замалчивании позорящих страниц. В различные эпохи национальной жизни выступают на передний план определенные аспекты, отбирается из прошлого то, что соответствует её, этой эпохи, духу. Сразу после 1991

года повсюду проявились тенденции к героизации, удревнению своей государственности, завышению уровня политического и общественного развития этносов, вообще самоутверждению за счёт соседей, созданию модифицированного пантеона выдающихся национальных деятелей. В России некоторые историки стали усматривать преодоление кризиса идентичности в возвращении к «русской идее», в Таджикистане отдельные учёные начали размышлять над причинами и последствиями того «вольнодумства», которое результировалось в негативистской саморефлексии: «Мы ни то, и ни это, и ни третье». На Украине «болевой» оказалась проблема этногенеза украинцев и места в нем Киевской Руси, в Молдавии – запутанность исторических отношений основного этноса (молдаван) с Россией и Румынией, а в Армении заговорили о «карабахизации» своей национальной истории.

По сути, оппозиция «своё–чужое» возводилась в нечто непримиримое. Диалогические отношения (в смысле Бахтина), когда «чужая» культура в глазах другой раскрывала себя полнее, а соприкосновение одного смысла с другим показывало глубины обоих, стали деформироваться. Это являлось последствием, с одной стороны, той политики, которая сопровождалась отрицанием у другого народа «своего» прошлого, и, с другой стороны, разрушением исторической памяти. Дало о себе знать стремление заменить советским – «интернациональным» – пластом истории национальные традиционные картины мира. В национальных историях явились скрытые и открытые формы отчуждения от русской истории и культуры, возникла даже мания этновеличия. На этом фоне разворачивался и процесс конституирования и собственно русской историографической школы. В содержании этого процесса наиболее заметно проявились две тенденции. Во-первых, определённая часть специалистов была привержена подходам, укоренённым в системах либерального мышления. Это оборачивалось ориентацией на некий концептуальный «треугольник»: цивилизационный подход – теория модернизации – идеи «школы тоталитаризма». Во-вторых, формировалась устойчивая линия новейшей историографии, представляющая собой инвариант великорусской традиции, той же позиции «старшего брата» в «семье народов». При всех различиях в идейно-политических

пристрастиях, которые демонстрировало тогда это направление историознания, в целом оно ориентировалось на российскую консервативную идеологию.

Как это ни парадоксально, но времена общественных сдвигов и изломов – самые для историков благодатные. Новейшая «смена веков» способствовала освобождению национального историознания от диктата державно-имперской, великорусской традиции и утверждению модели «национальной концепции» истории вновь возникших государств или полугосударственных образований. Научные центры и университетские кафедры нередко становились местом культурно-национального самоопределения специалистов, проявления их этнонациональных пристрастий, не сдерживаемых идеологическими обязательствами. В любом случае на протяжении последующих десятилетий историографическую науку в странах СНГ и Балтии отличало усиление этноцентризма – исследовательского подхода, для которого характерны сочувственная фиксация черт своей этнической группы, вплоть до выделения этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического познания.

Тема этнической государственности и этнических территорий выдвинулась в число наиболее актуальных. «Национальное государство» как понятие и как социально-политический феномен приобрело качество абсолютной ценности, вокруг которой и стали в значительной мере формироваться исторические построения. В данном контексте так называемый парад суверенитетов стал восприниматься как восстановление исторической справедливости по отношению к тому народу, чей этноним содержится в названии соответствующей республики. То, что истории становились национальными, первоначально проявилось в отношении к терминологии. Вместо прежде шаблонно употребляемых терминов «классовая борьба», «пролетарский интернационализм», вместо всех антиподов буржуазного классового начала появился новый набор, постепенно наполняемый содержанием – «финансово-промышленные группы», «социально-рыночная экономика», «межнациональное согласие», «межкультурная коммуникация», «национальные интересы», «национальное возрождение» и т. д. В новых исторических построениях главным историческим героем стал

народ-этнос и конкретные личности, в которых он воплощался. Историю классов, социальных групп, политических режимов и институтов сменяла история народов, национальных государств, национальных культур и национальная история в лицах, где выдающиеся деятели выступают в роли символов лучших черт представляемого ими народа.

Москвоцентричность истории советского периода, согласно которой все важнейшие события происходили в Москве, «все народы якобы связывали свои надежды опять-таки только с Москвой, а Россия выступала едва ли не бескорыстной защитницей соседних народов, несла им свободу и прогресс» (23), повсюду подвергалась критике. Если раньше история союзных республик – это история «национальных окраин» относительно москвоцентричной советской истории, то после 1991 года каждое независимое государство само становится самостоятельным центром. Истории этих государств естественным образом также начинают отталкиваться от «самоцентризма»: на Украине – украиноцентричная, в Эстонии – эстоницентричная, в Казахстане – казахстаноцентричная и т. д. Более того, это изменение являлось историософичным. Интеллигенция национальных республик во второй половине 1990-х годов настойчиво предлагала иначе оценивать проблему взаимодействия «Центра» и «национальных окраин» в СССР, с достижениями собственных народов связывать импульсы прогрессивного развития России. Московский Центр и окраина как бы менялись местами, «для национальных историков более важным становится вопрос о том, чем прославил Россию тот или иной народ, а не о том, чего он достиг в результате вхождения в её состав» (24).

Этот «страноцентричный» подход в историознании применялся с той целью, чтобы исследовать мировой исторический процесс не как совокупность фактов, событий и личностей, а чтобы оценить место своего государства в мировой истории, вклад своей культуры и науки в мировую культуру и науку, пробудить в сознании граждан этнонациональную гордость. Этноцентричность начала реализовываться и на уровне школьного образования. В школах Украины основным принципом системы обучения объявлялась украиноведческая направленность. Последняя понималась как рассмотрение обще-

ственно-исторического процесса становления и бытия украинской нации, самобытности её культуры и самосознания в контексте развития мировой науки и культуры. Предложенный «нациецентричный» подход реализовывался через внедрение национально-ориентированных курсов (украинская литература, история и география Украины, украинская художественная культура), а также благодаря воссозданию культуроведческих аспектов исторического развития украинской нации в общенаучных предметах (всемирная история, математика, естественные науки). «Нациецентричные» истории, ввиду своего радикального отличия от прежней исторической науки, аргументировали новые тезисы с опорой на факты, которые раньше замалчивались, на конфликтные вопросы, прежде пресекавшиеся на корню. Обнародование новых сторон прошлого и опора на них разрушала многие идеи, которые являлись базовыми в Советском Союзе, прежде всего идею дружбы народов. Критике подверглись советские историки, нарочито акцентировавшие внимание на тех исторических событиях, которые соответствовали идее дружбы народов, которые могли её ярко проиллюстрировать.

В стремлении разрушить дружбу народов как миф историки обращались к наиболее острым вопросам межнациональных отношений, которые в «сплоченном» СССР находились под табу. К таковым в первую очередь относились конфликты между Арменией и Азербайджаном вокруг Нагорного Карабаха, споры между Таджикистаном и Узбекистаном по поводу Самарканда и Бухары (25). В Белоруссии некоторые радикально настроенные историки вообще пришли к заключению, что «многие десятилетия под фальшивым флагом интернационализма проводилась русификация белорусского народа, его исторической памяти и национального сознания. Итогом этого стало широкое распространение среди молодёжи национального нигилизма, отречения от родного языка, национальной культуры, истории, традиций» (26). О прикрываемой дружбой народов и интернационализмом русификации активно высказывалась украинская научная интеллигенция (27). О русификации в союзных республиках допускалось говорить еще до перестройки, но только в рамках дискредитации этой политики в царской России. После 1991 года термин «русификация»

стал связываться с советской национальной, языковой и культурной политикой. Востребованными становились те события исторического прошлого, смысл которых отвечал конъюнктурной политике новой политической элиты.

Наиболее заметной по-прежнему была тема вхождения-присоединения к Российской империи. В независимой Грузии часть историков подвергла критике прежнюю трактовку присоединения территории к Российской империи. Принятый в советской историографии тезис о том, что присоединение к России спасло Грузию от неминуемого «поглощения» Османской империей и Селевкидским Ираном, стал резко отрицаться (28). Одновременно для историков и массового исторического сознания время существования Демократической Республики Грузии в 1918–1921 годах – один из самых ярких эпизодов отечественной истории. Быстро преодолевались штампы советской историографии, согласно которым события 1921 года являлись результатом «победоносного восстания грузинского пролетариата, свергнувшего власть приспешников буржуазии – грузинских меньшевиков». Для подавляющего большинства исследователей 25 февраля 1921 года – установление советской власти – определялся как «аннексия Грузии», «скрытая аннексия Грузии», «вооруженная интервенция Советской России», «оккупация Грузии», «экспорт политической системы» (29).

Проблема интерпретации присоединения Казахстана к России остро обсуждалась в среде казахстанских историков. В центре внимания оказались национально-освободительная борьба казахского народа 30–40-х годов XIX века, восстание 1916 года, деятельность отдельных ярких представителей национальной интеллигенции в начале XX века, деятельность партии «Алаш» и правительства. Если раньше процесс присоединения определялся как «добровольный», а деятельность хана Абулхаира, главного инициатора присоединения родов из младшего жуза, оценивалась как исключительно положительная, с употреблением эпитетов «мудрый», «дальновидный», «выдающийся», если сам акт принятия российского подданства подавался как чуть ли не единственная возможность сохранения национального единства, то теперь вся эта история описывалась иными понятиями – «поглощение», «насильственное

присоединение» и даже «военный захват». Хан Абулхаир предстал как «властолюбивая» и «противоречивая» личность, как «предатель» и «сепаратист». Формирование «своей» истории было замешано на преодолении некоего «комплекса» кочевничества, осознании того, что в прошлом казахи были какими-то не такими, как все. Уникальность кочевничества в массовом сознании порой ассоциировалась с «варварством», «отсталостью». И во что бы то ни стало надо было доказать, что казахи не такие, что у них вполне респектабельное прошлое, насыщенное проявлениями массового гуманизма (30).

История современной Молдовы также не была исключением. Одна из популярнейших идеологем, которая насаждалась Народным фронтом, сводилась к тому, что аннексия территории Молдовы была совершена правительством Российской империи. Наиболее дискутируемыми и политически актуальными для молдавской исторической науки, на которую, ко всему прочему, особое влияние оказала румынская историческая наука, стали события 1812, 1918, 1940 годов, оценка которых превратилась в своего рода лакмусовую бумажку для определения политической ориентации автора. Трактовка присоединения Бессарабии к России в 1812 году по условиям Бухарестского мирного договора России и Турции приобрела широкий диапазон оценок: от аннексии и грубого попрания норм международного права до освобождения от турецкого ига и исполнения вековых чаяний населения Молдавии (31).

Особенностью национальных историй стала повсеместная сакрализация постреволюционного периода после падения Российской империи, когда окраины провозгласили себя независимыми республиками. В Литве, к примеру, более не отмечались 1 и 9 мая, 23 февраля и 8 марта, а важнейшими государственными праздниками стали 16 февраля – День провозглашения независимости – создание Литовской Республики в 1918 году, 11 марта – День восстановления независимости, 13 января – день защитников Телецентра. Дни создания первых республик были объявлены государственными праздниками в Азербайджане, Грузии, Литве, Латвии и других странах постсоветского пространства. Например, в Грузии День провозглашения Первой республики – 26 мая – стал важнейшим государственным праздником страны. В специальном указе по случаю

80-летней годовщины ДРГ президент Грузии Э.А. Шеварднадзе подчеркнул, что эта дата – «одна из важнейших вех 3000-летней истории грузинской государственности». Отмечая преемственность между Первой республикой и нынешней державой, он отметил, что те важные цели, к которым Грузия стремится на пути строительства сильного, демократического, правового государства, органически связаны с целями и идеалами, признанными и конституционно утвержденными провозглашённой 26 мая 1918 года Демократической Республикой Грузией (32).

Сакральное отношение к периоду независимости республик после 1917 года побуждало общественность к новому мифотворчеству. Ещё в мае 1989 года был обнародован и принят окончательный вариант широко обсуждавшейся научной общественностью «Государственной программы по истории Грузии», которая предусматривала утверждение новых подходов к ее исследованию, преподаванию и популяризации. Она указывала на необходимость «пересмотра и уточнения исследовательских планов научных учреждений и учебных заведений», причём, если в области древней и средневековой истории предусматривалось лишь «расширение всесторонних исследований», то в отношении исследования истории Грузии новейшей и предреволюционной эпохи требовалась «коренная перестройка». Историки стремительно начали изучать историю трёхлетнего (1918–1921) существования Демократической Республики Грузии, к которому был прикован общественный интерес и на изучение чего существовал социальный заказ. Для работ этого направления была характерна явная идеализация ДРГ как страны, сумевшей достичь впечатляющих успехов в утверждении социального и национального мира. Однако в эту идеализированную схему явно не вписывались известные факты социального недовольства трудящихся: неоднократные демонстрации и забастовки, карательные операции войск ДРГ по подавлению восстания в Южной Осетии в 1920 году и их силовое присутствие в Абхазии. Если же говорить о «войне топонимов», переименованиях улиц с историческими названиями и именами в Грузии, то обратило на себя внимание «полное изгнание» из языка некогда широко распространенного в грузинской исторической литературе топонима

Южная Осетия, который заменялся словосочетанием Цхинвальский регион (современный контекст) или же средневековыми грузинскими Самачабло или Шида Картли (исторический контекст). В качестве основной причины замены называлась «искусственность», «изобретённость» наименования Южная Осетия, введённого большевиками для того, чтобы оправдать образование в 1921 году в Грузии Юго-Осетинской автономной области (по другому мнению – еще царскими чиновниками, чтобы расколоть территориальное единство Грузии) (33).

Этот же процесс примечательным образом происходил в Армении, где города, улицы и районы с азербайджанскими названиями начали переименовываться. Причём это касалось не только населённых пунктов, названных именами азербайджанских революционеров (например, Азизбекова), но и просто тюркских топонимов в изобилии присутствовавших в Армении и Карабахе. Топонимам либо давались армянские названия, либо «арменизировались» прежние» (34).

Во всех республиках постсоветского пространства произошла реставрация символики, являвшейся национальной в те исторические периоды, когда государства постсоветского пространства считали себя независимыми. На Украине во время Российской империи и СССР национальная символика запрещалась, а исторические культурные ценности, выступавшие в роли государственно-политических символов, были или уничтожены, или вывезены с территории Украины. Важность этномобилизующей и нациеконсолидирующей роли исторической символики понимали украинские интеллектуалы – историки и деятели культуры, которые в конце 1980-х – начале 1990-х годов начали обсуждать вопросы обретения украинцами «своей» исторической символики, ритуалов и церемоний, а также возвращения на Украину культурных ценностей. Все это использовалось для обоснования единства украинцев и всех регионов Украины.

Обращение к истории Киевской Руси, государства Богдана Хмельницкого (середина XVII века), Украинской Народной Республики (1917–1920 гг.) объяснялось первым президентом Л.М. Кравчуком следующим образом: «Мы все воспитаны на искаженных фактах. На идеологизации нашего бытия. Это

Флаг и герб Украины

правда. Историки разошлись в мыслях, но факт истории, что для Украины свойственны жёлтый и голубой цвета, знак тризуб, остается абсолютно понятным... Давайте попробуем ответить на вопрос: какие символы скомпрометировали государство, а какие – политические символы? Я могу точно и ясно сказать, что звезду, серп и молот скомпрометировало государство, а тризуб и жёлто-голубой флаг – политические силы, которые не были государственными. Чтобы перестать спорить, давайте себе скажем, что никогда не причиним зло народу Украины и будем строить независимое государство под историческими символами» (35).

Наряду с изменениями в системе праздников, символов и топонимов в ряде республик пересматривался состав национальных пантеонов. На Украине в ряд выдающихся национальных деятелей вошли князья Киевской Руси, украинские гетманы, начиная от Богдана Хмельницкого и заканчивая Иваном Мазепой, Филиппом Орликом, украинские политические деятели XX века: Михаил Грушевский, Владимир Винниченко, Симон Петлюра, Степан Бандера и др. Одна часть общества отворачивалась от «старых» коммунистических героев и демонтировала памятники Ленину, а другая – отказывалась воспринимать «новое» прошлое и «новых» исторических героев. Резонансными и за пределами Украины стали пожары на могиле поэта Василя Стуса, в доме родителей Тараса Шевченко, разрушение памятника Степану Бандере.

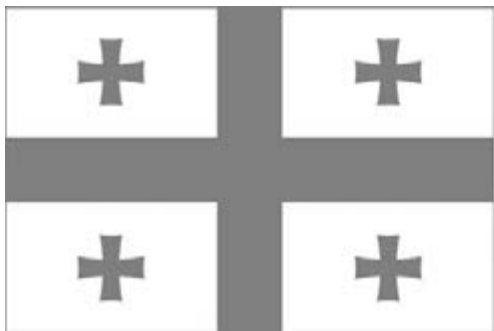
Флаг и герб Казахстана

В Казахстане, к примеру, галерея «мучеников и героев» пополнилась именами представителей казахских ханов, баев, деятелей партии «Алаш», репрессированной национальной интеллигенции. При этом почти не изменилось отношение к государственным и партийным деятелям советского периода – Алиби Джангильдину, Уразу Джандосову, Динмухамеду Кунаеву. Список антигероев возглавили такие пришлые «элементы», как Ермак, Филипп Голощекин, Геннадий Колбин и другие. В независимых республиках произошли перемены в системе праздников и исторических дат. Как и на Украине, в Казахстане всё громче и резче поднималась тема голодомора. В массовом сознании начинает укореняться представление о специально организованном голоде 1932–1933 годов с целью полного уничтожения украинского и казахского этносов. На одно из центральных мест выдвинулась и история, связанная с освоением целинных и залежных земель. Политика Москвы рассматривалась с акцентом на результатах полного выветривания плодородной почвы на обширных территориях. Делался вывод, что центр вообще намеренно проводил политику сохранения экономической отсталости Казахстана в послевоенные годы, развивал только сырьевую и добывающие отрасли народного хозяйства. В описании этих и других событий на место политизации пришла мифологизация. Национальной судьбе и национальному характеру придавались черты исключительности. То, что не отвечало этому, просто игнорировалось.

Идея этноцентризма порой приобретала формы элементарного абсурда в оценке исторических событий. Политический

заказ и следующая отсюда научная нечистоплотность, непрофессиональная безответственность, сознательная неверифицированность фактов и уверенное чувство неприкосновенности оказали плохую услугу «нациецентричности». Обретение собственных исторических «корней» часто превращалось не в научный поиск, а в ожесточенную борьбу с «хранителями» советских традиций. В таких условиях лавина публикаций о прошлом хотя и приковывала внимание общества к собственной истории, нередко была замешана на мистике, эзотерических представлениях и фантастических предположениях. В частности, этим отличались статьи и даже книги, посвященные древним историческим «корням» украинцев. Солидные журналы и газеты публиковали рассказы о так называемых «украх», которые несколько тысяч лет назад дали название Украине. О том, что трипольские племена, жившие на территории Украины в период неолита, создали первую в Европе письменность, которую потом использовали финикийцы. О «звёздных людях» с планеты Венера, которые передали на землю знак тризуба, а потом греки, жители Атлантиды, принесли его на Украину, где уже существовала империя У-Гор, которая простиралась от Атлантики до Тихого океана. Дело дошло до публикации журналом «Вісник НАН України» (НАН – Национальная Академия наук) книги Юрия Канигина «Путь ариев», автор которой – доктор экономических наук – вполне серьёзно утверждал, что украинцы являются прямыми потомками индоевропейских ариев, которые обладали «духовным совершенством», а их символами были арийский крест (свастика) на сине-жёлтых штандартах. Резкой критике подобную антинаучную работу подверг вице-президент НАН Украины П.П. Толочко за «доведенную до абсурда «украинопупию»» (36).

В Грузии появился ряд околонуучных трудов, в которых исторические и культурные «достижения» России намеренно оценивались как гораздо менее значимые, чем достижения Грузии. Подобные параллелизмы, безусловно, являлись признаком непрофессионализма. Как самостоятельное историографическое направление возникла сталиниана. И хотя личность Сталина получила в Грузии неоднозначную оценку, сталинофильские настроения достаточно сильны и являются скорее преобладающими. Историческое сознание крайне негативно

Флаг и герб Грузии

воспринимало тоталитаризм, но отношение к одному из его главных творцов являлось, мягко говоря, лояльным. Причина этого кажущегося противоречия достаточно тривиальна и заключена в этническом происхождении бывшего политического лидера СССР. Как заявил председатель общества «Сталин» Григорий Ониани, «маленький народ гордится великим человеком, оставившим в истории куда более значительный след, чем все его предшественники» (37).

Создание национальных историй в странах Центральной Азии – например, в Таджикистане – усложнялось тем, что в советское время основанное на религии государство, ставшее одной из союзных республик, было «переделано» в светское, полностью изменился жизненный уклад, поскольку советская власть настойчиво искореняла исламский образ жизни как основу прежней ментальности. Второй фактор, препятствовавший работе таджикских историков, – несколько раз менявшийся письменный язык, что сделало целый ряд источников недоступным. Известно, что в рамках борьбы с исламским наследием в советское время таджики претерпели две последовательные смены алфавитов. В 1929 году арабица была заменена латиницей, а в 1940-м от латиницы перешли к кириллице. Параллельно с этим систематически изымались из свободного хождения и уничтожались книги на арабице, сохранились только те из них, которые теми или иными путями попали в государственные библиотеки. Последствия этих перемен крайне сложные – новые поколения оказались отчуждёнными от

Флаг и герб Таджикистана

всего корпуса классической письменности и, следовательно, от непосредственных источников знания о собственном прошлом. Несмотря на то, что русская история и русская наука об истории превратились для таджикистанских коллег в базовые парадигмы, после 1991 года гуманитарное и культурное знание в Таджикистане довольно быстро прониклось печалью по утрате «золотого века» – некой кульминации собственного бытия в глубоком прошлом. С выходом из СССР, по мере углубления в собственное прошлое, таджикский интеллигент был глубоко потрясён масштабами действительных потерь: измельчением, провинциализацией собственной культуры, нараставшей русификацией и упрощением языка. Образ иранского средневековья и досоветской Бухары стал представляться как время нерастраченной культурной полноты. В 1991–1992 годах, после окончательного упразднения цензуры, Таджикистан испытал настоящий бум переизданий старой литературы религиозного характера. Вышли в свет средневековые и современные переводы Корана на фарси, толкования к Корану, хадисы («высказывания») пророка Мухаммеда, биографии пророка, житийная литература (как, например, «Кысасал-анбия» – «Сказания о пророках»), история мусульманства, богословская учебная литература с элементарными сведениями о мусульманстве, молитве, посте и т. п. Пребывание же Таджикистана в составе СССР оценивалось отрицательно в основном молодыми историками (38).

В России на историописание также не мог не повлиять кризис национальной идентичности. Неслучайно социологические опросы этого периода зафиксировали усиливавшийся

запрос на сильные личности, имперские ценности и авторитарный стиль управления. Всерьез заговорили о потребности общества и государства в некоей объединяющей национальной идее, «русской идее», которая могла бы заполнить идейный вакуум, возникший после крушения коммунистической идеологии как идеологии государственной. Разные политические силы предложили свою трактовку «русской идеи», однако, несмотря на известные различия, все они практически сошлись в одном: «русская идея» – это идея государственная, державная, не имеющая этнического оттенка. Подобная трактовка национальной идеи влияла и на восприятие русской истории как прежде всего истории государства Российского (39).

Что касается издания массовой литературы, то в России была попытка осуществлять на государственном уровне программу избавления от комплекса вины перед «наказанными» народами и сугубо отрицательного отношения к «имперскому» прошлому. Главным инициатором этой программы был тогдашний председатель Комитета РФ по печати Б.С. Миронов. Ещё до прихода на это место, будучи директором крупнейшего издательства «Русская книга», он активно издавал таких консервативных русских мыслителей, как Константин Победоносцев, Константин Леонтьев, Иван Ильин. Сборник «Под стягом империи» ратовал за новое национальное воспитание, в котором имперские ценности должны были играть одну из ведущих ролей. Открытые выступления о необходимости вернуть русскому народу его традиционное государственное величие, подготовка закона о нравственной цензуре привели к отставке Миронова.

Таким образом, сходные условия освобождения от идеологических догм, стремление обрести национальную идентичность, национальную идею делали историописание и изменение массового исторического сознания практически синхронными. Много усилий тратилось на разрушение мифа о дружбе народов, на преобладание в научном и учебном материалах конфликтных вопросов в отношениях с Центром и соседями. Национальная символика, реставрация языка, смена галереи героев и системы государственных праздников и дат также свидетельствовали о стремлении новых государств создать свою национальную историю со своей картиной мира.

* * *

Предпоследний до 70-летия год существования СССР вошёл в историю как год двух заговоров – ГКЧП в августе и беловежского сговора в декабре. Им предшествовала целая полоса одновременного проведения экономических преобразований и политических изменений, столкновения Горбачёва с партийной и правительственной номенклатурой. По существу, можно говорить о двух государственных переворотах, которые готовились тайно и которые грубо нарушали союзные и республиканские конституции. Один переворот провалился, а другой удался. Распад СССР оказал мощное влияние на дальнейшую историю бывших союзных республик и всего мира. Резко деформировалось пространство памяти о семи десятилетиях Союза, исчезла прежняя идеологическая оболочка для меняющихся центральных героев и субъектов памяти, обрушилась и зона антипамяти. Для нового проекта памяти о советской цивилизации, который уже никогда не будет единым для постсоветского пространства, требовались время и временная дистанция, зато на преодоление кризиса идентичности работало утверждение модели «национальной концепции» истории вновь возникших государств. При этом надо учитывать, что массовое сознание в объяснении причин распада СССР сразу же стало искать чей-то злой умысел. Учёным же предстояло ответить на трудные вопросы, каким образом обеспечивалась устойчивость системы, принципы которой лишь на бумаге признавали суверенность республик, учредивших СССР, можно ли было, несмотря на политический, экономический и идеологический крах этой системы, избежать краха Советского Союза?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Прощание с красным флагом

Прощай, наш красный флаг...
С Кремля ты сполз не так,
как поднимался ты –
пробито, гордо, ловко
под наше "так-растак"
на тлеющий рейхстаг,
хотя шла и тогда
вокруг древка мухлёвка.

Прощай, наш красный флаг...
Ты был нам брат и враг.
Ты был дружком в окопе,
надеждой всей Европе,
но красной ширмой ты
загородил ГУЛАГ
и столько бедолаг
в тюремной драной робе.

Прощай, наш красный флаг...
Ты отдохни, приляг,
а мы помянем всех,
кто из могил не встанут.
Обманутых ты вёл
на бойню, на помол,
но и тебя помянут -
ты был и сам обманут.

Прощай, наш красный флаг...
Ты не принёс нам благ.
Ты с кровью, и тебя
мы с кровью отдираем.
Вот почему сейчас
не выдрать слёз из глаз
так зверски по зрачкам
хлестнул ты алым краем.

Прощай, наш красный флаг...
К свободе первый шаг
мы сделали в сердцах
по собственному флагу
и по самим себе,
озлобленным в борьбе.
Не растоптать бы вновь
очкарика "Живагу".

Прощай, наш красный флаг.
Сам разожми кулак,
тебя зажавший вновь,
грозя братоубийством,
когда в древко твое
вцепляется жулье
или голодный люд,
запутанный витийством.

Е. Евтушенко.

Иркутск, 22 июля 1992 г.

Прощай, наш красный флаг.
Ты умываешь в сны,
оставшись полосой,
в российском триколоре.
В руках у белизны,
а с ней – голубизны,
быть может, красный цвет,
отмоется от крови.

Прощай, наш красный флаг.
Смотри, наш триколор,
Чтоб шулера знамен
тобой не мухленули!
Неужто и тебе –
такой же приговор-
чужие и свои
шелк выжравшие пули?

Прощай, наш красный флаг...
С наивных детских лет
играли в «красных» мы
и «белых» больно били.
Мы родились в стране,
которой больше нет,
но в Атлантиде той
мы были, мы любили.

Лежит наш красный флаг
в Измайлове врасяг.
За доллары его
толкают наудачу.
Я Зимнего не брал.
Не штурмовал рейхстаг.
Я – не из «коммуняка».
Но глажу флаг и плачу...

2. Известия. 1992, 30 декабря.

3. Независимая газета. 1992, 30 декабря.

4. Российская газета. 1992, 30 декабря.

5. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? / Сост.: А.П. Ненароков (руководитель), В.А. Горный, Л.Н. Доброхотов, А.И. Кожокина, А.Д. Котыхов, А.И. Ушаков. М.,

1992. -560 с. Под руководством А.П. Ненарокова также был подготовлен сборник «Национальный вопрос на перекрестке мнений: 20-е годы» (М., 1992. -268 с.) с материалами дискуссии накануне I съезда и после него. Журнал «Отечественная история» также опубликовал новые документы, подтверждающих образование двух подходов в национальном вопросе – отрицание идеи «либерализма Москвы» и признание независимости договорных советских республик (Сталин, Пятаков, Чичерин) и признание баланса интересов, сочетание суверенитетов по ленинской формуле «вместе и наравне» (Раковский, Каменев). См.: На пути к «социалистическому унитаризму» (из новых документов 1922 г. по истории образования СССР) // Отечественная история. 1992. № 4. С. 89–102.

6. *Лацис Отто*. Почему СССР не дожид до своего 70-летия? // Известия. 1992, 28 декабря.

7. Независимая газета. 1992, 30 декабря.

8. См. об этом: *Валентей С.Д.* Федерализм: российская история и российская реальность. М., 1998. С. 74–75.

9. См. подробнее: *Бобков Ф.Д.* Указ. соч. С. 355–365.

10. См. подробнее: Там же. С. 360–365.

11. Правда. 1988, 27 мая.

12. Там же.

13. Там же. 1988, 29 июня.

14. Там же. 1988, 5 июля.

15. См.: *Жуков В., Кулешов С., Осипов А.* Демократическое обновление партии: опыт истории и современность // Политическое образование. 1989. № 16. С. 9–10.

16. См.: *Тишков В.А.* Тупики национальной государственности // Правда. 1990, 4 сентября.

17. См.: XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Заседание секции «Национальная политика КПСС». Бюллетень. М., 1990. С. 30.

18. Материалы пленума Центрального Комитета КПСС. 19–20 сентября 1989 года. М., 1989. С. 15.

19. См. подробнее: *Быстров Е.И.* Верховный Совет и проблема реабилитации депортированных народов на рубеже 1980-х –1990-х годов // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2015. № 3. С. 37–39.

20. См.: Документы XX съезда Компартии Литвы. Вильнюс, 1990. С. 3–4.

21. *Горбачёв М.С.* В единстве партии – судьба перестройки. Доклад на пленуме ЦК КПСС 25 декабря 1989 года. М., 1990. С. 3–4.

22. *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию: послынные соображения. Л., 1990. С. 3.

23. *Лойко Т.В.* Введение в историю Беларуси. Минск, 1992. С. 5.

24. *Гузенкова Тамара.* Этнонациональные проблемы в учебниках истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, испр. и дополн. М., 2003. С. 121.

25. См. подробнее: *Искандарян Александр, Арутюнян Бабкен.* Армения: «карабахизация» национальной истории; *Шукуров Рустам.* Таджикистан: муки воспоминания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 145–158, 228–253.

26. *Бич М.О., Сидоров В.Н., Фомин В.М.* История Беларуси. XX век. Минск, 1992. С. 3.

27. *Гузенков Тамара.* Этнонациональные проблемы в учебниках истории. С. 125.

28. См.: *Анчабадзе Юрий.* Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 161.

29. Там же. С. 171.

30. *Сембинов Мурат.* Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 177–179.

31. См.: *Благодатских Ирина.* Молдова и Приднестровье в поисках «своей» истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 192, 198–199.

32. *Анчабадзе Юрий.* Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука. С. 165.

33. Там же.

34. *Искандарян Александр, Арутюнян Бабкен.* Армения: «карабахизация» национальной истории. С. 153.

35. См.: *Васильев Валерий.* От Киевской Руси к независимой Украине: новые концепции украинской истории // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 209–210.

36. Там же. С. 211.

37. См.: *Анчабадзе Юрий.* Национальная история в Грузии: мифы, идеология, наука. С. 163.

38. См.: *Шукуров Рустам.* Таджикистан: муки воспоминания. С. 228–229, 237–239.

39. См.: *Зубкова Елена, Куприянов Александр.* Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. С. 297–306.

Глава 9

Восьмое десятилетие: кто и как заполнял пространство памяти об СССР

80-летие СССР не стало заметным общественным событием в новой России. Власть по-прежнему игнорировала эту дату и, установив другую систему государственных праздников и памятных дат, устранило дату 30 декабря из исторического календаря. Однако в нём осталось немало праздников, десятилетиями отмечавшихся в Советском Союзе (1). А непосредственным воспоминанием о нём и связкой с ним стал новый гимн РФ. Его музыка и основа текста были позаимствованы из последнего гимна 1977 года, мелодию к которому написал Александр Александров на стихи Сергея Михалкова. Впервые официально гимн прозвучал 30 декабря 2000 года на торжественном приёме в Большом Кремлёвском дворце, а 1 января 2001 года – для всей страны после новогоднего обращения президента В.В. Путина. Правда, уже невозможно было услышать такие строки, как «Союз нерушимый республик свободных», «Единый могучий Советский Союз», а постоянно повторяющийся припев звучал теперь так:

Славься, Отечество наше свободное,
Братских народов союз вековой,
Предками данная мудрость народная!
Славься, страна! Мы гордимся тобой!

Для сравнения – в прежней редакции:

Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Партия Ленина – сила народная
Нас к торжеству коммунизма ведёт!

1 сентября 2019 года в Санкт-Петербурге на «Газпром-арена» состоялось рекордное исполнение гимна Российской Федерации: оркестр в 8000 человек – на поле и хор в 41 000 человек – на трибунах

Принятие гимна вызвало неоднозначную реакцию в обществе. Бывший президент России Ельцин высказал категорическое несогласие с возвращением советской мелодии в качестве гимна России. В интервью газете «Комсомольская правда» он утверждал, что Путину не следовало изменять гимн, просто «слепо следуя за настроением людей». По его мнению, восстановление прежнего гимна помешает обществу отказаться от негативных воспоминаний о советском прошлом (2). Вскоре Путин отметил, что таким образом был сделан необходимый шаг для исцеления прошлого страны, объединения краткосрочного советского периода с долгой историей всей России, а отказ от использования символов советского прошлого признал бы то, что целое поколение граждан прожило бесполезную, бессмысленную и напрасную жизнь (3).

Состоявшийся обмен мнениями между президентами довольно быстро забылся, так как внимание общества было приковано к другим стремительно изменявшимся мир фактам. В 2002 году появилась единая валюта стран Евросоюза – евро. Несмотря на обещания не расширяться на Восток в НАТО были приглашены 7 государств Центральной и Восточной Европы,

Набор знаков Перепись населения 1897, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 и 2002 годов

в том числе страны Балтии. КНДР признала себя ядерной державой. Цены на нефть выросли в разы. В России с интересом следили за действиями молодого президента Путина. После «Курска» и терактов 2001 года ему и его команде, как и всей стране, пришлось пережить трагически закончившийся захват заложников на Дубровке («Норд-Ост»), теракты в Грозном и Каспийске. В Северной Осетии погиб символ эпохи – талантливый режиссер и актер Сергей Бодров, в Красноярском крае разбился генерал Александр Лебедь. Всероссийская перепись населения – первая в постсоветской России – зафиксировала 145 млн граждан.

Настроения большинства из них отражало социологическое исследование ВЦИОМ, который по итогам бурных 90-х годов задал вопрос об отношении к «либеральным реформам, начатым в 1992 году правительством Гайдара». Более половины опрошенных (51 %) выбрали ответ «реформы оказали разрушительное действие на экономику России», 17 % ответили, что в реформах «не было никакой необходимости», почти столько же (16 %) затруднились ответить, 14 % выбрали ответ «реформы были болезненны, но необходимы». Наконец, лишь 2 % согласились с мнением, что «реформы оказали безусловно положительное влияние на экономику России» (4). В декабре 2001 года, то есть 10 лет спустя после распада СССР, 76 %

русских, согласно опросу, сожалели о распаде СССР, и 77 % считали, что Союз можно было сохранить (5).

Газета «Правда» – в то время орган КПРФ – не сомневалась в таких результатах массовых опросов, но само 80-летие использовало для того, чтобы утвердить свой взгляд на два пути образования СССР в 1922 году: сталинский (автономизация) и ленинский (федерация). В итоге продолжительных и подчас весьма острых дискуссий был принят ленинский вариант, хотя, как показали дальнейшие события, на практике в жизнь начал воплощаться сталинский – руководство национальных республик было фактически отстранено от принятия важнейших политических и экономических решений. О том, какая из форм государственного образования была более жизнеспособной, будут спорить еще долго, однако, по мнению редакции, несомненно, сталинская модель была более эффективна при проведении масштабных преобразований, вроде коллективизации, индустриализации или во время войны. Правда, дальше следовала оговорка – «оценка степени ее эффективности не совсем корректна, ибо на практике не была реализована ленинская альтернатива» (6).

Первые извлечения из зоны антипамяти

Новые рассекреченные документы и откровенные мемуары по самым разным сюжетам национальной политики и международных отношений внесли ещё больший хаос в пространство памяти об СССР. В первую очередь извлечённые из разных источников факты давали ответ на болезненные упрёки лидеров национальных движений о том, что Москва как «метрополия» относилась к союзным республикам как к своим «колониям». В.Г. Чеботарёва привела конкретные расчёты, которые показали, как протекал процесс перекачки прибавочного продукта из РСФСР в республики. Отчёты Минфина СССР за 1929, 1932, 1934 и 1935 годы позволяли сделать вывод, что в указанные годы Туркменистану в качестве дотаций было вы-

делено 159,8 млн руб., Таджикистану – 250,7 млн руб., Узбекистану – 86,3 млн руб., ЗСФСР – 129,1 млн рублей. Что касается, например, Киргизской автономной республики (с Казахстаном в её составе), то до 1925 года она входила в РСФСР, из бюджета которой и финансировалось её развитие. Кроме денежных вливаний, на протяжении десятков лет Россия отдавала союзным республикам «свой самый драгоценный капитал – высококвалифицированных специалистов». В 1959 году за пределами России находились 16,2 млн. русских, в 1988 году – 25,3 млн. За 30 лет их численность увеличилась на 55,5 %, а в пределах России – только на 22 %. Представители российской диаспоры создавали значительную часть национального дохода в республиках. Например, до 1992 года 10 % русского населения Таджикистана производили до 50 % внутреннего национального продукта. У этого феномена образовался ещё один – побочный, но существенный – эффект. Русский народ, которому был навязан комплекс «исторической вины» за злодеяния царизма, сделал всё, чтобы покончить с вековой отсталостью братских народов. Но на этом благородном поприще «русский народ утратил элементарное чувство самосохранения; под влиянием политической пропаганды он впал в беспамятство и погубил многие национальные традиции, среду своего исторического обитания» (7).

Любопытную картину представил И.С. Силаев, председатель Совета министров РСФСР в 1990–1991 годах. Возглавив кабинет, он обнаружил, что в течение всех лет советской власти РСФСР ежегодно выплачивала союзным республикам, включая Украину, а с 1940 года и прибалтийским республикам, по 46 млрд. руб. в год. Пересчитав эти деньги по существовавшему в 1990 году валютному курсу (один доллар США был равен 60 копейкам), Силаев доложил Ельцину, что РСФСР ежегодно направляла на развитие союзных республик 76,5 млрд. долларов. После доклада независимое правительство РСФСР потребовало в корне изменить практику истощения экономического ресурса России и в дотационный фонд заложить только 10 млрд. руб. В использование этой суммы был заложен принцип – если та или иная республика берёт средства из этого фонда, то делать это она будет не безвозвратно, а в кредит. Обязательно заключение договора с правительством

РСФСР о поставках своей продукции в счёт погашения кредита в оговоренный срок. Услышав это, республиканские лидеры, включая Украину и прибалтийские союзные республики, тут же потребовали от президента СССР Горбачёва «поставить этих русских на место» (8).

Следующей болезненной и ранее строго табуированной темой, вызвавшей всплеск документальных публикаций, стала история репрессивных депортаций, этнических чисток и антисемитизма в истории СССР. Историки, архивисты, этнографы, географы, прежде всего С.У. Алиева, В.А. Ауман, Н.Ф. Бугай, М.А. Вылцан, А.М. Гонов, Г.В. Костырченко, К.Н. Максимов, О.Л. Милова, В.И. Пассат и др. (9) представили обществу уникальные и трагические материалы, позволяющие понять, какая травма была нанесена многим народам страны. Обобщение всей этой трудной работы сделал известный учёный по проблемам миграции П.М. Полян (10).

Много говорили о книге Н.А. Митрохина, раскрывающую 30-летнюю историю русского национализма в послевоенные десятилетия, его структуре и нитях связанности участников так называемой русской партии. Одно из главных открытий автора состояло в том, что часть этой партии – до прихода к власти Андропова – группировалась в аппаратах ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ, а идеологические составляющие деятельности включали в себя сталинизм, причём в имперско-националистическом варианте, а также православие, что, впрочем, не мешало взаимосвязанности русских националистов. Не мешало, по мнению автора, и то, что объединяющим фактором движения был антисемитизм (11). Вместе с тем вряд ли можно считать серьёзным продвижением в изучении этой темы книгу, написанную не на серьёзных документах (которых либо нет, либо они засекречены), а на слухах и гипотезах.

Осмысление причин распада СССР

Начиная с середины 1990-х годов, стало усиливаться желание осмыслить распад СССР. Можно выделить основные направления, по которым развернулась эта сложная дискуссия. Уже традиционным стало объяснение, указывающее на отсутствие

Распад СССР. Источник: Sue Ann Kime and Paul Stich. N&N Publishing

объективных причин исчезновения Союза и возлагающее всю вину исключительно на политиков и депутатов, разных гэкачепистов и беловежских заговорщиков. Писатель и политолог Д.В. Драгунский сформулировал более сложный тезис о «четырёх имперских ловушках», стоявших на пути единства Советского Союза. Первая состояла в том, что территориальная экспансия превращала страну в организм, ломающийся под собственной тяжестью. В пространство России вошли огромные фрагменты других культур, и всю чересполосицу народов, религий и жизненных укладов объединяла принадлежность к традиционной доиндустриальной цивилизации, между тем как на повестке дня стояли модернизация и реструктурирование империи. При большевиках эта модернизация, пусть примитивная, всё же состоялась. И здесь возникает вторая ловушка. Для модернизации необходимы были национальные кадры, составившие «питательный бульон для национализма». В ходе модернизации северо-запад страны стал индустриальным, а юго-восток остался традиционным. Тут СССР угодил в третью ловушку, в классический капкан «третьего мира». Высокий рост населения, необходимость социальных амортизаторов приводило к тому, что бедные регионы требовали постоянных дотаций. Появилась четвёртая ловушка: эта помощь в основ-

ном перехватывалась местными этноэлитами, и происходило их сращивание с коррумпированным центром. В результате недовольными оказались все: и русские как доминирующий этнос, и народы национальных регионов. Единственным выходом стал демонтаж империи (12).

Очень часто могильщиков СССР видели в национальных элитах, выросших из партхозноменклатуры. Эти элиты, с одной стороны, порождённые Москвой, а с другой, всегда тайно мечтавшие о бесконтрольной власти и тяготившиеся московской уздой, почувствовали в момент кризиса союзной государственности, что узда ослабла и вырвались на свободу. Элита отнеслась с большим подозрением к попытке в 1990 году уравнивать в правах союзные и автономные республики. Это было воспринято не как повышение автономий до уровня союзных республик, а наоборот – как понижение статуса последних до уровня автономных республик. Одно дело – их статус в составе Союза с пятнадцатью союзными республиками, другое – с пятьюдесятью и более. Получалось как по пословице: лучше быть у себя в деревне Иваном Ивановичем, чем Ванькой в городе. Поэтому данная идея была проработана республиканской элитой. И дело не в престиже, а в элементарном, тривиальном чистогане: «Лучше быть хозяином всего Азербайджана, чем оставаться без Нагорного Карабаха и Нахичевани, лучше быть хозяином целой Молдавии, чем дробить её и превратить в лоскуты Гагаузию, Приднестровье, остаться у разбитого корыта, генералом без армии». Поэтому проблема решалась иначе: модернизация сначала просто саботировалась, а затем была сорвана (похоронена) объявлениями суверенитета и независимости (13).

Политико-правовая оценка событий 1988–1991 годов, приведших к демонтажу союзной государственности, была дана в работе бывшего сотрудника администрации президента СССР З.А. Станкевича. Распад – следствие «эрозии» союзной государственности. Провалилась идея «консервативной модернизации», в русле которой проводилась национальная политика КПСС, и одновременно усилился сепаратизм союзных республик, заболевших «детской болезнью суверенности». Эти противоречия между союзными и республиканскими лидерами проявились в процессе разработки нового Союзного договора,

... не ведаете, что творите

Художник Ю. Любимов. 1989 г.

в ходе которой «большинство руководителей союзных республик не воспринимали никакие, даже самые рациональные, аргументы своих оппонентов в пользу элементарной управляемости страной» (14). Союзные власти, решив договориться с республиканскими лидерами напрямую, нарушили принципы конституционной законности, создали своеобразную «директорию», то есть неформальный центр власти, что завело процесс переговоров и согласований в тупик. Одновременно российские радикалы во главе с Ельциным подрывали власть изнутри и поддерживали националистов-сепаратистов в других республиках. Именно их действия, а не объективные факторы, по мнению С.В. Чешко, сыграли ключевую роль в том, что СССР не стало. Союзное государство накануне перестройки не было «в предсмертном состоянии», оно могло быть реформировано как в политическом, так и в социально-экономическом плане. Именно национализм, в особенности русский, являвшийся «миной замедленного действия» и взорвавшийся в последний период жизни СССР, вкупе с «никуда не годной» национальной политикой партийного руководства и стал решающим фактором распада. Российские власти во главе с

Ельциным вывели Россию из состава Союза, который, разумеется, не мог без неё существовать (15).

Руководитель архивного ведомства Р.Г. Пихоя рассматривал несколько причин изучаемого процесса, так как не было «единственной, главной». И тем не менее она называется в его выводах: «Советская система оказалась принципиально неререформируемой. Она могла жить только как система централизованная, «свинченная» номенклатурной, партийно-государственной вертикалью, использовавшая в качестве источников своего бытия государственную собственность, огромные природные ресурсы и возможности мобилизационной экономики. Угроза внешней опасности, стабильность, определенные социальные гарантии для граждан СССР, надежда на «светлое будущее» составляли внутреннюю суть советской системы. Будучи неререформируемой, эта система оказалась нежизнеспособной» (16).

Наконец, комплексный анализ всех событий и критика действий как союзных, так и республиканских лидеров нашли своё отражение в исследованиях Р.А. Медведева. Он выделил несколько факторов: антироссийский национализм, российский сепаратизм, роль Горбачёва, роль Ельцина, давление Запада. Однако данные факторы скорее попадают под разряд сопутствующих обстоятельств, а основные причины лежат гораздо глубже. На протяжении всего своего существования Советское государство держалось, по сути, на двух основных опорах – «привлекательной идеологической доктрине» и «силе государственного принуждения». Обе эти опоры были разрушены во время перестройки, в ходе которой «Горбачёв, не сумев укрепить экономический, социальный и идеологический фундамент режима, стал проводить демократизацию... Падение режима при такой политике становилось неизбежным». Таким образом, размытость «фундамента» и неустойчивость «несущих конструкций» и явились, по мнению автора, основными причинами разрушения Союза ССР (17).

Радикализация национальных историописаний

Рубеж веков для независимых республик постсоветского пространства стал периодом, когда не только формировалась государственность, но и возникали «свои» истории – истории, призванные в интересах новых молодых стран объяснять факты и процессы, обслуживающие элиты и создающие непохожие картины мира. Однако в отличие от 1990-х годов к началу XXI века идееобразующий метод исследований определялся не лидерами националистических движений, а более или менее стабильной верховной властью. Например, президент Казахстана Н.А. Назарбаев в своей статье «Хранить память, крепить согласие», посвященной провозглашению 1998 года «годом народного единства и национальной истории», обозначил центризм как историческую позицию. В этой статье было сформулировано отношение власти к истории как к инструменту, который призван хранить прежде всего единство народов, населяющих Казахстан: «В наступившем году мы приступаем к практической реализации стратегии развития страны до 2030 года. Ведь единство казахстанцев, основанное на бережном, а бы даже сказал трепетном отношении к своему историческому прошлому, может и должно стать мощной созидательной силой, надежным средством решения сложнейших социально-экономических задач» (18).

«Трепетное отношение» некоторые казахские историки восприняли как возможность придавать национальной судьбе и национальному характеру черты исключительности, использовать лишь превосходную степень в описании главных событий национальной истории: если реформа, то обязательно «великая реформа», если создание федерации (Федерации десяти стрел, 634 год), то как «образец администрирования». Если Тюркский каганат между 547 и 645 годами, а затем во время существования в двуедином облике государства Запада и Востока Великой степи «даёт первый пример единодушного баланса отношений между внутренней и внешней политикой, между экономической и военно-стратегической экспансией, языковым и родоплеменным единством всех населяющих Ве-

ликий Тюркский эль народов», то Россия предложила «самый неэкономный в истории способ пересоздания аморфной структуры гигантского пространства Великих степей в нечто устойчивое, но реорганизующееся постоянно через доминанты освоения, добычи сырья, насилия над природой и популяциями через северные ресурсы и Сибирь, через перетасовку энергии по наиболее экологически уязвимой природной среде» (19). Одновременно не учитывалось, что некоторые крупные субэтнические общины (алтайские старообрядцы, уральские и сибирские казаки, семиреченские уйгуры и дунгане, немецкие переселенческие деревни на севере и северо-востоке) имели в этих местах сложившиеся за последние два–три века свои локальные истории. Но их самобытное прошлое не освещалось в структурах новых общих курсов национальной истории Казахстана. К тому же «приватизировались» как исключительно казахские значительные исторические события, личности, памятники средневековья, являющиеся общим духовно-историческим достижением многих современных тюрко- и монголоязычных этносов Евразии.

В национальных историописаниях заметно радикализировалась оценка общего советского прошлого. Особенно резко и эмоционально передавались темы сталинских репрессий и депортации народов. В ряде стран официально принимается новая периодизация истории. Показательна в этом отношении Литва, где стали следовать следующей хронологии: 1918–1940 – Первая Литовская республика, 1940–1941 – Первая советская оккупация, 1941–1944 – Литва в годы оккупации гитлеровской Германии, 1944–1990 – Вторая советская оккупация, 1990 – по настоящее время – Литовская республика (20). И на Украине, и в Казахстане всё громче и резче поднималась тема голодомора, в массовом сознании начинает укореняться представление о специально организованном голоде 1932–1933 годов с целью полного уничтожения украинского и казахского этносов. На одно из центральных мест выдвинулась и история, связанная с освоением целинных и залежных земель. Политика Москвы рассматривалась теперь с акцентом на результатах полного выветривания плодородной почвы на обширных территориях. Делался вывод, что центр вообще намеренно проводил политику сохранения экономической отсталости Казахстана

в послевоенные годы, развивал только сырьевую и добывающие отрасли народного хозяйства.

Что касается Победы СССР в Великой Отечественной войне, то, к примеру, в Грузии возобладала точка зрения, что для их страны и народа война не была Отечественной, невзирая на то, что грузинский народ вместе с другими народами СССР мужественно сражался против международного зла – нацизма, а Грузия послала на фронт до 700 тысяч солдат и офицеров, принеся в жертву войне значительную часть своего населения. В изданной в 1994 году работе Виктора Рцхиладзе говорилось, что Грузия оказалась втянутой во Вторую мировую войну, поскольку у инкорпорированной в Советское государство маленькой страны не было другого выхода: «В чужой войне, под знаменами сатанинских империй погибали сыны грузинской земли, и их костями усеяны необъятные просторы России, Германии и других стран. Эта война была иронией истории и трагедией для грузинского народа». В другой книге по истории Грузии в XX веке, изданной в 2003 году, предлагалась дифференцированная оценка отношения грузинского народа к войне: «В условиях господства советской идеологии значительная часть грузинского народа действительно верила, что война была Отечественной. Вместе с тем для тех, кто помнил оккупацию независимой Грузии, Вторая мировая война не могла быть Отечественной, впрочем, так же, как и для грузинской эмиграции, которая в течение двадцати лет боролась за восстановление независимости своей страны» (21).

На рубеже веков этноцентричность начала реализовываться и на уровне школьного образования. После немногочисленных и робких попыток создания учебников в 1992 году их массовое производство возобновилось начиная с 1994 года на всём постсоветском пространстве. В школах Украины основным принципом системы обучения объявлялась украиноведческая направленность. Последняя понималась как рассмотрение общественно-исторического процесса становления и бытия украинской нации, самобытности её культуры и самосознания в контексте развития мировой науки и культуры. Показательным являлся текст «К учащимся» в «Истории Украины» для 10–11-х классов, изданной в 1994 году. Авторы констатировали, что украинский народ до сих пор доподлинно не знает сво-

его прошлого, что в прежней тоталитарной империи царила атмосфера всеобщего обмана, что идеологические надсмотрщики фальсифицировали историю XX века, что на историческую науку Украины были наложены тяжелейшие путы, что события на Украине подверстывались под процессы, происшедшие во всей империи, и что, наконец, только сейчас ученые получили возможность разработать историческую концепцию, «основанную на правде жизни» (22).

В учебной литературе на постсоветском пространстве стала заметной ещё одна показательная тенденция – социально персонифицированный образ врага (в лице сталинизма, тоталитаризма, коммунистического и оккупационного режима и т. д.) стал дополняться этнически персонифицированной группой, якобы несущей свою долю ответственности за негативные процессы. Такой группой стали русские. Этот абсолютно неновый психологический прием антитезы «мы–они» позволял стереотипизировать на подсознательном уровне отношение к группе лиц или народу, с которыми по принципу аналогии впрямь могли бы ассоциироваться все государственные неудачи. В Молдавии авторы учебников по истории на первый план выдвигали именно национальный фактор в воспитании школьников. Политика России по отношению к Бессарабии подавалась как политика систематического подавления национальных традиций и культуры, разорения и ограбления края, прежде всего в период русско-турецких войн. Вслед за румынской современная молдавская историография поставила знак равенства между Россией и Турцией, отрицая объективную роль России на Балканах, замалчивая значение для Дунайских княжеств положений Кючук-Кайнарджийского, Ясского, Адрианопольского договоров России и Турции.

Содержание новых учебников по истории России в 90-е годы отличалось от советских «предшественников» тем, что в них заметно вырос удельный вес фактического материала, произошёл отказ от наиболее тенденциозных интерпретаций событий (23). Больше внимания стало уделяться истории реформ и деятелям-реформаторам: Петру I, Александру II, П.А. Столыпину, С.Ю. Витте, Н.С. Хрущёву и др. Заметную популярность завоевали так называемые системный и цивилизационный подходы, когда российская история представлялась в общеми-

ровом контексте, с одной стороны, а Россия – как особая цивилизация, с другой. Оба этих подхода позволяли расширить границы исторического познания и пресекали сползание в национализм, пропаганду национальной исключительности русской истории, а вместе с тем – и русских. При этом активно обсуждались проблемы русской самобытности и русской цивилизации как общекультурного феномена (24). Однако история межнациональных отношений являлась одним из наиболее слабых мест в российском историческом образовании, а если национальные сюжеты присутствовали в учебных программах и учебниках, то диаметрально противоположность авторских трактовок нередко дезориентировала учащихся.

В учебном пособии для учащихся 10–11-х классов «Российская цивилизация и истоки её кризиса», написанном И.Н. Ионовым, можно прочитать: «Представители нерусских национальностей, населяющих территорию Российской империи, презрительно именовались “инородцами”. Царское правительство не желало замечать накопившихся различий в культуре русского, украинского и белорусского народов, зачисляя их всех в разряд “русских” и не считаясь с наличием украинского и белорусского языков. Свокорыстие в национальной политике постоянно умножало противоречия между русскими и украинцами, грузинами, казахами. Однако эти противоречия замалчивались. Напротив, нормой являлось словословие в адрес Российского государства» (25).

В учебнике же по истории России для 8–9-х классов, подготовленном А.Н. Бохановым, можно найти прямо противоположное утверждение: «Новые территории никогда не разграблялись, население не становилось данником далекой метрополии. Везде сохранялись существовавший до того общественный уклад и привычные нормы жизни... В России не было дискриминации (различия) по национальному или расовому признаку... В XIX веке Российская империя включала сотни племен и народов, каждый из которых сохранил исконные черты, собственную культуру, традиции и обычаи» (26).

Получается, что по первому учебнику на вопрос, являлась ли Российская империя «тюрьмой народов», надо ответить утвердительно, а по второму – отрицательно.

Таким образом, и учебной литературе повсеместно утверждалась «национальная концепция» истории (27). В оценках же наследия СССР на первый план вышли проблемы наследия территории, наследия «добровольных» воссоединений или «насильственных» присоединений, наследия общей Победы в Великой Отечественной войне.

* * *

За первое десятилетие после развала СССР пространство памяти о нём стало плюралистичным. При этом ни в одной стране на постсоветском пространстве не наблюдался резкий разрыв с прежним единым государством – ни во внешней политике и экономике, ни в культуре и науке, ни в языке и символике. Каким бы ни было стремление преодолеть или модифицировать советскую картину прошлого, память о нём всё ещё являлась прочной опорой движения в новой истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 2002 году наряду с 12 июня – Днём России, 22 августа – Днём Государственного флага РФ, отмечались, с некоторыми изменениями в названии, 23 февраля – День защитника Отечества, 8 марта – Международный женский день, 1 мая – Праздник весны и труда, 9 мая – День Победы, 22 июня – День памяти и скорби, 7 ноября – День согласия и примирения, День Великой Октябрьской социалистической революции (85 лет), День проведения военного парада на Красной площади (61 год).

2. Комсомольская правда. 2000, 8 декабря.

3. См. об этом подробнее: Владимир Путин. Рано подводить итоги. / Под ред. Г.А. Бордюгова, А.Ч. Касаева. М., 2007. С. 286–293.

4. *Левинсон Алексей*. Социологический памятник реформам // Не-прикосновенный запас. 2002. № 3 (23). С. 55.

5. См.: Десять лет спустя русские оплакивают СССР. // <http://www.inosmi.ru/untitled/20011211/142450.html> (дата обращения: 28.11.2022).

6. *Михайлов Андрей*. Юбилей государства, которого нет // Правда. 2002, 30 декабря.

7. *Чеботарёва В.Г.* Россия: донор или метрополия? // Материалы международного симпозиума «Куда идет Россия?» / Под ред. Т.И. Заславской. М., 1995. С. 343–344.

8. Независимая газета. 1992, 12 июня.

9. Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 1. Документальные источники Центрального Государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР. / Сост. и предисловие О.Л. Милова. М., 1992; Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.) / Сост. О.Л. Милова. М., 1995; Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. В 3-х т. / Сост. С.У. Алиева. М., 1993; История российских немцев в документах. Т. I (1763–1992 гг.) / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарёва. М., 1993; История российских немцев в документах. Том II. Общественно-политическое движение за восстановление национальной государственности (1965–1992 гг.) / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарёва. М., 1994; *Пасат В.И.* Трудные страницы истории Молдовы: 1940–1950. М., 1994; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию... М., 1995; *Вылцан М.А.* Депортация народов в годы Великой Отечественной войны. // Этнографическое обозрение. 1995. № 3; Репрессии против поляков и польских граждан. / Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М., 1997; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20-е – 60-е годы). М., 1998; Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. / Ред.-сост. И.Л. Щербакова. М., 1999; *Полян П.М.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; *Максимов К.Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М., 2002; *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм М., 2003 и др.

10. *Полян Павел.* В далёкие края. Книги о репрессивных принудительных миграциях. // Неприкосновенный запас. 2002. № 5 (25).

11. *Митрохин Николай.* Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003.

12. См.: *Драгунский Д.* Распад во спасение. // Итоги. 1996, 17 декабря.

13. *Калатозишвили Давид.* Разрушение империи. // Независимая газета. 1998. 28 июля.

14. *Станкевич З.А.* История крушения СССР. Политико-правовые аспекты. М., 2001. С. 260–261.

15. См.: *Чешко С.В.* Распад Советского Союза: этнополитический анализ. 2-е изд. М., 2000.

16. *Пихоя Р.Г.* Почему распался СССР? // Россия в XX веке: реформы и революции. В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 145.

17. См.: *Медведев Р.А.* Почему распался Советский Союз? // Отечественная история. 2003. № 4. С. 112–122. К 10-летию распада СССР вышли также работы: *Барсенков А.С.* Реформы Горбачёва и судьба союзного государства, 1985–1991. М., 2001; *Сидоров А.В.* Со-

ветский Союз накануне распада: опыт антикризисного управления. М., 2002; *Алексеев В.В., Алексеева Е.В.* Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5; *Сапрыкин В.А.* Контрреволюция в СССР (социальный смысл, исторические особенности, движущие силы, последствия) // Марксизм: прошлое, настоящее, будущее. М., 2003; *Коровин А.Г.* Великая трагедия, или причины крушения КПСС и СССР. Курган, 2003; *Шевякин А.П.* Загадка гибели СССР: история заговоров и предательств, 1945–1991. М., 2003 и др.

18. *Назарбаев Н.* Хранить память, крепить согласие // Мысль. 1998. № 3. С. 2.

19. См.: *Куркчи А., Примебетов С.* Великий тюркский эль // Казахстанская правда. 1997, 28 февраля.

20. Подробнее см.: *Вишняускас А.* Россия в литовских учебниках истории. // Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2003. С. 149–164.

21. См.: *Бордюгов Г.А., Бухараев В.М.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М., 2011. С. 174.

22. *Кульчицкий С., Курносоев Ю., Коваль М.* История Украины. / Пробный учебник для 10–11 кл. средней школы. Ч. 1 / Пер. с укр. Киев, 1994. С. 3–4.

23. Отметим, что в 1999 году в России было издано порядка 1152 учебников по всем предметам – вместо 140 в 1992 году. Среди них учебников истории (для всех классов), авторизованных Министерством образования, – 68. В 2000 году в Совете Федерации активно обсуждался проект, нацеленный на ограничение числа учебников по всем дисциплинам максимум двумя, с тем чтобы сформировать «единый для федерации комплект». См.: *Пушкарева Т.* Совет Федерации о школьных учебниках // Учебники (приложение к газете «Первое сентября»). 2000, 16 мая.

24. См.: *Зубкова Елена, Куприянов Александр.* Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, испр. и дополн. М., 2003. С. 300–306.

25. *Ионов И.Н.* Российская цивилизация и истоки её кризиса. Пособие для учащихся 10–11 классов. М., 1994. С. 259.

26. *Боханов А.Н.* История России (XIX – начало XX века) Учебник для 8–9 классов. М., 1998. С. 7–9.

27. Постсоветским учебникам посвящены многочисленные статьи – как в России, так и в западных странах. Не претендуя на полноту и оставляя за кадром богатые материалы во множестве газет и журналов (в том числе педагогических – например, в «Преподавателе», «Преподавании истории в школе», «Учебниках» и др.), укажу на статьи: *Шевырёв А.* История в школе: образ общества в новых учебниках // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1996. С. 37–55; *Голубев А.* Новейшая история России в учебниках 1995 г. // Там же. С. 56–65; Новые концепции российских учебников по истории. Материалы обсуждений на Международной научной конференции. Ноябрь 1999 г., Бохум, ФРГ / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, А. Ушакова. М., 2001; Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы: сб. статей / Под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова. М., 2002; *Берелович Владимир.* Современные российские учебники истории: многоликакая истина или очередная национальная идея? // Неприкосновенный запас. 2002. № 4 (24). С. 80–88.

Глава 10

Девятое десятилетие: рождение контрпроекта СССР

90-летие СССР неожиданно привлекло внимание на всём постсоветском пространстве и прежде всего в России. И пусть в пространстве памяти не появилось дирижёра и власть не встала за прожектор актуального освещения исторического события, но оно тем не менее вызвало заметный резонанс, самые разные акции и рефлексии. На этот раз активными были коммунисты, которые провели торжественные собрания в самых разных регионах страны, а руководство КПРФ приняло специальное решение, примечательное не только рядом традиционных оценок об успешном решении национального вопроса, о рождении нового типа человека – советского, – но и решительными тезисами. Было заявлено, что уничтожение Советского Союза было осуществлено насильственным путём, против воли граждан, что ключевую роль в разрушении единого государства сыграла поддержка сил внутренней реакции из-за рубежа, что возрождение обновлённого Союза братских народов – одна из важнейших программных задач Коммунистической партии Российской Федерации.

22 декабря 2012 года в стенах символа ушедшей эпохи – Колонном зале Дома Союзов в Москве – собрались люди, которые до сих пор считали себя советскими гражданами. Ностальгические воспоминания, песни, которые не часто услышишь в эфире. «Советский Союз сумел собрать распавшуюся империю, провести новую экономическую политику, провести модернизацию экстра-класса, когда за 10 лет построили шесть тысяч заводов, сумел расколотить огромные войска вермахта, сумел прорваться первым в космос», – заявил лидер КПРФ Геннадий Зюганов. «Я горжусь тем, что я рожден в СССР», –

Коллекция медалей «СССР. Время великой эпохи».

Источник: <https://эпоха-ссср.рф>

подчеркнул народный артист СССР Михаил Ножкин. «Я сделан в СССР, все мне близко и дорого. Я печалюсь и не скрываю своей печали, что мы лишись. Вот я езжу по постсоветскому пространству, и все горюют», – сказал народный артист СССР Иосиф Кобзон. Эти слова подтверждали и результаты опроса 2009 года, согласно которому о распаде СССР сожалели 60 % жителей России. На вопрос, почему остается так много ностальгирующих, Л.Д. Гудков ответил, что именно в этом направлении действует официальная пропаганда, и руководство страны постоянно поддерживает эту версию (1). Слова о поддержке власти тогда не были случайными, но в её глубинах зрел иной замысел.

России нужна новая консолидирующая идея

В.В. Путин спустя год после начала своего второго президентского срока назвал крушение СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века». А на заседании Госсовета, состоявшемся накануне 2011 года, он (тогда премьер-министр) и президент Д.А. Медведев обменялись мнениями на тему меж-

национальных конфликтов. «В СССР не было таких проблем с межнациональными отношениями. Советской власти удалось создать обстановку межэтнического мира, не было таких проблем, где бы мы ни жили, – говорил Путин. – СССР удалось создать некую субстанцию, которая оказалась над межнациональными и межконфессиональными отношениями. К сожалению, она носила идеологический характер, это была социалистическая идея... Я думаю, что искать не нужно – есть одно, что может заменить то, что работало раньше. Это общероссийский патриотизм». Отвечая на предложение Путина, Медведев возразил, что опыт СССР в настоящее время неприменим, хотя идею воспитания патриотических чувств назвал «верной»: «Только что Владимир Владимирович, выступая, вспомнил Советский Союз, который нашел свою схему достижения определенного результата межнационального мира. Возможно ли повторение того, что было сделано в советский период? Мы с вами реальные люди и понимаем – нет, невозможно. СССР был очень жёстким государством... Судьба Советского Союза в этом смысле дает самую лучшую пищу для размышлений. Но нам действительно нужно вырабатывать новые подходы... Ещё 40 лет назад в США представители разных рас сидели на разных лавках, а сейчас это весьма толерантное общество, и не надо стесняться учиться. Но идея российской нации также эффективна» (2).

И уже через год, в январе 2012 года, в ходе предвыборной борьбы за пост президента РФ Путин сформулировал эти новые подходы в статье «Россия: национальный вопрос» (3). В ней содержался главный посыл – для России с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур национальный вопрос, без всякого преувеличения, имеет фундаментальное значение. В мире копятся серьёзнейшие риски, национализм и религиозная нетерпимость становятся идеологической базой для самых радикальных группировок и течений, которые подтачивают государства и разделяют общества. «Плавильный котел» ассимиляции барахлит и чадит, не способен «переварить» масштабный миграционный поток, а «мультикультурализм», отрицающий интеграцию через ассимиляцию, возводит в абсолют «право меньшинства на отличие». За провалом этого проекта стоит кризис модели «национального государства»,

которое строилось исключительно на основе этнической идентичности.

В России же национальные и миграционные проблемы напрямую связаны с разрушением СССР, а по сути, исторически – большой России, сложившейся в своей основе еще в XVIII веке. В 1991 году депутаты РСФСР в борьбе с «союзным центром» запустили процесс строительства «национальных государств», что неизбежно вело к развалу и сепаратизму. Попытки проповедовать идеи построения русского «национального», моноэтнического государства противоречат всей нашей тысячелетней истории. Более того, это кратчайший путь к уничтожению русского народа и русской государственности. Вот почему 4 ноября – День народного единства, который некоторые поверхностно называют «днем победы над поляками», на самом деле – «день победы над собой», над внутренней враждой и распрями, когда сословия, народности осознали себя единой общностью – одним народом. Этот праздник – «день рождения нашей гражданской нации».

Всей своей тысячелетней историей русский народ самоопределился – «это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром» (4). Российское общество многонациональное, но «мы единый народ». Однако нельзя насильно заставить быть вместе, жить вместе по расчету, который работает только до момента кризиса. Обеспечить гармоничное развитие поликультурной общности могут наша культура, история, тип идентичности: «Русский народ является государствообразующим – по факту существования России. Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, “всемирной отзывчивостью”, по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар. Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет “нацменов”, а принцип распознавания “свой–чужой” определяется общей культурой и общими ценностями. Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьёзным испытаниям, который пытались и пытаются

В компьютерной онлайн-игре Майнкрафт популярны альтернативные версии истории СССР после 1991 г. https://vk.com/su_minecraft

взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь».

Поэтому стратегия национальной политики должна быть основана на гражданском патриотизме, а в политической системе страны нельзя допустить возможностей для создания региональных партий, в том числе в национальных республиках, так как это – прямой путь к сепаратизму.

Уже будучи избранным президентом и выступая 16 августа 2012 года перед уполномоченными по правам человека в регионах, Путин снова возвращается к теме СССР. Он предложил подумать над формулированием идеи, которая могла бы способствовать консолидации народов России и общества в целом: «В советский период много чего делали не очень хорошего, но много хорошего изобрели. Например, было такое понятие – советский народ, новая историческая общность» (5).

В данном высказывании, безусловно, чувствовалась личная память первого лица государства, однако она во многом совпадала с коллективной памятью большинства людей.

Между тем, несомненно, обратила на себя внимание реакция на тот момент премьера Владимира Путина на убийство

болельщика «Спартака» Егора Свиридова. Премьер на встрече с футбольными болельщиками в конце декабря 2010 года заявил тогда: «Вы должны воспринимать это как атаку против вас всех, вне зависимости от места жительства, национальной или религиозной принадлежности». При всей аккуратности слов Путина посыл его высказывания был воспринят как однозначно прорусский и критический в отношении тех выходцев с Кавказа, которые не желают считаться с традициями этнокультурного большинства. Несомненно, это высказывание стало реакцией на определенные ярко выраженные общественные настроения, а также прицелом на будущую президентскую кампанию. Но оно вместе с тем вносило новый оттенок в национально-культурную риторику власти и косвенно проливало свет на её отношение к советскому наследию.

Так были ли «дружба народов» (интернационализм) и «советский человек» (новая общность)?

Данное обстоятельство подтверждала и социология. Напомним, что в 1920-е годы государственная политика была направлена на пробуждение национального самосознания, на коренизацию, в 1930-е годы для многонациональной страны появилась противоположная и опережающая время идея – идеологический концепт «дружба народов», в основе которого лежал принцип интернационализма, носителем которого должен стать «советский человек». Петербургский социолог С.В. Лурье попыталась зафиксировать и понять, как вспоминали и оценивали общество «дружбы народов» представители нерусских диаспор в русском городе спустя двадцать лет после распада СССР, какие сценарии межэтнических отношений формировались снизу и как в сознании обычных людей преломлялась идеология, спускаемая сверху. Для этого были проведены обстоятельные интервью с 15 членами старше 40 лет от каждой диаспоры – армянской, грузинской, дагестанской, литовской, немецкой, татарской, украинской, финской.

Проведённое исследование выявило следующие содержательные компоненты концепта «дружба народов»:

1) общение между народами («это было общество, в котором люди общались»; «людям было интересно общаться»);

2) отсутствие конфликтов между ними («проблем не было»);

3) искренний взаимный интерес друг к другу;

4) равенство представителей разных народов («мне, находящемуся в инациональном окружении, об этом никто не напоминал, меня принимали за своего»);

5) взаимопонимание между ними («мы понимаем друг друга, это только так кажется, что не понимаем, на самом деле мы друг друга прекрасно понимаем»);

6) уважительное отношение к человеку другой национальности («оскорблений в адрес своей национальности не встречал»);

7) совместная деятельность народов («дружба народов выражалась в фестивалях, конференциях, симпозиумах, что позволяло узнавать друг друга»; «проводили декады наших поэтов, были связи в спорте»);

8) совместное времяпрепровождение («обычаи соблюдали только разве что в дружеских компаниях – тосты, песни, танцы»);

9) единство людей разных национальностей («да не было их – этих межнациональных отношений»; «мы жили так дружно, что наши обряды и традиции так переплелись с другими народами и все перемешалось»; «общий язык, понимание другого»);

10) положительная оценка феномена «дружба народов» и инациональных друзей («каждая нация несет в себе много хорошего, и ее слияние с другими дает положительный эффект»);

11) общая история, культура, традиции наций, объединенных в рамках СССР («мои дедушки и прадедушки воевали за Россию»; «я, лично, больше ощущаю себя россиянином, потому что воспитаны мы всё-таки на Пушкине, Лермонтове»; «историю России, безусловно, принимали за свою, ведь мы здесь родились, и наши предки жили здесь»; «дружба была реальной, наши отцы были фронтовиками»).

Из выводов, сделанных Лурье, можно выделить следующий: в перестроечный и постперестроечный периоды концепт «дружба народов» практически лишился своего идеологического ядра и по своему содержанию сблизился с межличностным концептом «дружба». Если для россиян (принадлежащих к народам, отличным от русских) старше 40 лет «дружба народов» являлась образцовым понятием, то для более молодых носителей языка она теряет свою релевантность. Несмотря на то, что концепт «дружба народов» актуален, понятен всем, часто встречается в разных контекстах (названия фильмов, ресторанов, журналов, названия вузов), он утратил идеологическую окраску и в настоящее время характеризует лишь «дружеские отношения между представителями разных народов России».

В рамках «дружбы народов» респонденты расценивали и «советского человека» – как носителя дружеских отношений, как патриота, как человека хорошего, тактичного, дружелюбного, как гордого и свободного в своём выборе. То есть для представителей диаспор советский человек представлял собой идеализированной абстракцией, прототипическим образом носителя идеальных отношений между представителями разных наций СССР (6).

Иной взгляд на образ человека был представлен в 2009 году по результатам другого исследования, проведённого по программе «Советский человек», где сравнивался идеальный его тип с данными опросов людей из различных социальных групп. Как полагал Ю.А. Левада, для подтверждения значимости концепта «советский человек» вполне достаточно, чтобы элементы этого концепта обнаружились у 30–40 % членов общества. Исходными характеристиками конструкции «советский человек» (в сжатом виде) были:

- массовидность, усреднённость («быть как все»);
- приспособленность, адаптированность к существующему социальному порядку;
- ограниченность (в интеллектуальном, этическом и символическом плане), то есть незнание иных моделей и образов жизни;
- иерархичность, то есть осознание, что не только экономические и социальные блага, но и человеческие права, внут-

ренное достоинство, уважение, честь и др. распределяются в соответствии с социальным статусом и положением в структурах власти;

– хроническое недовольство тем, что предоставляется ему в качестве всем «положенного», а потому разочарованность от того, что ему «дано», что ему предоставляет «жизнь»;

– лукавство, демонстрация лояльности власти и своему окружению, но по-настоящему забота лишь о своем выживании;

– неуверенность в себе, невозможность полагаться на действие правил формальных государственных институтов, а значит, на правовую и социальную защищенность, стабильность, предсказуемость условий своего существования;

– осознание своей (массовой, коллективной) исключительности, превосходства (причастности к чему-то «особенному» – великим державе, империи, народу) – как компенсация разочарованности и чувства неполноценности и др.

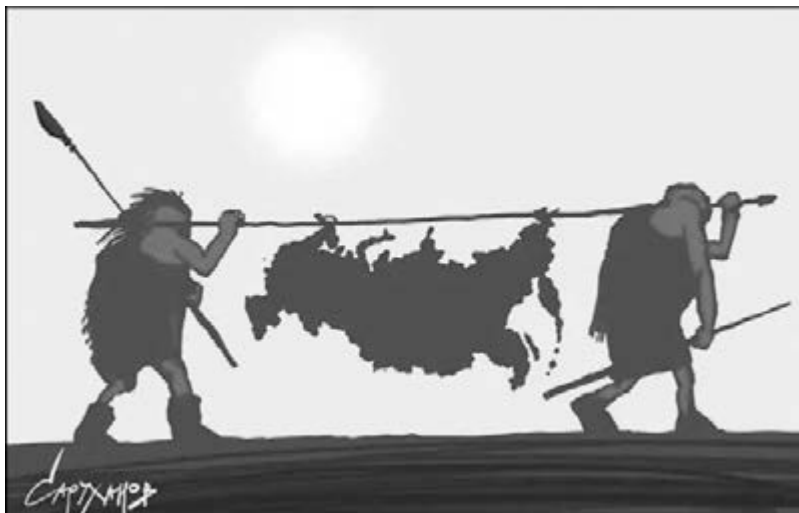
Все эмпирически установленные характеристики массового сознания – авторы определяли его как посттоталитарное – объединялись в понятии «советского человека». Левада связывал крах советской системы, растянувшийся на несколько лет (1989–1992 годы) с невозможностью воспроизводства этого человека. Он полагал, что в чистом виде можно говорить лишь об одном советском поколении – том, которое родилось между 1920-м и 1930-м годами и было воспитано уже сформированными советскими институтами, жило в этих условиях и чей постепенный уход из жизни может служить объяснением развала соответствующей институциональной системы. Однако в 2000-х годах вместе с начавшейся сменой поколения перестройки резко усилились консервативные и ностальгические настроения, задавшие рамки рекомпозиции авторитарного режима. Стало очевидным, что воспроизводство советской системы продолжается. По меньшей мере, частично, что многими было воспринято в качестве явлений реставрации. Кстати, Левада пересмотрел свое понимание «одного поколения советского человека», а это, соответственно, вновь поставило вопрос об устойчивости этого антропологического типа. Менялись на протяжении последних 20 лет социальные организации и формы взаимодействия (бизнес, массовые коммуникации, массовая культура, образцы потребления и образы

жизни), однако неизменной оставалась структура власти. Таким образом возникло противоречивое сочетание институтов из разных исторических эпох, принадлежащих к разным режимам, разным социальным системам, что нейтрализовало потенциал трансформации и модернизации страны.

Сами по себе, как подчёркивал Л.Д. Гудков, эти институты власти не могли бы функционировать, если бы они не опирались на соответствующие массовые стереотипы и убеждения, составляющие ядро «советского человека». Исследования показали устойчивость многих массовых представлений, играющих важнейшую роль в поддержании коллективной идентичности. На межпоколенческое воспроизводство этих представлений влияют школа, вузы, армия, а новые институциональные структуры (например, экономические образования, формы массовой культуры или новые коммуникативные посредники) оказались либо индифферентными, нейтральными по отношению к старым властным институтам, либо малозначимыми (7).

«Вопрос вопросов»

И в этой связи вновь возникал вопрос о причинах развала СССР. В их осмыслении сохранялся примерно тот же тематический круг, который наметился десятилетие назад (8). Правда, заметно усилилось стремление возложить вину на Запад, на работу американско-английской агентуры (9). Снова звучали упреки в адрес отцов-основателей СССР, не взявших на вооружение проект «автономизации» и вместо ставки на государствообразующий народ на роль связующего звена выбрали политическую партию. Линия субъективного фактора продолжалась в оценках кратковременности пребывания на посту генсека Андропова и борьбы за власть между Горбачёвым и Ельциным, повлиявшей на ход событий (10). В этом же русле рассуждал и В.А. Печенёв. Основываясь на личных воспоминаниях помощника генсеков и проработку большого количества документов, он отметил непонимание советскими лидерами внутренних противоречий, заложенных в самом административно-территориальном устройстве Союза (по форме – федеративное, по содержанию – унитарное), которое «взорвало»

Художник П. Саруханов

многонациональный Союз. Единственным «стержнем», цементирующим межнациональные отношения, а следовательно, и весь Союз, была многомиллионная Коммунистическая партия, после ликвидации которой не осталось никаких объединительных факторов (11).

По-другому выстраивал свою аргументацию А.С. Ципко. Исходя из предположения, что для тоталитарных систем советского типа «состояние духа нации» в принципе имеет куда большее значение, нежели, к примеру, состояние экономики, он пришёл к выводу, что на последних порах существования Советского государства центробежные тенденции – «духи национализма» в союзных республиках – оказались сильнее центристских, например, многовековой привычки разных народов жить вместе. Русская нация, являвшаяся ядром Союза, не только не захотела, но и в критический момент жизни государства оказалась неспособна сдерживать данные центробежные силы; более того, она сама оказалась главной центробежной силой такого рода (12). В.Д. Соловей также считал, что судьба СССР, подобно судьбе Российской империи, была предрешена русскими – их действиями или, точнее, их бездей-

ствием, нежеланием пальцем о палец ударить ради сохранения единства страны, считавшейся их Родиной. Никакие прибалтийские, закавказские и прочие периферийные национализмы не представляли кардинальной угрозы единству СССР. «Так что же, поставив на русских, коммунистические правители СССР допустили ту же роковую ошибку, что и незадачливый Николай II?» – спрашивал Соловей. Если это было ошибкой, то ее вместе с Кремлем должны разделить крупнейшие интеллектуальные центры современного мира. Все известные западные прогнозы развития стратегической ситуации в СССР предрекали, что к началу третьего тысячелетия главный вызов «этническому доминированию русских» будет исходить с Юга – от бурно растущих народов Средней Азии и Кавказа. Западная схема о русских «хранителях империи», противостоящих потенциальному бунту этнической периферии, эксплицировала потаённое опасение Кремля. Однако её базовая посылка оказалась неверной: если бы русские оценивали собственный статус как этническое доминирование, то СССР не прекратил бы своего существования столь бесславно и относительно бескровно (13).

Спустя 20 лет интересно было узнать и мнение тех семерых депутатов, которые из двухсот пятидесяти избранных в Верховный Совет РСФСР 12 декабря 1991 года проголосовали против ратификации Беловежских соглашений. На вопрос «что привело к распаду СССР?», последовали ответы: «не было распада страны, страну разрушили» (С.Н. Бабурин); причин трагедии «было достаточно: и внешних, и внутренних» (В.А. Балала); «сработала целая совокупность факторов: поражение в «холодной войне», несовершенство внутривластной системы, пробуксовка плановой экономики, неблагоприятная для нас внешнеэкономическая конъюнктура, связанная с падением мировых цен на нефть» (И.В. Константинов); «основная причина, конечно же, внешняя» (П.А. Лысов); американцы сами откровенно написали, «какие они деньги вкладывали, сколько они усилий предпринимали для того, чтобы СССР перестал существовать» (Н.А. Павлов); «главную роль в распаде страны сыграл субъективный фактор – лидеры государства» (П.А. Лысов); советской элите «захотелось отвечать гораздо меньше, а получать гораздо больше – так, как это происходит в США

и Европе» (С.А. Полозков). В конечном счете, после разрушения СССР страна живёт в мире воплощенной мечты советской номенклатуры – «они были убеждены в том, что элита должна иметь наследуемую собственность, неотчуждаемое имущество, которое в любом случае остается их потомкам при любом раскладе, при любом исходе карьеры» (И.В. Константинов) (14).

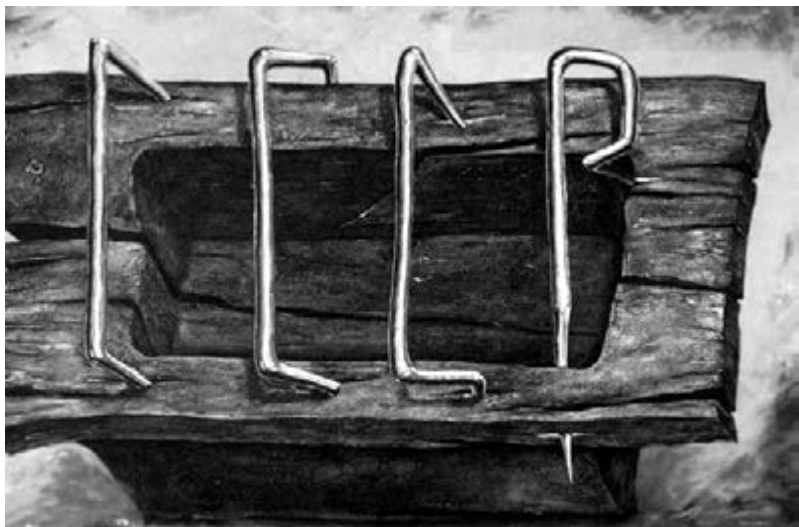
На широкие обобщения попытался выйти известный кинорежиссёр В.В. Меньшов, по мнению которого страна не воспользовалась шансом, который открывался перед ней в послевоенные годы. «Великая Отечественная война стала невероятным подвигом советского народа. Кажется, что к этому подвигу нас вела вся тысячелетняя история России, к этому высочайшему моменту нашей жизни – Победе... Уже через какие-то сорок лет мы получили развалившееся государство. Это итог Победы? – спрашивал Меньшов. – Сталин не воспитал себе смену. Он был гений, никаких сомнений в этом нет, и тех, кто выполнял его приказы, мы тоже считали талантливыми людьми, но когда они оказались предоставлены самим себе... В итоге советская система к середине 80-х уже была не готова отвечать на вызовы времени. Назрела смена парадигмы общественного развития, но перестройку, к нашему несчастью, возглавили фигуры некрупные, они всё свели к возвращению России в лоно так называемой европейской цивилизации. Свой собственный путь искать не стали» (15).

И.Я. Фроянов пошёл еще дальше и погрузил СССР в контекст мировой истории. Для него Российская империя – исторический фундамент строительства СССР, который тоже был империей. Однако форма Союза оказалась весьма неудачной, более того – гибельной. Сам принцип самоопределения наций был связан с борьбой против европейских империй и монархических тронов. Задача их ниспровержения была «поставлена еще в конце XVIII века, причем поставлена определенными силами, объединенными в масонские организации». Это была борьба против алтарей и тронов, в первую очередь против российского самодержавного трона, или русской монархии, возглавлявшей великую империю, которая являлась мощным препятствием на пути архитекторов нового мирового порядка. Именно под троны закладывалась идейная бомба самоопреде-

ления наций. На этой теоретической основе формировался и Советский Союз как антипод самодержавной России, которой уже не было, но задача заключалась в недопущении возможности возврата к старому порядку. Фроянов задал парадоксальный вопрос: «Не было ли создание СССР изначально направлено на разрушение, уничтожение России, свидетелями чего мы сейчас являемся? Использовать Россию в качестве застрельщика, поджигателя мировой революции, а затем разорвать страну на национальные клочки, при этом выместив вековую антирусскую злобу, – чем не “именины сердца” для “мировой закулисы” и непосредственных творцов русской трагедии?» Историк считает, что Сталин понимал опасность такой политической конструкции, как СССР, и жизнь показала, что это была более правильная позиция. Но по понятным причинам она не могла быть реализована, потому что от Ленина исходила другая идея. Потому и Сталину ничего не оставалось делать, кроме того, как изображать из себя сторонника этой ленинской идеи. Но он сумел всётаки на время нейтрализовать опасность распада страны, выковав партию-орден, пронизанную жесткой дисциплиной и единством. До тех пор, пока существовал этот «орден», сохранялась целостность государства. Сталин знал, что такое положение не бесконечно. Поэтому после Великой Отечественной войны у него появились новые замыслы, связанные с переустройством страны и общества, где русскому началу отводилась первостепенная роль (16).

««Вопрос вопросов»»: почему не стало Советского Союза?» – так назвал свою книгу, выдержавшую три издания в Москве (2007, 2011, 2022), Стивен Коэн (перевод И.С. Давидян). Американский профессор сгруппировал шесть разных объяснений конца СССР, которые заслуживают серьезного разбора. Кратко представим этот разбор.

Первое – кончина была «неизбежна», поскольку была «предопределена» неким неисправимым генетическим или врожденным дефектом. Что касается фатального дефекта, то, по мнению Коэна, обычно говорят о трёх. Все они исходят из аксиомы о неререформируемости системы. Теологический дефект – первородный грех советской власти, или изначально присущее ей зло, второй – «издержки социализма», под которыми понимается неестественная идеология, уничтожившая

Плакат «СССР». Художник Г. Шлыков. 1991 г.

систему, третий – Советский Союз был «империей», а все «многонациональные империи обречены». Но «империя особого рода» закончила своё существование не как традиционные империи, в том числе его предшественница, царская Россия, которые разваливались под тяжестью войн и политической оппозиции со стороны колониальных окраин. В советском случае войны не было, а перед самым концом семь республик даже вели с Москвой переговоры о заключении нового союза. Среди этих семи были и пять центрально-азиатских республик, которые якобы больше всех пострадали от «колонизации», но при этом меньше всего хотели расставаться с Союзом. А разрушил Советский Союз, главным образом, его собственный «имперский» центр, Москва, перешедший под контроль Ельцина.

Второе объяснение – система пала жертвой антисоветской народной революции снизу, демократической (в России) и / или национальной (в других советских республиках). Но это объяснение плохо стыкуется с реальными фактами, не самую последнюю роль среди которых играют те 76 % голосов, отданных за Союз на референдуме, состоявшемся всего девять-

тью месяцами ранее. Противоречит ему и несамостоятельное, послушное поведение лидеров большинства союзных республик, от Средней Азии и Закавказья до Украины, во время событий августа 1991 года. Пока они думали, что ГКЧП в Москве может победить и восстановить власть центра во всей стране, они либо демонстрировали лояльность, либо помалкивали. По этим и другим причинам, некоторые западные и российские аналитики высказывают совершенно иное мнение относительно конца Советского Союза: была «лишь ограниченная мобилизация масс».

Третье – основание советской системы оказалось подточено неработающей экономикой, что привело к экономическому коллапсу. Однако экономики «со стажем» обычно не терпят внезапный «крах». Кризис 1990–91 годов на самом деле не был кризисом советской экономики, которая демонстрировала рост ещё в 1985–89 годах. Граждане продолжали работать и получать зарплату. Промышленное производство начало резко падать, но сельскохозяйственные показатели оказались одними из самых высоких за десятилетия. Кризису способствовало то, что на руках у граждан оказалось гораздо больше свободных средств, чем когда-либо раньше. Этот товарный дефицит способствовал распространению мифа о тотальном экономическом крахе, но проблема заключалась, прежде всего, в кризисе распределения. В ожидании неминуемого роста государственных цен и потребители, и поставщики припрятавали товары до лучших времён: первые, из страха перед ростом цен, делали запасы дома, а вторые, надеясь впоследствии получить большую прибыль, придерживали товары на складах. Недаром прилавки так быстро вновь заполнились товарами, причём не только импортными, стоило Ельцину отпустить цены и девальвировать рубль. Впрочем, советские люди не впервые столкнулись с проблемой дефицита. Пустые полки государственных магазинов, несмотря на яркость образа, не означали массового голода. Деревенские жители во все времена питались в основном тем, что вырастили сами, но даже многие горожане не были полностью зависимы от государственных прилавков. Существовали, пускай более дорогие, негосударственные – колхозные и кооперативные рынки и магазины, существовали личные дачи с огородами, а, кроме того,

Плакат «Отечество в опасности». Художник неизвестен. 1990 г.

существовала система общественного питания. Как говорят в один голос многие западные и российские экономисты, «СССР убила политика, а не экономика». Экономика стала «заложницей политики».

Четвёртое – постепенные преобразования (перестройка), которые попытался проводить Горбачёв, вышли из-под контроля и, как не раз уже случалось в российской истории, пали жертвой национальной традиции максимализма, или экстремизма, разрушившей основания системы. Радикальные силы, радикальная интеллигенция много сделали для того, чтобы сфокусировать общественное недовольство на политике Горбачёва и поддержать Ельцина, но никакой реальной власти, помимо этих двух руководящих фигур, у них не было. Несмотря на весь свой вес в обществе и громкие голоса, радикалы пользовались небольшим авторитетом у простых россиян. Пятое объяснение – исчезновение Союза является классическим примером решающей роли лидеров в истории, в данном случае, сначала Горбачёва, затем Ельцина. Если горбачёвская

воля к реформам порой и подвергалась сомнению, то воля к власти его соперника, Ельцина, никогда. С момента появления Ельцина на советской политической сцене его все воспринимали как человека, убеждённого в том, что его судьба – править. Неотступная погоня за властью, осложнённая «патологической, всеуничтожающей, сжигающей его самого ненавистью к Горбачёву» оказалась, определяющей для его политической позиции. Для того чтобы быть «первым», недостаточно было быть президентом одной из союзных республик, пускай даже самой важной; ему нужен был горбачёвский Кремль – средоточие и символ верховной власти. Именно противоположные, но симбиотически связанные воли двух экстраординарных политиков и привели к концу СССР. Но является ли это объяснение исчерпывающим? – спрашивал Коэн. До сих пор остаётся непонятным, как Ельцин, не имея за собой ни армии, ни даже политической партии, сумел, фактически единолично, покончить с огромным, пускай и ослабленным государством, имеющим 74-летнюю историю, и никто: ни рядовые граждане, ни парламент, никакие другие силы даже не попытался воспротивиться этому? Объяснить это можно тремя факторами. Во-первых, пассивность русского народа в моменты судьбоносных схваток политических лидеров – неважно, чем она была обусловлена: покорностью, страхом, равнодушием или надеждой, – была ещё одной устойчивой традицией. Второй фактор был более современным. К 1991 году общественное мнение было уже настолько резко настроено против Горбачёва, что, без сомнения, увидело в Беловежском соглашении не конец советского государства, а желанное избавление от его непопулярного президента. Третий и, по-видимому, главный фактор был тесно связан с предыдущим. На Беловежской встрече Ельцин и другие аболиционисты заявили, что вместо СССР немедленно образуется Содружество Независимых Государств, которое позволит сохранить единство большинства бывших союзных республик, а также их населения, хозяйства и вооружённых сил. Но даже эти факторы не объясняют в полной мере видимого безразличия, с которым другие, более влиятельные советские элиты, такие как верхушка бюрократической номенклатуры, восприняли ликвидацию Ельциным государства, породившего их и наградившего ни с чем не сравнимыми вла-

стью, статусом и привилегиями. Проще всего, пожалуй, объяснить молчание военной элиты – верхушки армии и КГБ. После неудачной попытки антигорбачёвского переворота военные были деморализованы и опасались быть вовлечёнными в очередной конфликт между политическими лидерами. Более сложным является вопрос о молчаливом согласии советской административно-хозяйственной элиты, которая, по мнению большинства обозревателей, «продолжала держать под неослабным контролем гигантскую государственную машину». И здесь мы вплотную подходим к последней версии кончины Советского Союза.

Шестое – распад Союза был «элитным» деянием, и, значит, объяснение нужно искать в поведении номенклатуры или отдельных её сегментов в конце 1980-х и начале 1990-х гг. На рубеже 1980-х и 1990-х годов небольшой, но занимающий стратегически выгодную позицию сегмент номенклатуры был занят тем, что всю «приватизировал» огромные богатства СССР. Представители этого сегмента «превращали власть в собственность», а значит, потенциально, в ещё большую власть. И хотя официально приватизация была объявлена позже, при Ельцине, уже к концу 1991 года «стихийные» захваты собственности, как их называли, поглотили значительные участки советской экономики стоимостью в миллиарды долларов и грозили вылиться в «подлинную вакханалию перераспределения». Республиканские лидеры, следуя примеру Горбачёва, принялись перемещать центр тяжести своей власти со стремительно теряющей вес компартии в новые национальные парламенты и президентства. Советские элиты инстинктивно понимали, что собственность есть лучший способ обеспечить власть без авторитета и ресурсов партийного аппарата. Но так как под непосредственным контролем республик находилось менее десяти процентов советской экономики, национальные лидеры начали требовать «суверенитета», то есть полного права распоряжаться теми активами Союза, которые располагались на их территории.

Важным стимулом для новых подходов в осмыслении феномена СССР стало исследование историка (теперь профессора Гарвардского университета) Терри Мартина *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union*.

1923–1939 (2001) и «Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма?» (Ab Imperio. 2002. № 2. С. 55–87) (17). На эти публикации тогда обратил внимание узкий круг специалистов, но выход книги на русском в 2011 году под названием «Империя “положительной деятельности”». Нации и национализм в СССР. 1923–1939» (в переводе О.Р. Щёлоковой) вызвал большой резонанс и стимулировал новый интерес к национальной политике большевиков. И дело не в новых оценках и введенных понятиях, которые циркулировали в научном сообществе историков России, а в том, что о «странной империи» говорил западный историк, который резко отошёл от устоявшихся формулировок своих коллег.

Прежде всего удивил заключительный вывод Мартина о том, что советское государство никогда не было ни многонациональной федерацией, ни моноэтническим государством, что это была не имевшая аналогов в мировой истории империя, которая, в отличие от Римской, Британской и других империй, поддерживала существование и развитие национальных меньшинств на территории бывшей царской русской империи в гораздо большей степени, чем национального большинства – русских. На русских были взвалены все материальные и интеллектуальные тяготы в построении нового общества. Вот почему «Империю» так поддержали русские националисты, поскольку нашли в ней массу фактов ущемления «государствообразующих» в пользу национальных меньшинств. Русский вопрос – центральный в монографии – был причиной разногласий между Лениным и Сталиным, хотя последний не хотел ни отдельной русской республики, ни русской партии. От русских зависело единство страны. Только во второй половине 1930-х годов РСФСР преобразуется в русское ядро СССР, русским возвращается лидирующая роль в Союзе.

Другой важной особенностью национальной политики большевиков Мартин считал, кроме коренизации, создание национальных территорий для всех национальностей. История перемещения внутренних границ, проанализированная автором, показала, что созданная большевиками национально-территориальная система была распространена на самые мелкие

территории – национальные районы, сельсоветы, колхозы. Причём на всей территории СССР границы проводились в пользу территорий национальных меньшинств и за счет русских регионов РСФСР. По подсчетам Терри Мартина, в РСФСР появилось не менее 4 тысяч украинских национальных советов (тогда как русское меньшинство на Украине так и не добилося права образовать хоть один городской национальный совет), которые в полном согласии с идеей «территориализации этничности» занялись украинизацией занимаемых территорий. В середине 1920-х украинизация охватила Кубань, Ставрополье и даже Дальний Восток. Продолжалась такая уступчивость до 1929 года, когда Сталин признал: постоянная перекройка внутренних границ вызывает не затухание, а обострение этнических конфликтов.

Национальные истории как инструмент политики

В первом десятилетии XXI века условия для историописания на постсоветском пространстве усложнились. Произошли первые постсоветские «цветные революции» с харизматическими провайдерами и первая война (2008) между бывшими республиками СССР, в которой открыто участвовала Россия. Кризис государственности в ряде стран СНГ и одновременно поиск собственных путей развития народовластия потребовали новых программ и проектов по изучению и репрезентации истории. Это было связано как с опасностью дезинтегративных тенденций, так и с воспроизводством идентичности, сохранением её главной основы – исторической памяти и национальной культуры. Поэтому ведущая роль в создании национальных историй закрепилась за политической элитой, заинтересованной в инструментализации прошлого для реализации определенных политических целей, в том числе для укрепления независимого статуса новых государственных образований. На всём постсоветском пространстве на государственном уровне стали формулироваться задачи исторической политики и политики памяти, что связано с сохранением и развитием языка,

национальных духовных и материальных ценностей, государственной школы обучения молодого поколения. Подконтрольные власти СМИ, система образования и издание учебной литературы – в зависимости от характера внешнеполитических ориентиров вообще и двусторонних межгосударственных отношений в частности – выпячивали то одни, то другие образы в представлении общей истории своих соседей. Диапазон для этого был довольно широким, хотя и не новым – «враг – чужой – другой – иной – друг – брат».

Выстраивание взвешенной внешней политики предопределило переход к созданию образа прошлого страны, который бы способствовал стабилизации, нормальным отношениям с соседями, который был бы свободен от излишней политизации. Безусловно, это не означало, что исчезло стремление правящих элит отойти от общей истории, связанной с Российской империей и СССР, что история перестала быть инструментом политики. Во всяком случае, режимы власти, установившиеся на Украине, в Грузии, Эстонии и Латвии, в критические моменты тенденциозно освещали трагические моменты истории, надуманно взвинчивали ситуацию вокруг памятников и памятных знаков, что нередко вызывало раскол общества. Возникли невиданные для постсоветского пространства определения – «война памятников», «война памяти». Работа в контексте инструментализации прошлого, с одной стороны, и время от времени возникающих «войн памяти» и «информационных войн», с другой стороны, поставили перед историками серьёзные вопросы. Что делать? Гасить эти войны? Создавать новую идентичность на «счастливой истории» и только так, игнорируя трагические события, воспитывать молодежь? Чем вообще отличаются национальные картины прошлого и почему? Какие модели национальной памяти превалируют в массовом сознании? Какие перспективы впереди – апология почвы, облечение мифов в национальную оболочку или возвращение профессиональной историографии на подобающее место? Продолжится ли дифференциация историков по национальной принадлежности или всё-таки на основе научной позиции?

Новые политические элиты и национальные историки в основном придерживались трёх сценариев. Первый – взвешен-

ное «обновление» историознания, отступление от радикального этноцентризма к синтезированной мультикультурной истории. Такой путь избрали, скажем, политические лидеры и историки Эстонии. Второй путь – сохранение этноцентризма, но с отказом от перегибов и сохранением граней умеренного подхода при обращении к прошлому. По такому пути пошли власти и учёные, например, Азербайджана. Третий – усиление этнонационального радикализма в историознании, историческое мифотворчество, «паннационализм» с прежним акцентом на искусственное удревнение этноса, возвеличивание исторических личностей и событий, которые указывали бы, с одной стороны, на страдальческую составляющую прошлого, а с другой – на силу духа в стремлении обрести независимость. Таков был путь Украины. Можно говорить и о четвёртом варианте, близком ко второму сценарию. По нему пошли государства Центральной Азии: реставрация своей письменности и начатое заново изучение своей действительной истории, то есть её «обретение», но с подчёркнутым «центризмом».

Для Кыргызстана и Таджикистана процессы, начавшиеся в первом и продолжившиеся во втором десятилетиях их независимости, определялись понятием «появление истории». Исторические исследования в Кыргызстане, возглавляемые Институтом истории Национальной Академии наук, осуществлялись на основе специального плана мероприятий. Его основными направлениями являлись: актуализация проблем фундаментальных исследований по истории кыргызской государственности, расширение источниковедческой базы, археологические и этнографические экспедиции. Тематика научных исследований института охватывала все основные этапы истории кыргызов и их государственности с акцентом на досоветскую историю. В рамках проекта «Происхождение, формирование и развитие кыргызского народа», а также международной программы ЮНЕСКО «Комплексное исследование Шёлкового пути – пути диалога» (18) исторические исследования разворачивались вокруг тех тем, которые были на периферии историографического внимания в советские годы. Среди таких тем происхождение кыргызов, становление кыргызской народности и государства, национальные движения начала XX века, репрессии сталинского режима. Национальная история воспринималась исключительно как история кыргызов.

Однако этого нельзя сказать о географически соседствующем Казахстане, где в историознании был замечен переход от этноцентризма к мультикультурализму. Поскольку в официальной национальной политике не предусматривалась титульная нация, акцент делался на гражданство и равенство наций. В государственных образовательных стандартах было принято определение «История Казахстана», что подразумевало историю не нациеобразующего казахского народа, а мультикультурного государства Казахстан. Ставка на культурную эксклюзивность, как и в Азербайджане, в Армении и Грузии, делалась прежде всего для создания благоприятных условий для привлечения туристов в республику, для установления межкультурной коммуникации. «Места памяти должны стать основой для развития культурного туризма, а также музеефикации. Территорию Казахстана необходимо представить миру как основную ветвь Великого шёлкового пути, создать систему конкретных маршрутов и профессионально заняться осуществлением этого проекта» – таковыми тогда были цели руководства Казахстана (19).

Идею мультикультурализма в историознании разделяла и многонациональная Эстония, в которой проживает многочисленная российская диаспора. После восстановления национальной истории в этой балтийской республике не ставится знак равенства между историей Эстонии и историей эстонцев, история эстонцев также не отождествляется только с историей крестьянского сословия и его эмансипацией. Пристально исследовалась прежде игнорировавшаяся история правящего и долго доминировавшего в культурной сфере меньшинства – остзейских немцев. Больше внимания уделялось истории национальных меньшинств в Эстонии, в том числе русского. Ввиду того, что интерес эстонской общественности в основном был прикован к событиям XX века, отправной точкой исследования всякого исторического вопроса являлась идея о самобытности и праве каждого народа на самоопределение на своей коренной территории, где он составляет большинство. Эстонские историки особое внимание уделяли таким темам, как обретение и потеря независимости, Вторая мировая война и советский период. Наиболее распространённым положением по поводу этих событий являлось следующее: «Во Второй мировой войне (точнее,

уже в 1938 году, повторно 1 сентября 1939 года) Эстония объявила себя нейтральной. Однако после сговора Гитлера и Сталина эстонское правительство вынуждено было капитулировать перед СССР, чтобы сохранить свой народ. Эстония – как государство – была оккупирована в 1940 году Советским Союзом, в 1941 году Германией и в 1944 году опять Советским Союзом. Бессмысленно спорить о выборе, стоявшем тогда перед эстонцами, – как раз выбора-то, по большому счету, и не было. В сентябре 1944 года, когда немцы оставили Эстонию, была предпринята попытка восстановить независимость. Юридически вполне корректно созданное правительство сумело пару дней проработать в Таллинне и успело заявить о нейтралитете в советско-германской войне. С приходом Красной армии правительство бежало, почти все министры были пленены и получили кто каторгу, а кто смертный приговор» (20).

В многонациональной Литве четкой ориентации на мультинационализм в историознании не наблюдалось. В то же время известно, что заниматься изучением истории татар и караймов, проживающих в Литве со времен короля Миндаугаса, в исторической среде являлось весьма престижным. В Литве наблюдался большой интерес к истории новейшего времени и современности, нежели к медиевистике, когда Великое княжество Литовское являлось одним из крупнейших и мощнейших государств в Европе, что выглядело алогичным. Ведь за счет богатой и славной средневековой истории, по примеру Казахстана, литовцы могли бы вести успешные межкультурные коммуникации. Тем не менее результаты социологического исследования 2007 года (опрашиваемые отвечали на вопрос «Какой исторический период Вам как литовцу (гражданину Литвы) кажется наиболее существенным?») показали, что 68,5 % опрошенных заинтересованы в нынешнем времени, 35 % – периодом Литовской Республики (1918–1940), 32 % – советским временем, 26 % – эпохой национального возрождения с конца XIX века. «Литву князей» обозначали только 25,5 % участников исследования (21).

В Латвии «бои за историю» являлись внутренними боями, где противоборствующие стороны представляли собой различные части одного общества. Сложился своеобразный треугольник, в котором, с одной стороны, есть латвийская офици-

альная, поддерживаемая большей частью латышскоязычного населения версия истории, с другой стороны, «контрверсия», которую поддерживала другая часть жителей Латвии, наконец, с третьей стороны, версия истории Латвии, какой она видится вне Латвии (22). В ряде независимых государствах продолжал доминировать этнический компонент. Продолжающаяся «национализация» преподносилась как орудие демократизации политической жизни.

В действительности же, к примеру, на Украине высшая государственная бюрократия и политические элиты избрали стратегию использования стандартных схем национальной истории для легитимации своего общественного, культурного и политического статуса. После «оранжевой революции» президент В.А. Ющенко активизировал национальную составляющую украинской истории с особым упором на те страницы, где не существовало устойчивого консенсуса или где его легко было нарушить. Это привело к стремительной актуализации тем, вызывающих крайнее раздражение в политически активной части общества. В результате вторая половина первого десятилетия XXI века явила примеры исключительно острых общественных дискуссий по поводу прошлого, дискуссий, в которые втянулись не только граждане Украины, но и целые государства. Право на создание национальной истории, где подчеркивалась бы исключительность исторического пути своей нации, требовало фактологических обоснований. Появилась необходимость в мифе с особым упором на национальный героизм и страдания народа. На Украине для этого были выбраны два наиболее знаковых исторических явления: Украинская повстанческая армия (УПА) – как пример героических страниц истории и голодомор – как пример исключительной по масштабам национальной трагедии. Оба явления преподносились в крайне эксклюзивной форме – как предмет исключительно украинской этнической истории (УПА – борьба украинцев за независимость, голодомор – геноцид против украинской нации / народа) (23). Так называемая белая страница украинской истории – голодомор – усилиями власти превратилась в специфическую форму культурной реальности, в значимый символ национальной исторической мифологии и в то же время – в предмет крайне противоречивых политических спекуляций и жарких общественных дискуссий.

В Белоруссии комплекс «виктимизации», «страдальчества денационализированной» белорусской нации в том виде, как он сформулирован в «национальной концепции истории», выглядел довольно надуманным и не имеющим необходимой доказательной базы. Великое княжество Литовское обладало «белорусским» характером на основании того, что белорусы составляли большинство его населения. И тем не менее в Белоруссии при всей впечатляющей решительности, с которой одно в истории «вспоминалось», а другое «забывалось», не было тех крайностей, которые наблюдались в других постсоветских странах (24).

После решения вопроса о праве на «нациецентричную» историю, после привыкания к восприятию своей страны как самостоятельной единицы в первом десятилетии XXI века в независимых республиках встал более сложный вопрос о самоидентификации в пространственной системе координат, причислении своей нации к одной из двух цивилизационных систем – к Востоку или Западу. С первой системой ассоциировались культурные, государственные, экономические и социально-психологические формы, связанные с отсталостью, подчинением индивида коллективу и государству, деспотией и авторитаризмом. Со второй – индивидуализм, демократия, свободный рынок, разнообразие культурных форм, идеологический плюрализм и свобода личности.

Страны Балтии (вступив в Евросоюз в 2004 году), «румынская» Молдавия, Грузия (подчеркнув свою принадлежность к европейской семье идей, что Грузия – европейская страна со времён Прометея, который был прикован к горам Кавказа), Западная Украина (в первую очередь, разрушая имперский / советский миф о единстве трёх братских славянских народов) решительно идентифицировали место своей нации в Европе. «Логика «национализированной» истории, – писал Г. Касьянов, – предполагала: первый шаг – превращение в полноценную, «историческую» нацию; второй – вхождение нации, «восстановившей» свою историю и историческую полноценность, в семью европейских наций» (25). Определение места «своей» нации в системе исторических, историко-географических, культурных и политических координат предполагало создание таких национальных мифологий, которые позволяли

бы не просто «выделить» или «отделить» свою историю от познавательных структур, схем и нарративов, ранее представлявшихся общими, но и доказать историческую обоснованность такого выделения. Главной целью, артикулируемой прямо или косвенно, было отделение от «общерусской» истории и «воссоединение» с «общевропейской». Например, на Украине, неприкрыто стремившейся в «европейский дом», «европеизируемые» исторические факты целенаправленно «подстраивались» под типично общевропейские процессы.

Отдельным феноменом среди стран бывшего СССР являлась Молдавия. Её судьбу национальные историки осмысливали как особый случай на постсоветском пространстве, так как само понятие «молдавская национальность» не определено внутри дискурса национальной историографии. Кроме того, ни в одной из бывших союзных республик не муссировался вопрос о вливании в состав соседнего государства – в данном случае Румынии. Поэтому в Молдавии среди национальных историков выделились две оппозиционные друг другу группы: «молдовенисты» и «румынисты». Для «молдовенистов» принципиальными являлись следующие события: рождение молдавского государства, правление Штефана чел. Маре, Дмитрия Кантемира, правление Петра I, 1812 год, 1918–1940 годы, Великая Отечественная война, нахождение в СССР как время расцвета страны. Пребывание в Румынии считалось трагической страницей. Для «румынистов» определяющими являлись иные исторические вехи: дако-римские войны, романизация населения, формирование румынского этноса и нации, объединение румынских земель и основание румынского государства под руководством Траяна, Децебала, Бурбисты и Михая Витязу, основание Румынии в 1859–1861 годах, 1918 год, соединение Бессарабии с Румынией – 1918–1940 годы, аннексия СССР Бессарабии в 1940 году, возврат латинской графики и румынское название нации и языка.

Представители румыно-ориентированной интеллигенции на вопрос анкеты «Что для вас означает национальная история?» отвечали, что это борьба за возрождение национального румынского языка и протест против насильственной русификации в советский период. Они утверждали, что подобной борьбы за язык не было ни в одной стране, что через него шёл

процесс роста национального самосознания. На уровне официальной политики оспаривалась румынская модель национального строительства, которая гласила: «Молдаване – часть румынской нации». Противовесом выступала молдовоцентричная модель, которая обосновывала представление о двух нациях: молдавской и румынской. Румыноцентричная парадигма видела в русских оккупантов не только с 1940-го, но и с 1918-го и даже с 1812 года (26).

Невзирая на то, что страны постсоветского пространства условно разделились на группы по методу создания национальной истории, во всех них сохранился ряд схожих проблем, связанных с общей для всех советской историей. Если в первые постсоветские годы под «белыми пятнами» чаще всего подразумевались отдельные неизвестные или малоизвестные (в силу разных обстоятельств) события, в первую очередь сталинской эпохи, то постепенно хронологические и тематические рамки «белых пятен» увеличились, объём исторических событий и явлений, нуждающихся в пересмотре с новых позиций, значительно возрос. Уже говорилось о голодоморе на Украине, являвшемся в СССР закрытой темой (27). Свои «белые пятна» обнаружили в Армении и Азербайджане. Национальным историкам Армении принадлежали работы по геноциду армян в Османской империи начала XX века, сравнительному анализу геноцида армян и холокоста евреев, поиску политически ответственных за эти трагедии. Осуществить эти исследования в Советской Армении было просто невозможно (28). История геноцида оказывала огромное влияние и на отношение Армении к Турции, а непризнание Турцией самого факта геноцида воспринималось большинством граждан Армении как чудовищная несправедливость и признак недружелюбия.

В Азербайджане широкий общественный интерес стимулировал исследовательскую работу по проблемам, которые ранее считались подцензурными, а именно: по истории азербайджанских легионов в годы Второй мировой войны, национально-демократического движения в Южном Азербайджане, общественно-политической ситуации в Азербайджанской ССР после войны и в годы хрущевской оттепели (29). Тема Второй мировой войны поднималась во всех странах постсоветского

пространства, особенно накануне 60-летней годовщины Победы СССР в Великой Отечественной войне, а затем и 65-летия. В Азербайджане активно обсуждался вопрос о значении бакинской нефти в победе СССР в войне, но однозначных оценок тому, являлась ли для азербайджанцев война 1941–1945 годы Отечественной, не было. В школьных же и университетских учебниках по истории на Украине и в странах Балтии происходило замещение понятия «Великая Отечественная война» более широким понятием – «Вторая мировая». Эстонские историки признавали поражение страны во Второй мировой войне в том смысле, что страна потеряла независимость и четверть своего населения, но эти же историки считали, что их страна являлась одной из победительниц в холодной войне. Как гитлеровский, так и сталинский режимы на государственном уровне были приравнены в Эстонии к преступным, без особого различия между ними. Обе стороны были против права народов на самоопределение, и те и другие – захватчики – убивали, пытали и депортировали население, а в будущем планировали исчезновение (германизация или русификация) эстонцев как самостоятельной нации. В Эстонии считают оба режима равно преступными. К ветеранам германской армии относятся в принципе так же, как к ветеранам Красной армии. Солдат есть солдат, а вина всегда личная, не коллективная (30). В Латвии же было популярно сравнивать: кто больше убил людей в 1940–1941 годы советская власть или с 1941-го по 1944-й год немецкая оккупационная армия? Шли активные подсчеты, и их результаты были, безусловно, разные (31).

Особое место в национальных историях занимала проблема оккупации и пакта Молотова–Риббентропа. Некоторые историки стран Балтии, в частности Литвы, стремились к умеренной интерпретации советской оккупации 40-х годов. «Было на международной арене всеми признанное государство. Оно было насильственно захвачено и неправомерно аннексировано соседним СССР. Но Литве удалось освободиться и снова укрепиться на международной арене. Теперь она просто обязана определить и четко обозначить действия того соседнего государства против граждан Литвы, а также результаты неправомерной политики и правомерного ей сопротивления. Это обозначение – вовсе не диктат нынешнего Литовского государства в области

интерпретации истории, но «проявление господства юридического сознания (правового мышления) в политике» (32). Некоторые историки Молдавии вообще выделяли группу стран, претерпевших в недавней истории больше всех остальных в силу катаклизмов 1939–1940 годов. К ним отнесены государства Балтии и западные области Украины (33). Как и в странах Балтии, историки считали, что пакт 1939 года узаконил оккупацию и стал причиной порабощения местного населения. В послевоенный период трагедии не прекратились – депортации, голод 1946–1947 годов, репрессии 1949 года.

Если говорить о России, то понятие «национального» в применении к образу прошлого пребывало в проблемном поле историко-культурной рефлексии по поводу конструирования национальной идентичности в многонациональной стране. Неоднозначный дискурс власти по части идентификации русского / российского народа на историко-географическом пространстве начала XXI века традиционно обращался к историческому знанию и образам исторической памяти как важным аргументам в легитимации позитивной картины настоящего. На особенности национального историописания в России определённое воздействие оказывали два фактора, зачастую вступающие в противоречие: 1) новая западническая стилистика и рационализирующая риторика в описании образа государственности (власть презентует себя как власть-технолог, власть-проектировщик социальных процессов); 2) параллельный рост тенденции (наметившийся в позднесоветскую эпоху) к имперскому стилизаторству в оформлении исторического и актуального образа страны и её власти (вне зависимости от реальных политико-культурных характеристик той или иной формы государственности) (34).

Учебная литература по истории стран СНГ и Балтии также продолжала продвигать тот образ отечественной истории, который, по мысли его создателей, должен был обеспечить воспитание гражданской лояльности новых поколений. В Грузии национальная история стала программной дисциплиной не только для гуманитариев, но и для всех вузов республики. На Украине в средних общеобразовательных школах был введён предмет «История Украины» (с 4 по 10 классы, а с 2005-го – с 5 по 12), а во всех высших учебных заведениях, независимо от

их профиля, был введен обязательный семестровый курс «История Украины». В Азербайджане понятие «отечественная история» окончательно стало подразумевать лишь историю Азербайджана, а не историю прежней «большой Родины». В Литве канонических учебников синтезированной истории не было. В Латвии официальная латвийская история русскоязычной частью населения отталкивалась и в молодежной аудитории не воспринималась. В Эстонии Предметный совет представителей вузов и учителей истории разработал Государственную учебную программу по истории, действующую с 2002 года, в которой учителям истории предлагался только список тем, часто даже без ключевых понятий. Например: «3.1.7. Эстонская Республика 1918–1940. Становление независимости Эстонии. Освободительная война. Экономика, внутренняя и внешняя политика. Советский синдром постсоветского времени. Политика Эстонской Республики. Культура. 3.1.8. Государство и народ Эстонии во Второй мировой войне. 3.1.9. Эстонская ССР: общество, экономика, население, культура, сопротивление чужеземной власти, эмиграция. 3.1.10. Восстановление независимости Эстонии» (35). В Молдавии в декабре 2008 года Ассоциация историков Молдавии, придерживающаяся румыно-ориентированной позиции, на своем общем собрании приняла резолюцию, в которой потребовала от молдавских властей отзыва из системы образования учебников интегрированной истории, которые базировались на слиянии курса всеобщей истории и истории румын. Как заявил вице-председатель ассоциации Ион Негрей, молдавские ученики «получают моральные и интеллектуальные травмы» из-за содержания учебников интегрированной истории, «пропитанных идеями молдовенизма» (36).

В России также развернулись острые дискуссии по поводу содержания учебной литературы. В 2007 году в центре внимания были две книги для учителей, предназначенные в качестве концептуальной основы для разработки адресованных школьникам учебников, – «Новейшая история России. 1945–2006» А.В. Филиппова и «Обществознание: глобальный мир в XXI веке» под редакцией Л.В. Полякова. И пособие для учителей Филиппова, и созданный позднее на его основе учебник (А. Филиппов, А. Данилов, А. Рыбкин) «История России. 1945–

2007» лидировали в печатных СМИ и в Интернете по количеству критических отзывов. Если обратиться к содержательной стороне текстов, то это прежде всего апология изоляционизма, характерного для советской эпохи, оправдание насильственной коллективизации как средства обеспечения индустриального роста, обоснование ускоренной модернизации как высшей цели, достигаемой «любой ценой», трактовка ГУЛАГа как досадного, но побочного продукта эффективной сталинской политики, объяснение террора стремлением верховной власти «не потерять контроль над страной», трактовка концепции «суверенной демократии» как оптимального формата политического режима для современной России.

В теоретико-методологическом отношении критические отзывы вызвали ориентиры на безвариантность путей исторического развития страны (своего рода мировоззренческий фатализм), стремление доказать непосредственную преемственность между до- и послереволюционной историей России в режиме апологии авторитаризма и имперской державности. Специфика ситуации состояла в том, что уход от научности в пользу неосталинистского «позитива» и авторитарного «патриотизма» по сути своей не отражал базовых идейных установок власти. Об этом свидетельствовали неоднократные высказывания руководителей страны о неприемлемости в современных условиях «форсированной модернизации» как целевой установки государства, о недопустимости возрождения «железного занавеса», о традиционном государственном патернализме как «весьма неоднозначном национальном опыте». Несмотря на внешние проявления «успеха» упомянутых учебных пособий (министерские грифы и рекомендации, значительный тираж и т. п.) и востребованность позитивного образа исторического прошлого страны, в школе и в вузах всё-таки были далеки от принудительной ориентации на некий моноучебник. Стремление же власти к формированию «позитивной идентичности» (что по сути означает гражданскую идентичность) и воспитанию уважительного, заинтересованного отношения новых поколений к собственному прошлому были вполне достижимы не в режиме апологии тех или иных государственных деятелей прошлого, а путём обращения к сфере широко понимаемых культурных достижений (37).

Что касается преподавания истории государства, то об этом (от лица части академического сообщества, приобщённого к созданию новых учебников) достаточно корректно и показательно высказался специалист в области древнерусской истории И.Н. Данилевский: «Президентская республика Российская Федерация – государство совсем молодое, ему от роду чуть более полутора десятилетий. России как государству полиэтничному и поликонфессиональному, безусловно, необходима объединяющая идея, государственная идеология. И в формировании этой идеологии немаловажную роль может сыграть история – но история не государства (наше государство не является преемником Киевской Руси или, скажем, Московского царства), а история государственности, история властных институтов, история этносов и культур. Изучая её, граждане России смогут лучше ориентироваться в переменах, которые переживает наша страна сегодня, и принимать вполне осознанные политические решения, не позволяя манипулировать собой при помощи исторических образов и символов» (38).

В 2010 году в центре острых общественных дискуссий оказалось учебное пособие профессоров МГУ А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина «История России 1917–2009» (3-е изд. М., 2010). Его обсуждение нередко принимало форму скандала, в который были вовлечены представители СМИ, академической среды, Общественной палаты и блогосферы. Сторонники авторов утверждали, что ценностью текста является национально-государственный фактор. Противники недоумевали, как стало возможным третье издание учебника, в котором оправдываются «казни политических оппонентов» и «государственный антисемитизм», в котором педалируются чуть ли не конспирологические, национал-социалистические теории о вредной роли «инородцев» в истории России. На заседании Общественной палаты РФ официально констатировалось, что в книге «помимо ряда исторических неточностей встречаются такие одиозные формулировки, как «представители нерусской национальности», чувствуется, по меньшей мере, пренебрежительное отношение к ряду национальностей». Практически во всех СМИ цитировалось выступление Виктора Дашевского, учителя истории, заместителя председателя Московского антифашистского центра. На положения учебника о том, что евреи в основном не воевали в войну, а отсиживались в эвакуации, что более 10 тысяч евреев

воевали на стороне Гитлера и поэтому выжили, оппонент привёл такие документальные свидетельства: во-первых, их (евреев) было вдвое меньше; во-вторых, это были венгерские евреи, которых адмирал Хорти сначала насильно мобилизовал как солдат рабочих батальонов, а потом отправил под Сталинград, где они попали в плен. После заседания Общественной палаты Ученый совет исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова решил, что дальнейшее использование учебного пособия по истории профессоров Барсенкова и Вдовина при имеющихся в нём недостатках нецелесообразно. Официально было отмечено, что в пособии много фактических неточностей, недостоверных данных, «нередко встречается подбор фактов и цитат под априорные схемы и оценки».

* * *

К 90-летию СССР важным становится не противопоставление постсоветских изменений советскому прошлому, а рождение контрпроекта, то есть советский период и его завершение постепенно становились предметом воспоминаний, а не исходным моментом для, допустим, легитимации власти и определения дальнейшего движения страны в истории. Новая консолидирующая идея для России, выдвинутая Путиным, рождение гражданской нации со своими символами, ритуалами и праздниками начинают формировать своё пространство памяти с культурными героями и субъектами памяти, а возможно, и зоной антипамяти. Это заметно влияло не только на психологическое отношение к СССР и характер ностальгии, но и на академические исследования, в частности, на анализ ранее заповедных зон, устойчивости идеологических концептов и причин распада СССР. Инструментализируются и национальные истории, они всё чаще подчинялись политике новых политических элит, втягивающихся в «войны памяти», информационные и гибридные войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: *Гончаренко Р.* Россияне сожалеют о распаде СССР, но не верят в его восстановление. 25 июля 2011 // <http://www.inosmi.ru/social/20110726/172480820.html> (дата обращения: 28.11.2022).

2. Независимая газета. 2010, 28 декабря.

3. Независимая газета. 2012, 23 января.

4. Русские националисты, выступающие за «национальное государство», подвергли статью резкой критике, а также Д.О. Рогозина и В.Т. Третьякова, которые поддержали статью. Правда, Третьяков справедливо определил как спорное утверждение, что «Россия – это полиэтническая цивилизация, скреплённая русским культурным ядром», так как «ядро не может скреплять – оно, являясь центром цивилизации, нуждается и в охране, и в системе (и сетевой, и иерархической) скреп, удерживающей всё окружающее ядро пространство цивилизации». См.: <https://newsland.com/user/4296741764/content/statutiuputina-polnatsionalnomu-voprosu-raskritikovali-redaktory/4286780> (дата обращения: 30.11.2022).

5. Российская газета. 2012, 17 августа.

6. См. подробнее: *Лурье С.В.* «Дружба народов» в СССР: национальный пример или проект межэтнической самоорганизации? // *Общественные науки и современность*. 2011. № 4. С. 145–156; *Она же*. *Imperium* (Империя – ценностный и этнопсихологический подход). М., 2012. С. 235–265.

7. См. подробнее: *Гудков Лев*. Условия воспроизводства «советского человека» // *Вестник общественного мнения*. 2009. № 2. С. 8–37.

8. См. подробнее: *Вдовин А.И.* Причины распада Советского Союза в российской научной и публицистической литературе // <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/-12-63-dekabr-2011> (дата обращения: 27.11.2022).

9. См., к примеру: *Платонов О.А.* История русского народа в XX в. М., 2009. С. 953–961; *Проханов А.А.* Хождение в огонь. Путешествие по собственной жизни. М., 2011. С. 207–214, 222, 237, 269.

10. См.: *Мирский Г.И.* Ещё раз о распаде СССР и этнических конфликтах // *Мировая экономика и международные отношения*. 1997. № 2. С. 13; *Бовин А.Е.* После августовского путча развал Советского Союза стал неизбежным // *Россия и современный мир*. 1998. № 2. С. 11.

11. *Печенёв В.А.* Смутное время в истории России (1985–2003). М, 2007.

12. *Ципко А.С.* До полной гибели всерьёз. Почему распался СССР? // *Литературная газета*. 2006. № 51.

13. *Соловей В.Д.* Русская история: новое прочтение. М., 2005. С. 147.

14. *Лобанов Д.В.* Семь самураев СССР. Они сражались за Родину! М., 2012.

15. *Меньшов Владимир*. Нужно понять, чего хочет народ // Литературная газета. 2011, 28 декабря.
16. *Фроянов Игорь*. Перед нами один из величайших опытов мировой истории // https://ruskline.ru/news_rl/2012/12/29/pered_nami_odin_iz_velichajshih_opytov_mirovoj_istorii (дата обращения: 26.11.2022).
17. Было бы несправедливо не назвать здесь работы Рональда Суни и Юрия Слэзкина, которые, в отличие от тоталитарной парадигмы, показывали, что Советский Союз на протяжении своей истории поддерживал развитие национальных культур, хотя и в специфической, «социалистической» форме. См.: *Suny Ronald Grigor*. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1993); *Слэзкин Юрий*. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика / Под ред. Майкла Дэвида-Фокса. Самара, 2001. С. 329–374.
18. *Богатырёв Валентин*. Кыргызы: восстановление истории // Национальные истории на постсоветском пространстве – II // Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2009. С. 296, 308.
19. См.: *Кундакбаева Жанат*. В поисках исторического нарратива Казахстана: «диалог памятей» или «национальная память» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 270.
20. *Адамсон Андрес*. Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 188–189.
21. См.: *Шенетис Нериус*. Отсутствующая «национальная история» Литвы // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 161.
22. См.: *Макаровс Виктор*. «Бои за историю» в Латвии // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 148.
23. См.: *Касьянов Георгий*. «Национализация» истории в Украине // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 120.
24. *Буховец Олег*. Историописание постсоветской Беларуси: демифологизация «ремифологизации» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 21.
25. *Касьянов Георгий*. «Национализация» истории в Украине. С. 128.
26. См.: *Цвик Ирина*. Национальная история Молдовы: модели осмысления прошлого // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 56.

27. См. также: *Бордюгов Г.А.* Голодоморовский аршин Ющенко // *Бордюгов Г.А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011. С. 145–151.

28. *Искандарян Александр.* Армения: удревление модерна // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 232.

29. См.: *Исмаилов Эльдар, Нифталиев Ильгар.* Проблемы развития национальной истории в Азербайджане // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 212.

30. *Адамсон Андрес.* Национальная история Эстонии в контексте европеизации прошлого и «войны памятников». С. 183.

31. *Макаровс В.* «Бои за историю» в Латвии. С. 149.

32. *Шепетис Нериюс.* Отсутствующая «национальная история» Литвы. С. 163.

33. *Цвик Ирина.* Национальная история Молдовы. С. 52.

34. *Филиппова Татьяна.* «Российская нация» и её история: перезагрузка смыслов // Национальные истории на постсоветском пространстве – II. С. 107.

35. См.: *Адамсон Андрес.* Национальная история Эстонии. С. 186.

36. *Цвик Ирина.* Национальная история Молдовы. С. 62.

37. См.: *Филиппова Татьяна.* «Российская нация» и её история: перезагрузка смыслов. С. 109.

38. *Данилевский И.* Долгая дорога к гуманитарному полюсу // *Родина.* 2008. № 4. С. 32.

Накануне 100-летия СССР

Вместо заключения

«В Кремле считают образование СССР важной частью истории России, но праздновать столетие этого события не будут» – такое заявление было сделано властью за три недели до столетия создания Советского государства, правопреемницей которого является РФ. В этой позиции, можно сказать, заключена квинтэссенция идеологического фундамента нынешней политической системы. С одной стороны, нельзя не заметить того однозначного позитива, который связывается с советским опытом. Он не клеймится, не затапывается, не предаётся анафеме, как в первое постсоветское время. Ему воздаётся должное – как «важной части» единой истории, все этапы которой значимы. Но с другой стороны – и это особенно явственно прочитывается на фоне специальной военной операции, которая очевидно, еще на длительную перспективу станет реальностью нашей жизни, – стоит ли праздновать юбилей возникновения модели, последствия дефектов которой приходится кровью и потом преодолевать на протяжении всей тридцатилетней постсоветской истории? Отсюда и проговоренная Кремлём установка: отмечать, но не праздновать.

У России на протяжении последних десяти лет складывается контрпроект СССР – своё пространство памяти о формировании российской государственности с символической датой рождения гражданской нации – 4 ноября. В этом новом пространстве и переплавляется память об СССР. Правда, не все политические силы поддерживают этот процесс. Из парламентских партий важную историческую дату наметили отмечать только ЛДПР и КПРФ. Г.А. Зюганов вписал принципиальное событие в «пятилетку пяти столетних юбилеев». Она была открыта в 2017 году столетием Великого Октября, затем последовали 100-летие создания Красной армии, Ленинского

комсомола и Ленинской пионерии. В список приоритетов на 2022 год включило юбилей Российское историческое общество. Начиная с января в университетах и академических институтах, музеях и кинотеатрах, библиотеках и клубах, на радиостанциях и телеканалах проводятся конференции, фестивали, выставки, конкурсы, посвященные 100-летию СССР. Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI) ведёт международный мониторинг и хронику юбилея (1).

Ровно год назад ВЦИОМ провёл опрос, который содержал вопрос о том, какие ассоциации вызывает СССР. 21 % опрошенных ответили, что прежде всего уверенность в завтрашнем дне, стабильность и спокойствие. Как правило, подобным образом отвечали люди старшего поколения (28 %), имеющие высшее образование (33 %) и военнослужащие (40 %). Для 13 % воспоминания о Советском Союзе вызывают положительные эмоции и ностальгию. У многих этот период ассоциируется с детскими годами и юностью, с той порой, когда родители были молоды (11 %). У 6 % СССР был связан с идеями всеобщего равенства и отсутствия понятий «бедные» и «богатые». Не остались забытыми и социальные аспекты жизни в СССР. К примеру, 8 % опрошенных акцентировали внимание на бесплатном образовании и медицине. Только 4 % россиян проводят параллели между жизнью в Советском Союзе и такими понятиями, как ограничение свободы, бедность, застой и обман. Ещё меньшее количество респондентов, а именно 1 %, скорее всего составили своё мнение о жизни в СССР на основании фильмов периода перестройки и прозападной агитации, поскольку пребывают в полной уверенности, что жизнь государства держалась исключительно на терроре, расстрелах и страхе быть отправленным в ГУЛАГ. В основном подобного мнения придерживаются молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет (5 %) и (3 %) в возрасте 25–30 лет. Показательно, однако, что практически каждому пятому опрошенному оказалось не под силу справиться с аббревиатурой «СССР». 11 % опрошенных (молодые люди в возрастной категории от 18 до 24 лет) честно и откровенно признались в том, что попросту не знают, как это «расшифровывается», ещё 8 % сделать это всё-таки удалось, хоть и с определёнными ошибками. Правда, подавляющее большинство опрошенных, а это 80 %, с поставленной задачей справились без проблем (2).

Безусловно, в образе Советского Союза много ностальгического, на второй план в воспоминаниях отошли дефицит товаров и услуг, очереди и другие недостатки. Улавливая эти настроения Первый канал в новогоднюю ночь 1 января 2022 года показал программу «30 лет спустя» с ещё советскими песнями. Переплавку СССР в новое пространство отразило программное интервью секретаря Совета безопасности РФ Н.П. Патрушевым, в котором он говорил о возрождении лучших советских практик, максимальном использовании того позитивного, что было в советском наследии (3). Сценарий «СССР 2.0», в котором моделировалось дальнейшее развитие страны, представил Фонд прогрессивной политики. В нём речь шла о «справедливом капитализме», создании «самодостаточной» системы с технологическим суверенитетом, с образованием и здравоохранением как в СССР, со ставкой на человека-творца, созидателя, а не на раба-потребителя (4).

По мнению политологов В.Я. Гельмана и А.В. Обыденковой, образ «хорошего Советского Союза» постоянно присутствовал в подходах современных российских элит к выработке политического курса и в пропаганде. Этот образ включал в себя набор представлений об СССР как о глобальном лидере в различных сферах, начиная от науки и технологий и заканчивая продвижением различных инноваций, будь то индустриальное развитие или гендерное равенство. Наиболее показателен в этом плане пример использования для российской вакцины против COVID-19 наименования «Спутник V». Наименование вакцины вызывало ассоциации с первым искусственным спутником Земли, который был запущен СССР в 1957 году: это достижение, как и советская космическая программа в целом, до сих пор рассматривается как самая большая технологическая «история успеха» в СССР. Многочисленные отсылки к советскому прошлому, считают авторы, отчасти выполняют компенсационные функции замещения реальности, будучи призваны скрыть скромные нынешние достижения. Показательно, что прославление советских космических успехов, столь наглядно представленное в таких фильмах, как «Время первых» (2017), «Салют-7» (2017) или «Гагарин. Первый в космосе» (2013), выступало компенсацией целого ряда неудач российской государственной корпорации «Роскосмос».

Весьма примечательно и то, что конституционная поправка, которая юридически позволяет В.В. Путину оставаться у власти в России до 2036 года, была предложена в марте 2020 года первой женщиной-космонавтом Валентиной Терешковой, которая совершила свой полёт в 1963 году, а в постсоветское время свыше двадцати лет являлась депутатом Государственной Думы. Однако изобретённое идейное «наследие прошлого» не может поддерживаться вечно, особенно если и когда «ментальные модели», предлагаемые элитами гражданам, не разделяются молодым поколением, да и некоторой частью самих элит. Компенсационные функции этого идейного «наследия прошлого» со временем будут выполняться всё менее и менее успешно на фоне смены поколений россиян. Вопрос, скорее, в том, какие новые идеи могут заменить изобретённое идейное «наследие» в будущем (5).

Л.А. Булавка-Бузгалина вообще считает, что СССР – незавершённый проект. Повороты в его сторону продиктованы тем, что сегодняшшний мир, всё более сталкиваясь с ростом социокультурных противоречий, «рыночным фундаментализмом» и медийным манипулированием, дегуманизацией и гегемонией масс-культуры, ищет выходы из этих гуманитарных ловушек XXI века. Сутью проекта СССР является человек как творец истории и герой культуры, поэтому этот проект в принципе завершить нельзя, как нельзя завершить развитие человека (6).

В прошлом году в связи с 30-летием распада СССР снова активизировалась дискуссия о причинах «геополитической катастрофы». Заметный вклад в разработку темы внесли западные исследователи. В книге В.М. Зубока «Коллапс. Крах Советского Союза», которая ещё не переведена на русский, отмечается, что только сейчас идеологические установки и эмоции вокруг случившегося начали отходить на второй план, появляется возможность объективно взглянуть на причины и последствия принимавшихся тогда решений и оценить их влияние на ход истории. Своё внимание автор сосредотачивает на существующих мифах и их дешифровке, прежде всего на фигуре Горбачёва, которому «досталась обречённая страна», но которому удалось спасти Советский Союз от судьбы Югославии, отказавшись применять силу против сепаратизма. По

мнению Зубока, желание вырваться из Союза было связано не столько с национализмом, сколько с неспособностью горбачёвского центра остановить стремительно углубляющийся экономический кризис, да и вообще сделать хоть что-то внятное. Горбачёв сам загнал номенклатуру на поле национализма, когда решил проводить свободные выборы именно на уровне национальных автономий, которыми были советские республики. Подробный разбор событий 1990–1991 годов позволил автору разрушить главный миф о стремительности и неизбежности распада: между падением Берлинской стены и Беловежскими соглашениями прошло огромное количество времени, за которое не было сделано ничего, чтобы хоть как-то исправить ситуацию. И именно этот паралич воли в центре вытолкнул республики в независимость (7).

Из других книг заслуживают внимание переведённая на русский книга Стивена Коткина «Предотвращённый Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000» (М., 2018) и Аркадия Дубнова «Почему распался СССР. Вспоминают руководители союзных республик» (Individuum, 2019). В первой книге также утверждается, что случившиеся события, несмотря на жертвы, оказались относительно малой ценой по сравнению с ядерным апокалипсисом, который вполне мог произойти. Ещё раньше Зубока автор начал разрушать мифы о распаде, в частности, как происходило ослабление партии. Книга Дубнова важна в первую очередь тем, что представляет обстоятельный, но малознакомый нам взгляд на руководителей союзных республик, в том числе Кравчука и Шушкевича, которые исходили из своего контекста и местной специфики. На конференции «История для будущего. Последние месяцы СССР. Август 1991», прошедшей 19 августа 2021 года в Музее истории современной России, прозвучало ещё одно объяснение распада от бывшего народного депутата С.А. Цыпляева. Он считает, что именно сильная централизация власти в стране неизбежно вела её к развалу (8). Подводя итоги тридцатилетней дискуссии о причинах распада СССР, отметим, что к единому мнению в оценке тех событий пока не пришли ни историки, ни политологи.

К 100-летию СССР на постсоветском пространстве завершился процесс создания национальных историй. В первом по-

слеоктябрьском десятилетии формирование «своих историй» происходило в обстановке сотрудничества / заигрывания центра с «туземными» элитами, коренизации, квазилиберальной языковой политики, что стимулировало процессы образования наций среди крупных этносов. Национальные историографии обрели новую – советскую – идентичность. Официальная историография в целом ориентировалась на классовый и интернационалистский подходы к проблемам истории. В конце 1920-х годов обнаружилось глубинное противоречие между русским (русскоязычным) научным сообществом центра, олицетворяющим официальную историографию, с одной стороны, и национальными историками – как марксистами, так и «идеалистами», – с другой. 1930-е – начало 1950-х годов – время истребительного удара по национальным элитам и культурам, их последовательного и систематического подавления и сдерживания в обстановке утверждения национал-большевистских приоритетов идеологии. Эти приоритеты, однако, не отменяли колебания идеологического маятника между «национальным» и «интернациональным», «классовым» и «державным». Идея «своей истории» сохранялась скорее в виде сокрытых культурных ориентации и предпочтений, удерживалась в «закоулках» и «щелях» национального исторического сознания. Функции национальных историографий, связанные с решением крупных проблем историознания, перешли к официальной советской историографии, хотя в последней не прекращалось противоборство «державников» и «революционистов». Попытки политического руководства решительно изменить баланс сил, превратить русскую патриотику в тотальную идеологию и историографию прекратились после смерти Сталина.

Постсталинский период характеризуется оживлением нациестроительства, формированием новых национальных элит, восстановлением процесса «собирания» национальных историй, который происходит в основном в замещённых формах – как желание показать «в лучшем виде» представителей своего этноса, доказать «зрелость» своего региона для дела революции и социализма. Стремление к «исторической правде» как восстановлению научной объективности в среде национально

ориентированных историков во многом совпадало с этноцентристскими предпочтениями. Обретение национальными историями статуса официальных историографий связано с теми трансформационными процессами, в которые втянулось советское общество во второй половине 1980-х годов. Довольно быстро стал разрушаться идеологический концепт – «новая историческая общность советский народ». На его месте возникли иные исторические представления народов о себе и друг о друге, в которых реанимировались и получили мощный импульс развития, казалось бы, изжитые советским режимом исторические представления, вышли загнанные вглубь национальные архетипы, часто несущие в себе конфликтные этнические доминанты. Освобождение национального историознания от диктата державно-имперской, великорусской традиции сменилось повсеместно утверждением «национальной концепции» истории. Этнонациональный фактор занял место чуть ли не главного критерия исторического познания, а мифотворчество стало условием сохранения этноцентричности. Как в свое время идеология отвлекала от подлинной истории, так прививаемые понятия наследия и облекаемые в научную оболочку мифы позволяют пользоваться историей «как той или иной красивой вещью, не задумываясь о том, откуда она взялась» (Ролан Барт).

Подведение итогов, как правило, связано с обратным отсчётом, возвращением в прошлое, прохождением его болевых точек. Без этого, без преемства невозможно подготовиться к будущему.

Накануне столетия СССР бывшее единое пространство сотрясает война на Украине и в Донбассе, военные действия в Нагорном Карабахе, пограничные столкновения в Средней Азии. Всё это – результат исходных принципов создания СССР, которые были законсервированы и не изменялись в соответствии с вызовами времени, и последствие распада СССР. На России как правопреемнице лежит ответственность за установление нового миропорядка, обеспечение не только безопасности постсоветского пространства, но и его интеграции.

Уже к девяностолетию несуществующего СССР в России стала укрепляться концепция гражданской федерации, и поли-

тика ориентировалась на общегражданские приоритеты. Это определяло отношение к Советскому Союзу, к памяти о нём и его опыту, прежде всего в части идей построения русского «национального», моноэтнического государства, что противоречит всей тысячелетней истории.

Поэтому восьмидесятилетие СССР, несмотря на плюралистичность пространства памяти, не сопровождалось резким разрывом с прежним единым государством, которое оставалось прочной опорой для формирования новых суверенных государств.

Семидесятилетие, спустя буквально год после двух государственных переворотов (август и декабрь 1991 года) и распада СССР, ознаменовалось деформацией пространства памяти о Союзе и обрушением зоны антипамяти. Ещё только предстояло ответить на трудные вопросы, каким образом обеспечивалась устойчивость системы, принципы которой лишь на бумаге признавали суверенность республик, учредивших СССР, можно ли было избежать краха Советского Союза. Однако один урок уже был извлечён – соперничество доктрины договорной федерации и конституционной федерации в России завершилось принятием новой Конституции 1993 года, которая провозглашала, что носителем суверенитета и единственным источником власти являются не республики, а «многонациональный народ» России. Это исключало советский конфедеративный принцип о «праве наций на самоопределение вплоть до отделения».

Когда отмечалось шестидесятилетие СССР никто не мог предполагать, что эта историческая дата станет последним юбилеем. Возникающие межнациональные конфликты воспринимались как частные, локальные, легко гасимые. Как решаемые рассматривались противоречия в использовании инвестиций для развития союзных республик, перекосы в демографической динамике, последствия возрождения русского самосознания. В поисках путей предупреждения кризисных явлений Андропов и его окружение рассматривали возможные пути реформирования советского государства, но им не дано было сбыться.

Во многом потому, что и к пятидесятилетию СССР проблемы и конфликты объяснялись, по Брежневу, национали-

стическими предрассудками. Не реагировала партия и на то, как её члены заряжались националистическими идеями и ксенофобией. Реальный анализ межнациональных отношений был принесён в жертву политической конъюнктуре и надуманному «развитому социализму». В то же время национальная карта стала эффективным инструментом в борьбе между различными группировками, существовавшими в высшем партийно-государственном руководстве страны.

Усиление этнонациональных интересов элиты отчётливо проявилось к сорокалетию СССР, который избавлялся от сталинского наследия, связанного с депортацией народов и антисемитизмом, восстанавливал определённый суверенитет союзных и автономных республик в экономике и культуре. Однако передача управления экономикой в республики обернулась местничеством и усилением бюрократии, неважно какой национальности. При этом новая партийная программа построения коммунизма, по мнению Хрущёва, должна была чуть ли не автоматически привести к новой модели СССР, ускорить процессы сближения и ассимиляции народов.

С тридцатилетием СССР завершился сталинский этап в развитии СССР. Сталин стоял у истоков новой государственности и также стремился выйти на создание советской социалистической нации, которой для перехода к коммунизму будут не нужны границы между классами, границы между территориями, автономия или федерация. Этому способствовали, казалось бы, командная система управления, огосударствленная экономика, которая выдержала испытание войной, единая идеология и советский патриотизм. Однако возможность перехода к территориальному федерализму, реально существовавшая в послевоенный период, была упущена.

Понимание всеми нациями общей судьбы в условиях смертельной опасности ярко проявилось, когда Советскому Союзу исполнилось двадцать лет, когда на защиту родины встало первое советское поколение. Неслучайно партия стала использовать категорию нации в политических и идеологических интересах, что обозначилась с переходом от «Интернационала» к Гимну СССР как единству, интеграции идей социализма и нации. В то же время война обнажила многие проблемы в межнациональных отношениях и заставила обратиться к жёстким

способам их разрешения. Ряду народов было отказано в патриотизме. Однако даже по итогам войны партийно-государственная верхушка не была готова к однозначной реабилитации имперства и окончательному укоренению русскости в качестве квазиидеологии.

Поворот к этому наметился ещё к десятилетию новой государственности, когда сменился экономический курс, связанный со свёртыванием нэпа и «большим скачком», мобилизационной политикой и культурной революцией, что существенным образом трансформировало межнациональные отношения. Негативные последствия непродуманной политики коренизации, нанёсшей ущерб национальным меньшинствам и поощрявшей местный национализм, обернулись усилением унитаризма и возвращением русскому этническому ядру его ведущего положения и роли опоры советской государственности. Именно тогда был ограничен суверенитет союзных и автономных республик, хотя в сталинской Конституции СССР это не нашло своего отражения, появились опережающие время идеологические концепты «советский народ» и «дружба народа».

Обратный отсчёт подошёл к 1922 году, году рождения СССР. Его создатель Ленин сначала действительно верил, что новое общество лучше строить в рамках унитарного государства, но в ходе Гражданской войны он впервые согласился с тем, что создание национальных государств более предпочтительно. При этом подчёркивалась условность и временность образований такого рода. И когда сформировались самостоятельные независимые советские республики – Украинская и Белорусская, а после советизации Закавказья появились Азербайджанская, Армянская и Грузинская республика, – все они заключили договорные отношения с Российской Федерацией. Эта конструкция и служила сплочению народов страны, и усиливала центристские тенденции. В 1922–1924 годах была заложена ассиметричная федерация, с разным статусом субъектов, особенно когда в союзные республики вошли автономии, то есть когда в системе было закреплено неравноправие. Снимать противоречия, возникающие в этой сложной конструкции, могла только партия, ячейки которой пронизывали все органы законодательной и исполнительной власти, все общественные организации и СМИ. Поэтому партия пре-

вратилась в высшего арбитра, а её лидеры наделялись культовыми чертами. Ленин, умирающий и парализованный человек, до последнего отстаивал свой проект СССР, уважение прав национальностей и защиты этих прав государством. Сталина интересовал не столько национальный вопрос, сколько власть, характер государственной власти. Через почти 70 лет именно с ликвидацией руководящей – по Конституции – роли КПСС и схваткой двух экстраординарных политиков, Горбачёва и Ельцина, распад СССР стал неизбежным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: <http://www.airo-XXI.ru/~XXI-l-100r/113-2021-04-06-02-14-40> (дата обращения: 08.12.2022).
2. См.: <https://politobzor.net/243329-zabyt-sssr-missija-vypolnena-no-ne-polnostju-dannye-sociologii.html> (дата обращения: 08.12.2022).
3. Российская газета. 2022, 26 апреля.
4. См.: Коммерсант. 2022, 21 ноября.
5. См.: *Гельман В.Я., Обыденкова А.В.* Изобретение «наследия прошлого»: стратегическое использование «хорошего Советского Союза» в современной России. СПб., 2022. С. 28–30.
6. *Булавка-Бузгалина Л.А.* СССР – незавершённый проект (семь поворотов) // Альтернативы. 2016. № 4. С. 34.
7. *Zubok V.M.* Collapse: The Fall of the Soviet Union. Yale University Press, 2021.
8. См.: *Смирнова Елизавета.* Участники событий августовского путча собрались вновь // <https://expert.ru/2021/08/19/gennadiy-burbulis-potryasayusche-tridtsat-let-nazad-prakticheski-v-eti-minuty-my-stoyalina-tanke/> (дата обращения: 04.12.2011).

Издания АИРО в 2021–2022 гг.

2021

- Акульшин П.В., Князева И.С.* Парламентская история Центральной России: выборы и представительство Рязанской губернии в Государственной думе и Учредительном собрании (1906–1917 гг.) : моногр. / П.В. Акульшин, И.С. Князева. – М. : АИРО-XXI, 2021. – 336 с.
- Черёмушкин П. Г.* Ярузельский: испытание Россией. Изд. 2-е, расшир. и дополн. М.: АИРО-XXI, 2021.– 394 с.
- Ажгихина Надежда.* Письма из Москвы. Устная речь. Междометия. Изд. второе, расширенное. – АИРО–XXI, 2021. – 304 с. + 8 с. илл.
- Коротко о важном / Фред Фирсов (составитель). М.: АИРО-XXI, 2021 – 416 с.
- Гросул-Войцеховская Н.В.* Архитектор В.А. Войцеховский: замыслы и воплощения. 1909–1977. – М.: ЦНИ «Актуальная история»; АИРО-XXI, 2021. – 96 с.
- Войтиков С.* Ленин, Свердлов и Троцкий. партия, власть и террор. Очерки советской политической истории эпохи Гражданской войны. – М.: АИРО-XXI. 2021 г. – 240 с.
- ЕГО ПУТЬ. Вспоминая Стивена Козна. Сост. Катрина ванден Хювел и Геннадий Бордюгов. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 404 с.
- HIS WAY. Remembering Stephen Cohen. Editors Katrina vanden Heuvel and Gennady Bordyugov. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 404 с.
- Медведев Р., Андреев Н.* Владимир Путин и Си Цзиньпин: личность и лидерство / Рой Медведев, Николай Андреев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 288 с.
- Мурашкин И.А.* Усть-Медведицкая колыбель «Тихого Дона». (Серия «АИРО – Исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”») – М.: АИРО-XXI; Актуальная история. 2021 г. – 240 с.
- Малых Владимир, Носков Евгений.* Пеленг Огненных шаров. Гибель туристов группы Дятлова. – М. Актуальная история. 2021 г. – 88 с.
- «Тихий Дон». Кто автор? Из архива исследователей / под ред. А.Г. Макарова. (Серия «АИРО - Исследования по проблеме авторства “Тихого Дона”»). - М.: Актуальная история, 2021. - 272 с.
- Бозиев С.Н.* «Тихий Дон» в сравнениях. А.С. Серафимович, Ф.Д. Крюков, М.А. Шолохов ... – М.: АИРО-XXI, 2021. - 376 с.
- Barabash V., Bordyugov G., Devyatov S., Kotelenets E.* History issues of Russian 20th century / Translation editor M. Kupriyanova. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 336 с.

- Куреньшев А.А.* Жизнь как роман, роман - как жизнь. За что боролся и погиб Б.В. Савинков. Штрихи политического портрета. - М.: ЦНИ «Актуальная история» АИРО-XXI, 2021. - 230 с.
- Ажгихина Надежда.* Девочка с птицами. - М.: АИРО-XXI, 2021. - 224 с.
- Владислав Леонидович Малькевич: на службе Отечеству и людям. Воспоминания и свидетельства коллег и близких. - М.: АИРО-XXI, 2021. - 216 с.
- Фирсов, Фридрих.* Опыт семейной археологии. - М.: АИРО-XXI, 2021. - 400 с. - (АИРО – Первая публикация).
- Томилин В.Н.* Государство и колхозы: 1946–1964 гг. / В.Н. Томилин. - М.: АИРО-XXI, 2021. - 448 с. (Серия «АИРО – монография»).
- Черёмушкин Пётр.* Александр Ведерников, главный дирижер. - М.: АИРО-XXI, 2021, - 184 с.
- Неймарк Норман.* Геноцид: всемирная история / Перевод Ирины Давидян. - М.: АИРО-XXI, 2021. - 256 с. - (Серия «АИРО-XXI – первая публикация в России»).
- Гребенкин И.Н., Романика А.С.* Революционная Россия и военный вопрос: от Севастополя до Цусимы. - М.: АИРО-XXI, 2021. - 288 с. - (Серия «АИРО – монография»).
- Торгово-промышленная палата Российской Федерации в 1991–2020 гг. / Под редакцией президента ТПП РФ С.Н. Катырина. - М.: ТПП РФ; ЦНИ «Актуальная история», 2021. - 464 с.; илл.
- Медведев Рой, Андреев Николай.* Владимир Путин и Си Цзиньпин: личность и лидерство. - М.: АИРО-XXI, 2021. - 224 с.
- Крюков Федор.* Накануне. В час предраасветный. Статьи и очерки. М.: АИРО-XXI, 2021. - 368 с.
- Крюков Федор.* Старое поле. В начале пути. - М.: АИРО-XXI, 2021. - 320 с.
- Феномен красной конницы в Гражданской войне / Под ред. А.В. Посадского. - М.: АИРО-XXI, 2021. - 336 с.

2022

- Старикова, Светлана.* Мне хочется мечтать. - М.: АИРО-XXI, 2022. - 200 с. : илл.
- Ложкин, Анатолий. От вятских увалов до столицы России. - М.: АИРО-XXI, 2022. - 364 с. - (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Выжutowич В.В.* Ни слова о болезни: Беседы с доктором Бузиашвили. - М.: АИРО-XXI, 2022. - 144 с.
- Крюков Федор.* Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. - М.: АИРО-XXI, 2022. - 416 с.
- Крюков Федор.* На Германской войне. На фронте и в тылу. - М.: АИРО-XXI, 2022. - 336 с.
- Крюков Федор.* На Дону. В родных местах. - М.: АИРО-XXI, 2022. - 384 с.

Клименко А.Ю. Историко-архивный: Из воспоминаний выпускников и преподавателей ИАИ. 1940–1990-е годы / А.Ю. Клименко [Текст]. – М.: АИРО–XXI, 2022. – 336 с. + илл.

Проблемы новой и новейшей истории России: сборник / сост. В. Я. Гросул. М.: АИРО-XXI, 2022. – 328 с.

Духовно-нравственное становление человека: беседы с преподавателями и студентами / Под общей ред. Е.П. Белозерцева, Г.В. Заридзе. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 504 с.

Перед лицом своих товарищей... : сборник / Сост. и ред.: Т.В. Трухачева, А.Г. Кирпичник. – М., 2021. – 296 с.; Электронное иллюстрированное издание. М.: АИРО-XXI, 2022. – 510 с.

Апальков Д.И. Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 192 с. – (Серия «АИРО – первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).

Козн, Стивен. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Третье издание. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 192 с.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 3. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г. А. Бордюгов, А. Г. Макаров, Б. В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 560 с.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 2. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г. А. Бордюгов, А. Г. Макаров, Б. В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 560 с.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 1. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г. А. Бордюгов, А. Г. Макаров, Б. В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 544 с.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Геннадий Аркадьевич Бордюгов
**СССР в пространстве памяти, идеологии
и национальных историях**

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование – С.П. Щербина.

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Центр научных исследований «Актуальная история» АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 12.05.2019
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 24.0
Тираж 500 экз. Зак.